ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

History, Archeology and Ethnography of the Caucasus

Т. 19
№ 2. 2023

Издание Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 19

№ 2. 2023

Махачкала, 2023

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор
Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора
Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора
Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет
Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович,
Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия
Абдулмажидов Рамазан Султанович,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна,
Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S,
Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна,
Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна,
Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович,
Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович,
Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Сержутдинович,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович,
Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна,
Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович,
French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич,
Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна,
Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич,
Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич,
Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна,
Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H,
Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна,
Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн,
Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзелович,
Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович,
Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор
Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь
Капланова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик
Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023
© Все авторы, Т. 19. №2. 2023

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Cheif
Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Cheif
Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief
Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RASS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaev, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director
Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary
Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator
Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023
© All authors, V. 19. № 2, 2023

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА
Т. 19. № 2. 2023

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Алибеков Х.Г. НЕИЗВЕДАННОЕ НАСЛЕДИЕ БАБ АЛ-АБВАБА: «ШАРХ АШ-ШИХАБ» АБУ АЛ-КАСИМА АЛ-БАБИ И «ТУХФАТ АЛ-АСХАБ» АБУ БАКРА АД-ДАРБАНДИ 282

Мусаев М.А. ДАГЕСТАНСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ В МЕСТНОЙ АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ 306

Халаев З.А. РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДЖАРО-БЕЛОКАНА В XVIII В. 326

Закарияев З.Ш. ГЕНЕАЛОГИЯ И СИЛСИЛА СУФИЙСКИХ ШЕЙХОВ БРАТСТВА ХАЛВАТИЙА ИЗ ЛЕЗГИНСКОГО СЕЛЕНИЯ ХЛЮТ 335

Адыгамов Р.К. ИБРАХИМ Б. ХУДЖАШ И ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ ПОВОЛЖЬЯ И ДАГЕСТАНА 364

Шаповалов С.Н. РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ 40-е ГОДЫ XIX ВЕКА 371

Блохин В.С. ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ 385

Далгат Э.М. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРЯНОК ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 402

АРХЕОЛОГИЯ

Еськова Д.К. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ГРОТА СОСРУКО 414

Амирханов Х.А. ГОБУСТАНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 435

Суханов Е.В. ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ЧИРЮРТА 460

Зиливинская Э.Д., Болдырева Е.М., Васильев Д.В. АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА 484

ЭТНОГРАФИЯ

Гетагазова А.М. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕВОЧКИ-ИНГУШКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ 503

Сефербеков Р.И. СОВРЕМЕННЫЙ БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ДАРГИНЦЕВ-ЦУДАХАРЦЕВ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ 518

Оганнисян К.О. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СВЯТИЛИЩАХ ТУХ МАНУК ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 530

ЭКСПЕДИЦИИ

Агаларзаде А.М., Насирова Л.Ш., Гусейнова М.М. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА МНОГОСЛОЙНЫМ ПОСЕЛЕНИИ ХУДУТЕПЕ В МУГАНСКОЙ СТЕПИ 2021 г. (КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ) 545

Габриэлян А.А., Карапетян И.А., Петросян А. КУВШИННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АГАРАКА В АРАГАЦОТНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ 564

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гарунова Н.Н. РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в» / [под общ. ред. Ш.А. Магарамова]. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2022. – 322 с. 577

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS
Vol. 19. № 2. 2023

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

Alibekov Kh.G.	THE UNKNOWN HARITAGE OF BAB AL-ABWAB: "SHARH AL-SHIHAB" BY ABU AL-QASIM AL-BABI AND "TUHFAT AL-ASHAB" BY ABU BAKR AL-DARBANDI	282
M.A. Musaev	DAGESTAN ANTHROPONYMY IN THE LOCAL ARABIC-LANGUAGE WRITTEN TRADITION: SOME PRACTICAL ISSUES OF SOURCE STUDIES AND PUBLICATIONS	306
Z.A. Khalaev	THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN THE POLITICAL HISTORY OF DJAR-BELOKANI IN THE 18TH CENTURY	326
Z.Sh. Zakariyaev	GENEALOGY AND SILSILA OF SUFI SHEIKHS OF THE KHALWATIYYA ORDER IN THE LEZGIN VILLAGE OF KHLYUT	335
R.K. Adygamov	IBRAHIM B. KHUJASH AND SPIRITUAL TIES BETWEEN THE VOLGA REGION AND DAGESTAN	364
S.N. Shapovalov	EXPANSION OF THE TERRITORY OF THE ZAKUBAN SETTLEMENT IN THE 1840-IES	371
V.S. Blokhin	TIES BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX AND ARMENIAN APOSTOLIC CHURCHES IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: TRENDS, ACHIEVEMENTS, PROBLEMS	385
E.M. Dalgat	EVERYDAY LIFE OF DAGESTAN GORYANKAS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH C. IN THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY	402

ARCHEOLOGY

D.K. Eskova	LITHIC TECHNOLOGY OF THE SOSRUKO ROCKSHELTER EARLY HOLOCENE INDUSTRIES	414
H.A. Amirkhanov	THE GOBUSTAN NEOLITHIC CULTURE	435
E.V. Sukhanov	POTTERY TRADITION OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION OF THE VERKHNY CHIRYURT	460
E.D. Zilivinskaya, D.V. Vasiliev, E.M. Boldyreva	ANTHROPOMORPHIC IMAGES ON POTTERY OF THE SAMOSDELKA SETTLEMENT	484

ETHNOGRAPHY

A.M. Getagazova	NATIONAL TRADITIONS OF INGUSH GIRLS UPBRINGING IN THE PAST AND PRESENT	503
R.I. Seferbekov	MODERN MARRIAGE AND WEDDING RITUALS OF THE DARGINS-TSUDAHARS: TRADITIONS AND INNOVATIONS	518
K.H. Hovhannisyan	HISTORICAL EVIDENCE OF TUHK MANUK SANCTUARIES UNTIL THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY	530

EXPEDITIONS

A.M. Agalarzade, L.Sh. Nasirova, M.M.Huseynova	ARCHEOLOGICAL INVESTIGATION AT THE KHUDUTEPE MULTILAYERED SETTLEMENT OF THE MUGAN STEPPE IN 2021 (BRIEF REPORT)	545
A.A. Gabrielyan, I.A. Karapetyan, A. Petrosyan	THE AGARAK JAR BURIALS IN ARAGATSOTN: PRELIMINARY REPORT	564

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

N.N. Garunova	REVIEW on the monograph "The Caucasian-Caspian region in the policy of the Russian Empire of the first third of the 18th century" / [ed. Sh. A. Magaramov]. – Makhachkala: IHAE DFRC RAS, 2022. – 322 p.	577

ИСТОРИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192282-305

Исследовательская статья

Алибеков Хизри Гаджиевич,
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
al-gidatli@mail.ru

НЕИЗВЕДАННОЕ НАСЛЕДИЕ БАБ АЛ-АБВАБА: «ШАРХ АШ-ШИХАБ» АБУ АЛ-КАСИМА АЛ-БАБИ И «ТУХФАТ АЛ-АСХАБ» АБУ БАКРА АД-ДАРБАНДИ

Аннотация. В статье в первые исследуется самое раннее на Северном Кавказе богословское сочинение «Шарх аш-шихаб», принадлежащее перу богослова XI в. из Баб ал-абваба, Абу ал-Касима ал-Варрака ал-Баби (ум. между 1098–1004 гг.). Сочинение представляет собой комментарий на труд египетского кадия и проповедника Абу Абдуллаха ал-Куда‘и (ум. в 1062 г.) «Шихаб ал-ахбар», в котором автор собрал различные афоризмы и сентенции, приписываемые пророку Мухаммаду. В ходе исследования были выявлены многочисленные списки «Шарха аш-шихаб», хранящиеся в библиотеках и архивах в различных частях мира. Некоторые из этих списков были использованы в статье для анализа текста сочинения. Исследование выявило новые ценные факты из жизни мусульманской общины на Кавказе в XI–XII вв. В ходе исследования было установлено, что ученик ал-Варрака, известный суфий и теолог из Баб ал-абваба, Абу Бакр ад-Дарбанди (ум. в первой трети XII в.) также составил свой комментарий на «Шихаб ал-ахбар» ал-Куда‘и, взяв за основу комментарий своего учителя. Списки этого ранее не известного сочинения, которое автор назвал «Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-шихаб», также были выявлены. Часть из них стала предметом исследования данной работы. Таким образом, в статье исследуются два сочинения XI–XII вв., составленных в Баб ал-абвабе. Исследование показало, что составление этих работ явилось отражением общих процессов в общественно-религиозной сфере, происходивших в мусульманском мире в указанный период.

Ключевые слова: ал-Куда‘и; ал-Варрак; ад-Дарбанди; Шихаб ал-ахбар; Шарх аш-Шихаб; Тухфат ал-асхаб; ислам; хадис

Для цитирования: Алибеков Х.Г. Неизведанное наследие Баб ал-абваба: «Шарх аш-шихаб» Абу ал-Касима ал-Баби и «Тухфат ал-асхаб» Абу Бакра ад-Дарбанди // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 282–305. doi.org/10.32653/CH192282-305

© Алибеков Х.Г., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

HISTORY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192282-305

CC BY

Research paper

Khizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
al-gidatli@mail.ru

THE UNKNOWN HERITAGE OF BAB AL-ABWAB: "SHARH AL-SHIHAB" BY ABU AL-QASIM AL-BABI AND "TUHFAT AL-ASHAB" BY ABU BAKR AD-DARBANDI

Abstract: The article studies for the first time the earliest theological work in the North Caucasus "Sharh al-Shihab", written by the theologian of the 11th century from Bab al-abwab, Abu al-Qasim al-Warraq al-Babi (d. between 1098–1004). The work is a commentary on the work of the Egyptian qadi and preacher Abu Abdullah al-Quda'i (d. 1062) "Shihab al-Akhbar", in which the author collected various wise sayings and proverbs attributed to the prophet Muhammad. The study identified numerous copies of "Sharh al-Shihab" stored in libraries and archives in various parts of the world. Some of these copies were used in the article to analyze the text of the work. The study revealed new valuable facts from the life of the Muslim community in the Caucasus in the 11th-12th centuries. During the study, it was found that a student of al-Warraq, a well-known Sufi and theologian from Bab al-abwab, Abu Bakr al-Darbandi (d. in the first third of the 12th century) also compiled his commentary on "Shihab al-Akhbar" al-Quda'i, taking as a basis the commentary of his teacher. Copies of this previously unknown work, which the author called "Tuhfat al-Ashab fi Sharh al-Shihab", were also identified, some of which became the subject of this study.

Thus, the article examines two works of the 11th-12th centuries compiled in Bab al-abwab. The study showed that the compilation of these works was a reflection of the general processes in the socio-religious sphere that took place in the Muslim world during this period.

Keywords: al-Quda'i; al-Warraq; ad-Darbandi; Shihab al-Akhbar; Sharh al-Shihab; Tuhfat al-Ashab; islam; hadith

For citation: Alibekov Kh.G. The unknown heritage of Bab al-abwab: "Sharh al-shihab" by Abu al-Qasim al-Babi and "Tuhfat al-ashab" by Abu Bakr al-Darbandi. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.2. P. 282-305. doi.org/10.32653/CH192282-305

© Alibekov Kh.G., 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

История «классического ислама» на Кавказе всё ещё остаётся недостаточно изученной темой, что объясняется скудостью письменных памятников этой эпохи, сохранившихся до наших дней. Значительный вклад в изучение этого периода внёс А. Аликберов своей обстоятельной монографией «Эпоха классического ислама на Кавказе» [1]. Монография была написана на основе уникального сочинения «Райхан ал-хака'ик ва бустан ад-дака'ик» («Базилик истин и сад тонкостей»), принадлежащего перу учёного и суфия из Баб ал-Абваба (ал-Баб, ад-Дарбанд: совр.: Дербент) Абу Бакра Мухаммада б. Мусы б. ал-Фараджа ад-Дарбанди (ум. в первой трети XII в.) – крупного мусульманского теолога-ашарита, шафиитского правоведа и суфия[1]. В этой монографии приводится обширная и ценная информация о жизни мусульманской общины Баб ал-Абваба X–XII вв., в которой выделяется учитель и наставник Абу Бакра ад-Дарбанди Абу ал-Касим ал-Варрак.

Абу ал-Касим Йусуф б. Ибрахим б. Наср ал-Варрак ал-Баби (ум. между 1098–1104 гг.) – крупный мухаддис и духовный глава общины шафиитов в Баб ал-Абвабе, был потомком сирийских переселенцев. Судя по нисбе, он происходил из рода, традиционно занимавшегося продажей (и возможно изготовлением) бумаги. В поисках знаний Абу ал-Касим ал-Варрак объездил множество городов исламского мира, долгое время жил в Багдаде. В зрелом возрасте он был имамом мечети в квартале (махалла) Химс Баб ал-Абваба. Абу ал-Касим ал-Варрак – автор ряда трудов, в том числе «Шарха аш-Шихаб», самого раннего на Северном Кавказе богословского сочинения [2, с. 20; 1, с. 262–264]. Согласно Салах ад-Дину ас-Сафади (ум. в 764/1363), Абу ал-Касим ал-Варрак в 475 г.х. по пути в хаджж прибыл в Багдад, привезя с собой свой труд «Шарх аш-Шихаб». Таким образом, верхней точкой датировки времени составления его труда предлагаем считать 1082 г. (475 г.х.) [3, т. 29, с. 33].

В ходе исследования труда «Шарх аш-Шихаб» был установлен факт существования ещё одного, раннее неизвестного, сочинения Абу Бакра ад-Дарбанди – «Тухфат ал-асхаб». В связи с тем, что оба произведения учителя и ученика непосредственно связаны друг с другом, их исследование изложено в рамках одной статьи. Данная работа ставит перед собой задачу исследовать указанные труды, ввести в научный оборот материалы этих рукописей, которые могут быть полезными для исследователей истории «классического» периода ислама на Кавказе и выделяют общие мотивы составления этих произведений.

«Шихаб ал-ахбар» Абу 'Абдуллаха ал-Куда'и

Сочинение «Шарх аш-Шихаб» представляет собой комментарий к труду шафиитского правоведа (факих), историка, проповедника и кадия Мисра Абу 'Абдуллаха ал-Куда'и «Шихаб ал-ахбар фи ал-хикам ва ал-амсал ва ал-адаб фи ал-ахадис ал-марвийати 'ан ар-Расул ал-Мухтар» («"Метеор" преданий о мудростях, афоризмах и этических наставлениях в хадисах, сообщаемых от избранного Посланника»).

1. Подробнее о Абу Бакре ад-Дарбанди см. в указанной монографии А. Аликберова [1, с. 276–292].

Абу ʻАбдуллах Мухаммад б. Салама б. Джаʻфар б. ʻАли ал-Кудаʻи ал-Мисри аш-Шафии родился в конце X в. Некоторые современные исследователи считают, что он имел персидское происхождение [4, с. 211], однако непонятно, на чём основано это утверждение, если авторитетные мусульманские генеалоги считали племя *кудаʻа* древнеарабским, и среди видных представителей этого племени в первую очередь называли самого Абу ʻАбдуллаха ал-Кудаʻи [5, т. 10, с. 446-447; 6, т. 3, с. 43]. В течение жизни ал-Кудаʻи много путешествовал по городам Ближнего Востока с образовательными целями. Получив блестящее всестороннее образование, он устроился на работу секретарём в канцелярию фатимидского визиря ʻАли б. Ахмада ал-Джарджараʼи (ум. в 436/1045 г.). По-видимому, ал-Кудаʻи сумел наладить отношения с шиитской правящей верхушкой, так как через несколько лет он был назначен верховным кадием над суннитским населением Египта [7, т. 4, с. 151; 8, т. 53, с. 167–170; 9, т. 2, с. 230].

Авторитет ал-Кудаʻи был очень высок среди мусульманских учёных, он имел многочисленных учеников во всех концах мусульманского мира, в том числе в Баб ал-Абвабе. Например, глава шиитской общины Баб ал-Абваба и её верховный кадий Ахмад ал-Гадаʼири (ум. в середине XI в.), будучи в Египте, испрашивал у ал-Кудаʻи *иджазу* на передачу хадисов для своих сыновей Йахйи и Ибрахима [10, с. 442]. Умер ал-Кудаʻи в 1062 г.

Из многочисленных произведений ал-Кудаʻи в различных областях исламской науки прежде всего прославился его труд «Шихаб ал-ахбар», представляющий собой собрание хадисов, афоризмов и сентенций, приписываемых Пророку Мухаммаду. Всего было собрано, по словам автора, 1200 изречений, которых он разбил на 17 глав. Этот труд ещё при жизни автора получил широкую популярность, объясняющуюся тем, что автор составил его в новом формате. Новизна заключалась в том, что автор намеренно удалил *иснады* этих хадисов, чтобы, по словам автора, «можно было легко и быстро их запомнить и освоить»[2]. При этом автор почти одновременно с этим составил другое сочинение, «Муснад аш-Шихаб», в котором те же самые хадисы привёл уже с *иснадами*. В предисловии к этому сочинению ал-Кудаʻи написал: «Кому нужны тексты без *иснадов*, может обратиться к той книге («Шихаб ал-Ахбар» – Х. А.), а кому нужно ознакомиться с их *иснадами*, пусть обращается к этой книге» [11, т. 1, с. 34].

До ал-Кудаʻи в сборниках по хадисам иснады отсутствовали, в основном, по двум причинам: автору они не были известны, либо же они имели существенные изъяны и недостатки с точки зрения знатоков хадисов. Но ал-Кудаʻи впервые составил свод хадисов без *иснадов* с новой задачей – адаптировать тексты хадисов для заучивания и тем самым сфокусировать внимание читателя прежде всего на освоении их смыслов [12, с. 86]. Таким образом, ал-Кудаʻи заложил новую традицию в науке о хадисах, которой позже некоторые мусульманские богословы присвоят термин *таджрид* (букв.: обнажение, лишение) – удаление *иснадов* из сборников хадисов. Как отметил известный мусульманский *мухаддис* Ибн Раджаб ал-Ханбали (ум. в 795/1393 г.), последующие учёные при составлении своих сборников хадисов взяли за образец труд ал-Кудаʻи [13, с. 56].

Сочинения «Шихаб ал-Ахбар» и «Муснад аш-Шихаб» получили огромную популярность во всём мусульманском мире – не только среди суннитов, но и шиитов. Так, из более чем семи десятков различных толкований (*шурух*), кратких переложений

2. Текст «Шихаб ал-Ахбар» до сих пор не издан, но его предисловие приводится во вступительной части издания «Муснад аш-Шихаб» [11, с. 11].

(*талхис*), критических разборов (*танкид*) и описаний истоков хадисов (*тахридж*), которые в разное время были написаны к этим сочинениям на арабском и персидском языках, более десяти трудов принадлежат имамитским богословам [12, с. 87–96].

«Шарх аш-Шихаб» Абу ал-Касима ал-Варрака

Труд «Шарх аш-Шихаб» был известен с первых веков его существования некоторым мусульманским ученым. Мусульманский учёный и *мухаддис* из Андалусии ал-Кади ʻИйад (ум. в 544/1149 г.) сообщал, что шейх Абу Саʻид Хайдар б. Йахйа ал-Джили ас-Суфи «рассказал мне (*ахбарани*) “Шарх аш-Шихаб” Абу ал-Касима б. Ибрахима б. Йусуфа ал-Варрака ад-Дарбанди» [14, с. 144]. Сам шейх Абу Саʻид ас-Суфи, по словам ал-Кади ʻИйада, изучал хадисы у Абу ал-Касима ал-Варрака и Абу Исхака Ибрахима б. Ахмада ад-Дарбанди [14, с. 142–143], под которым, очевидно, имеется в виду известный представитель учёной династии имамитов в Баб ал-Абвабе ал-Гада’ири. Другой учёный-богослов и историк Шамс ад-Дин Йусуф б. ʻАбдуллах, более известный как Сибт б. ал-Джавзи (ум. в 654/1256 г.), неоднократно цитировал «Шарх аш-Шихаб» ал-Варрака в своей книге «Мир’ат аз-заман фи таварих ал-аʻйан» [15, т. 1, с. 244, т. 4, с. 389, 393].

О «Шарх аш-Шихабе» ал-Варрака сообщается также в известном труде «Кашф аз-зунун» Хаджи Халифа (ум. в 1068/1657 г.), когда он перечисляет комментарии, написанные к труду ал-Кудаʻи. Правда, в имени автора допущена ошибка: нисба ал-Варрака вместо ал-Баби (البابي) передаётся как ал-ʻАби (16) (العابي, т. 2, с. 1067].

Труд ал-Варрака сохранился до наших дней в нескольких списках. Так, в «Каталоге арабо-мусульманского наследия рукописей», изданном в 1991 г. в Иордании, упоминается «Шарх аш-Шихаб» Абу ал-Касима ал-Варрака. В каталоге приводятся библиотечные и архивные данные десяти списков этого сочинения, хранящиеся в различных библиотеках и архивах мира[3].

Ещё один список, согласно «Каталогу арабских рукописей» Национальной библиотеки Испании, хранится в г. Мадриде в самой Национальной библиотеке Испании [17, с. 236]. Рукопись датируется рамаданом 899/июнем 1494 г.

Более того, текст «Шарха аш-Шихаб» уже становился объектом критического исследования за рубежом. Так, в 2015 г. он стал темой докторской диссертации Амина Нури Азиза из Института арабской истории и научного наследия в Багдаде под

3. Списки этого сочинения представлены в следующих библиотеках:
1. Стамбул. Музей Топкапы сарай (2/138), [26262 E.H. 655] – (л. 166) – 544 г.х.
2. Стамбул. Библиотека Ал-Умумийа, 46, [81/911] – 655 г.х.
3. Ватикан. Ватиканская апостольская библиотека. Коллекция Борджиани, 1/263, [6/163] – (л. 59б–124б) в составе сборной рукописи. VIII в. по хиджре.
4. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 182, [13715] – (250 стр.) – 961 г.х.
5. Тунис. Национальная библиотека Туниса, сборная рукопись (1/22), [собрание: 89] – (л. 29б–48а) – 974 г.х.
6. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 182, [9946] – (292 стр.) – XII по хиджре.
7. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 183, [2658] – (192 стр.) – XII по хиджре.
8. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 183, [28711] – (244 стр.) – XII по хиджре.
9. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 183, [10361] – (168 стр.) – 1244 г.х. – отсутствует конец рукописи.
10. Багдад. Фонд рукописей имени Саддама (ныне: Библиотека Национального музея Ирака), 183, [2/25021] – (186 стр.) – 1279 г.х. [18, т. 1, с. 993-994].

научным руководством известного иракского исследователя и историка, доктора Набили ʻАбд ал-Мунʻим Давуд [12, с. 92]. Но, к сожалению, нам пока не довелось ознакомиться с данной работой.

В предлагаемой статье исследуются четыре списка «Шарха аш-Шихаб», с которыми автору удалось ознакомиться[4]. В соответствии с аутентичностью, точностью и качеством сохранившихся текстов им была дана следующая маркировка:

– список А (рис. 1): хранится в библиотеке при мечети Нуруосмание в г. Стамбуле. Сочинение представлено в сборной рукописи (3/440, № 588) и озаглавлено как «Шарх гариб китаб аш-Шихаб» («Разъяснение “малопонятных” (*гариб*)[5] хадисов из книги “Аш-Шихаб”»). В колофоне списка указано, что «завершилось переписывание этой благословенной рукописи “Шарх гариб китаб аш-Шихаб” благодаря вознесению хвалы Аллаху – Дарующему Владыке – рукою бедного, ничтожного, презренного раба, надеющегося на прощение Господа, Преславен Он и Всевышен, Саламиса, сына Мусы, сына Исра’ила ат-Туркмани из племени йуракир двенадцатого числа “отдельного”[6] месяца раджаб 721 г. от хиджры Пророка…», что соответствует 6 августа 1327 года по григорианскому календарю. Сочинение написано на 80 листах ближневосточным, вполне разборчивым *насхом* и разбит на 13 глав. Частично текст огласован, особенно имена, *нисбы* и топонимика. Этот список является наиболее полным и, возможно, переписан с наиболее аутентичного текста «Шарх аш-Шихаба»;

– список Б (рис. 2): хранится в Государственной библиотеке Беязыт в г. Стамбуле. Сочинение озаглавлено как «Шарх китаб аш-Шихаб». Текст написан на 98 листах в отдельной рукописи (46, [81/911]). В тексте много ошибок и зачёркиваний. В колофоне указано: «Переписал это для себя бедный слабый раб Ахмад Абу Бакр б. Зурайк ал-Харири». Переписывание завершилось «в четверг девятого числа месяца сафар 655 г. по хиджре», что соответствует 25 февраля 1257 г. Список Б сильно сокращён и намного короче, чем список А. Текст разбит на 12 глав. Некоторые различия в текстах списков А и Б указывают на то, что они переписывались с разных исходных версий этого сочинения. Так, при комментировании хадиса: «Нет хиджры после завоевания [Мекки]» в списке А автор пишет (л. 52б): «Мне рассказал шейх, проповедник ал-Джаʻдуви ан-Найсабури, гость ал-Баба, да сохранит Аллах этот город…». Но в списке Б этот текст приводится уже в таком виде (л. 66б – 67а): «Мне рассказал шейх, проповедник ал-Джаʻдуви ан-Найсабури во время прибытия к нам в “пограничье” (сагр) ал-Баба, да сохранит Аллах этот город…»;

– список В (рис. 3): хранится в Ватиканской апостольской библиотеке в г. Ватикане. Список представлен в сборной рукописи (коллекция Борджиани, 1/263 [6/163] – (л. 59б–124б)). Колофон отсутствует, но рукопись датируется 786 годом по хиджре,

4. Автор выражает благодарность Камрану Абдуллаеву, доценту кафедры арабского языка и риторики Карадениз-ского технического университета в Турции, за помощь в получении возможности ознакомиться с этими списками.

5. Согласно терминологии хадисоведения, *гариб* (букв.: одинокий, чуждый) – хадис, в одном из звеньев *иснада* которого есть всего один-единственный рассказчик. Такой хадис может быть достоверным, если единственный рассказчик окажется надёжным, но чаще всего такие хадисы признавались *слабыми*. Ранние мусульманские мухаддисы порицали передачу хадисов *гариб*, считая их потенциально *слабыми*, но позже, когда *иснады* хадисов были тщательно изучены, отношение к *гарибу* изменилось. Синонимом термина «*гариб*» является «фард» (букв.: отдельный, одинокий). Иногда термином «*гариб*» обозначают тот хадис, в тексте которого используются малопонятные и редко употребляемые неясные выражения. В случае с «Шархом аш-Шихаб» под *гарибом* имеется в виду именно его второе значение.

6. Седьмой месяц мусульманского календаря раджаб, согласно мусульманской традиции, называют отдельным, одиноким (раджаб ал-фард) из-за того, что он изолирован, отделён от трёх других следующих друг за другом священных месяцев: зу-л-каʻда, зу-л-хиджжа и мухаррам.

то есть 1384 годом по григорианскому календарю. Текст написан на 59 листах почерком *андалуси* и разбит на 13 глав;

– список Г (рис. 4): хранится в Общественной библиотеке им. короля ʻАбд ал-ʻАзиза в г. Эр-Рияде. Список представлен в сборной рукописи (№ 826/2). Текст написан на 37 листах почерком *магриби* и разбит на 13 глав. Колофон отсутствует, но рукопись датируется месяцем зу-л-хиджжа 1313 годом по хиджре, что соответствует 1896 году по григорианскому календарю.

Эти списки местами имеют существенные различия. Так, например, в списке А при комментировании хадиса (л. 26б): «Кто обстрелял нас ночью, тот не из нас», приводятся такие слова: «Я – автор этой книги – скажу: я спрашивал группу шейхов и достопочтенных лиц, которых я встретил во время моего путешествия в Багдад и другие города, о смысле этого хадиса. Но ни от кого я не получил исчерпывающего и вразумительного ответа. Я стал изучать и исследовать этот хадис, но не нашёл хоть что-то, на что я мог бы опереться и чем был бы доволен. Теперь же я отложил [решение о нём] и вынес вперёд Книгу Всевышнего Аллаха, а значения хадисов Посланника Аллаха, да благословит его Аллах, трудны [для понимания]». Далее автор предостерегает от необоснованных трактовок хадисов, но при этом всё же излагает своё мнение о смысле хадиса: «Смысл хадиса: кто ночью выступит против нас войной, тот не из нас. Есть и другое толкование: кто не совершает ночью вместе с нами молитву, тот не из нас».

В списке Б (л. 35–36б) сначала даются первые несколько предложений из приведённого комментария, но затем текст зачёркивается, и вместо него даётся совершенно другой пространный комментарий к этому хадису. Смысл хадиса в этом комментарии понимается как: «Кто помянет нас плохо, тот не из нас». Принимая во внимание другие отличия текста списка Б от списка А, можно предположить, что переписчик использовал несколько исходных версий этого сочинения.

В списке В (л. 25б) приводятся только первые несколько предложений из комментария списка А к хадису, а в списке Г комментарий, как и сам хадис, вовсе отсутствует. Стоит отметить, что по своему содержанию списки В и Г больше соответствуют списку Б, нежели списку А.

Каждый из списков «Шарха аш-Шихаб» после традиционной басмалы начинается с имени автора: «Сказал шейх, имам Абу ал-Касим Йусуф б. Ибрахим ал-Варрак ал-Баби», но в нём имеются некоторые различия. Так, в списке Г отсутствует нисба ал-Баби, а в списке В его имя приводится как Абу ал-Касим б. Исхак Ибрахим ал-Варрак ал-Баби.

Затем следует предисловие, в котором автор сообщает, что заметил, как многие ученики всецело увлечены изучением книги «аш-Шихаб». Однако тот факт, что текст книги содержит многие «тёмные и неясные места», которые некоторые люди по своему недомыслию стали толковать превратно, побудил автора написать комментарий к этой книге, после того как он тщательно изучил труды выдающихся учёных и уточнил значения хадисов у авторитетных богословов. При этом автор отмечает (А: л. 1б): «В основном я опирался на труды известных учёных и видных, авторитетных лиц, таких как имам Абу ʻУбайд ал-Касим б. Саллам, Абу Мухаммад ʻАбдуллах б. Муслим б. Кутайба ад-Динавари, Абу Сулайман Хамд б. Мухаммад ал-Хаттаби, Абу ʻУбайд Ахмад б. Мухаммад ал-Харави и Абу Мансур ал-Азхари». Перечисленные лица – известные и крупные языковеды и богословы (мухаддисы и, большей частью, шафиитские правоведы) IX–X вв., без ссылок на которых редко обходились труды по хадисам в эпоху

ал-Варрака. Одного из них, Абу Сулаймана ал-Хаттаби, А. Аликберов называет учителем Абу ал-Касима ал-Варрака [1, с. 299–300], что маловероятно, учитывая тот факт, что ал-Хаттаби умер в 998 г., и в этом сочинении нет утверждений ал-Варрака, что ал-Хаттаби был его учителем.

Ближе к концу сочинения тексты комментариев становятся меньше в объёме, сводясь к нескольким предложениям. При комментировании хадиса автор зачастую приводит мнение своих шейхов и других учёных. Часть сообщений от своих учителей он передаёт как по формуле, указывающей на коллективное обучение (*ахбарана*), так и по формуле, указывающей на индивидуальное обучение (*ахбарани*).

В некоторых особых случаях, когда необходимо выразить свою позицию по тому или иному вопросу, или выделить своё мнение среди других, автор начинает словами «я скажу». Из таких заметок автора можно было бы составить общую картину религиозных взглядов ал-Варрака. Однако различия в списках показывают, что поздние корректировки не обошли стороной и эти тексты. К примеру, во второй главе списка Б (л. 41б), как и в списках В (л. 28б) и Г (л. 18б), автор пишет: «[Я скажу:] учёные и светочи религии единогласны в том, что главные группы сторонников нововведений следующие: *рафидиты*, *хариджиты*, *кадариты* и *мурджииты*. Затем в каждом из этих течений образовалось по восемнадцать направлений (*таифа*). И всего получилось семьдесят два течения (*фирка*)». Это число соответствует известному хадису, в котором пророчествуется о появлении в исламе 73 течений, лишь одно из которых будет следовать истине. По этой причине ещё ранние мусульманские доксографы чаще всего выделяли четыре главные религиозно-политические группировки, на основе которых образовывались остальные многочисленные догматические школы (*фирак*) [19, с. 26], чтобы общее число течений можно было привести в соответствие с хадисом. Тем не менее в списке А (л. 30б) в этом тексте к числу основных группировок добавляются ещё три группы: *джабриты*, «*мушаббиха*, которые уподобляют Аллаха творениям» и «заблудшие *му'тазилиты*». При этом автора этой корректировки, по всей видимости, не смутило арифметическое несоответствие этих чисел.

«Шарх аш-Шихаб» прежде всего представляет интерес как ценный источник по истории мусульманской культуры и образования на Кавказе. Как уже говорилось выше, Абу ал-Касим ал-Варрак приводит в сочинении множество высказываний своих шейхов и знакомых, из чего можно составить общую картину окружения автора.

Чаще всего ал-Варрак цитирует своего шейха *Абу Исхака Ибрахима б. Фариса ал-Баби*. Видный учёный ал-Баба, *мухаддис* и поэт Ибн Фарис был ближайшим духовным наставником и учителем ал-Варрака, которому он передавал *иджазы* на те или иные труды, в том числе свои. А. Аликберов приводит краткую биографию и некоторые примеры поэтического творчества Ибн Фариса [1, с. 257, 302-303]. Из «Шарха аш-Шихаб» следует, что Ибн Фарис обучался в своё время у крупного языковеда и *мухаддиса* из Багдада Абу Ахмада ал-'Аскари (ум. в 382/993 г.). Абу Тахир ас-Силафи сообщает, что Ибн Фарис ад-Дарбанди умер в 455/1063 г. [10, с. 247].

Наиболее частое упоминание после Ибн ал-Фариса ал-Баби имеют ещё два шейха ал-Варрака. Первый из них – уже упоминавшийся шейх ал-Джа'дуви ан-Найсабури. Ал-Варрак называет его нишапурским проповедником (*ал-ва'из ан-найсабури*). Ал-Джа'дуви преподавал ему по ряду книг по хадисам. В сочинении автор несколько раз отмечает, что ал-Джа'дуви гостил не только в самом Баб ал-Абвабе, но и в его «пограничной» (*сагр*) области. Абу Бакр ад-Дарбанди в труде «Райхан ал-хака'ик»

в сообщении от своего шейха ал-Варрака фиксирует полное имя ал-Джа‘дуви: Абу ал-Хусайн ‘Али б. Мухаммад ал-Джа‘дуви ан-Найсабури. Из книги «Райхан ал-хака’ик» также следует, что ал-Джа‘дуви передавал хадисы от некоего Абу Са‘ида Ахмада б. Мухаммада ал-Байхаки (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2191. Л. 42б, 228а).

Второй из них – учитель ал-Варрака, «праведный шейх и заслуживающий доверия» Мубарак б. Икбал, лекции по хадисам которого он посещал.

Абу Тахир ас-Силафи сообщает, что факих из Баб ал-Абваба Абу-л-Касим Маймун б. ‘Амр б. Мухаммад ал-Факих слушал хадисы у «ал-Лариджи, Ибн Икбала, ал-Джа‘дуви и у других учёных – как шейхов своего города, так и шейхов, гостивших там» [10, с. 375]. Ас-Силафи приводит полностью только имя первого шейха. Им является Абу Хафс ‘Умар б. ал-Хасан ал-Лариджи, который передавал хадисы от известного шафиитского правоведа из Багдада Абу Хамида Ахмада б. Мухаммада ал-Исфара’ини (ум. в 406/1016 г.) [20, с. 69]. Интересно, что Мубарак б. Икбал во всех списках сочинения упоминается без какой-либо *нисбы*, что оставляет открытым вопрос о месте его происхождения.

Ещё одним местным шейхом, у которого ал-Варрак слушал хадисы, является «праведный шейх» ал-Хасан б. Давуд ал-Баби. Каких-либо дополнительных сведений об этом шейхе в «Шархе аш-Шихаб» отсутствуют. В труде «Райхан ал-хака’ик», по словам А. Аликберова, сообщается о трёх суфийских шейхах (ал-абдал), живущих в Баб ал-Абвабе: Ибрахиме, ал-Хасане и ал-Хусайне. Некий суфийский шейх с восточного побережья Средиземного моря Абу ‘Абдуллах ал-Антаки, прослышав о них, отправился на их поиски в Баб ал-Абваб. Ал-Антаки удалось встретиться с ними и провести в их обществе несколько месяцев, в течение которых они демонстрировали ему примеры своего благочестия [1, с. 252]. С большой долей вероятности речь идёт именно об ал-Хасане б. Давуде, у которого ал-Варрак не только слушал хадисы, но и, возможно, приобщался к суфийскому учению.

Из «Шарха аш-Шихаб» следует, что ал-Варрак пользовался любым случаем обучиться у шейхов, посещавших не только его город, но и соседнюю Джанзу (совр. Гянджа). Так, он сообщает, что слушал хадисы при индивидуальном обучении у некоего «праведного шейха и чтеца Корана (*мукри*’)» из Мерва Абу Хамида ал-Марвази, гостившего в Джанзе. Абу Хамид ал-Марвази передавал ему хадисы от Абу Исхака Ибрахима б. ас-Са‘лаби, под которым, возможно, подразумевается известный экзегет (*муфассир*) Корана из Нишапура Абу Исхак Ахмад б. Мухаммад б. Ибрахим ас-Са‘лаби (ум. в 427/1035 г.). Ещё один шейх ал-Варрака, у которого он слушал хадисы в округе Джанзы под названием Захл (زَحْل), был «проповедник и авторитетный аскет» Абу Тахир аш-Ширази (в списке А: Абу Захир). В Джанзе ал-Варрак читал перед ним сборник хадисов, записанных в своё время аш-Ширази под диктовку (*амали*) его шейхов.

Находясь в Хамадане, ал-Варрак встречается с неким учёным-*мухаддисом* (*хафизом*) аш-Шарифом ал-Хусайни, у которого он также слушает хадисы. Аш-Шариф ал-Хусайни, должно быть, не имя, а звание, обозначающее принадлежность его носителя к потомству Пророка Мухаммада через его внука Хусейна.

«Шарх аш-Шихаб» также сообщает, что ал-Варрак слушал хадисы у некоего шейха, имама ал-Магриби, который вручил ему письменную копию (*мунавала*) «Муснада ар-Рази» с разрешением (*иджаза*) передавать оттуда хадисы. Точно неизвестно, кто имеется в виду под этим шейхом из Западной Африки, однако в книге «Райхан ал-хака’ик» ад-Дарбанди передаёт хадис от ал-Варрака, которому его передал

Абу ал-Ма‘али ‘Абдуллах б. Абд ар-Рахман ал-Магриби ал-Андалуси (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Д. 2191. Оп. 1. Л. 3а, 225б), что даёт основание предположить, что именно это лицо подразумевается в «Шархе аш-Шихаб». Этого же Абу ал-Ма‘али ал-Магриби Салах ад-Дин ас-Сафади упоминает в числе лиц, от которых Абу ал-Касим ал-Варрак передавал хадисы, при этом отмечая, что ал-Магриби гостил в Баб ал-абвабе. Правда его он приводит как ‘Абд ар-Рахман б. ‘Абдуллах [3, т. 29, с. 33].

Кадий, имам Абу ал-Махасин ат-Табари также передал ал-Варраку *иджазу* на передачу хадисов, в частности, из книги «Ма‘алим ас-Сунан» вышеупомянутого ал-Хаттаби. При этом, как замечает ал-Варрак, ат-Табари лично записал для него эту *иджазу*. Под этим учёным подразумевается известный и авторитетный шафиитский правовед, верховный кадий Табаристана Абу ал-Махасин ‘Абд ал-Вахид б. Исма‘ил ар-Ру’йани ат-Табари (убит в 502/1108 г.), который, в свою очередь, являлся и учителем Абу Бакра ад-Дарбанди [1, с. 380].

Несомненно, круг общения ал-Варрака не ограничивался указанными лицами, он был намного шире. Но представленные данные достаточно явственно указывают на широкие связи ал-Варрака с мусульманской духовной элитой во многих городах мусульманского мира. «Шарх аш-Шихаб» предоставил возможность автору продемонстрировать эти связи и показать свой уровень просвещённости и вовлечённости в общую традицию мусульманского хадисоведения.

«Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб» Абу Бакра ад-Дарбанди

Спустя время ближайший ученик ал-Варрака Абу Бакр ад-Дарбанди, по всей видимости, посчитал текст «Шарха аш-Шихаб», составленный в духе традиционной школы хадиса, не совсем отвечающим духовным запросам своего времени. Многочисленные сообщения и цитаты, которые содержатся в сочинении, могли, по мнению ад-Дарбанди, отвлечь от основной цели сочинения – дать чёткое разъяснение значению хадисов. Это побудило ад-Дарбанди сократить текст и переложить его суть в своей редакции. В результате его труд вылился в отдельное сочинение под названием «Подарок друзьям в виде комментария к “Аш-Шихаб”» («Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб»).

До сих пор об этом труде мало что было известно. В средневековых источниках упоминание о нём можно найти разве что в сообщении магрибского литератора и биографа Ибн ‘Абд ал-Малика ал-Маракиши (ум. в 703/1303) о том, что его земляк Маймун б. Йасин ал-Ламтуни учился у «Мухаммада б. Мусы б. ал-Фараджа ад-Дарбанди и получил от него письменную копию (*мунавала*) “Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб”, составителем которой он является (*мин джам‘ихи*)» [21, т. 5, с. 319].

Тем не менее это сочинение сохранилось до наших дней. Тот же «Каталог арабо-мусульманского наследия рукописей» сообщает о существовании как минимум двух списков этого сочинения: один из них, датируемый XII в. по хиджре /XVII–XVIII в., хранится в библиотеке Принстонского университета, другой, переписанный в 1359 г.х./1940 г. – в Национальной библиотеке и архиве Египта [18, т. 1, с. 993]. Но, к сожалению, эти списки оказались недоступны.

Куда более успешным оказался поиск сочинения в частных коллекциях в Дагестане. Так, в библиотеке, принадлежавшей видному дагестанскому учёному из селения Согратль Шафи‘ ас-Сугури (ум. в 1251/1835-36 г.), хранится довольно старая сборная рукопись, в составе которой присутствует это сочинение (рис. 5)[7]. Оно написано на 147 листах жёлтой лощёной бумаги местного производства дагестанским насхом. В колофоне сообщается, что переписывание «этой книги завершилось в ночь на воскресенье пятнадцатого числа благословенного месяца Аллаха раби‘ ал-ахир в 1036 г. от хиджры избранного Пророка. Переписчик – Мухаммад, сын Сулеймана…». По григорианскому календарю завершение переписывания приходится на 2 января 1627 г. Рядом с колофоном имеется интересная заметка, судя по почерку, другого лица (рис. 6): «Из книг Дугри Мухаммада, завещанных для *вакфа*, под названиями: “Ма’ ал-хикма” и “Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб”, [последняя из которых] принадлежит учёному, от потомков которого происходит род Али ас-Сугури[8], да помилует его Аллах». В начале рукописи, на листе 2а, также имеется владельческая запись: «Из книг Дугри Мухаммада, завещанных для вакфа». Далее следует другая запись красными чернилами: «Книга перешла в пользование (*навба*) бедняка, *хаджжи* Шафи‘а ас-Сугури, да помилует его Всевышний Аллах». На полях и между строк текст сочинения сопровождается короткими комментариями на арабском и аварском (‘*аджам*) языках.

Предисловие начинается со слов Абу Бакра Мухаммада б. Мусы ал-Фараджа ад-Дарбанди о том, что когда он увидел, как учёный *факих* и энергичный имам разъяснил значения «малопонятных» (*гариб*) хадисов из книги «Аш-Шихаб» без многословия и удлинения, то он решил привести его разъяснения в ещё более сокращённом виде. О каком именно факихе идёт речь, ад-Дарбанди не сообщает, однако очевидно, что речь о его учителе Абу ал-Касиме ал-Варраке. Далее ад-Дарбанди переходит к основному тексту, в котором он весьма кратко, в несколько предложений, резюмирует комментарии своего учителя. Сочинение поделено на 17 глав. Этот список будет маркирован римской цифрой I.

Сопоставление этой рукописи со списками «Шарха аш-Шихаб» помогло установить важный факт – список «Шарха аш-Шихаб», хранящийся под № 53 (b) в ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН в г. Махачкале и считавшийся отечественными востоковедами единственной известной копией произведения ал-Варрака на сегодняшний день, на самом деле является сочинением Абу Бакра ад-Дарбанди «Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб».

Данная рукопись (рис. 7) дагестанского происхождения и написана мелким курсивным *насхом*. Текст этого списка насчитывает 96 листов. А. Аликберов уже дал подробный палеографический анализ этой рукописи [1, с. 298–299]. В колофоне (рис. 8) указано, что переписывание «завершилось в понедельник четырнадцатого раджаба и переписал это ‘Умар ал-Ка‘и (القاعي)[9], сын Давуда, сына Сулеймана, да простит Аллах их и всех мусульман, в 804 г. от хиджры Посланника (мир ему). И это двести десятая книга из числа книг, которые я переписал». По григорианскому календарю дата завершения переписки приходится на 17 февраля 1402 г. Сочинение также поделено на семнадцать глав. Этот список будет маркирован римской цифрой II.

7. Рукопись хранится в частной коллекции Абдуразакова Магомеда в г. Махачкале.
8. Под ним, скорее всего, подразумевается Алириза ас-Сугури (ум. в 1088/1677-8 гг.) – видный дагестанский ученый и богослов, каллиграф из селения Согратль. В своём родном селении основал медресе, получившее большую известность в Дагестане.
9. Возможно, речь идет о селении Кая, ныне в Кулинском районе РД.

Основанием считать эту рукопись «Шархом аш-Шихаб» ал-Варрака было то, что в предисловии сочинения говорится: «Это книга “Шарх аш-Шихаб” <…> сказал шейх, имам Абу ал-Касим б. Ибрахим ал-Варрак, да помилует его Аллах: хвала Аллаху за Его очевидные блага и благословение Мухаммаду, его семье и пречистым родственникам». С этих строчек действительно начинаются все другие списки «Шарха аш-Шихаб», и авторство, как видно, приписывается ал-Варраку. Но в этом списке отсутствуют как предисловие ал-Варрака, так и вступительная речь ад-Дарбанди. Несмотря на то, что текст рукописи местами существенно отличается от текста «Тухфат ал-асхаб», и в нём активно используется материал из «Шарха аш-Шихаб», всё же по его содержанию и структуре можно с уверенностью утверждать, что это сочинение является одной из редакцией «Тухфата ал-асхаб», а не «Шарха аш-Шихаб».

Если автор «Шарха аш-Шихаб» при комментировании хадиса в основном старался привести схожие по тематике хадисы, пользуясь возможностью привести и свои предания от шейхов, а также вдавался в сложные лексические разборы, что зачастую оставляло комментируемый хадис без должного разъяснения, то автор «Тухфат ал-асхаб» коротко и доступно ограничивался непосредственным разъяснением смысла хадиса. В результате его труд превратился не в простое резюмирование комментариев своего учителя, а в отдельное сочинение, в котором прежде всего излагалось его личное толкование хадисов.

Это, в свою очередь, иногда приводило к противоречию мнений учителя и ученика, выражавшемуся, к примеру, в следующем. Комментируя хадис (А/л. 56б): «Нет Махди, кроме ʻИсы, сына Марьям», ал-Варрак резко негодует в адрес ал-Куда‘и, включившего в свою книгу хадис, нигде более не упоминаемый (*фард*), что указывает на потенциальную недостоверность хадиса. При этом ал-Варрак отмечает, что существует множество других достоверных хадисов, подробно сообщающих о личности имама Махди и указывающих, что он не является ʻИсой. Однако ад-Дарбанди (I/л. 102а–102б) не соглашается с такой оценкой. По его мнению, этот хадис вовсе не отрицает появления в будущем личности Махди, а лишь называет ʻИсу «правильно ведомым» («*махди*» по-арабски: правильно руководимый) из-за его особых отличительных качеств и заслуг, которые будут отсутствовать даже у имама Махди. Ад-Дарбанди считает хадис достоверным и отказывается называть ал-Куда‘и передающим «одинокие» (*фард*, *гариб*) хадисы от своих шейхов. При этом ад-Дарбанди со ссылкой на своих шейхов всё-таки замечает, что ал-Куда‘и не являлся *мухаддисом*, а был *факихом*, поэтому в его сборник попали хадисы, *иснады* которых он не слышал.

В книге «Тухфат ал-асхаб» содержатся и некоторые новые сведения о ее авторе. Так, ад-Дарбанди упоминает своих шейхов, у которых он учился в разное время. Некоторые из них довольно известные и крупные богословы, которых он часто упоминает в «Райхан ал-хака’ик». К примеру, в Багдаде ад-Дарбанди слушал хадисы у шафиитского *факиха* и *мухаддиса* Ибн Марзука аз-За‘фарани (ум. в 517/1123 г.). Там же он слушал хадисы у шейха Абу ал-Хасана ал-Факиха, под которым, очевидно, подразумевается его ближайший наставник и имам соборной мечети Баб ал-Абваба Абу ал-Хасан ʻАли б. Мухаммад ал-Басри (ум. в конце XI в.). Другого богослова – Абу ал-Фадла ал-Макдиси – он называет своим шейхом. Под этим шейхом имеется в виду известный захиритский *факих*, *мухаддис* и суфий *маламатийского* направления из Иерусалима Ибн Тахир ал-Кайсарани (ум. в 507/1113 г.). Ад-Дарбанди передаёт от него сообщения в труде «Райхан ал-хака’ик» и в качестве одного из мест, где он слушал у него хадисы,

называет Хамадан (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. Д. 2191. Оп. 1. Л. 3б). Аз-Захаби передаёт, что Ибн Тахир некоторое время жил в Хамадане, где он отстроил себе дом [22, т. 14, с. 290]. Возможно, гостя у него, ад-Дарбанди приобщался к учению *маламатийа*.

Другие из них, как, например, некий кадий ал-Махзуми, с которым он встречался в Мекке, и правовед и шейх Абу ʻАли ад-Дили ал-Факих, остаются пока ещё не идентифицированными.

Куда более интересны упоминания ад-Дарбанди других своих сочинений. Прежде всего ад-Дарбанди многократно ссылается на свой труд «Шарх ал-албаб» (شرح الألباب), который, по его словам, является книгой «Шарх ал-Кабир». Это два названия одного и того же сочинения. Если исходить из косвенных данных, книга представляет собой расширенное толкование хадисов, возможно, самого «Шихаба ал-ахбар». По крайней мере автор часто отмечает, что исчерпывающе разъяснил тот или иной обсуждаемый хадис в этой книге.

Ещё одно сочинение автора – «Ас-Сирадж» (السراج) вместе с его же комментарием «Ал-Минхадж фи шарх ас-Сирадж» (المنهاج في شرح السراج). Из слов ад-Дарбанди понимается, что эти произведения также являются комментариями к хадисам. При этом возможно, что ад-Дарбанди писал комментарий «Ал-Минхадж» почти одновременно с «Тухфат ал-асхаб». Так, в середине «Тухфат ал-асхаб» автор пишет об одном из хадисов: «Я уже привёл это сообщение в книге под названием “Ас-Сирадж” и ради довольства Всевышнего Аллаха я прокомментирую его в “Ал-Минхадже”» (I/л. 97а), – а уже ближе к концу сочинения, обсуждая другой хадис, сообщает: «Я дал полное разъяснение этого хадиса в книге под названием “Ал-Минхадж фи шарх ас-Сирадж”» (I/л. 117б).

На свою знаменитую книгу «Райхан ал-хака’ик» ад-Дарбанди ссылается лишь однажды (I/ л. 71а; II/ л. 94а), что даёт нам возможность примерно датировать время составления «Тухфат ал-асхаб». А. Аликберов называет приблизительную дату завершения труда «Райхан ал-хака’ик» 500/1106-07 г [1, с. 330]. Следовательно, «Тухфат ал-асхаб» был составлен во втором или третьем десятилетии XII в.

Следует отметить, что дата смерти Абу Бакра ад-Дарбанди, установленная А. Аликберовым, вызывает сомнения. Он ссылался на тот факт, что в мусульманской биографической литературе упоминается некий Абу Бакр Мухаммад б. ʻАшир б. Маʻруф ад-Дарбанди аш-Ширвани, дату смерти которого приводит Ибн ас-Субки: месяц шавваль 539/7 апреля – 5 мая 1145 г. Несколько сходств в биографиях Абу Бакра ад-Дарбанди и Абу Бакра аш-Ширвани дали основание А. Аликберову предположить, что речь идёт об одном и том же человеке, а при передаче его имени Ибн ас-Самʻани допустил ошибку [1, с. 290–292]. Однако мы не согласны с таким выводом по следующим причинам. Во-первых, версия о том, что профессиональный биограф Ибн ас-Самʻани допустил три ошибки в имени человека, с которым встречался лично и записывал от него хадисы, выглядит малоубедительной. Во-вторых, тот же Ибн ʻАбд ал-Малик ал-Маракиши, который, к слову, тоже был профессиональным биографом, в той же книге, в которой он упомянул Абу Бакра ад-Дарбанди, упоминает и Абу Бакра Мухаммада б. ʻАшира б. Маʻруфа аш-Ширвани [21, т. 3, с. 234]. В-третьих, мы не находим упоминания в книге «Райхан ал-хака’ик» шейхов, которых биографы называют учителями Абу Бакра аш-Ширвани. Так, андалузский поэт и мухаддис Абу ʻАбдуллах ал-Вади-Аши (ум. в 749/1338 г.) сообщает, что Абу Бакр аш-Ширвани получил иджазу на преподавание по книге «Музаджат ан-Наби» от Абу Бакра Мухаммада б. Батархана

б. Балтакина, более известного как Абу Бакр ат-Турки (ум. в 513/1119 г.) [23, с. 268]. Также не упоминаются и другие шейхи Абу Бакра аш-Ширвани, например, Абу ал-Хайр ал-Мубарак б. ал-Хусайн ал-Гассал (ум. в 510/1116 г.) и Хибатуллах б. ал-Мубарак ас-Сакати (ум. в 509/1115 г.).

Все эти данные указывают, что Абу Бакр ад-Дарбанди и Абу Бакр аш-Ширвани всё-таки две разные личности, что оставляет открытым вопрос датировки смерти Абу Бакра ад-Дарбанди.

Заключение

К XI в. традиционные сборники хадисов в связи с эволюцией мусульманской религиозно-философской мысли в крупных религиозных центрах халифата, к коим, несомненно, относился и Баб ал-Абваб, перестали в достаточной мере отвечать духовным запросам мусульманского общества. Возникла необходимость в появлении сводов в новом формате, в которых морально-этические изречения и наставления, облечённые в хадисы Пророка Мухаммада, удовлетворяли бы потребностям мусульман. Одним из первых эту задачу выполнил египетский кадий Абу ʻАбдуллах ал-Кудаʻи – представитель, как ни странно, не суфийских кругов, а проповеднических (*вуʻаз*). К концу XI в. труд ал-Кудаʻи получил широкую популярность во всём мусульманском мире, в том числе в Баб ал-Абвабе. Абу ал-Касим ал-Варрак, как и другие *мухаддисы*, составившие комментарии к труду «Шихаб ал-ахбар», конечно же, отсеяли многие из 1200 хадисов, включённые ал-Кудаʻи в свой сборник, которые откровенно выдавали свою недостоверность. Тем не менее ал-Варрак всё же оставил в своём сочинении немалое количество хадисов, не отвечавших жёстким критериям хадисоведения, достигшего в то время пика своего развития. Это можно объяснить пониманием ал-Варрака потребности общества в хадисах морально-этического и дидактического содержания, что сподвигло его смягчить требования к ним, если они не вступали в прямое противоречие с принципиальными вопросами веры или более достоверными хадисами.

В начале XII в. в мусульманском обществе происходят заметные изменения, связанные с резким сближением суфизма с нормативным исламом. На фоне этих процессов Абу Бакр ад-Дарбанди решает написать свой комментарий к труду «Шихаб ал-ахбар», взяв за основу комментарий своего учителя. Решение ад-Дарбанди было продиктовано, с одной стороны, становлением его как крупного самостоятельного учёного, ученики которого нуждались в его личных толкованиях тех или иных религиозных вопросов, с другой стороны, пониманием, что изменения в общественно-религиозной жизни, самым заметным из которых стало усиление роли и расширение суфийских общин, требуют обновления письменного материала, служившего источником удовлетворения обществом своих духовных потребностей.

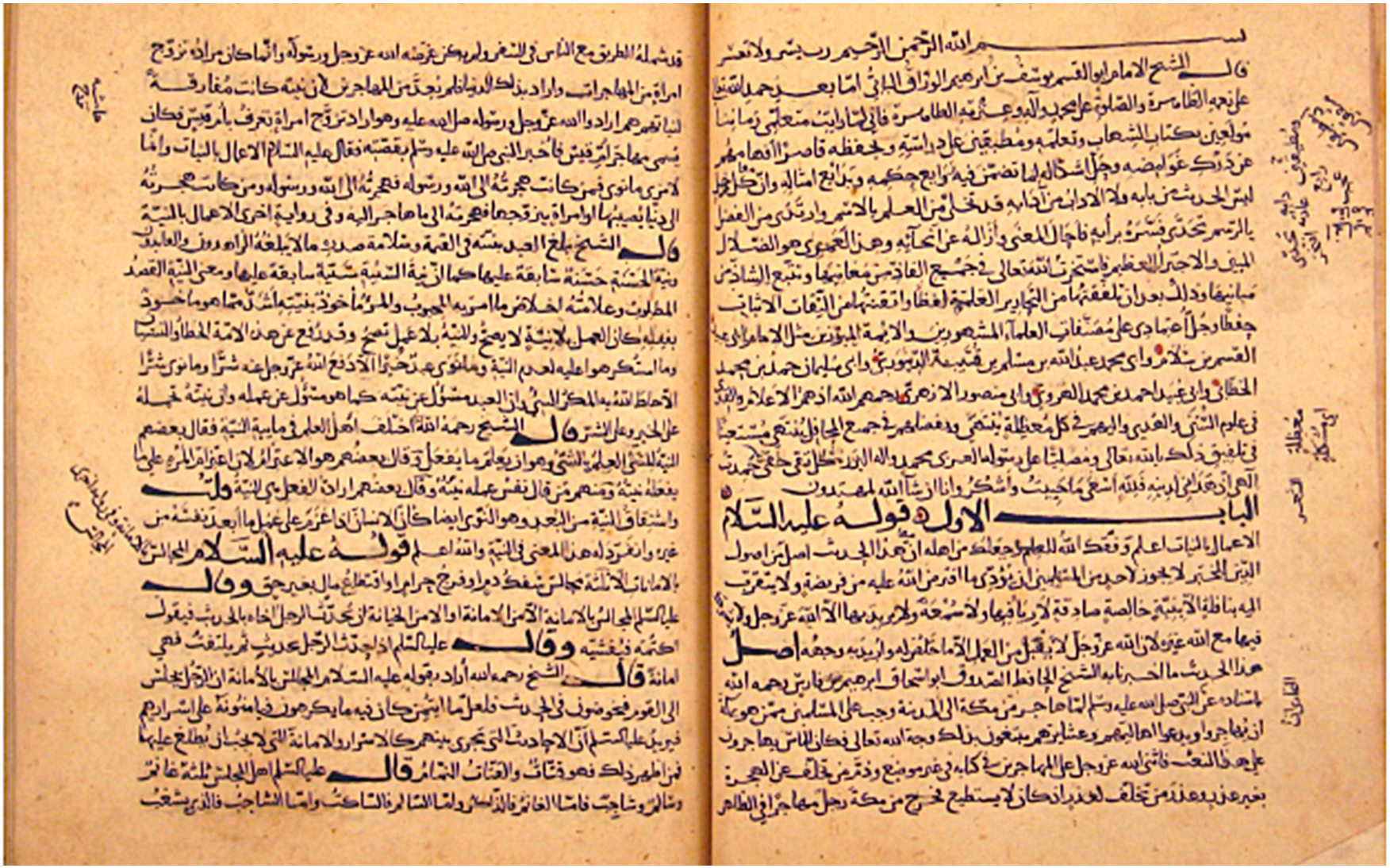


Рис. 1. Фотокопия списка А

Fig. 1. Photocopy of a List A

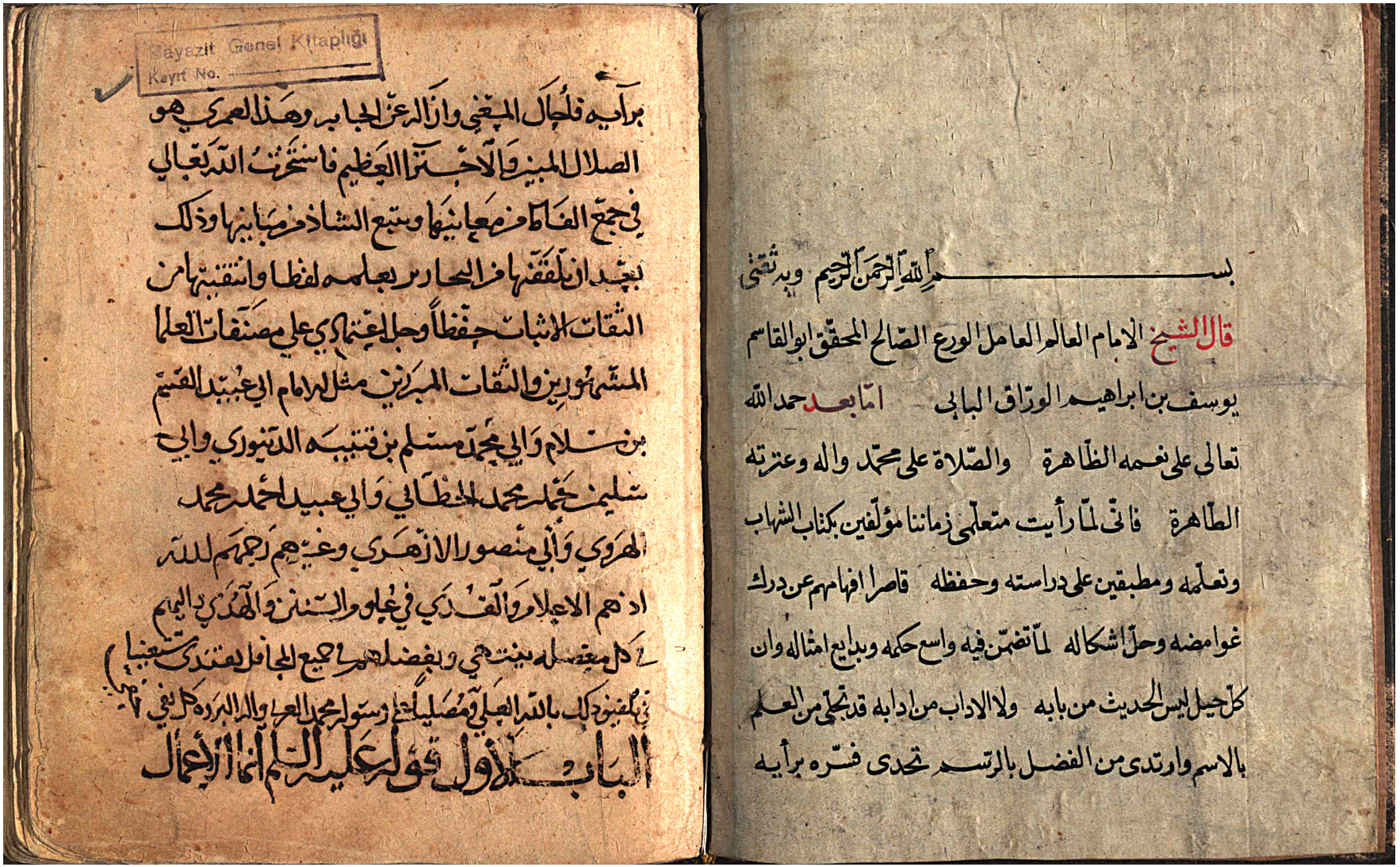


Рис. 2. Фотокопия списка Б

Fig. 2. Photocopy of a List B

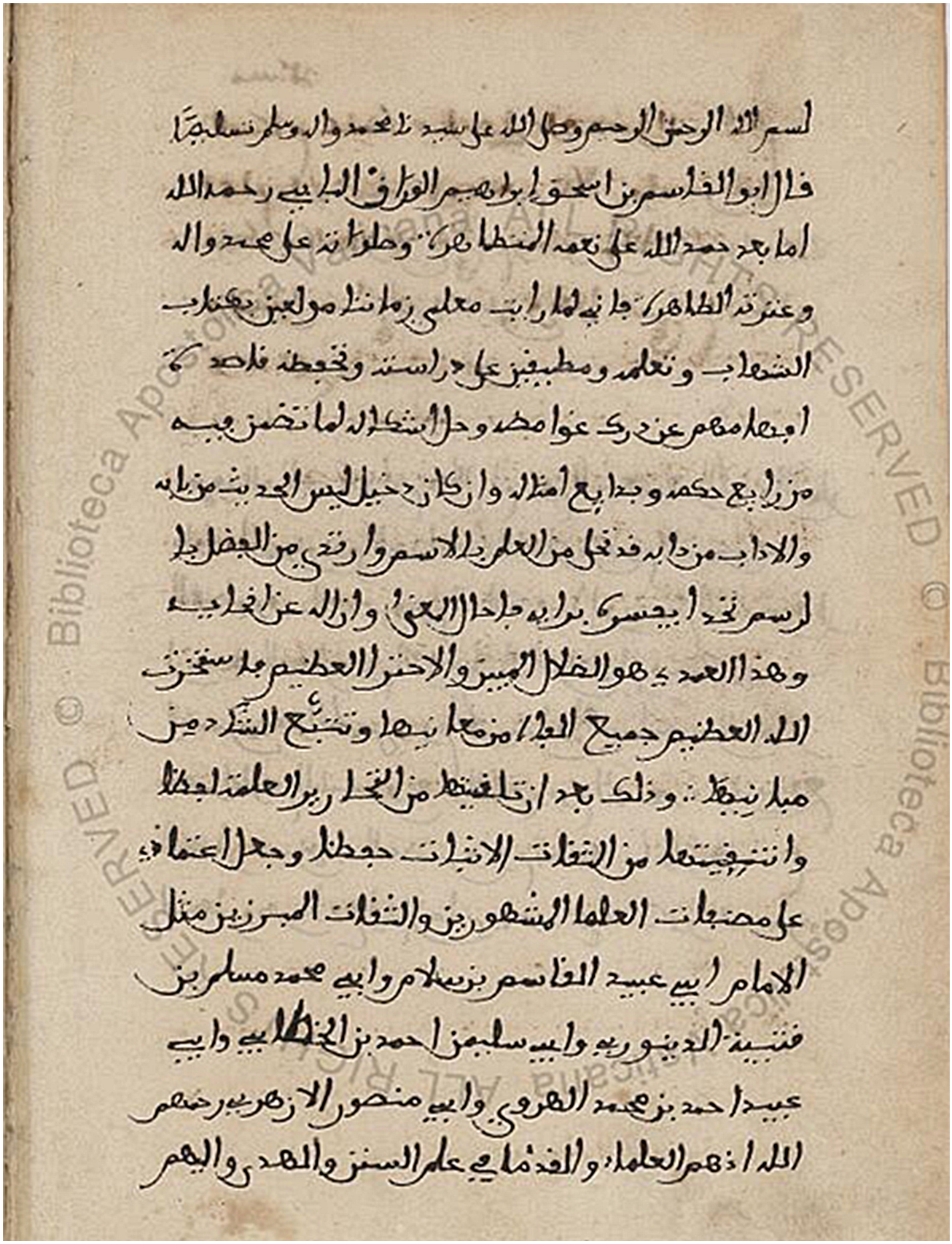


Рис. 3. Фотокопия списка B

Fig. 3. Photocopy of a List C

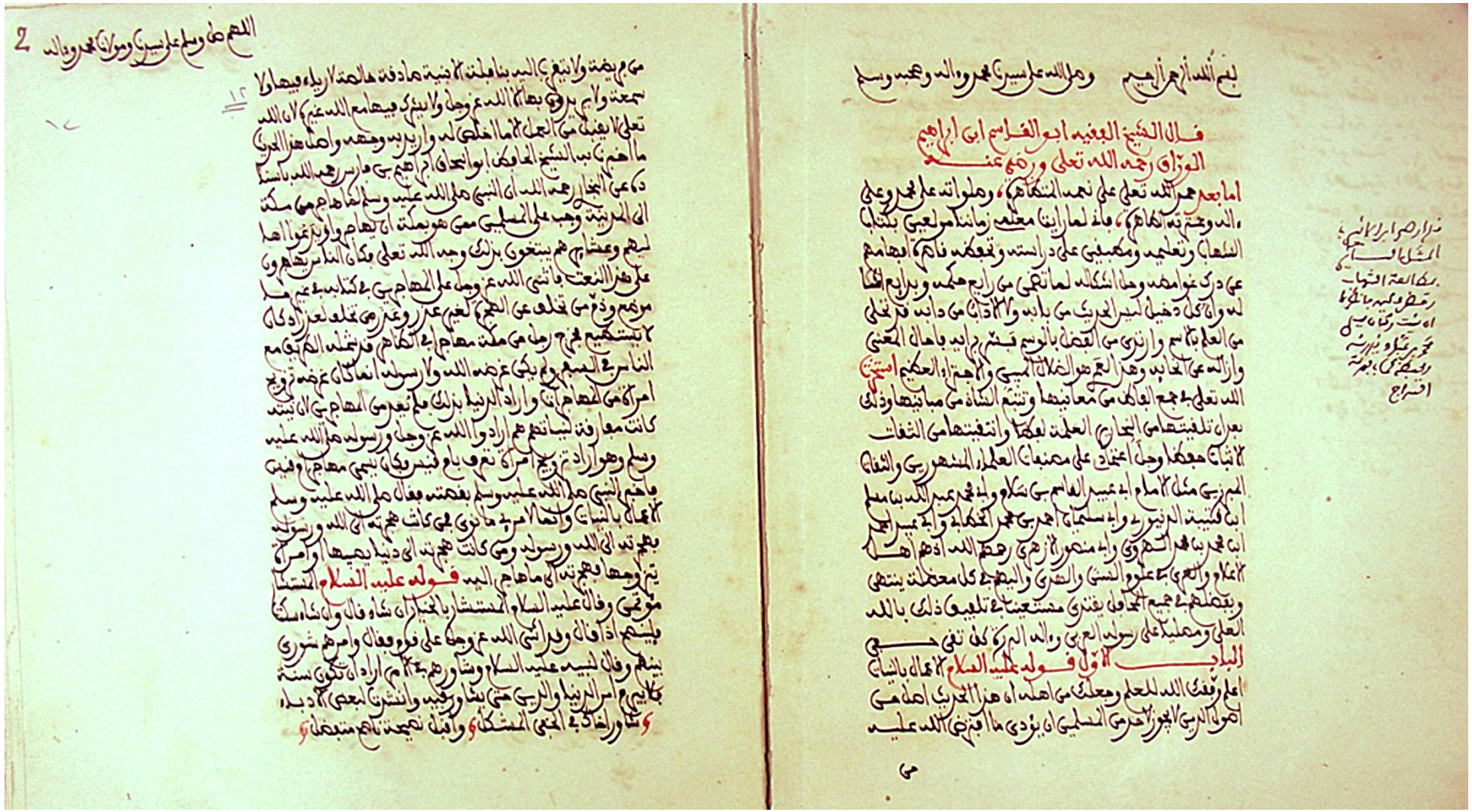


Рис. 4. Фотокопия списка Г

Fig. 4. Photocopy of a List D

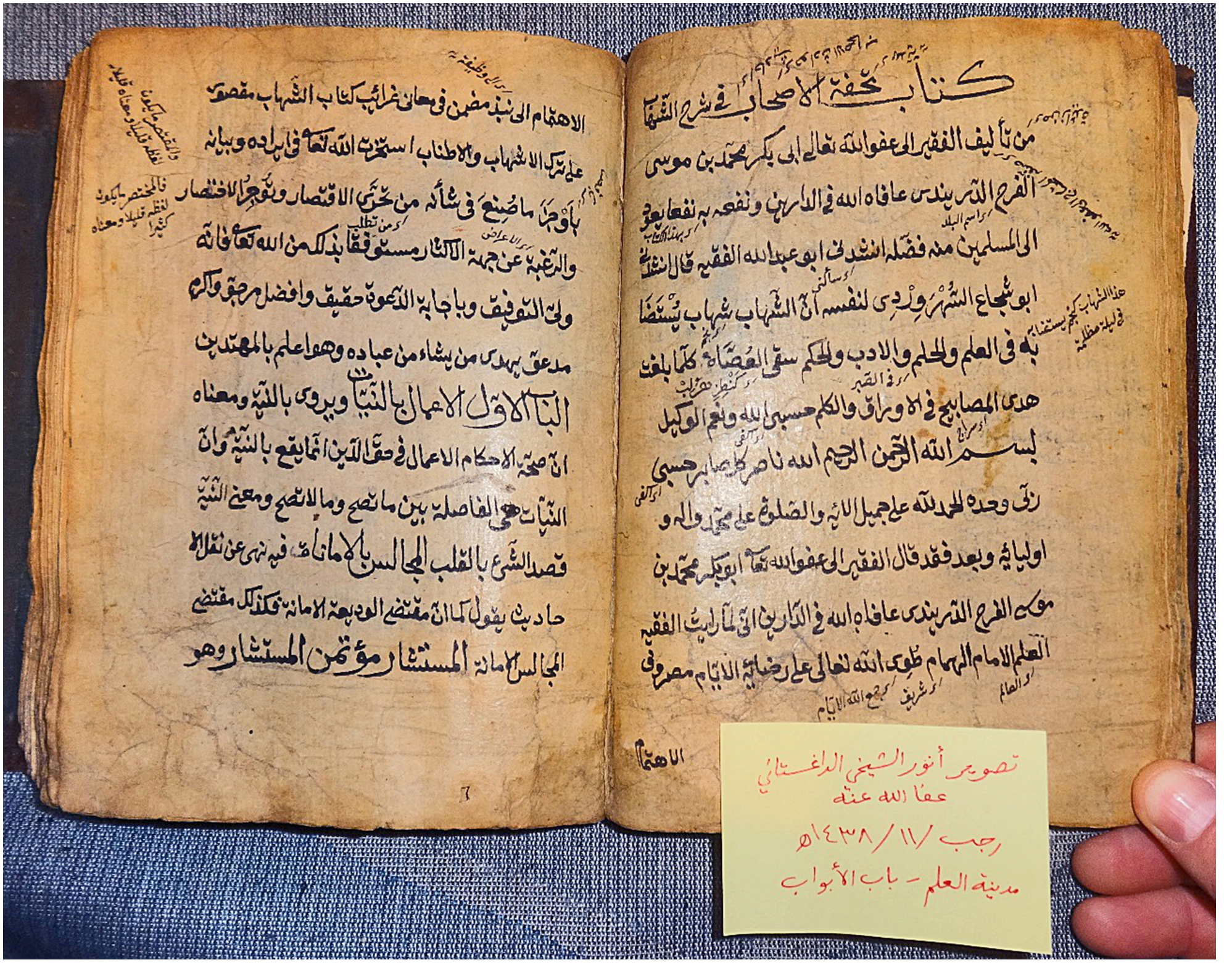


Рис. 5. Фотокопия списка I

Fig. 5. Photocopy of a List I

Рис. 6. Фотокопия последней страницы списка I

Fig. 6. Photocopy of the last page of the List I

Рис. 7. Фотокопия списка II

Fig. 7. Photocopy of a List II

Рис. 8. Фотокопия последней страницы списка II

Fig. 8. Photocopy of the last page of the List II

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ад-хака'ик» (XI–XII в.). М.: Восточная литература, 2003.

2. *Аликберов А.К.* Ал-Варрак. Ислам на территории бывшей российской империи. Под ред. С. М. Прозорова. М.: Наука, 1998. С. 20.

3. *Salah al-Dīn al-Ṣafadī*. Kitab al-Wafi bi'l-Wafayat. 29 vols. Beirut: Dar al-Ih'ya al-Turas, 2000 (На араб. яз.).

4. *Young M.J.L., Latham J.D., Serjeant R.B.* Religion, learning, and science in the ʿAbbasid period. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

5. *Abu Sa'd Ibn as-Sam'ani*. Al-Ansab. [Genealogies]. 13 vols. Hyderabad: Majlisu dairati al-maarif al-usmaniya, 1962 (На араб. яз.).

6. *Izzu ad-Din Ibn al-Asir al-Jazari*. Al-Lubab fi tahzib al-ansab [The Best in Clarifying Genealogy]. 3 vols. Beirut: Dar Sadir, 1994 (На араб. яз.).

7. *Taju ad-Din Ibn as-Subki*. Tabaqat al-Shafiiya al-Kubra [Ranks of Great Shafi'i Scholars]. 10 vols. Cairo: Dar Hajr, 1992 (На араб. яз.).

8. *Ibn Asakir*. Tarikh Dimashq [History of Damascus]. 80 vols. Beirut: Dar al-Fikr, 1995 (На араб. яз.).

9. *Taki ad-Din al-Maqrizi*. Itti'az al-Hunafa bi Akhbar al-Aimmati al-Fatamiin al-Khulafa. [A Reminder to True Believers of the History of the Fatimid Imam-Caliphs]. 3 vols. Cairo: al-Majlis al-A'la li al-Shuun al-Islamiyya, 1996 (На араб. яз.).

10. *Abu Tahir as-Silafi*. Mu'jam as-safar [Dictionary of the Travels]. Beirut: Dar al-Fikr, 1993 (На араб. яз.).

11. *Abu Abdulla al-Quda'i*. Musnad al-Shihab [Isnads of "al-Shihab"]. 2 vols. Beirut: Muassasatu ar-Risala, 1986 (На араб. яз.).

12. *Khairil Husaini Bin Jamil*. Qiraatu fi Tarikh al-Isnad wa at-Tajrad: Kitab Shihab al-Akhbar li al-Qudai wa Asaruhu fi Masar at-Tasnif al-Hadisii [A Reading of Isnād and Tajrīd Methodology: Shihāb al-Akhbār of al-Quḍāʿī (d.454H) and its Influence on Later Ḥadīth Compilations]. Al-Burhān, Journal of Qurʾān and Sunnah Studies. 2019. Vol. 3. Pp. 76–105. (На араб. яз.).

13. *Ibn Rajab al-Hanbali*. Jami'u al-'Ulum wa al-Hikam [Collection of Knowledge and Wisdom]. Beirut: Muassasatu ar-Risala, 2001 (На араб. яз.).

14. *Al-Qadi 'Iyad al-Yahsubi al-Sabti*. Al-Gun'ya Fihristi Shuyukh Al-Qadi 'Iyad [The Sufficient List of Sheikhs al-Qadi 'Iyad]. Beirut: Dar al-Garb al-Islami, 1982 (На араб. яз.).

15. *Sibt Ibn al-Jawzi*. Mir'at al-Zamān fī Tawarīkh al-'Ayān [The Mirror of Time about the History of Prominent Personalities]. 23 vols. Damascus: Dar ar-Risala al-'Alamiyya, 2013 (На араб. яз.).

16. *Hajjī Khalīfa*. Kashf aẓ-Ẓunūn 'an 'asāmī' al-Kutub wa'l-funūn [Opinion's Scrutiny of the Names of Books and the Sciences]. 6 vols. Bagdad: Maktaba al-Musanna, 1946 (На араб. яз.).

17. Catalogo Manuscritos Arabes, Biblioteca Nacional de Madrid [Catalog of Arab Manuscripts, National Library of Madrid]. Madrid: Imprenta y Fudicion de Manuel Tello, 1889 (На испан. яз.).

REFERENCES

1. Alikberov AK. *The Period of Classical Islam in the Caucasus. Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi Encyclopedia Rayhan al-Haqa'iq*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003 (in Russian).

2. Alikberov AK. Al-Warraq. I*slam in the territories of the Former Russian Empire*. Vol. I. Ed. S. M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1998. P. 20 (in Russian).

3. Salah al-Dīn al-Ṣafadī. *Kitab al-Wafi bi'l-Wafayat*. 29 vols. Beirut: Dar al-Ih'ya al-Turas, 2000 (in Arabic).

4. Young MJL., Latham J. D., Serjeant R. B. *Religion, learning, and science in the ʿAbbasid period*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

5. Abu Sa'd Ibn as-Sam'ani. *Al-Ansab. [Genealogies]*. 13 vols. Hyderabad: Majlisu dairati al-maarif al-usmaniya, 1962 (in Arabic).

6. Izzu ad-Din Ibn al-Asir al-Jazari. *Al-Lubab fi tahzib al-ansab [The Best in Clarifying Genealogy]*. 3 vols. Beirut: Dar Sadir, 1994 (in Arabic).

7. Taju ad-Din Ibn as-Subki. *Tabaqat al-Shafiiya al-Kubra [Ranks of Great Shafi'i Scholars]*. 10 vols. Cairo: Dar Hajr, 1992 (in Arabic).

8. Ibn Asakir. *Tarikh Dimashq [History of Damascus]*. 80 vols. Beirut: Dar al-Fikr, 1995 (in Arabic).

9. Taki ad-Din al-Maqrizi. *Itti'az al-Hunafa bi Akhbar al-Aimmati al-Fatamiin al-Khulafa [A Reminder to True Believers of the History of the Fatimid Imam-Caliphs]*. 3 vols. Cairo: al-Majlis al-A'la li al-Shuun al-Islamiyya, 1996 (in Arabic).

10. Abu Tahir as-Silafi. *Mu'jam as-safar [Dictionary of the Travels]*. Beirut: Dar al-Fikr, 1993 (in Arabic).

11. Abu Abdulla al-Quda'i. *Musnad al-Shihab [Isnads of "al-Shihab"]*. 2 vols. Beirut: Muassasatu ar-Risala, 1986 (in Arabic).

12. Khairil Husaini Bin Jamil. *Qiraatu fi Tarikh al-Isnad wa at-Tajrad: Kitab Shihab al-Akhbar li al-Qudai wa Asaruhu fi Masar at-Tasnif al-Hadisii [A Reading of Isnād and Tajrīd Methodology: Shihāb al-Akhbār of al-Quḍāʿī (d.454H) and its Influence on Later Ḥadīth Compilations]*. Al-Burhān, Journal of Qurʾān and Sunnah Studies. 2019. Vol. 3. Pp. 76–105. (in Arabic)

13. Ibn Rajab al-Hanbali. *Jami'u al-'Ulum wa al-Hikam [Collection of Knowledge and Wisdom]*. Beirut: Muassasatu ar-Risala, 2001 (in Arabic).

14. Al-Qadi 'Iyad al-Yahsubi al-Sabti. Al-Gun'ya Fihristi Shuyukh Al-Qadi 'Iyad [The Sufficient List of Sheikhs al-Qadi 'Iyad]. Beirut: Dar al-Garb al-Islami, 1982 (in Arabic).

15. Sibt Ibn al-Jawzi. *Mir'at al-Zamān fī Tawarīkh al-'Ayān [The Mirror of Time about the History of Prominent Personalities]*. 23 vols. Damascus: Dar ar-Risala al-'Alamiyya, 2013 (in Arabic).

16. Hajjī Khalīfa. K*ashf aẓ-Ẓunūn 'an 'asāmī' l-Kutub wa'l-funūn [Opinion's Scrutiny of the Names of Books and the Sciences]*. 6 vols. Bagdad: Maktaba al-Musanna, 1946 (in Arabic).

17. *Catalogo Manuscritos Arabes, Biblioteca Nacional de Madrid [Catalog of Arab Manuscripts, National Library of Madrid]*. Madrid: Imprenta y Fudicion de Manuel Tello, 1889 (in Spanish).

18. Al-Fahrasu al-Shamil li at-Turas al-'Arabi al-Islami al-Makhtut: al-Hadith an-Nabawii al-Sharif wa 'ulumuhu wa rijaluhu [The Complete Catalog of the Arab-Islamic Heritage of Manuscripts]. Amman: al-Majma' al-Maliki, 1991 (На араб. яз.).

19. *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004.

20. *Аликберов А.К.* Мусульманская культура и образование в Баб ал-Абвабе, Ширване и Арране в XI–XII вв., по сведениям «Му'джам ас-сафар» Абу Тахира ас-Силафи. Дагестан и мусульманский восток. Под ред. А. К. Аликберова, В. О. Бобровникова. М.: «Марджани», 2010. С. 61–81.

21. *Ibn Abd al-Malik al-Marakishi.* Adh-Dhailu wa at-takmilatu li kitabaiy al-Mawsul wa as-Sila [Appendix and Addition to Two Books: al-Mawsul and al-Sila]. 5 vols. Tunis: Dar al-Garb al-Islami, 2012 (На араб. яз.).

22. *Shams ad-Din adh-Dhahabi.* Siyar a`lam al-nubala [The Lives of Noble Figures]. 18 vols. Cairo: Dar al-Hadith, 2006 (На араб. яз.).

23. *Abu Abdulla al-Wadi-Ashi.* Barnamiju al-Wadi-Ashi [Al-Wadi-Ashi's Catalog]. Beirut: Dar al-Magrib al-Islami, 1980 (На араб. яз.).

18. *Al-Fahrasu al-Shamil li at-Turas al-'Arabi al-Islami al-Makhtut: al-Hadith an-Nabawii al-Sharif wa 'ulumuhu wa rijaluhu [The Complete Catalog of the Arab-Islamic Heritage of Manuscripts].* Amman: al-Majma' al-Maliki, 1991 (in Arabic).

19. Prozorov SM. *Islam as an ideological system*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004 (in Russian).

20. Alikberov AK. Islamic Culture and Education in Bab al-abwab, Shirvan and Arran in the Eleventh and Centuries, According to Mu'jam al-safar by Abu Tahir al-Silafi. *Daghestan and the Muslim East*. Ed. A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow: Marjani, 2010. Pp. 61–81 (in Russian).

21. Ibn Abd al-Malik al-Marakishi. *Adh-Dhailu wa at-takmilatu li kitabaiy al-Mawsul wa as-Sila [Appendix and Addition to Two Books: al-Mawsul and al-Sila].* 5 vols. Tunis: Dar al-Garb al-Islami, 2012 (in Arabic).

22. Shams ad-Din adh-Dhahabi. *Siyar a`lam al-nubala [The Lives of Noble Figures].* 18 vols. Cairo: Dar al-Hadith, 2006 (in Arabic).

23. Abu Abdulla al-Wadi-Ashi. *Barnamiju al-Wadi-Ashi* [Al-Wadi-Ashi's Catalog]. Beirut: Dar al-Magrib al-Islami, 1980 (in Arabic).

Поступила в редакцию 16.02.2023 г.
Принята в печать 16.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 16.02.2023
Accepted 16.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192306-325

Исследовательская статья

Мусаев Махач Абдулаевич,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mahachmus@gmail.com

ДАГЕСТАНСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ В МЕСТНОЙ АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Аннотация. Арабский язык, пришедший на Восточный Кавказ вместе с исламом, с течением времени и углублением исламизационных процессов стал для региона языком письменности. Он сохранял этот статус вплоть до конца 20-х гг. XX в., основательно изменив местную номенклатуру имен собственных и полностью приспособив их написание к устоявшимся правилам арабской антропонимической системы, составными частями которой являлись *кунйа, мансаб, исм, насаб, нисба* и *лакаб*. Дагестанская антропонимия в местных арабоязычных текстах функционировала по правилам и в рамках арабо-мусульманской антропонимии, однако имела ряд особенностей. Основой дагестанского антропонимикона стали имена, сокращенные до *‘урф*, то есть достаточные для идентификации. Это имена, состоящие из имени личного, зачастую с *насаб*, а также *нисбы*, образованной по географическому принципу и связывающей личность с его общиной (селением) или союзом общин. Наиболее используемой данная форма стала по той причине, что она повторяла местную дагестанскую модель идентификации и самоидентификации личности. Опыт работы с дагестанским арабоязычным письменным наследием позволяет отметить определенные сложности при чтении и идентификации местных *нисб*: отсутствие арабских эквивалентов части букв дагестанских языков, трансформация *нисб* во времени, перевод значений *нисб*, сокращение их и пр. Проблема решается составлением словаря дагестанских *нисб*, модель которого предлагается в данной работе. Обращено внимание на особенности передачи дагестанской арабографической антропонимии кириллицей: сочетание транслитерации, транскрипции и др., которые, несмотря на противоречие, зачастую сочетаются в рамках одного публикуемого исследования. Предлагается использовать единый подход в рамках одного исследования, при этом оптимальным путем передачи дагестанской антропонимии видится использование оригинальной арабской графики при первом упоминании, а в дальнейшем по тексту отображение упрощенной транскрипцией максимально близкой к звучанию на дагестанских языках.

Ключевые слова: дагестанская антропонимия; арабская антропонимия; письменная культура; *нисб*а; антропонимика; ономастика,

Для цитирования: Мусаев М.А. Дагестанская антропонимия в местной арабоязычной письменной традиции: некоторые практические вопросы источниковедческих исследований и публикаций // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 306-325. doi.org/10.32653/CH192306-325

© Мусаев М.А., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192306-325

CC BY

Research paper

Makhach A. Musaev,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mahachmus@gmail.com

DAGESTAN ANTHROPONYMY IN THE LOCAL ARABIC-LANGUAGE WRITTEN TRADITION: SOME PRACTICAL ISSUES OF SOURCE STUDIES AND PUBLICATIONS

Abstract. The Arabic language, which came to the East Caucasus along with Islam, with the intensification of Islamization processes became the language of writing for the region. It maintained this status until the end of the 1920s of the 20th century, fundamentally changing the local nomenclature of proper names and fully adapting their spelling to the already established rules of the Arabic anthroponymic system, the components of which were *kunya*, *mansab*, *ism*, *nasab*, *nisba* and *lakab*. Dagestan anthroponymy in local Arabic texts functioned according to the rules and within the framework of Arab-Islamic anthroponymy; however, it had a number of peculiarities. The basis of the Dagestan anthroponymicon was the names abbreviated to 'urf, which was sufficient for identification. These are names consisting of a proper name, which often goes with a nasab, as well as a nisba, formed according to a geographical principle and attributing a person to their community (village) or union of communities. This form became the most common due to its similarity with the local Dagestan model of identification and self-identification. The experience of working with the Dagestan Arabic-language written heritage has allowed us to point out certain difficulties in reading and identifying local nisbas: the absence of Arabic equivalents of part of the letters of the Dagestan languages, the transformation of nisbas in time, the translation of nisbas' meaning, their abbreviation, etc. This problem can be solved by compiling a dictionary of Dagestan nisbas, the model of which is proposed in our study. The paper also highlights the peculiarities of the denotation of Dagestan Arabic anthroponymy in Cyrillic: a combination of transliteration, transcription, etc., which, despite the contradiction, are often combined within the framework of a single publication. We propose to use a unified approach within the framework of one study, while the best way to convey Dagestan anthroponymy is to use the original Arabic script at the first mention, and later in the text to denote it with a simplified transcription as close as possible to the phonation in Dagestan languages.

Keywords: Dagestan anthroponymy; Arabic anthroponymy; written culture; nisba; anthroponymy; onomastics.

For citation: Musaev M.A. Dagestan anthroponymy in the local arabic-language written tradition: some practical issues of source studies and publications. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 306-325. doi.org/10.32653/CH192306-325

© M.A. Musaev, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Краткая история развития арабской антропонимической системы и приобретение классической формы

В доисламские времена и в период начала распространения ислама общепринятой в арабском обществе была самоидентификация и идентификация человека по его имени собственному (*исм*) с прибавлением, в случае необходимости, имени отца и других предков по мужской линии *(насаб)*. Цепи *насаб*, как правило, завершались именем реального или легендарного прародителя всего племени. Если же распознавание человека требовалось для третьих лиц, то, обычно, использовали имя собственное с добавлением имени прародителя племени. В этом случае племенное обозначение принимало форму *нисбы* (суффиксация, где дополнением к производящей основе слова служит суффикс «и», к примеру, *бадр* «луна» – *бадри* «лунный»). По случаю между именем и *нисбой* мог быть вставлен один (или несколько) *насаб*, т.е., если бы человек именовал себя полным именем «*Я, ал-Харис б. Асад б. Зайд б. Сабит б. Авс б. Бакр*» – «*Я, ал-Харис, сын Асада, сына Зайда, сына Сабита, сына Авса, сына Бакра*» (*Бакр* – это легендарный предок племени Бакр), то его именовали бы «*ал-Харис ал-Бакри*» или «*ал-Харис ибн Асад ал-Бакри*» («*ал-Харис, сын Асада ал-Бакри*»).

Рождение наследника в арабском обществе было важным событием, которое отражалось на общественном положении человека. Теперь к нему следовало обращаться, подчеркивая его возросший статус. Для этого служила *кунйа* – приставка к имени, состоящая из двух компонентов – *Абу* («отец»), или *Умм* («мать») с добавлением имени первенца. Например, *Абу-ʻУсман* (Отец Усмана) или *Умм-ʻУсман* (Мать Усмана), если сын назван ʻУсманом. Начиная со второго века хиджры, наблюдается тенденция к тому, что к человеку равного или высшего социального статуса становится общепринятым обращаться не по имени, а по *кунйа*.

Урбанизация и распад родового строя в арабо-мусульманском обществе привели к появлению *нисб*, образованных на географической основе, принадлежности к одному из мазхабов, к определенной сфере профессиональной деятельности и пр. Многие люди, чьи имена зафиксированы в средневековых арабских текстах, имеют более одной *нисбы* (ал-Багдади ал-Харири – багдадец, продавец шелка; ад-Димашки аш-Шафиʻи – дамаскинец, шафиит).

Еще в доисламский период в дополнение к личному имени человек мог иметь прозвище – *лакаб*, позже приобретшее смысл почетного эпитета. *Лакаб* служил для идентификации человека и часто он мог быть более известен по данному эпитету. Первые аббасидские халифы инициировали практику присвоения почетных титулов правителям в форме *лакаб* (*ал-Мутаваккил ʻала-Ллах* («Полагающийся на Аллаха»), *ал-Мустансир би-Ллах* («Просящий помощи Аллаха») и др., сокращаемые до *ал-Мутаваккил, ал-Мустансир*. При цитировании полного имени человека почетный эпитет чаще всего указывался в самом его начале, перед *кунйа* и *исм*, хотя иногда выносился в конец и ставился после *нисбы*. Последнее стало нормой в более поздний период.

Примерно в это же время, с конца второго века хиджры, халифы (а позже султаны) начали даровать видным государственным деятелям почетные имена, получившие статус титула – *Сайфуддавла* («Меч государста»), *Низамулмулк* («Порядок царства»), *Салахуддин* («Благочестие веры») и др. Их компонентами стали *дин* (религия), *давла*

(государство), *мулк* (владение). Данная практика отражала социальную стратификацию арабо-мусульманского общества, наметившуюся тенденцию необходимости обращения в соответствии с занимаемым общественным положением.

В Аббасидский период завершилось сложение стройной арабской антропонимической системы, составными частями которой стали *кунйа, мансаб, исм, насаб* (с или без дополнительных *насаб*), *нисба* (или несколько *нисб*) и *лакаб*. Ясно, что такая форма именования человека была слишком громоздкой для общего пользования и возник обычай сокращения полного имени до условного или достаточного для идентификации (*ʻурф*), – произвольно выбранного компонента (или компонентов) полного имени, которым человека обычно называют, к примеру, – *Ибн Сина, Абу-Ханифа, Фахруддин ар-Рази* и т.д. [1, p. 2-8].

Составные элементы арабской антропонимической системы и их употребление в дагестанских арабоязычных текстах

Кунйа (*текноним*, كنية). Первый, но не обязательный элемент арабской антропонимии, Применение арабской *кунйа* не получило распространение в Дагестане, хотя мы можем привести единичные случаи. Например, в отношении *ʻАбдурахмана ас-Сугури* использована *кунйа Абу-Ахмад* [2, с. 107–108].

Лакаб (*эпитет*, لقب). Изучение дагестанского материала показывает, что использование *лакаб*, как и *кунйа*, в регионе не прижилось, хотя в самих именах можно встретить указание на то, что приводится «*лакаб*». В качестве образцов можно привести некоторые из них, встречающиеся в колофонах рукописей: «Закончил [переписывать] книгу, которая называется «*Саййид аш-Шариф*» слабый раб, нуждающийся в господе Всевышнем, Мухаммад ал-Карати, прозванный (*ал-мулакаб*) Хикалав»[1]; «Переписчик – Хаджияв, сын Мухаммада, прозванного (*ал-мулакаб*) Цетав (ЦIетIав (диал.) – «голубоглазый» на аварском языке), сына хаджия[2] Хасана, сына паломника двух святынь хаджия Раджаба»[3], и др.

Из данных цитат мы видим, что под *лакаб* подразумевались не эпитеты, а прозвища или прозвания, т.е. дополнения к имени, которые закрепляли устную традицию именования человека, или служили для того, чтобы отличить данное лицо от тезок. Они не несли какой-либо положительной или отрицательной составляющей. Между тем, Коран (49:11) предопределил смысловое содержание *лакаб* как прозвания в положительном смысле этого слова, т.е. эпитета.

Прозвания могут быть и исключительно письменными. Например, в дагестанской традиции известны *Хасан ал-Кабир* («Старший») ал-Кудали и *Хасан ас-Сагир* («Младший») ал-Кудали. Они жили в разное время, и дабы не было путаницы в отношении Хасана, жившего позднее, использовали характеристику «младший». В то же время Хасан, живший ранее, стал персонализироваться как «ал-Кабир». В данном случае особенность в том, что эпитеты *ал-Кабир* и *ас-Сагир* в текстах указываются не

1. Рукопись по риторике арабского языка. Дата переписки: 1687/88 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1602.
2. В тексте: ал-хаджжи. Полагаем уместным передачу *мансаб* «ал-хаджжи» и «аш-шайх», как хаджий и шейх.
3. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1715/16 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №554(а).

до имени, как это было принято в первые века ислама, и не после *нисбы*, как это повелось позднее, а сразу после личного имени. Видимо для того, чтобы было восприятие, что это не *лакаб*[4].

Понимание того, что это прозвания, а не *лакаб* было у автора биографического словаря начала XX в.‘Али ал-Гумуки (Каяева). В подобных случаях он избегал использования термина, что можно проиллюстрировать на отрывке из его труда: «*Арабские науки он изучал у Беццав* («Слепой» на аварском языке) *Исупа, то есть Йусуфа Слепого* (*ал-А‘ма) ал-Митлилти*» [5, с. 58]. В последнем случае в тексте приводится как оригинальное прозвище, так и его перевод на арабский язык[5].

В целом же ‘Али ал-Гумуки (Каяев) использует термин *лакаб* (*ал-мулакаб* – الملقب) для того, чтобы обозначить, что, несмотря на наречение одним именем, богослов был известен под другим – Мухаммад-Амин из Арчиба, прозванный Казакилавом, Мухаммад-Шафи‘, именуемый Дибир-кади ал-Авари, ‘Абдуллах ас-Сугури по прозвищу Шайтан, Мухаммад, прозванный Мамма-Киши ал-Индирави, и т.д.[6].

Подобные прозвания являются частью устной традиции, и они письменно, хотя и редко, указывались даже в том случае, если не было необходимости для полной идентификации человека. Основатель имамата Гази-Мухаммад отличался высоким ростом и имел прозвище «Халатав» («Высокий» – на аварском языке). В текстах можно обнаружить приставку «*ат-Тавил*» («Высокий» – на арабском языке). Аналогичный этому образец – это дополнение к имени аварского нуцала Умма-хана – *ал-Кабир*, что является переводом приставки к его имени, которая на аварском звучит как КIудияв («Старший», «Большой», «Значительный»). На этих примерах можно заметить, что в Дагестане существовала традиция присваивать прозвища или эпитеты правителям феодальных владений или политическим фигурам, что нашло отражение в местной арабской литературе. В некоторых случаях можно встретить их в переводе на арабский язык, как указано выше, а в некоторых – передачу собственно прозвища в том виде, каком они звучат на дагестанских языках – Сурхай Чолак («Однорукий»)[7], Сурхай Кунбуттай («Большой отец» или «Многодетный»), Тишсиз («Беззубый») Баммат.

По последнему прозвищу видно, что, несмотря на коранический императив, они существовали и в обидной форме. Как разновидность можно привести и пример другого прозвища вышеупомянутой исторической личности. Речь об имаме Гази-Мухаммаде, известном в русскоязычной литературе, прежде всего дореволюционной, как Кази-Мулла. Один из дагестанских ученых, Йусуф ал-Йахсави, будучи идеологическим противником имама, написал сочинение “*Тухфа ал-Карар ‘ала Кузи-Малла ал-Гарар*” (Дар [вновь и вновь] нападающего (подразумевает себя) на обманщика Кузи-Муллу) [7, с. 635]. «Кузи» – одновременно подражание русскому именованию и умышленное искажение термина кадий, которое следует понимать,

4. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: середина XIX в. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №169.
Также можно встретить Хаджи-‘Али Второго (ас-Сани) ал-Акуши [3, с. 165].
С пониманием «ас-Сагир» необходимо быть осторожным. Можно встретить «ас-Сагир», как перевод части имени ГьитIинав, что означает на аварском языке «Младший» [4, с. 203].
5. Прозвища могли не требовать перевода. Это можно отнести к слову «Шайтан», которое прибавлялось к имени известного дагестанского богослова ‘Абдуллаха ас-Сугури, предвосхищавшего астрономические явления и удивлявшего этим современников [6, с.104–105].
6. ‘*Али ал-Гумуки* (*Каяев*). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» («Биографии дагестанских ученых-богословов»). Рукопись на арабском языке. Л.16, 22, 58, 69.
7. Современником Чолака являлся турецкий султан Махмуд I (правил 1730–1754) по прозвищу «Камбур» (Горбун).

как недокадий. Это прозвище закрепилось за Гази-Мухаммадом в среде местных его врагов[8].

Относительно *лакаб* следует сделать одно важное дополнение. Его не следует путать с почетными титулами, эпитетами, подчеркивающими уважение, которыми награждали ученики и авторы биографических трудов, особенно суфийских. Например, – «ʻАбдуразак, прозванный (ал-му*лакаб*) столпом общины и веры» (عبد الرزاق الملقب بعماد الملة و الدين)[9]. В данном случае это не часть полного имени.

К именам *лакаб* относят псевдонимы поэтов, писателей и людей культуры, объединяемые термином *тахаллус* (или *махлас*) [8, p. 123]. Тахаллус могут иметь какую-либо связь с личными качествами носителя, с характером и стилем его произведений, с именами меценатов, с названием места проживания и т. д. Так, к примеру поэт *ал-Баис* был назван по стиху, который начинается словом того же корня, *ал-Мутанабби* по роду своей политической деятельности, а у поэта *Омара Хайяма* – «*хайам*» – это *лакаб*, означающий «палаточник». Такое прозвание обычно должно было упоминаться в конечном стихе каждого произведения поэта и служило знаком авторской принадлежности. Этой традиции следовал дагестанский богослов и поэт *Хасан ал-Алкадари* (автор сочинений «Джираб ал-Мамнун», «Диван ал-Мамнун» и др.), носивший псевдоним *ал-Мамнун* («Благодарный»).

Иногда, в том числе и Дагестане, в состав имени включался *мансаб* (إسم منصب) – должность, профессиональное занятие и т.д., указывающее на социальное положение, достижения и т.д. Примерами *мансаб* могут служить: *ал-ʻалим* (ученый-богослов, алим); *ал-кади* (судья, правовед, кадий); *аш-шайх* (шейх – суфийский, или выдающийся ученый-богослов); *ас-сайиид* (потомок пророка Мухаммада); *ал-хаджжи* (совершивший обряд хаджа, хаджий); *ал-амир* (правитель, феодальный владетель, эмир). В особую группу *мансаб* можно выделить титулы, обозначающие должности в Кавказском имамате – *амир ал-му'минин* (повелитель правоверных, глава); *ал-имам* (имам)[10]; *ан-наиб* (глава административно-территориальной единицы государства), *ал-мудир* (глава округа, объединявшего несколько территориальных единиц), *ал-мухтасиб* (блюститель, лицо, наблюдавшее за соблюдением законности).

Все выше перечисленные *мансаб* в дагестанских текстах, как правило, указываются в самом начале, до имени. Исключением может служить эпитет *ал-хаджжи* (совершивший хадж, хаджий), который в некоторых случаях без артикля указывается сразу после имени. Например, Мухаммад-хаджи.

Также сразу после личного имени зачастую указывается *мансаб* греческого происхождения *афанди* (Мухаммад-афанди и др.), служивший для вежливого обращения, и имевший значение «господин». Чаще всего термин *афанди* использовался в связке с именами суфийских шейхов.

В виде постфиксов к имени указывались также титулы, передававшиеся по наследству – *хан, нуц(/с)ал, бек, шамхал, уц(/с)уми, ма'сум* (ʻУмма-хан, Махди-шамхал, Мухаммад-нуцал и т.д.). На примере правителя Казикумухского и Кюринского ханств Аслана можно четко проследить, что, когда он был членом правившей

8. В некоторых современных исследованиях все еще продолжают именовать Гази-Мухаммада Кази-Муллой.
9. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1711 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1238(а).
10. Анализ текстов показывает, что термин амир ал-му'минин использовался для внешних сношений, а имам для внутригосударственного пользования.

в Гази-Гумуке семьи в официальной корреспонденции, как адресатом, так и адресантом, он именовался Аслан-беком, как только стал правителем – Аслан-ханом.

Исм (*личное имя*, إسم) – имя личное, также обозначается термином *ʻалам* или *исм ʻалам*. Особенность арабских имен в том, что они почти всегда имеют понятное и переводимое значение. Арабо-мусульманские мужские личные имена[11] можно типологизировать: 1) древние арабские имена доисламского происхождения – *Хасан* (Хороший), *Ахмад* (Самый восхваляемый) и т.д.; 2) библейские имена в коранической форме: *Ибрахим* (Авраам); *Муса* (Моисей) и др.; 3) имена, образованные по определенной модели: а) с *ʻАбд* (Раб) в начале имени с добавлением одного из девяноста девяти имен Аллаха – *ʻАбдул ʻазиз* (Раб Всемогущего) и др.[12]; б) имена, включающие в себя «Аллах» в конечной части структуры. Например, *Саʻадуллах* (Помощник Аллаха), и др.; в) имена, включающие в себя «*Дин*» (религия, вера) в конечной части структуры: *Садруддин* (Опора веры), и др.; 4) имена на основе *кунйа* или части *насаб* (см. ниже) известных в истории ислама личностей (*Абу-Бакр*) и т.д.; 5) заимствованные имена, например, из древнеиранской истории (*Хосров*), тюркской антропонимии, связанной с выдающимися личностями ислама (*Арслан*) и др.; 6) имена, основанные на абстрактных существительных, иногда с суффиксом «и» (*Тавфик, Фахри*), получившие распространение в период доминирования Османской империи в исламском мире [9, с. 179].

Имена всех вышеперечисленных типов носили дагестанцы, упоминаемые в местных арабоязычных текстах. Помимо арабских имен (а также персидских и тюркских имен, вошедших в арабский именник) также представлены:

Имена дагестанского происхождения, например – Кебед (*Къебед*), Кудивас (*КIудивас*), Анх (*ГIанх*), Лахиялав (*ЛахIиялав*)[13] и др.;

Имена, заимствованные в номенклатуру имен дагестанских народов в доисламскую эпоху, например, – Эрекли (*ГъерекIли*, от Ираклий), ʻАлисканти (*ГIалисканти*, от Александр), *Тидури* (от Теодор);

Арабские имена, получившие локальную форму при добавлении окончаний характерных для местных языков, например, – Ахмадилав (*АхIмадилав*), Махмудилав (*МахIмудилав*);

Арабские имена, получившие локальную форму вследствие искажения, например, Махамад[14] (*МахIамад*), Мамма (*МагIамма*), Баммат, Баганд (*БахIанд*);[15]

Комбинированные имена, где часть имени имеет местное дагестанское происхождение, часть арабское: Хитинав-Мухаммад (*ГъитIинав-МухIаммад, ГъитIина-МухIама* или *ГъитIинав-МахIамад*)[16], т.е. «Младший» Мухаммад;

Имена, образованные от местных дагестанских *нисб* (см. ниже): *Къудукьилав*, *Йарагъи(-яв)*, *Сугъури(-яв)*.[17]

11. Мы сконцентрировались исключительно на мужских именах, поскольку в письменной культуре подавляющее большинство имен являются мужскими, а также учитывая то обстоятельство, что изложенные ниже принципы формирования и функционирования мужских имен применимы и к женским.
12. Имена, образованные по данной модели и включавшие названия языческих божеств исчезли из употребления с утверждением ислама (ʻАбд ал-Манат, ʻАбд аш-Шамс и др.). Считается, что имена подобного типа являются производными от эпитетов (лакаб) первых мусульман.
13. Переводится с аварского как «Обмазанный сажей» и является именем-оберегом.
14. Без *ташдид* над буквой «м».
15. Все перечисленные имена являются локальными искажениями имени Мухаммад.
16. В том числе и в усеченной диалектной форме – Тина-Махама (*ТIина-МахIама*).
17. Например, имя Къудукьилав (Рукопись по риторике. Дата переписки: 1733 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1195).
Имена, образованные от нисбы известны и в арабской традиции.

Уменьшительно-ласкательные имена, ставшими именами личными – *МахIакI* (от Мухаммад), *ГIадукI* (от ʻАбдуллах), *КъурахI* (от Кура-Мухаммад) и др.

К особенностям дагестанского именослова следует отнести то, что значительное распространение в сравнении с арабо-мусульманским миром получили: двусоставные имена, состоящие из комбинации двух арабских имен, например: Мухаммад-ʻАли (*МухIаммад-ГIали*), ʻАли-ʻУмар[18] (*ГIали-ГIумар*) и др.; имена, указывающие на обстоятельства рождения, в частности, происходящие от арабских названий месяцев, например: *ШагIбан, Рамад(/з)ан*[19], *Радж(/ж)аб* (с локальными формами *Рабадан, Ламазан, Лабазан, и т.д.*); имена, образованные от почетных титулов (*хитаб*), например: *хадж(/ж)и*, *амир*, *мулла* (вар.: *малла*) и др. Чаще подобные имена являлись частью двусоставного имени (*АхIмад-ХIажи*, *Амир-ГIали, Малла-ХIажияв*).

Здесь важно учитывать, что арабское по происхождению имя, войдя в именник дагестанских народов, становится дагестанским именем, частью антропонимиконов дагестанских народов.

Практика изучения записей и надписей показывает, что многие местные имена вытеснены арабо-мусульманской антропонимией полностью, или остались в единичных случаях, и их чтение, когда отсутствуют огласовки, почти всегда под сомнением [10, с. 1087]. В некоторых случаях помогают долготы, но их чрезвычайно редко использовали в Средневековье. Например, имя ученого богослова Мухаммада б. Титалава ал-Карати (более известного как Титалав, что означает «сын Титава»), так и осталось бы прочитанным неверно[20], если бы в одной из рукописей оно не оказалось огласованным [12, с. 3226].

В единичных случаях возможны проблемы с идентификацией личности, вызванные передачей имен в переводе на арабский язык. Выше приводился пример, где имя Гитинав («ГьитIинав» на аварском «Младший»), передано на арабском как «ас-Сагир» (Младший). Отчасти схожий пример связан с богословом и шейхом первой половины XX в. Гитинав-Мухаммадом (букв.: Младший Мухаммад) из Андыха. Его имя в письме стали передавать как Хумайд, что является арабским уменьшительно-ласкательным (*исм сугайра*) от Мухаммад. Впоследствии имя Хумайд закрепилось за ним как личное[21].

Насаб (патроним, نسب) – родословная, имя отца, предваряемое *ибн / бну* (сын / إبن) или *ибнат / бинт* (дочь / إبنة): *Мухаммад ибн ʻУсман ибн Ахмад* (Мухаммад, сын Усмана, сына Ахмада), *Фатимат бинт Ахмад* (Фатима, дочь Ахмада). Правила арабской орфографии предполагают исключение первой буквы в термине *ибн – бну* (بن) и написание *бинт* (بنت) вместо *ибнат*[22]. В некоторых случаях перечисляется большая цепь предков, но, как правило, принято ограничиваться одним или двумя. Если в истории известно два человека с одинаковым именем и *нисбой*, то для различия могут быть добавлены одна или несколько *насаб*. В специализированной литературе

18. Мы используем дефис, чтобы показать, что это одно имя, с учетом того обстоятельства, что в письме конечная «йа» первой части имени и начальное «ʻайн» второй части имени, не соединяются.
19. Арабская буква «Дад» (ض), присутствующая в слове Рамадан, в Дагестане читается по персидской традиции как «З» или «Дз».
20. Оно читалось ранее как Татилав [11, с. 6].
21. Встречаются и экзотические случаи. Имя богослова XX в. Бахухилава из Гента, образованное от аварского слова «бахъухъ», наименования дагестанской сладости (готовится из масла, муки и сахара), передано как «*ал-Хабиси*» («الخبيصى»). «*Хабис*» – это название одной из арабских сладостей (изготавливается из фиников, сливок и крахмала).
22. Полная форма *Ибн* пишется, если является началом имени, или, если с данного слова начинается новая строка.

общепринятым является сокращение *ибн* и *бинт* в форме «б.» – Мухаммад б. ʻУсман, вместо Мухаммад ибн ʻУсман.

Насаб мог служить именем, по которому человек известен, т.е. в качестве идентифицирующего имени могли использоваться не *кунйа*, не *исм* и не *нисба*. Например, полное имя известного богослова Ибн-Хаджара – Шихабуддин Абу-ал-ʻАббас Ахмад ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн ʻАли ибн Хаджар ал-Хайтами ас-Саʻиди ал-Макки ал-Ансари аш-Шафиʻи.

Редко, но в дагестанских сочинениях можно встретить указание *насаб* не в арабской форме, а в аварской. Например, ʻУмарил Мухаммад (Мухаммад, сын ʻУмара). Но трудно определить в каждом конкретном случае это *насаб* в аварской форме или личное имя. В данном случае, человек мог быть назван в честь того, кто носил имя Мухаммад, но был более известен как ʻУмарил Мухаммад. Имя с патронимом одного (ʻУмарил Мухаммад), становилось личным именем другого (ʻУмарил-Мухаммад).

Нисба (نسبة) – является одним из компонентов средневекового[23] арабского имени собственного. Ее функция заключается в том, чтобы выразить отношение носителя к определенному месту, группе, человеку, идеям и пр. Анализ дагестанских источников (исторических и биографических сочинений, колофонов рукописей, эпиграфики (кладбищенской и надписей на оружии и украшениях), памятников деловой и личной переписки и др.) показывает, что основой образования *нисбы* в Дагестане служил географический фактор, в подавляющем большинстве они образованы от ойконимов (включая астионимы, городские хоронимы, комонимы) и хоронимов. Таким образом, посредством *нисбы* устанавливалась связь человека с общиной и или союзом общин, к которой принадлежал носитель имени, демонстрируя характер внутридагестанской идентификации и самоидентификации. Правила формирования и функционирования дагестанской письменной антропонимии соответствуют классической арабской системе, в том числе и в части, связанной с *нисбой*.

В связи с тем, что вопрос статусного разграничения города и селения вообще и в условиях Дагестана, в частности, является сложным и спорным, то существует большая проблема в выделении *нисб*, образованных на основе астионимов, т.е. названий городов. Пожалуй, только в отношении Дербента, Кумуха и Хунзаха он не вызывает сомнений. От первого астионима образованы две известные нам *нисбы* – ад-Дарбанди (الدربندى) и ал-Баби (البابى), от персидского и арабского вариантов наименования города *Дарбанд* и *Баб ал-Абваб* соответственно. Что касается других крупных дагестанских населенных пунктов, то в отношении некоторых из них в арабоязычных текстах используются термины *бáлда* (بلدة), со значением город или городок, но в то же время встречается и термин *кáрйа*, т.е. селение. К примеру, мы выявили употребление термина *бáлда* в отношении населенных пунктов Дербент, Кумух, Хунзах, Ахты, Акуша, Тарки, Эндирей, Куба, Нижнее Казанище, Маджалис, Нижний Дженгутай, Ругуджа, Аксай, Согратль, Анди, Джар, Кубачи и Башлы. Это крупные населенные пункты, выполнявшие роль политических, культурных, экономических, торговых и ремесленных центров всего Дагестана или некоторых ее регионов в определенные периоды времени или на всем протяжении обозримой исторической перспективы. От названия населенного пункта Кумух исходят *нисба ал-Кумуки, ал-Гумуки, ал-Гази-Гумуки* и *ал-Гази-Кумуки* (القمقى, القموقى, الغازى قموقى, الغموقى, الغازى غموقى); от названия

23. *Нисбы*, но уже в качестве фамилий, используются и в настоящее время.

населенного пункта Хунзах – *ал-Хунзахи* (الخنزخى)[24], но в то же время хунзахец мог носить *нисбу ал-Авари* (الاوارى). Это связано с тем, что Хунзах являлся центром историко-культурной области и крупной политической структуры – Авар. Интересно, что существуют *нисбы*, образованные от названий кумухских и хунзахских кварталов – *ал-Кибуди* (Къи́буди, «القبدى»), *ал-Хухали* (Гьукка́л, «الهخالى»), *ат-Талти* (ТIалтIа́, «الطلطى»)[25]. Т.е. *нисбы* в Дагестане могли образовываться и от городских хоронимов – названий внутригородских объектов.

Если примеры образования *нисбы* от астионимов и урбонимов относительно немногочисленны, то *нисбы* от топонимов, которые можно отнести к комонимам, составляют основную массу дагестанских *нисб* и основу идентификации человека.

Множество дагестанских *нисб* образовано от хоронимов – имен собственных территорий, имеющих определенные границы (исторические области, союзы общин), к примеру – ал-Кили («القلى», союз общин Келеб), ал-Карахи («القراخي», союз общин Карах), ал-Хидали («الهدلى», союз общин Гид или Гидатль), и др. Подобные *нисбы* могут служить как основными (первыми), что встречается редко, так и дополнительными. В качестве примеров того, что *нисбы*, образованные от хоронимов, служили основными, можно привести имена известных богословов ʻАли ал-Кили (из Келеба) и Мухаммада-Тахира ал-Карахи (из Караха).

В случае, если дагестанский ученый-богослов пребывал на Востоке или оставался там для постоянного жительства, в качестве основной в его отношении использовалась *нисба ад-Дагистани* (الداغستانى)[26], образованная от названия исторической области, откуда он происходил. В Дагестане же эта *нисба* выполняла роль дополнительной, указывая на постоянное пребывание ее носителя вне пределов исторической Родины [13, с. 585; 2, с. 27, 35, 37–38][27] , либо на его известность вне ее пределов, как, например, книжного издателя Мухаммада-Мирзы Мавраева [3, с. 166].

Тот факт, что основой дагестанской *нисбы* служило название родного населенного пункта (общины) ее носителя, а дополнительно название политической структуры (союза общин), откуда он происходил, не случаен. Здесь мы видим закрепление традиционного для региона способа идентификации личности в рамках арабо-мусульманской антропонимической системы. Внутри общины человек определялся по имени. Если имя было распространенным, то оно применялось в сочетании с именем отца. Например, Мухаммад, сын Мусы (на аварском языке – Мусал МахIамад[28]). Как вариант, поскольку имя Мухаммад очень распространено, человек мог обозначаться просто как сын Мусы – Мусалав. Если и этого было недостаточно для персонализации, то применялись названия их «домов» (фактически это фамилия; на аварском – *рукъ*), родов, кварталов проживания или прозвища. За пределами населенного пункта его имя произносилось в сочетании с наименованием общины (селения), к которой он принадлежал [14, с. 66, 69–70].

24. Рукопись по мусульманскому праву. Дата переписки: 1735 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2330.
25. Что является весомым аргументом в пользу того, чтобы считать данные населенные пункты городами.
26. Редко, но можно встретить данную *нисбу* в форме «الطاغستانى» (ат-Тагистани). Ее использование характерно для тех, кто работал в рамках турецко-османской письменной традиции.
27. *ʻАли ал-Гумуки* (*Каяев*). «Тараджим ʻуламаи Дагистан» … Л. 22;
Шуʻайб ал-Багини. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва-садат машаʻих ал-халидийа ал-махмудийа («Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Хадилидийа-Махмудийа»). Рукопись на арабском языке. С. 449.
28. Между Мусал и МахIамад может добаляться «вас» (сын), но это очень редкое явление.

Наш опыт работы с дагестанским арабоязычным письменным наследием позволяет отметить следующие особенности, которые важны при чтении и идентификации местных *нисб*.

1. Первичная цель *нисбы* – идентификация человека, соответственно стояла задача как можно более адекватно и близко к произношению и звучанию передать название эпонима. При написании *нисб* в арабском тексте возникало несколько проблем. В арабском языке отсутствует группа согласных, которые имеются в дагестанских языках. В частности, – г, п, ч, чI, чIчI, ж, кь, кI, кк, кIкI, лъ, хъ, хь, ц, цц, цI, цIцI; во-вторых, отсутствуют гласные «о», «э», «ю», «е», «ё», присутствующие в языках народов Дагестана. Из ситуации выходили использованием литер, близких по звучанию, или же букв аджама[29].

Примеры: ЧIохъ (Чох) – *«الچوخی» (ал-Чухи) или «الجوخی» (ал-Джухи)* [3, с. 161, 164, 166]; ГIахьа́лчIи(б) (Ахалчи) – «العكلجی» (*ал-Ак(х)алджи*) или «العكلچی» (*ал-Ак(х)алчи*) [15; 16, с. 177]; Гинӏчукь (Гиничутль) – «الكنچوقی» (*ал-К(Г)иничуки*), «الكنشقی» (*ал-К(Г)инишуки*) [16, с. 60, 61, 175], встречаются и иные варианты; и т.д.

Еще один пример. Анализ *нисб*, образованных от населенных пунктов, имеющих в своем названии букву «Кь»[30] (Кьохъ (Тлох), Кьада́л (Тлядал), Бакьа́йичIи(б) (Батлаич), Мийа́кьо(б) (Миатлы), Хеле́кьури (Хелетури), Гъа́мсукь (Гамсутль), ЦIилӏѝкь (Цилитль), Зубу́кь (Зубутль), т.е. как в начале, так и в середине и конце) показывает, что она передается графемами «ق»,«ط» и «ڤ». Единично, но встречается передача данной фонемы посредством сочетания букв «طل». В данном случае, возможно, передана не фонема «Кь», а *нисба* записана исходя из кумыкского наименования населенного пункта Зубу́кь – Зубутлу́.

2. В подавляющем большинстве случаев *нисбы* имели устойчивые формы, но их написание не было стандартизировано. Поэтому можно встретить *нисбы* с разной орфографией. Подобных случаев множество, а в качестве образца можно привести передачу *нисбы* «ал-Кудали» с долготой (алиф) и без: 17] «الكدالی»; «الكدلی», с. 225, 229; 2, с. 5, 25].

В целом же прослеживается тенденция увеличения числа долгот (ا ,و ,ي) в *нисбах* с течением времени.

Другой пример разного написания *нисбы*, это когда использовались разные, но схожие по звучанию буквы. Самыми известными примерами могут служить ал-Кумуки и ал-Гумуки с вариациями (см. выше), и различное написание *нисбы* ас-Сугури (из Согратля; Сугъра́лъ). Последняя до XIX в. записывалась через букву «сад» («الصغورِی»[31], «الصغرلی»)[32], а позднее через «са» («18] («الثغوری, с. 128]. При этом наиболее адекватной для передачи наименования населенного пункта Согратль (Сугъра́лъ) служила бы буква «син» («س»). Данный казус мы можем связать с тем, что первоначально этимология топонима возводилась к арабскому слову «صغری» – «малый», или

29. Безусловно, образцом служил персидский алфавит. Но при этом аджам дагестанских языков развивался самостоятельным путем. Об этом могут свидетельствовать отказ от употребления персидской буквы «پ» («п») в пользу «ф», и применение литеры «ڗ» для передачи звука «ц» (цI – «ڗI»), а не «ж» как это имеет место в персидском письме.
Первое использование букв аджама в Дагестане мы фиксируем в 1318 г. в сел. Худуц. Для передачи буквы «ч» в личном имени Чупан использована арабская «шин» с тремя дополнительными точками, проставленными внизу.
30. Имеется лишь в аварском алфавите.
31. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1657 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1861.
32. Рукопись по риторике. Дата переписки: 1733 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 1195.

к аварскому термину «цагъур» (ларь для хранения зерна), а затем к арабскому слову «ثغور» со значением «приграничная крепость».

3. Встречаются примеры, когда *нисбы* образованы не в соответствии с грамматическими правилами. Населенный пункт Ругуджа именуется на аварском языке *Ругъжа́б*, причем конечное «б» является локативом. Следовало ожидать, что *нисба,* образованная от *Ругъжаб,* должна быть ар-Ругжаби, но она традиционно указывается как ар-Ругжи (фиксируется с самого начала XVII в). Можно предположить, что *нисба* имеет подобную форму, поскольку опущен локатив, но в таком случае *нисбу* следовало бы указывать как ар-Ругжави («الرغجوى»)[33]. В подобной форме мы ее встречаем лишь однажды в 20-х гг. XX в. в тексте известного ученого-богослова ʻАли ал-Гумуки (Каяева), который в одном из случаев решил следовать нормам арабского языка. Он же однажды указал *нисбу* ал-Мухи («المحى»; из Мегеба) в правильной грамматической форме ал-Мухуви («المحوى»)[34].

4. В контексте последнего примера следует обратить внимание на то, что в отношении выходцев из разных населенных пунктов, наименования которых сходны или звучат схоже, могут применяться идентичные по написанию *нисбы*. Например, ал-Мухи («المحى») может относиться как к Мегебу (МохIо́б), так и к Муги (МухIѝ), ал-ʻУ/ʻИри (العرى) – к Ирибу (ГIирѝб) и Урибу (ГIурѝб)[35], ал-Ба(и)лаку(а)ни (البلكنى) – к Балахани (Бала́хьуниб) и Белокану (Билака́ниб / Билка́н). Имеются и иные примеры.

5. Есть случаи, когда привязка населенного пункта по *нисбе* может быть осуществлена только по контексту. Например, распространенная *нисба* «الزرهكرانى» аз-Зирихкирани (аз-Зерихгерани) [19, с. 20, 24], традиционно ассоциируется исключительно с Кубачи, в то же время изучение письменного наследия показывает, что данной *нисбой* пользовались и аштынцы [10, с. 1096], а возможно еще амузгинцы и дацамажинцы.

6. Ошибку в идентификации могут совершить не только современные исследователи. В дагестанских хроникальных записях можно встретить указание на приобщение кубачинцев к исламу в 705 г. х. (1305/06 г.) усилиями убитого Хасана Правдивейшего (ас-Сиддик) из Ширвана (аш-Ширвани). Вероятно, его ширванское происхождение является ошибкой переписчиков, которые самостоятельно интерпретировали редкую и неизвестную им *нисбу* аш-Шири (или аш-Ширини), как аш-Ширвани [20, с. 108].

7. Можно встретить примеры, когда *нисбы* даются в переводе на арабский язык. Классическим образцом является *нисба* ал-Кумасрави (الكمثراوى)[36], образованная от комонима Гимры (Ге́нуб). Генуб с аварского языка можно перевести как «Грушевое» (букв.: «У груш»). «Кумасра» (كمثرى) – это груша на арабском языке.

Известны другие подобные дагестанские *нисба*, образованные при помощи перевода топонима на арабский язык. Например, название селения На́кIкIикь (Накитль) можно перевести с аварского языка как «В облаках». Известна *нисба* ал-Гамами (الغمامى), являющаяся арабской калькой [3, с. 164].

33. Для сравнения можно привести *нисбу*, образованную от названия селения Асаб (ГIасаб) (конечный «б» – локатив – «العسوى») (*Шуʻайб ал-Багини*. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа .. Л. 185).

34. *ʻАли ал-Гумуки (Каяев)*. «Тараджим ʻуламаи Дагистан» … Л. 42.

Эти примеры, когда несмотря на ошибочность написания, *нисбы* не исправляются, служат дополнительным обоснованием их устойчивости.

35. *Нисба*, образованная от населенного пункта со схожим звучанием Ури (ГIури), передается с долготой «вав» (العورى).

36. *Шуʻайб ал-Багини*.Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа … Л. 148.

8. Необходимо отметить, что *нисбы*, образованные от вышеуказанных комонимов встречаются и без использования переводов на арабский язык в форме «النكقى»[37] (ан-Накики (Накитль)), «الكمراوى» с [21, с. 121] и «الكنوى»[38] (ал-Г(К)имрави и ал-Г(К)енуви (Гимры)). Расхождения в последнем случае обусловлены тем, что наименование населенного пункта на аварском языке звучит как Ге́нуб, а на кумыкском как Гимра́.

В качестве аналогичного примера, когда экзотопоним может служить основой образования *нисба*, можно привести *нисбы*, образованные от названия населенного пункта Арчиб (А́ршиштти – на арчинском языке; Ро́чиб – на аварском языке, Арчӏ– на лакском языке), где превалирует ар-Ручи («الروچى», «الروجى»), но встречается и ал-Арчи («الأرچى»), причем даже в одном и том же сочинении [2, с. 52, 211][39].

Обратный пример из этой же области это *нисба*, образованная от наименования селения общеизвестного как Аракул (Аракъул). Сами сельчане именуют его Дуку (Дюкъу(л)), и *нисба* употребляется ад-Дуки [22, с. 32].

Имеются случаи, когда форму *нисбы* трудно объяснить. Это относится к ал-Ахти (الاختى), образованному по наименованию селения Ахты. Дело в том, что данный населенный пункт всем был известен как Ахцах (Ахца́гь), но в русском языке закрепилась его письменная форма, образованная от общеизвестной арабской *нисбы* ал-Ахти.

9. Нельзя обойти вниманием вопрос образования *нисб* от двусоставных наименований населенных пунктов – Верхний Яраг, Нижний Яраг, Верхний Стал и пр. В подобных случаях *нисбы* образовываются по следующему типу – «الاسطالى السفلى» (ал-Астали ас-Суфла), «اليراغى العلى» (ал-Йараги ал-‘Али), «اليراغى الاعلى» (ал-Йараги ал-А‘ла), «اليراغى الاسفلى» (ал-Йараги ал-Асуфла) [22, с. 189, 437][40]. Т.е. используется перевод части топонима.

Нижний Казанище по количеству населения значительно крупнее Верхнего. В данном случае относительно Верхнего Казанище используется *нисба* «الغزانيشى الصغرى» (ал-Газаниши ас-Сугра) [2, с. 149, 218], в отношении же Нижнего просто «الغازانيشى»[41] (или «الغزانيشى»; ал-Газаниши).

10. На практике можно встретить и сокращенные *нисбы*. Например, в отношении лиц, связанных с селением Шихикент («кент» означает селение на кумыкском языке), используется *нисба* ал-Шихи (الشخى)[42]. Но не всегда компоненты село или хутор отсекаются. Примером может служить Хаджалмахи («махьи» – хутор на даргинском языке) с *нисбой* ал-Хаджала(л)махи с вариациями в написании «الحجعلمكى» или «الحجعلامكى» [16», с. 219].

11. Женские нисбы встречаются довольно редко. Здесь мы можем наблюдать две формы, когда она приводится в женском и мужском роде. Образцы: Фатимат ар-Ругжийа (Фатимат из Ругуджа); ‘Аиша ал-Курудийа (Аиша из Кородa) [23, с. 63, 69]; Фатимат бинт аш-шайх ал-хаджж Арслан-‘Али ал-Газаниши (Фатимат, дочь шейха,

37. Рукопись по исламскому праву. Дата переписки: 1852/53 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. № 69.
38. Рукопись по мусульманскому праву. Дата переписки: 1904 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1387.
39. *Шу‘айб ал-Багини*. Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа .... Л. 137.
40. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1880 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №1311.
41. *‘Али ал-Гумуки* (*Каяев*). «Тараджим ‘уламаи Дагистан» .... Л. 144.
42. Рукопись по грамматике арабского языка. Дата переписки: 1844 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2004(а).
Известно много подобных примеров, в частности, ат-Тибаки («الطباكى», от Тебекмахи), ал-Карабудаги («الكربداغى», от Карабудахкент) и др.

хаджия Арслан-ʻАли ал-Газаниши (из Нижнего Казанище) [24, с. 68–71]; Фатимат бинт ал-кади Шаʻбан ал-ʻУбуди[43] (Фатимат, дочь кадия Шаʻбана ал-ʻУбуди (из Обода)). В последних примерах используется не форма женского рода с окончанием *-ийа*, а мужского, с окончанием -и, т.е. *нисба* отца.

12. *Нисбы*, характеризующие профессиональную деятельности и идейную принадлежность (к определенному мазхабу, суфийскому братству и др.) не прижились в Дагестане. В качестве редкого образца можно привести имя Махад б. Аййуб ал-Фалаки ал-Чухи, где ал-Фалаки означает астроном [25, с. 56–65, 59].

13. *Нисба*, образованная от названия профессии, может носить и усеченную форму, как например, *ас-Саййад* (от *ас-Саййади* – рыбак, охотник). Усеченные *нисбы*, которые могут рассматриваться и как *лакаб*, без суффикса «-и», отмечены в Дагестане, конкретнее в Дербенте, – *ал-Варрак* (производитель бумаги) и др. [26, с. 217]. Подобные *нисбы* являются редчайшим исключением.

14. На намогильных стелах *нисбы* употребляются, но очень редко, зачастую только тогда, когда захоронен чужеземец. Это же можно отнести к строительной эпиграфике. Как пишет А.Р. Шихсаидов: «Обычно в строительных надписях *нисба* отмечается в тех только случаях, когда строитель не является жителем данного селения» [27, с. 237, 421].

15. *Нисба* в некоторых случаях может ввести взаблуждение. Можно привести следующий пример. Когда Мухаммад ал-Йараги покидал свой родной Вини-Яраг, он в качестве имама местной мечети оставил (в 1830 г.) ругуджинца Сугур-бека. Впоследствии его сын Курбан-Мухаммад и внук Халид вплоть до 1914 г., как минимум, продолжали пользоваться *нисбой* ар-Ругжи ал-Андалави, и даже присовокупляли *нисбу* ал-Авари, как маркер этнической идентификации. В то же время, они не пользовались *нисбами*, образованными от названий тех населенных пунктов, где они проживали, а это Кахцуг, Пиркент и др. [22, с. 38, 69, 73, 163, 182, 187, 200]. При этом они вряд ли когда-либо бывали на родине своего предка Сугур-бека.

Другой подобный пример – это ʻУмар б. ʻАбдуссалам ал-Хунзахи ад-Дагистани. Он жил в Мекке во второй половине XVIII в., никогда не бывал на своей исторической родине, но при этом известен под указанными выше нисбами [28, с. 125-126, 128][44].

16. Примеры, приведенные выше, являются скорее исключением. По *нисбам* и иным компонентам полного имени можно читать историю человека и семьи. Поскольку дагестанцы предпочитали использовать имя в формате ʻ*урф*, т.е. достаточном для идентификации, а это, как правило, – имя и *нисба*, или имя, один *насаб* и *нисба*, то наиболее полную информацию нам предоставляют биографические словари, где авторы стараются приводить расширенные данные. В качестве примера можно привести полное имя известного дагестанского богослова Саʻида ал-Харакани (Араканского). ʻАли ал-Гумуки (Каяев) в своем труде «Тараджим ʻуламаи Дагистан» («Биографии дагестанских ученых-богословов») приводит его имя следующим образом: Саʻид ал-Харакани б. Мухаммад б. аш-шайх Абу-Бакр ал-ʻАймаки. В этом же словаре мы встречаем упоминание имени его деда: ал-хаджж Абу-Бакр ал-ʻАймаки б. Муʻавийа б. Муʻавийа б ʻАбдала-дибир ал-Буцри. В то же время встречается и имя ученого

43. ʻАли ал-Гумуки (Каяев). «Тараджим ʻуламаи Дагистан» … Л.15.
44. Рукопись в жанре назиданий (проповедей). Дата переписки: 1800-1820 г. // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №2960.

прапрадеда – Му‘авийа ал-‘Аймаки[45]. Таким образом, его полное имя может быть приведено как Са‘ид ал-Харакани б. Мухаммад б. аш-шайх ал-хаджж Абу-Бакр б. Му‘авийа б. Му‘авийа ал-‘Аймаки б ‘Абдала-дибир ал-Буцри. Т.е. его прапрадед жил в сел. Буцра и, судя по приставке к имени дибир (служитель культа), был образованным человеком. Его прадед переехал в сел. Аймаки, и исходя из того, что он включен в биографический словарь, также был богословом. Его дед Абу-Бакр ал-‘Аймаки – один из известнейших ученых Дагестана конца XVIII в. и по свидетельству лакаб совершил хадж и был суфийским шейхом. Также мы знаем, что отец Са‘ида Мухаммад занимался перепиской книг, осел в Аракани, в привязке к которой его сын получил нисбу ал-Харакани.

Следует указать, что приведение имен в формате Абу-Бакр ал-‘Аймаки и Са‘ид ал-Харакани достаточны для понимания о ком идет речь.

Есть случаи, хотя и не частые, когда стараются в полной мере отразить свое имя. В качестве образца можно привести Саййида ‘Абдурахмана, сына шейха Джамалуддина ал-Хусайни ал-Кибуди ал-Гази-Гумуки ад-Дагестани [29, с. 11, 25, 27, 181]. Из имени следует, что он был саййидом – потомком пророка, а конкретнее его внука Хусайна, происходил из кумухского квартала Кибуди, что в Дагестане, и был сыном суфийского шейха Джамалуддина. Впрочем, он часто сокращал свое имя до Саййид ‘Абдурахман ал-Хусайни ад-Дагистани, а в текстах упоминается как Абдурахман, сын шейха Джамалудина ал-Гази-Гумуки [30, с. 62].

В качестве примера можно привести типичный образец полного имени в суфийском «Табакат»: ал-‘алим аш-шайх ал-хаджж Джабраил-афанди аз-Захури, затем ал-Лакити. Полное имя показывает, что рожденный в Цахуре Джабраил, признавался ученым боголовом, стал суфийским шейхом, совершил хадж и переехал на постоянное место жительства в Лакит [31, с. 184]. Полное его имя приведено в разделе о его биографии, а в тексте он упоминается как аш-шайх Джабраил аз-Захури (Цахурский).

Выше мы постарались привести примеры дагестанских *нисб* и некоторые особенности, связанные с их отображением и использованием. При этом следует указать, что не все может быть изложено в рамках одной статьи. Приведенные тезисы показывают, что чтение и интерпретация *нисб* требуют обширных знаний местной топонимии и письменной традиции. Можно констатировать, что назрела необходимость создания словаря дагестанских *нисб*. Практическая сфера его использования – это помощь составителям каталогов рукописей и литографских книг. Подобный словарь позволит избежать того огромного количества ошибок, которые допущены, например, в издании «Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе Академии наук Грузии» в чтении *нисб* и идентификации личностей, на которые они указывают.

Имеющиеся наработки показывают, что *нисб*, образованных от дагестанских *ойконимов*, чуть более шести сотен, а *хоронимов* – не более пятидесяти. При имеющемся обширном изученном материале в виде изданных каталогов[46], и учитывая, что подготовлено описание рукописей, хранящихся в Институте истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, а их более трех тысяч, то подготовка справочника дагестанских нисб видится решаемой в ближайшей перспективе.

45. *‘Али ал-Гумуки (Каяев)*. «Тараджим ‘уламаи Дагистан» … Л. 34, 38, 55.
46. В данной работе мы могли бы ограничиться примерами непосредственно из рукописей, но умышленно привели их из опубликованных источников, литературы и каталогов для демонстрации их разнообразия.

Образцом схемы для подготовки словаря может служить следующая таблица.

Наименование населенного пункта или исторической области на русском языке (современный статус) / Наименование на дагестанских языках	Варианты передачи нисбы в русскоязычных текстах	Форма нисбы (включая сочетания) с указанием места хранения и датировку	Форма нисбы (включая дополнительные нисбы) с указанием места хранения и датировку
Унцукуль (селение) / Унсóколо (авар.)	Унцукульский, из Унцукуля, ал-Унсоколи, ал-Унсоколави	Рукопись, 1778 г. (Место хранения: ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 14. №702)	(الأنصكلى)
		Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний… С. 103б.	(الانصّكلى)
		Мухаммадтахир ал-Карахи. «Книга о значимости ...». С. 118.	(الانصكلوى)

Подобная таблица учитывает вариативность написания *нисб*, привязку *нисб* к топонимике, а также возможность выявления общих закономерностей их написания, исходя из наименования населенных пунктов на дагестанских языках. Приведение дат к форме *нисбы* позволит проследить их трансформацию с течением времени. Последнее может оказаться действенным способом при датировке рукописей. При этом видится, что оптимальным будет внесение в таблицу *нисб*, написание которых точно датировано. Тем более, что объем исходного материала с установленным временем создания допускает подобный подход без ущерба для репрезентативности. Таблицу следует строить по арабскому алфавиту, а вариации *нисб*, относящиеся к населенному пункту, указывать в хронологической последовательности.

Самой сложной частью таблицы, пожалуй, является второй столбец – указание вариантов передачи *нисба*. В этом будут возникать проблемы, но они все разрешаемые, и это демонстрирует наша практика разработки таблицы.

Завершая с *нисбами* и возвращаясь к антропонимике в целом, следует указать на еще одну практическую проблему – это передача антропонимии посредством кириллицы. Здесь следует указать, что автор является сторонником изложения в каталогах (в исследованиях эпиграфики, и пр.) названий, имен авторов сочинений, переписчиков, владельцев с помощью оригинальной арабской графики [32, с. 246–249][47]. В то же время невозможно избежать указания имен, если не в каталогах, то в исследованиях с помощью кириллицы. Здесь возникает сложность, вызванная тем, что именно

47. Система, разработанная И.Ю. Крачковским и А.А. Ромаскевичем, призванная транслитерировать арабские имена, названия сочинений и термины кириллицей и латиницей, устарела. Она должна была облегчить публикацию арабских текстов в доцифровую эпоху, когда набор восточного текста представлял сложность. Использование данной громоздкой системы в современных условиях лишено смысла, тем более, когда она дублирует арабский текст. Сегодня набор и публикация текста арабскими буквами существенно проще, нежели транслитерация с использованием специальных знаков. Кроме того, специалисту удобнее и информативнее читать арабским шрифтом, а зачастую и совершенно необходимо, а неспециалисту достаточно и упрощенной транскрипции.

использовать, – транслитерацию или транскрипцию, и в каком формате, поскольку одни и те же имена и их части пишутся и произносятся по-разному. Легче всего это отобразить на примере личности, чье творчество и жизненный путь хорошо изучены, имеется обширная литература – Абдурахмана из Согратля.

Его имя на кириллице можно встретить в следующих вариациях: *ʻАбд ар-Рахман б. Ахмад ал-Сугури*; *Абд ар-Рахман (б. Ахмад) ас-Сугури*; *ʻАбдуррахман ас-Сугури, Абдуррахман ас-Сугури, Абдурахман ас-Сугури, Абдурахман Сугури*; *Абдурахман из Согратля*; *Абдурахман Согратлинский*; и даже *Абдурахман ас-Сугъури*. Еще более усложняется передача данного имени, когда в русском тексте к имени собственному присовокупляется через дефис шейх или *шайх, хаджи, хаджжи, гаджи* или *хIажи*. Как мы видим, используются совершенно разные методы – упрощенная транслитерация (без отображения всех букв в точности и указания долгот), сочетание упрощенных транслитерации и транскрипции (указано васлирование), упрощенная транскрипция, упрощенная транскрипция в сочетании с переводом части полного имени, использование букв аварского алфавита. При этом зачастую мы наблюдаем сочетание части этих способов в рамках одного исследования[48].

Другим примером может служить передача имени автора арабоязычного сочинения «Услада умов в биографиях дагестанских ученых» Назира ад-Дургели. Если исходить из упрощенной транскрипции, которая применена с учетом васлирования в артикле, оно должно было звучать как Назир ад-Дург**и**ли. Но если авторы хотели передать *нисбу* максимально близко к звучанию, то она должна было быть не ад-Дургели, а ад-Д**о**ргели. Т.е. мы имеем дело с сочетанием способов в рамках передачи одного имени. Логичным было бы указывать или ад-Д**у**рг**и**ли, или ад-Д**о**рг**е**ли.

Данный вопрос актуален и для журнала «История, археология и этнография Кавказа», где за 2021 г. издано 54 статьи и в 15 из них потребовалась передача антропонимии, зафиксированной на арабском языке или арабскими буквами. Возможно, выходом из положения был бы опыт издательства «Brill», специализирующегося на публикации востоковедной литературы, и которое предлагает использовать в своих изданиях собственную систему транслитерации на латиницу арабографических наименований, имен и терминов. Но имея дело с публикацией дагестанского письменного наследия, мы сталкиваемся с некоторыми сложностями, например, имя известного ученого «بغجلو المجدى» при транслитерации – Багуджалав ал-Маджади, при упрощенной транслитерации – Багуджалав ал-Маджади, при этом его звали Багу́жалав (Багъу́жалав), а происходил он из селения Мачада, то есть его нисба звучала как ал-Мачади. Соответственно, при передаче упрощенной транскрипцией кириллицей имя будет выглядеть как Багужалав ал-Мачади. Здесь мы видим безусловное преимущество упрощенной транскрипции над разными вариантами транслитерации. Этот тезис можно продемонстрировать и на иных примерах. Упрощенная транслитерация, использованная в востоковедной литературе [2, с. 149], имени «шейха, совершивше-

48. Мы исходим из того, что: транскрипция – это точная передача всех тонкостей произношения языка независимо от его графических и орфографических норм, в том числе с использованием особой системы знаков, употребляемая в научных целях; транслитерация – передача букв одной письменности посредством букв другой письменности, в том числе с использованием особой системы знаков.
Под упрощенной транскрипцией и упрощенной транслитерацией мы понимаем, соответственно, передачу произношения языка или передачу букв одной письменности посредством букв другой письменности без использования дополнительных знаков или с ограниченным их применением, не позволяющим в полной мере учесть произношение и графику языка.

го хадж», выглядит как Айди б. Муртада[49] ал-Газаниши ас-Сугра. При упрощенной транскрипции учитывается, что имя его отца звучало в оригинале как Муртаза, а более близкой к оригиналу будет передача *нисбы* как ал-Казанищи ас-Сугра, а более понятным изложением *нисбы* – из Верхнего (Малого) Казанище или Верхнеказанищенский. Исходя из вышеизложенного, видится, что оптимальным путем передачи дагестанской антропонимии является использование оригинальной арабской графики при первом упоминании, а в дальнейшем по тексту отображение упрощенной транскрипцией максимально близко к звучанию на дагестанских языках[50].

Понятно, что любая система передача имен «чужим» алфавитом имеет свои достоинства и недостатки, и вряд ли может быть выработана общая для всех публикаций система. Поэтому продуктивным видится использование единого подхода в рамках одной публикации, т.е. использование на протяжении всего публикуемого исследования или упрощенной транскрипции, или упрощенной транслитерации, или сочетание транскрипции с «переводом» части имени – *нисбы*. При этом обязательным видится и указание имени оригинальной графикой, при первом или «основном» упоминании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Beeston A.F.L.* Arabic nomenclature: a summery gid for beginners. Oxford: UniversityPress, 1971.

2. *Назир ад-Дургели.* Услада умов в биографиях дагестанских ученых // Дагестанские ученые и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Издательский дом Марджани, 2012.

3. *Османова М.Н.* Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Ф. 15. Оп. 1. Фонд М.-С. Саидова). Махачкала, 2008.

4. Каталог арабских рукописей и старопечатных книг: коллекция Усмана-хаджжи из Келеба / Отв. ред. и сост. Наврузов А.Р. Махачкала: Алеф, 2019.

5. *Мусаев М.А.* Дагестанские арабоязычные биографические сочинения второй половины XIX – начала XX в.: хрестоматия. – Махачкала: АЛЕФ, 2020.

6. *Мусаев М.А.* Запрет на употребление алкоголя в Исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 92-117.

7. *Мусаев М.А.* Биографии дагестанских ученых-богословов противников имама Шамиля в изложении ʿАли ал-Гумуки (Каяева): перевод, комментарии // Фундаментальные исследования. 2014. №6 (Ч. 3). С. 632–639.

8. *De Bruijn J.T.P.* Takhalus // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 2000. Vol. X.

REFERENCES

1. Beeston AFL. *Arabic nomenclature: a summery guide for beginners*. Oxford: University Press, 1971.

2. Nazir ad-Durgeli. A journey of the minds through the biographies of the Islamic scholars of Dagestan. In: Shikhsaidov AR, Kemper M, Bustanov MK (transl., comm., facsimile, indices, bibliogr.). *Dagestan scholars and their studies*. Moscow: Marjani Publ., 2012.

3. Osmanova MN. *Catalog of printed books in Arabic, published by Dagestan publishers in Russia and abroad at the beginning of the 20th century* (RF IHAE DSC RAS. F. 15. Inv. 1, M.-S. Saidov Collection). Makhachkala, 2008.

4. Navruzov AR (ed., comp.). *Catalog of Arabic manuscripts and early printed books: the collection of Usman-Hajji from Keleb*. Makhachkala: Alef, 2019.

5. Musaev MA. *Dagestan Arabic biographical writings of the second half of the 19th – early 20th centuries: anthology*. Makhachkala: ALEF, 2020.

6. Musaev MA. Alcohol Prohibition in Islam: Religious Imperatives and Practice on the Example of Dagestan in the 17th – First Half of the 19th Centuries. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii I za rubezhom*. 2016, 4: 92–117.

7. Musaev MA. Biographies of Dagestani theologians who opposed Imam Shamil as presented by ʿAli al-Gumuki (Kayaev): translation, comments. *Fundamentalnie Issledovania*. 2014, 6(3): 632–639.

8. De Bruijn JTP. Takhalus. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*. Leiden: E. J. Brill, 2000. Vol. 10.

49. Кроме прочего, подобное написание через «д» в корне меняет значение имени и возводит его к термину «отступник».

Классические правила арабского языка не позволяют васлировать слово Аллах. Но в арабской устной речи, и в дагестанских именниках это правило не соблюдается, соответственно произноситься не ʿАбдаллах, а ʿАбдуллах, не Ниʿматаллах, а Ниʿматуллах, и т.д. При передаче имени кириллицей и латиницей возникает проблема того как правильнее отобразить имя.

50. Полагаем уместным использование «ʿ» для передачи «ʿайн», и «ʾ» для передачи «хамзы», но в последнем случае только там, где это действительно необходимо. Примеры – «*исм*» и «*муʾмин*».

9. Ism // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV. – P. 179-181.

10. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Результаты эпиграфической экспедиции в Дахадаевский район Дагестана в 2020 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 4. 2021. С. 1084–1129.

11. *Шихсаидов А.Р.* Письменные памятники Дагестана XIX в. (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVIII—XIX вв. Сборник статей. Махачкала, 1989. С. 5–14.

12. *Мусаев М.А.* Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. // Фундаментальные исследования. 2013. № 10 (Ч. 14). С. 3223–3228.

13. *Шихалиев Ш.Ш., Мусаев М.А.* Шуʻайб ал-Багини «"Разряды" Хваджаган-Накшбандийа и шайховХалидийа-Махмудийа» (Табакат ал-Хваджаган ан-Накшбандийава-садат машаʾих ал-Халидийа ал-Махмудийа). Жизнеописание Шайха Ахмад-Афандиат-Талали // Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов; Ин-т востоковедения РАН. М. Наука – Вост. лит., 2016. С. 573-602.

14. *Мусаев М.А., Алхасова Д.М.* Ругуджинские легенды и предания о Мусалаве из Кудутля // Научное обозрение: Ежеквартальный сборник статей. Махачкала, № 42. С. 66–70.

15. *Исаев А.А., Магдиев С.Я., Маламагомедов Д.М., Оразаев Г.М.-Р.* Каталог рукописей на языках народов Дагестана, хранящихся в Рукописном фонде ДНЦ РАН. Махачкала, 2008. 204 с.

16. *Шихсаидов А.Р. Омаров Х.А.* Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005.

17. *Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани.* Краткое изложение подробного описания дел Шамиля: Калуга, 1281 г.х.: Хуласатат-тафсилʻанахвал ал-имам Шамуил / пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. – М.: Восточная литература, 2002. – 318 с.

18. *Мухаммадтахир ал-Карахи.* «Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил» / пер. с арабск. и коммент. Р.С. Абдулмажидова, Д.М. Маламагомедова, М.Г. Шехмагомедова. М.: Наука – Вост. лит., 2014.

19. *Саидов М.-С.Д.* Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Вып. 1. М.: Наука, 1977. 96 с.

20. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г.* Надмогильные стелы конца XIII – начала XVIII в. кладбища в с. Шири // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 2. С. 107–126.

21. *Шихсаидов А.Р.* Каталог арабских рукописей: Коллекция Хаджжи Ибрагима Урадинского. Махачкала: Мавраевъ, 2014. 384 с.

22. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе Академии наук Грузии (Коллекция L – Выпуск II) / сост. Р.В. Гварамиа, Н.Г. Канчавели, Л.И. Мамулиа, Л.В. Самкурашвили. Тбилиси, 2002.

23. *Мусаев М.А.* Материалы к биографии Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки (Часть первая) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. №3. С. 61–70.

24. *Оразаев Г.М., Шихалиев Ш.Ш.* Письмо Фатимы,

9. Ism. In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV. pp. 179–181.

10. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Results of the epigraphic expedition to the Dakhadaevsky district of Dagestan in 2020. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(4): 1084–1129.

11. Shikhsaidov AR. Written monuments of Dagestan of the 19th century (genre of biographies). In: *Written monuments of Dagestan of the 18th-19th centuries. Collected articles*. Makhachkala, 1989. pp. 5–14.

12. Musaev MA. A look at the "Lekianoba" in the context of studying the legal opinions of the Dagestani theologians of the 18th century. *Fundamentalnie Issledovania*. 2013, 10(14): 3223–3228.

13. Shikhaliev ShSh, Musaev MA. Shuʻayb al-Bagini "'Discharges' of Khwajagan-Naqshbandiyya and Shaykhs of Khalidiya-Mahmudiyya" (Tabaqat al-Khwajagan an-Naqshbandiyava-sadat mashaʾih al-Khalidiya al-Mahmudiyya). Biography of Sheikh Ahmad-Afandiat-Talali. In: Piotrovsky MB, Alikberov AK (comps., eds.). *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov*; Institute of Oriental Studies of RAS. M. Science – Vostochnaya lit., 2016. pp. 573–602.

14. Musaev MA, Alkhasova DM. Rugudzhin legends and stories about Musalava from Kudutl. *Scientific review: Quarterly collection of articles*. Makhachkala, 42: 66–70.

15. Isaev AA, Magdiev SYa, Malamagomedov DM, Orazaev GM-R. *Catalog of manuscripts in the languages of the peoples of Dagestan, stored in the Manuscript Collection of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Makhachkala, 2008.

16. Shikhsaidov AR, Omarov HA. *Catalog of Arabic Manuscripts (M.-S. Saidov's collection)*. Makhachkala: DSC RAS Publ., 2005.

17. Sayyid Abdurakhman, son of Jamaluddin al-Husayni al-Gazigumuki al-Dagestani. Brief summary of the detailed description of Shamil's affairs: Kaluga, 1281 AH: Khulasatat-tafsilʻanakhwal al-imam Shamuil. Tagirova N.A. (transl., introduction, comment., indices). Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2002.

18. Muhammadtahir al-Qarahi. *"A book about the importance of striving to improve one's deeds to the best of one's ability"*. R.S. Abdulmazhidova, D.M. Malamagomedova, M.G. Shekhmagomedov (transl., comment.). Moscow: Nauka – Vost. lit., 2014.

19. Saidov M-SD. *Catalog of Arabic Manuscripts of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences*. Issue. 1. Moscow: Nauka, 1977.

20. Musaev MA, Shikhaliev ShSh, Shekhmagomedov MG. Tombstones of the end of the 13th – early 18th centuries cemetery in the village of Shiri. *Bulletin of the Moscow University. Series 13. Oriental studies*. 2020, 2: 107–126.

21. Shikhsaidov AR. *Catalog of Arabic Manuscripts: Hadji Ibragim Uradinsky's collection*. Makhachkala: Mavraev Publ., 2014.

22. *Catalog of Arabic manuscripts of the Kekelidze Institute of Manuscripts of the Georgian National Academy of Sciences* (Collection L – Edition II). Gvaramia R.V., Kanchaveli N.G., Mamulia L.I., Samkurashvili L.V. (comps.). Tbilisi, 2002.

23. Musaev MA. Materials for the biography of Muhammad, the son of Musa al-Kuduki (Part One). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2014, 10(3): 61–70.

дочери шейха Хаджи Арслан ʻАли из Нижнего Казанища // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 1. С. 68–71.

25. *Мусаев М.А.* Традиции изучения и преподавания астрономии в Дагестане // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 3. С. 56-65.

26. *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаик» (XI-XII вв.). М.: Вост. лит., 2003.

27. *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. Москва, 1984.

28. *Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г.* Обращение Умара аль-Хунзахи к жителям Дагестана: общая характеристика и комментированный перевод // Исламоведение. 2013. № 1. С. 125–135.

29. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / пер. с араб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс. изд., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

30. *Мусаев М.А., Гусейханов С.М.* Абдурахман из Газикумуха: «Падение Дагестана и Чечни вследствие подстрекательства османов в 1877 году» (предисловие, текст, перевод, комментарии) // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. Выпуск №1. С. 52–65.

31. *Шуайб б. Идрис ал-Багини.* Табакат ал-хваджаган ан-накш-бандийа ва садат ал-машайих ал-халидийа ал-махмудийа. Дамаск, 1996.

32. *Мусаев М.А.* [Рец. на:] Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 263 с., ил. // Восток (Oriens). 2020. № 6. С. 246–249.

24. Orazaev GM, Shikhaliev ShSh. Letter from Fatima, daughter of Sheikh Haji Arslan ʻAli from Nizhny Kazanishche. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2014, 10(1): 68–71.

25. Musaev MA. Traditions of studying and teaching astronomy in Dagestan. Vostok. *Afro-Aziatskie obschestva: istoriya i sovremennost*. 2011, 3: 56–65.

26. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-khaqa'iq" (11th – 12th centuries)*. Moscow: Vost. lit., 2003.

27. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan in the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow, 1984.

28. Abdulmazhidov RS, Shekhmagomedov MG. Appeal of Umar al-Khunzakhi to the inhabitants of Dagestan: general characteristics and commentary translation. *Islamovedenie*. 2013, 1: 125–135.

29. Abdurakhman from Gazikumukh. Book of memories. Saidov M-S. (transl.); Shikhsaidova AR, Omarov HA (eds., fascimilie, publ., comm., indices). Makhachkala, 1997.

30. Musaev MA, Guseikhanov SM. Abdurakhman from Gazikumukh: "The fall of Dagestan and Chechnya due to the instigation of the Ottomans in 1877" (preface, text, translation, comments). *Dagestan Oriental Collection*. Makhachkala. 2008, 1: 52–65.

31. Shuaib b. Idris al-Bagini. Tabaqat al-khwajagan annaqsh-bandiya wa sadat al-mashayih al-khalidiya al-mahmudiya. Damascus, 1996.

32. Musaev MA. [Review on:] Anikeeva TA, Zaitsev IV. Turkic, Arabic and Persian manuscripts, lithographs and books of the Lazarev Institute of Oriental Languages in the collection of the Scientific Library of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020. *Vostok (Oriens)*. 2020, 6: 246–249.

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.
Принята в печать 26.08.2022 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 14.02.2022
Accepted 26.08.2022
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192326-334

Исследовательская статья

Халаев Захид Алиевич,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории археологии этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
za120778@mail.ru

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДЖАРО-БЕЛОКАНА В XVIII В.

Аннотация. Любой социально-политический институт необходимо рассматривать в контексте географической среды, в которой он развивается. Воздействие географической среды – географического фактора – в течение всей истории было исключительно сильным. Любое общество в историческом процессе, так или иначе не только приспосабливалось к окружающей среде, но и само влияло на среду обитания. Несмотря на большую роль географического фактора в исторической ретроспективе, сегодня эта проблема находится на периферии интересов российского кавказоведения. На наш взгляд, без описания степени влияния географического фактора на политическое развитие Джаро-Белоканских обществ в XVIII в. невозможно понять особенности их политического и исторического развития. В настоящей статье освещается малоизученный в российском кавказоведении вопрос о влиянии географического фактора на политическое развитие Джаро-Белоканских союзов обществ в XVIII в. В статье показано влияние географического фактора на генезис и социальную структуру, административно-политическое управление, социально-политическое развитие Джаро-Белоканских обществ в XVIII в. Этот союз состоял из пяти сельских обществ: Джарского, Белоканского, Тальского, Мухахского и Джинихского. Географически он был отделен рекой Алазань от Кахетии, на севере примыкал к южным отрогам Главного Кавказского хребта, на востоке и юго-востоке граничил с Элисуйским султанством. Общества Джаро-Белоканского союза занимали весьма богатую в природно-географическом отношении территорию. По характеру рельефа и особенностям природных условий земли союза подразделялись на два физико-географических района – низменный и предгорный. В свою очередь, эти области представлены еще более дробными зонами и микрозонами, различающиеся своеобразием ландшафта и климата.

Ключевые слова: Юго-западный Дагестан; Джаро-Белоканские общества; Алазанская долина; XVIII век; хребет; географический фактор; социальная структура; административно-политическое управление; хозяйственные отношения; перевалы

Для цитирования: Халаев З.А. Роль географического фактора в политической истории Джаро-Белокана в XVIII в. // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 326-334. doi.org/10.32653/CH192326-334

© Халаев З.А., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192326-334

CC BY

Research paper

Zahid A. Khalaev,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
za120778@mail.ru

THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN THE POLITICAL HISTORY OF DJAR-BELOKANI IN THE 18TH CENTURY

Abstract. Any socio-political institution should be considered in the context of the geographical environment in which it develops. The geographical factor throughout history has been exceptionally strong. Any society in the historical process, one way or another, not only adapted to the environment, but also impacted the environment itself. Despite the great role of the geographical factor in the historical retrospective, today this problem is on the periphery of the interests of Russian Caucasian studies. We believe that, without describing the degree of influence of the geographical factor on the political development of the Djar-Belokani societies in the 18th century it is impossible to understand the peculiarities of their political position and historical development. The paper highlights the issue of the influence of the geographical factor on the political development of the Djar-Belokani unions of societies in the 18th century, poorly studied in Russian Caucasian studies. The paper reveals the influence of the geographical factor on the genesis and social structure, administrative and political management, socio-political development of the Djar-Belokani societies in the 18th century. The union consisted of five rural communities: Dzharsky, Belokansky, Talsky, Mukhakhsky and Dzhinikhsky. Geographically, it was separated by the Alazan River from Kakheti, in the north it adjoined the southern spurs of the Main Caucasian Range, in the east and southeast it bordered on the Elisu Sultanate. The societies of the Djar-Belokani Union occupied a very rich territory in terms of natural and geographical terms. According to the nature of the relief and the peculiarities of the natural conditions, the lands of the union were divided into two physical and geographical regions – lowland and foothill. In turn, these areas are represented by even more fractional zones and micro-zones, differing in the originality of the landscape and climate.

Keywords: Southwestern Dagestan; Djar-Belokani union; Alazani valley; 18th century; ridge; geographical factor; social structure; administrative and political management; economic relations; passes.

For citation: Khalaev Z.A. The geographical factor in the political history of Djar-Belokani in the 18th century *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 326-334. doi. org/10.32653/CH192326-334

© Z.A. Khalaev, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Роль географического фактора всегда была огромной в жизни обществ. Профессор Р.М. Магомедов отмечал, что без учета своеобразия географической среды и роли географического фактора в жизни народов Дагестана невозможно исследовать происхождение многих особенностей их исторического бытия [1, с. 129]. Это высказывание вполне справедливо и в отношении Джаро-Белоканских обществ. Политическая история Джаро-Белокана в XVIII в. – яркий тому пример. Союз пяти сельских обществ– Джарского, Белоканского, Тальского, Мухахского и Джинихского[1] – занимал весьма богатую в природно-географическом отношении территорию, им принадлежали богатые земельные угодья. В социально-экономическом развитии каждое общество имело свою особенность, которая проявлялась либо в формах ведения хозяйства, либо в решении земельного вопроса, поскольку каждое общество имело подвластные селения. Политическое развитие Джаро-Белоканского союза не отличалось от дагестанских сельских обществ, но было более сложным. Их северные рубежи соприкасались с историко-этнографическими регионами Дагестана – Анкратлем и Тленсерухом. Следует отметить, что влияние географического фактора на политическое развитие Джаро-Белокана до сих пор не становилось предметом исследования – ни специально, ни в контексте других проблем. В российском кавказоведении, как и в дореволюционной литературе, историография сводится к отдельным замечаниям, наброскам, как правило, поверхностным. В работах таких дореволюционных авторов, как И. Гербер [3, с. 60–121], М. Коцебу [4, с. 255–265], К. Ган [5, с. 49–96], мы не находим хотя бы относительно удовлетворительного описания влияния географического фактора на политическое развитие Джаро-Белокана. Рассматривая же данную проблему, современные дагестанские исследователи, такие как Б.Г. Алиев [6], Т.М. Айтберов [7], занимались реконструкцией политической (событийной) истории Джаро-Белокана. Данное исследование является первым опытом выявления влияния географического фактора на политическое развитие Джаро-Белокана, и автор надеется углубить разработку данного вопроса в будущем.

Методология

Исследуемая проблема является одной из слабо разработанных в российской исторической науке. Это в первую очередь связано с крайней скудостью сведений письменных источников и историографического материала. Автор впервые рассматривает проблему на двух методологических платформах – гуманитарной и естественнонаучной, что позволит автору существенно расширить спектр исследуемого вопроса и найти ряд новых решений. При выработке методологических подходов к исследуемой проблеме, автор почерпнул концептуальные подходы из работ Г.А. Анучина, В.И. Цурикова, Ю.Ю. Карпова, С.М. Маретиной, В.В. Тишина, М.-З.О. Османова и других

1. И.П. Петрушевский считает, что Джаро-Белоканский союз состоял из шести обществ, включая общество Катехское [2, с. 9]. Стоит отметить, что Катехское общество не имело подвластных селений. Катехскому обществу платило повинности до 100 дымов, разбросанных в энгилойских селениях Джарского общества.

исследователей, которые рассматривали роль географического фактора в общественном развитии народов горной и равнинной местности.

Анализ

XVIII век – это решающая страница в истории Джаро-Белоканских обществ, это период экономического и политического расцвета Джарских обществ в условиях противостояния трех великих держав – османской Турции, шахского Ирана, царской России, интересы которых сталкивались на Кавказе. В этом плане политические субъекты как Северного, так и на Южного Кавказа, пытались сохранить собственную политическую роль в регионе, навязывая свою силу и волю третьим субъектам. Располагавшимся в центральной части Восточного Закавказья Джаро-Белоканским обществам приходилось существовать в окружении значительных социально-политических институтов Закавказья – Кахетии, со второй половины XVIII в.– с Шекинским, Карабахским и Гянджинским ханствами[2]. На протяжении всего XVIII столетия Джаро-Белоканский союз был вынужден отстаивать свой внутренний строй от посягательств со стороны Персии и Османской империи, а с началом XIX в. – и Российской империи. В пользу успешного сопротивления союза играл географический фактор, имея «тыловую стену» – естественные преграды в виде Главного Кавказского хребта, высоких вершин, лесистых гор, Джаро-Белоканские общества располагали возможностью сосредоточить свои силы на меньшем количестве направлений. Необходимость сопротивления внешнему вторжению отразилась на организации всех сторон общественной жизни, особенно у аварцев, как главного этноса Джаро-Белоканских обществ. Во главе союза стояло самое богатое и крупное Джарское общество, политическая роль которого была очень значительна не только внутри Джаро-Белоканских обществ, но и в политической жизни соседнего Элисуйского султанства и Шекинского ханства.

Господствующее положение Джара являлось системообразующим компонентом обороноспособности всего союза. Это обстоятельство, с одной стороны, способствовало созданию союзных отношений между обществами, с другой стороны, благоприятствовало дипломатии баланса сил, в которой формировался оборонительный союз против любых междоусобиц внутри союза. Как отмечают дагестанские исследователи: «Временные или длительные союзы без настоящего единого политического руководства, без настоящего объединяющего политического центра не могли сделать Джаро-Белоканские союзы той политической силой, которая противостояла окружающим феодальным владениям Закавказья» [6, с. 248].

Особое значение для политического и социально-экономического развития Джаро-Белокана в XVIII в. имели пути и перевалы через Главный Кавказский хребет. Высокогорные и зачастую труднопроходимые, они обеспечивали жителям Юго-Западного Дагестана и других дагестанских обществ поддержание экономических связей с сопредельными обществами Закавказья. В отличие от дагестано-тушинского участка, с обеих сторон одинаково высокогорного, джаро-белоканский участок был местом соединения двух природно-географических зон. От высокогорий Дагеста-

2. Эти ханства появились после распада Сефевидского государства, а также после ослабления династии Афшаров в 40-х годах XVIII в. Шекинское ханство возникло в 1743 г., Карабахское ханство – в 1750 г., Гянджинское ханство –в 1747 г.

на местность плавно спускается к землям плодородной Алазанской долины[3], хотя и в этом участке, по словам российских офицеров, «переход через Главный хребет был удобен только с мая по октябрь» [8, с. 347].

Выгодное географическое положение Джаро-Белоканских обществ сыграло значительную роль в торгово-экономических отношениях народов Дагестана и Закавказья. Автор исторического сочинения «Джар салнамеси» отмечает, что «джаро-белоканцы на кахетинских рынках покупают в основном сельскохозяйственные продукты. На рынках восточной Грузии 1 тагар[4] кукурузы стоит 8 алтын[5], один тагар пшеницы – 12 алтын» [9, с. 21]. Следует отметить, что важным центром производства и торговли шелком был город Загеми или Базар. Он был расположен на территории современного сел. Загам Закатальского района Азербайджанской республики.

Исследователи дагестано-закавказских отношений обратили внимание, что плодородные земли равнинной части Джаро-Белокана, расположенные как на правом, так и на левом берегу р. Алазань, часто служили зимними пастбищами для горцев Дагестана. Хозяйство жителей Джаро-Белоканских обществ было более развито, чем хозяйство жителей соседних горных обществ юго-западного Дагестана. В. Гамрекели писал, что между высокогорьем Большого Кавказа и низменной частью Южного Кавказа – Алазанской долиной, в силу большой разницы в природных условиях произошло резкое хозяйственное размежевание. Различия в хозяйственной специализации каждого из этих ареалов были очевидны и послужили прочной основой возникновения и развития между этими регионами обмена в разных областях жизни, укреплявшими экономические, политические и иные связи [10, с. 26]. По мнению О.И. Константинова, джаро-белоканцы обитали в богатой и роскошной долине. К ним стекались с гор Кавказа дагестанцы различных племен [11, с. 4–6]. Его сведения дополняет российский офицер М.О. Коцебу, который еще в 30-х гг. XIX в., отмечал, что «горные общества, соседствующие с Джаро-Белоканами известные как «глуходары»[6], живут между первым хребтом и Главным хребтом Кавказа. Эти вершины покрыты вечным льдом и снегом. Хлебопашество у народов сих весьма скудное, скотоводство состоит из одних баранов, рогатого скота и лошадей весьма немного. Зимою бараны пасутся во владениях Чарских и даже по сию сторону реки Алазани, и от скудного произведения земли приходили и поныне приходят на лето в изобильные долины Алазани» [3, с. 253].

Политическая судьба Джаро-Белоканских обществ зависела от геополитического положения и географической среды, опосредованно влиявших на темпы социально-экономического развития. Горцы, раньше занимавшиеся разве только скотоводством, стали разводить шелк, в их деревнях культивировали рис, табак, фрукты, орехи, хлеб. Они превратились в прилежных земледельцев, которые превзошли в этом живущих с ними по соседству грузин. Благоприятные природно-географические условия Джаро-Белокан позволили его жителям в XVIII в. сформировать многоотраслевое

3. Алазанская долина расположена в восточной части Закавказья, ныне входит в состав двух государств – Азербайджана и Грузии. Длина составляет 200–225 км, ширина – 20–40 км, высота над уровнем моря –200–450 м. Алазанская долина начинается в Кварельской зоне Грузии, тянется в юго-восточном направлении современного Азербайджана через Белоканский, Закатальский, Кахский, Шекинский районы. В Грузии она называется также Кахетинской равниной.

4. Тагар – *мера веса сыпучих* тел, равная 83,2 кг.

5. Алтын – единица денежного счета достоинством 3 копейки.

6. Под глуходарами грузины, а затем и авторы XIXв., подразумевали жителей юго-западного Дагестана (ныне – Цунтинский, Тляратинский, Чародинский и отчасти – Рутульский районы Дагестана).

сельскохозяйственное производство. Значительное различие в расположении над уровнем моря, в климатических условиях, создавало неодинаковые условия для развития земледелия в обществах Джаро-Белокана. В предгорных селениях занятие земледелием носило лишь подсобный характер, главное же место занимало скотоводство. Скотоводство было распространено во всех аварских селениях, даже там, где было достаточно ресурсов для продуктивного хлебопашества, виноградарства и шелководства.

Возделывание зерновых практиковалось повсеместно, за исключением высокогорий. Главной зерновой культурой была пшеница. Все пахотные земли были поливными. Французский посол в Тифлисе Ф. Гамба, отмечал, что «Джарская земля весьма плодородна, она производит множество всякого рода плодов» [12 с. 247]. А. Посербский отмечал, что джарцы в прошлые столетия обратили внимание на разведение садов и хлеба, а труд, сопряженный с агрикультурой[7], упал исключительно, на энгилоев и мугал» [13, с. 22]. Сведения Ф. Гамбы и А. Посербского идентичны, они отмечают развитость садоводства, виноградарства, шелководства, земледелия. Здесь следует, отметить, что в Джаро-Белоканах населенные пункты вольных обществ были расположены на высоте 300–800 м над уровнем моря, в труднодоступных местах или местах, которые приурочены к естественным рельефным границам: берегам рек, крутым горным склонам и обрывам. Это облегчало проведение искусственных фортификационных работ и увеличивало обороноспособность поселения [14, с. 70–71].

Джаро-Белоканские общества были полиэтничными. Начиная с 80-х гг. XVII в. и вплоть до начала XIX в., этническая пестрота региона увеличивалась за счет миграции тюркоязычного, грузиноязычного и говорящего на нахско-дагестанских языках населения. Природно-географический фактор содействовал переселению грузинских крестьян и тюркоязычных мугалов Закавказья в равнинную часть Джаро-Белокана, где они занимались хлебопашеством и сельским хозяйством. Население делилось на три группы: коренных аварцев, игравших решающую роль в системе управления обществами, мугалов и енгилойцев, отбывавших в пользу первых кешкельную повинность[8]. Енгилойцам и мугалам предоставлялись одинаковые условия аренды земли, с которых они должны были платить около 15% собранного урожая. Миграция грузинских крестьян в Джаро-Белоканы должна рассматриваться в контексте социально-экономических процессов в Кахетии XVII–XVIII в., когда обложение тяжелыми налогами вынуждало крестьян уходить от кахетинских тавадов[9] и мтаваров[10].Часть кахетинского крестьянства с 80-х XVII в. принимает участие в антикахетинских мероприятиях джаро-белоканцев.

Важно акцентировать внимание на миграции: в кавказоведении преобладает мнение, что само возникновение Джаро-Белоканских обществ стало возможным после миграции горцев (в основном аварцев) из Дагестана на низменные районы Южного Кавказа. И.П. Петрушевский пишет, что как таковой миграции горцев не было,

7. Имеется в виду сельское хозяйство.
8. В Джаро-Белоканах термин «кешкель» имел несколько значений: 1) участок земли, сдаваемой в аренду подвластным крестьянам; 2) налог, взимаемый с подвластных крестьян. Размеры кешкелей в различных селениях были неодинаковыми.
9. Титул в средневековой Грузии, который соответствовал мусульманским бекам Закавказья. В феодальной иерархии тавады стояли выше дворян (азнаури), но ниже эриставов.
10. Мтавары (груз. «старший») – крупные феодалы, занимавшие важные государственные посты в феодальной Грузии.

а имело место оседание привлеченных для службы в качестве наемных войск горцев[11], которые со временем, в условиях политического ослабления Кахетинского царства, овладели землями прежних правителей [2, с. 43–45]. Горцы часто совершали походы во внутреннее Закавказье, ослабленное внутриполитической нестабильностью. По мнению М.А. Мусаева, наиболее интенсивными походы были в XVIII в., что можно связать с политическими процессами в регионе: османо-персидским противоборством [15, с. 3225]. Совершая частые рейды в Закавказье, горцы Дагестана активно вовлекались в его политическую жизнь, в том числе в Джаро-Белоканах. События в Дагестане и Джаро-Белоканах в XVIII в. (антисефевидские восстания, борьба против походов Надир шаха) содействовали их объединению. В. Гамрекели видит причину миграции в малоземелье и экономической необеспеченности. Хотя он также признает, что грузинские правители активно привлекали жителей Западного Дагестана в свои междоусобицы. «Сильный феодал в борьбе со своим наместником шаха, – пишет В. Гамрекели, – легко мог найти поддержку извне. Его поддержит кто-либо из соседних ханов или паша: к услугам его – горцы Дагестана, охотно занимающиеся набегами, добычей рабов, службой за деньги» [16, с. 25][12].

В плане социально-экономического развития Джаро-Белокана следует отметить, что каждое общество имело свою особенность. В пользовании каждого общества находились горы, отроги. Порядок пользования пастбищами, организация пастбищного дела доверялись родовой знати и немногим крупным скотоводам. С наступлением периода летних перекочевок пастбища распределялись по жребию между поселениями. Подвластные мугалы и енгилойцы, желавшие пользоваться летними пастбищами обществ, вносили за это плату, чаще всего по два барана с каждой сотни голов. Для охраны летних пастбищ выставлялись особые караулы. Многочисленные стада овец и крупного рогатого скота до российского завоевания, как и после него, распределялись крайне неравномерно. Большая часть их была сосредоточена в руках крупных скотоводов и владельцев значительных участков земли; а также кевхов (старшин) и других представителей родовой знати.

Однако в 80-х гг. XVIII в. становится заметным процесс разложения тухумного строя. В значительной степени оно было вызвано межтухумной борьбой, связанной с проблемой лидерства в самом сильном Джарском обществе. Разложение родовых отношений форсировало разложение традиционных институтов и общинного землевладения. В результате процессы изменения традиционной структуры на рубеже XIX в. стали подвергаться все усиливающемуся воздействию внутренних и внешних факторов. Социальное расслоение внутри обществ привело к усилению противоречий с зависимыми слоями населения. Это создавало благоприятную среду для внутренних междоусобиц, часто ставило Джаро-Белоканы на грань полного распада, чем всегда спешили воспользоваться его геополитические соперники. Авторы XIX в., описывая вхождение Джаро-Белоканских обществ в состав Российской империи, отмечали, что их земля была чрезвычайно сходной «по географическому положению и даже по местности с Чечней, предгорным полесьем, и могла бы обороняться так же долго, как и Чечня, но раздвоение народа на завоевателей

11. Речь идет о горцах юго-западного Дагестана.
12. О вопросах, связанных с образованием Джаро-Белоканских обществ, в частности, с миграционной теорией см.: [17]. Автор статьи как и его предшественники (И.П. Петрушевский, Б.Г. Алиев, Т.М. Айтберов и др.), является последователем концепции «автохтонизма», согласно которой джаро-белоканские аварцы в историческом прошлом непрерывно занимали территорию Цора (Закатало-Белоканской зоны), являясь ее коренными жителями.

и покоренных, которые не могли вполне сочувствовать господам своим, заставило их покориться» [18, с. 80].

Результаты

В результате рассмотренного материала можно отметить, что в силу природно-климатических, территориальных и других факторов, каждая этническая общность, территориальное образование имели определенные особенности, свою специфику и неповторимость, характерные только для нее. Материалы показали, что Джаро-Белоканский союз был влиятельным политическим образованием не только в Восточном Закавказье, на и северокавказском геополитическом пространстве. Его военно-политическое влияние и экономическая мощь определялись геополитическим положением и владением природными ресурсами. Земли союза находились в теплом, даже жарком, климате и были удобны для хозяйственной деятельности. Население Джаро-Белоканских обществ занималось земледелием, скотоводством, садоводством. Переселению в эту зону грузинских крестьян, тюркоязычных мугалов Закавказья содействовал природно-географический фактор, гонения на них в своих обществах и приглашение джаро-белоканцев поселяться на Алазанской долине и заниматься сельским хозяйством. Новые потоки миграции вызывали адаптацию к новым условиям и формирование новой системы ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала. 1971. -266с.

2. Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Махачкала, 1993. – 161с.

3. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.// История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. С. 60–121.

4. Коцебу М.О. Сведения о джарских владениях 1826 г.// История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 252–265.

5. Ган К.Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. XXXI. Ч. II. Тифлис, 1902. С. 49–96.

6. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX в. Кн. II. Историческая география Южного Дагестана. Махачкала, 2001. – 248 с.

7. Айтберов Т.М Закавказские аварцы: VIII – начало XVIII вв. этнос, государственность, законы. Махачкала, 2000.

8. Гене Ф.И. Сведение о Горном Дагестане // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 337–353.

REFERENCES

1. Magomedov RM. *Dagestan. Historical sketches Dagestan*. Makhachkala, 1971. (In Russ.)

2. Petrushevsky IP. *Dzharo-Belokan free societies in the first half of the XIX c*. Makhachkala, 1993. (In Russ.).

3. Gerber IG. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX centuries* / Edited by M.O. Indirect and H.M. Hashaev. M., 1958: 252-265. (In Russ.).

4. Kotsebu MO. Information about the Dzhar possessions of 1826. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII-XIX centuries* / Edited by M.O. Indirect and H.M. Hashaev. M., 1958: 252-265. (In Russ.).

5. Gan KF. Journey to Kakheti and Dagestan. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. V. XXXI. Ch. II. Tiflis, 1902: 58-59. (In Russ.).

6. Aliev BG., Umakhanov MS. *Historical geography of Dagestan XVII– beginning. XIX century*. Book II. Makhachkala, 2001. (In Russ.)

7. Aitberov TM. *Transcaucasian Avars: VIII – early XVIII centuries: ethnicity, statehood, laws*. 2000. Makhachkala, 2000**.** (In Russ.)

8. Gene FI. Information about Mountainous Dagestan. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX centuries*. Edited by M.O. Indirect and H.M. Hashaev.M., 1958: 337-353. (In Russ.)

9. Молла Мәһәммәд әл-Чари. Чар сәлнамәси тәрчүмә, кириш, гејд, С.А. Сулејмнованындыр. («Малла Мухамммад ал Джари Джарская летопись» перевод, введение, примечания С. Сулеймановой). Бакы, 1997. – 101с.

10. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дисс… д. и. н. Тбилиси, 1972. – 46с.

11. Константинов О.И. Джаро-Белокан до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 2. №3. С. 10–12.

12. Гамба Ф. Еще отрывки из путешествия Г. Гамбы в Южную Россию // Северный архив. СПб., 1827. № 11. С. 237–260.

13. Посербский А. Очерк Закатальского округа // Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865. Отд. V. С. 3–60.

14. Хапизов Ш.М. Поселенческая культура дагестанцев Цора в контексте этнокультурной истории (XVIII–XXI вв.): диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.07. М., 2016. – 225 с

15. Мусаев М.А. Взгляд на «Лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых XVIII в. // Фундаментальные исследования. 2013. № 10-14. С. 3223–3228

16. Гамрекели В.Н. Социально-экономическая почва развития «лекианоба» в XVIII в. // Вестник АН Грузинской ССР. Отделение общественных наук. Тбилиси, 1972. № I. С. 21–34.

17. Халаев З.А. Возникновение Джаро-Белоканских обществ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (120). С. 167–170.

18. Фадеев Р.А. О Закатальском восстании // 60 лет Кавказской войны. Записки о кавказских делах. СПб., 1861. Т. I. Ч. II. С. 79–124.

9. Malla Muhammmad al Jari. *Jar chronicle*. Baky, 1997. (In Azer.)

10. Gamrekeli VN. *Issues of relations between Eastern Georgia and the North Caucasus in the XVIII century*: Abstract. diss… Doctor of Historical Sciences Tbilisi, 1972. (In Russ.)

11. Konstantinov OI. Dzharo-Belokany before the XIX century. *Caucasus*. 1846. No. 2 p. 8, №3: 10-12. (In Russ.)

12. Gamba F. More excerpts from G. Gamba's journey to Southern Russia. *Northern Archive*. Saint-Petersburg. 1827; 11: 237-260. (In Russ.)

13. Poserbsky A. Essay of the Zakatala district. *Caucasian calendar for 1866*. Tiflis, 1865: 3-60. (In Russ.)

14. Khapizov ShM. *The settlement culture of the Dagestanis of Tsora in the context of ethno-cultural history (XVIII-XXI centuries)*. M., 2016.

15. Musaev MA. A look at "Lekianoba" in the context of studying the legal opinions of Dagestan scientists of the XVIII century. *Fundamental research*. 2013; 10-14: 3223-3228. (In Russ.)

16. Gamrekeli VN. Socio-economic soil of the development of "lekianoba" in the XVIII century. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Georgian SSR. Department of Social Sciences*. Tbilisi, 1972; 1: 21-34. (In Russ.)

17. Khalaev ZA. The emergence of Jaro-Belokan societies. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017. No. 7 (120). pp. 167–170. (In Russ.)

18. Fadeev RA. About the Zakatala uprising // 60 years of the Caucasian War. *Notes on Caucasian affairs*. Saint-Petersburg, 1861; 1(2): 79-124. (In Russ.)

Поступила в редакцию 14.08.2022 г.
Принята в печать 06.02.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 14.08.2022
Accepted 06.02.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192335-363

Исследовательская статья

Закарияев Замир Шахбанович,
д.и.н., проф. кафедры востоковедения, руководитель
Центра археографических и эпиграфических исследований им. А.Р. Шихсаидова
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
zzakariyaev@yandex.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ И СИЛСИЛА СУФИЙСКИХ ШЕЙХОВ БРАТСТВА ХАЛВАТИЙА ИЗ ЛЕЗГИНСКОГО СЕЛЕНИЯ ХЛЮТ

Аннотация. Целью статьи является представление результатов изучения генеалогии и цепи духовной преемственности суфийских шейхов, проживавших в XVIII–XIX вв. в горном лезгинском селении Хлют в Южном Дагестане. Здесь существовала суфийская обитель, известная под названием «Текке». Основателем обители был шейх Мухаммад-ʻАли, происхождение которого связывается с Йеменом. Впервые публикуется текст и комментированный перевод раннего списка важного исторического источника на арабском языке, включающего как духовную генеалогию (*силсила*), так и родословную (*насаб*) хлютских шейхов. Установлено, что список составлен примерно в середине XVIII в., что делает его самым ранним из сохранившихся документов такого рода в Дагестане. Применение метода контаминации позволило практически полностью восстановить содержание основного текста документа, что стало возможным благодаря наличию двух рукописных списков. Мы пришли к выводу, что основной текст позднего списка, за исключением небольшой интерполированной вставки, был перенесен с раннего списка. Оба списка оканчиваются небольшими поздними приписками с информацией о двух ветвях потомков шейхов. Анализ генеалогии хлютских духовных деятелей показывает, что они были потомками суфийских шейхов, проживавших в северном Ширване. *Силсила* содержит имена известнейших средневековых суфиев мусульманского мира и восходит к йеменскому *таби'ину* Увайсу ал-Карани, а через него – к ʻАли б. Аби Талибу. Упоминание в *силсила* известных ширванских шейхов XV в. братства Халватийа, а также их преемников, проживавших в горах Южного Дагестана, не оставляет сомнений в том, что хлютские шейхи также принадлежали к этому суфийскому братству. Установлено, что активная деятельность Халватийа в Южном Дагестане не ограничилась лишь Поздним Средневековьем, а продолжалась и позже. Исследованы арабоязычные надписи комплекса Текке, на территории которого сохранились захоронения суфиев, остатки жилых построек и помещений для суфийских практик.

Ключевые слова: Дагестан; суфизм; селение Хлют; шейх; *силсила*; Халватийа; Текке

Для цитирования: Закарияев З.Ш. Генеалогия и силсила суфийских шейхов братства Халватийа из лезгинского селения Хлют // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 335-363. doi.org/10.32653/CH192335-363

© Закарияев З.Ш., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192335-363

Research paper

Zamir Sh. Zakariyaev,
Dr. Sci. (History), Prof. at Dep. of Oriental Studies,
Head of Shikhsaidov Center of Archeographic and Epigraphic Studies
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

GENEALOGY AND SILSILA OF SUFI SHEIKHS OF THE KHALWATIYYA ORDER IN THE LEZGIN VILLAGE OF KHLYUT

Abstract. The paper reveals the results of studying the genealogy and the chain of spiritual succession of Sufi sheikhs who lived in the 18th–19th centuries in the mountainous Lezgi village of Khlyut, South Dagestan. A Sufi monastery, known as "Tekke", was located there. The founder of the monastery was Sheikh Muhammad-'Ali, who is believed to be of Yemen origin. We present the text and annotated translation of an early list of a valuable historical source in Arabic for the first time. The list has been found to be compiled approximately in the middle of the 18th century, which makes it the earliest surviving document of this kind in Dagestan. It includes both the spiritual genealogy (*silsila*) and the lineage (*nasab*) of the Khlyut sheikhs. The author managed to almost completely restore the content of the main text of the document, which became possible due to the presence of two handwritten lists. We conclude that the main text of the late list, with the exception of a small interpolated insert, was carried over from the early list. Both lists end with small late additions with information about two branches of the sheikhs' descendants. An analysis of the genealogy of Khlyut spiritual figures shows that they were descendants of Sufi sheikhs who lived in northern Shirvan. *Silsila* contains the names of the most famous medieval Sufis of the Muslim world and goes back to the Yemeni *Tabi'in* Uwais al-Qarani, and through him to 'Ali b. Abi Talib. The mention in the silsila of famous Shirvan sheikhs of the 15th century of the Khalwatiyya order, as well as their successors, who lived in the mountains of southern Dagestan, leaves no doubt that the Khlyut sheikhs also belonged to this Sufi brotherhood. It has been established that the vigorous activity of Khalwatiyya in South Dagestan was not limited only to the Late Middle Ages, but continued later. The Arabic-language inscriptions of the Tekke complex, on the territory of which the burial places of Sufis, the remains of residential buildings and premises for Sufi practices are located, have also been studied.

Keywords: Dagestan; Sufism; Khlyut; sheikh; *silsila*; Khalwatiyya; Tekke.

For citation: Zakariyaev Z.Sh. Genealogy and silsila of sufi sheikhs of the Khalwatiyya order in the lezgin village of Khlyut. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 335-363. doi.org/10.32653/CH192335-363

© Z.Sh. Zakariyaev, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Горное лезгинское селение Хлют (лезг. *Хъуьлуьд*) ныне Рутульского района расположено в Южном Дагестане на правом берегу реки Самур[1], у административной границы с Ахтынским районом Дагестана, при впадении в Самур его правого притока Фалфан (лезг. *Фулфан-вацI*). Высота селения над уровнем моря – около 1200 м. Здесь находится один из наиболее почитаемых верующими мусульманских объектов Самурского региона Дагестана. Он известен среди местного населения под турецким названием *Текке*, что означает суфийскую обитель. Термин сам по себе однозначно указывает на суфийский характер объекта, который представляет собой целый комплекс построек. Суфийская обитель хорошо просматривается с автодороги Магарамкент – Рутул. Распространена практика, когда многие из проезжающих здесь специально останавливаются рядом со специальным сооружением у дороги, устроенным прямо напротив мусульманского комплекса, для совершения мольбы (*ду'а'*) и приношения милостыни (*садака*)[2]. Комплекс расположен в верхней части селения, на горном отроге Гельмец-Ахтынского хребта. Территория комплекса, помимо суфийской обители, включает мечеть, жилые постройки, каменные надмогильные сооружения (*пиры*). Здесь же находится ряд захоронений с надмогильными памятниками. Прежде на территории комплекса постоянно проживали как сами суфийские шейхи-праведники, так и члены их семей. В селении Хлют сохранились воспоминания о многочисленных чудесных деяниях (*карамат*) шейхов и праведном образе их жизни.

Поныне сохранилась постройка, именуемая местными жителями «Аджра», где происходили моления. Предположительно, ее название происходит от арабского слова *худжра*, что означает, в данном случае, суфийскую келью. Из этого помещения, опираясь на его пол, выходит через крышу и высоко возвышается над строением деревянный шест, называемый «чангал». Он обвешан разноцветными ритуальными кусками материи. Раздвоенное навершие чангала увенчано металлическими фигурными наконечниками, которые, как считается, являются символами суфийского братства. В полу одного из помещений имеется яма – *сулук*, предназначенная для уединения, богослужения и ритуальных практик суфиев-аскетов. Согласно преданиям, шейхи Текке уединялись в *сулуке* в течение сорока дней, довольствуясь скудной пищей и питьем.

На некоторых надмогильных стелах имеются надписи, орнамент и различные архаичные символы петрографики. Например, в нижней части комплекса расположен надмогильный камень, на который нанесено изображение воина с саблей в руке. Наибольший интерес вызывает огороженное каменной стеной святилище, расположенное в верхней части комплекса, где находится усыпальница суфийских шейхов (Рис. 1), проживавших на территории комплекса Текке. Это мусульманское святилище жители Хлюта называют «Асар». Здесь имеется два прямоугольных в плане каменных надмогильных сооружения. В лицевой и боковых стенках устроены глубокие вытянутые ниши. Каждое из сооружений увенчано двумя куполами конической формы, которые возвышаются на высоту около 2 м. Поскольку оба сооружения расположены впритык друг к другу (между ними имеется лишь узкий проход), они воспринимаются с расстояния как единое целое, т.е. один *пир* с четырьмя куполами. Интересен обряд,

1. Самур – крупнейшая река Южного Дагестана.
2. Подобные сооружения, расположенные, как правило, у обочин дорог напротив почитаемых мусульманских святилищ, носят у лезгин название *къаншар* («расположенное напротив») и строятся специально для совершения мольбы и приношения милостыни, когда совершение этих обрядов непосредственно на месте святилища затруднено в силу отдаленности объекта.

который совершается здесь по традиции в ночь перед пятницей. В нишах надмогильных сооружений местные жители зажигают ритуальные огоньки – светильники, именуемые *пилтеяр*. Они горят всю ночь. Черная копоть от горения покрывает ниши, где устанавливаются ритуальные светильники. Суфийский по своей природе обряд ночного освещения святых мест – *пиров* зафиксирован нами и в некоторых других селениях региона, например, в селении Ялак Ахтынского района. Схожий обряд практиковался и практикуется поныне в Центральной Азии, где считается, что исходящий от огня запах «кормит дух святого» [1, с. 103].

Устойчивое предание, бытующее в Хлюте, связывает появление здесь суфийской обители с исламским проповедником по имени Мухаммад-ʻАли, который прибыл из Йемена. Это подтверждается содержанием арабоязычной эпитафии святилища «Асар». В лицевой (северной) стене переднего от входа надмогильного сооружения вмонтирована каменная плита высотой 20 см, шириной 29 см. Врезная эпитафия из 9 строк нанесена грубоватым почерком *насх* (Рис. 2). Первая строка высечена более крупным и размашистым почерком. Последняя строка стерлась и не поддается прочтению. Арабские тексты публикуемых надписей приводятся с сохранением их орфографии.

(١) اعوذ بالله من الشّيطان الرّجيم
(٢) قد نقل شيخ صادق المرحوم من
(٣) دار الفناء الى دار البقاء فى شهر شعبان
(٤) ... لشيخ محمد على الساكن
(٥) القرية القلوطى ... من ولاية يمن
(٦) ... التاريخ النبى
(٧) صلى الله عليه وسلم الف ومایة اربع
(٨) وتسعين سنة من هجرة النبى
(٩) ...

Перевод:
«1) Я прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана.
2) Переселился покойный *шайх* Садик из
3) бренного мира в вечный мир в месяц *шаʻбан*
4) … [сын] *шайха* Мухаммад-ʻАли, проживавшего в
5) селении Хлют (*ал-карйат ал-Кулути*) … из области Йемен (*вилайат Йаман*)
6) … дата пророка,
7) – да благословит его Аллах и да приветствует: тысяча сто
8) девяносто четвертый год от *хиджры* пророка.
9) …».

Месяц *шаʻбан* 1194 г. *хиджры* начался 1 августа 1780 г. Содержание эпитафии указывает на то, что ближнее надмогильное сооружение было воздвигнуто на месте захоронения шейха Садика, сына шейха Мухаммада-ʻАли.

В лицевой стене второго надмогильного сооружения, расположенного за гробницей шейха Садика, установлена каменная плита высотой 42 см, шириной 32 см. Надписи из девяти строк нанесены почерком *насх* в очень низком рельефе, что затрудняет чтение (Рис. 3). Строки разделены поперечными полосами. Текст удалось разобрать лишь

частично. Он начинается с известного стиха Абу-л-‘Атахийи (748–826). Существует, однако, мнение, что это текст *хадиса кудси*. Нижние строки читаются неуверенно. Надпись выполнена в стиле, характерном для многих надписей региона второй половины XIX в.

(١) الموت كأس كل الناس شاربها
(٢) والقبر [باب] كل الناس داخلها فان هذا
(٣) القبر ... الخدام ثم
(٤) جدد نورض ابن شيخ تاهر
(٥) بن يوسف بن شيخ ... بن شيخ
(٦) صادق بن شيخ [محمد على] فان كل جدّ
(٧) ... الخدام
(٨) هذا ... وتاريخ النبى
(٩) فى سنة ١٣٠٠ كاتبه... عبد الله

Перевод:
«1) Смерть – чаша, каждый выпьет ее.
2) Могила – [дверь[3]], каждый войдет в нее. Воистину, эта
3) могила ... служителей (*ал-худдам*). Затем
4) отремонтировал (*джаддада*) Навруз, сын *шайха* Тахира,
5) сына Йусуфа, сына *шайха* ... сына *шайха*
6) Садика, сына *шайха* [Мухаммад-‘Али]. Воистину, каждый дед
7) ... служителей.
8) Это ... А дата пророка:
9) в 1300 году. Написал это ... ‘Абдаллах».

Предположительно, надпись датирована 1300 г. *хиджры*, что соответствует 1882-83 г., и составлена во время ремонта святилища. Захоронение упоминаемого в надписи Навруза, сына *шайха* Тахира, сына Йусуфа, который был одним из потомков суфийских шейхов Хлюта, расположено позади святилища, в нескольких метрах к югу. В лицевой стороне небольшого надмогильного камня речной породы высечена эпитафия из 5 строк (Рис. 4). Низкий рельеф, почерк *насх*. Строки разделены поперечными полосами. Текст окаймляет лента с ромбовидным орнаментом.

(١) قد ارتحل من دار الدّنيا
(٢) الى دار الاخرت نورض
(٣) ابن شيخ طاهر ابن
(٤) يوسف غفر الله امين
(٥) يا معين سنة ١٢٨٤

Перевод:
«1) Переселился из ближнего мира
2) в потусторонний мир Навруз,
3) сын *шайха* Тахира, сына

3. Слово «дверь» (*баб*) в надписи пропущено.

4) Йусуфа, – да простит [их] Аллах.

5) О, Помогающий[4]! 1284 год».

1284 г. *хиджры* соответствует 1867-68 г. Владелец эпитафии приходился праправнуком шейху Садику, сыну шейха Мухаммада-ʻАли. Вероятно, именно родством с шейхами обусловлено местонахождение его могилы вблизи святилища «Асар». Согласно Посемейному списку сел. Хлют от 1865 г.[5], Навруз, сын шейха Тахира родился около 1815 г. и имел двух сыновей: Йусуфа (род. около 1845 г.) и Эшрефа (род. в 1863 г.). Младший брат Навруза по имени Мухаммад-ʻАли (род. около 1835 г.) имел сына ʻАбдаллаха (род. около 1855 г.).

Долгие годы в обители Текке хранился рукописный свиток, который содержит генеалогию и цепь духовной преемственности (*силсила*) суфийских шейхов селения Хлют. Впервые мы видели этот свиток в 2000 г. В настоящее время точное его местонахождение нам не известно, однако он хранится, видимо, в Хлюте. Бумажный свиток имеет длину 115 см при ширине 23 см (Рис. 5). Он склеен из нескольких частей. Текст из 66 коротких строк нанесен черными чернилами каллиграфическим арабским почерком *насх* на серую фабричную бумагу с розоватым оттенком. Начало некоторых разделов отмечено красными чернилами. Края текста обведены двойной рамкой, вытянутой в длину свитка. Бумага с текстом наклеена на поздние линованные листы белого цвета. Свиток сильно обветшал, поэтому текст местами утрачен. Лучше сохранилась его верхняя половина. В нижней половине свитка утрачены его края, в то время как текст центральной части почти не пострадал.

Основной текст свитка состоит из 59 строк и содержит генеалогии и цепь духовной преемственности (*силсила*) суфийских шейхов. После основного текста имеется добавление, сделанное во время переписки основного текста со старого списка. Сохранившийся текст добавления состоит из семи строк. Его окончание ныне утрачено, однако сохранились сведения, что там содержалась дата переписки – месяц *рамадан* 1313 г. *хиджры*, что приходится на февраль-март 1896 г. по григорианскому календарю. Содержание текста добавления (имена упоминаемых там хлютцев, живших в конце XIX в.) также однозначно указывает на создание всего свитка в конце XIX в. Это хорошо согласуется с фабричной бумагой свитка (предположительно, российского производства), которая была изготовлена примерно в конце XIX в. Таким образом, текст свитка является копией конца XIX в., сделанной со старого списка. Почерк нижней части основного текста, а также текста добавления отличается от стиля письма остального текста, из чего можно заключить, что текст свитка переписан двумя разными переписчиками.

Окончание (добавление) арабского текста свитка:

(١) قد نقلنا وجيّدنا هذه الرسالة المجتمعة ...

(٢) واساتيذهم وسلسلتهم من الرسالة العتيقة ...

(٣)[عبد] الكريم بن شيخ شاه قبات اعلى الله درجتهم امين ...

(٤) بن شيخ رحيم بن شيخ حافض بن [شيخ شعبان بن شيخ صادق]

4. «Помогающий» (*ал-Муʻин*) – один из эпитетов Аллаха.
5. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 21, Оп. 5.

(٥) بن شيخ محمد على بن شيخ عبد الرزاق [بن شيخ محمد امين بن شيخ
(٦) عبد الكريم غفر الله لهم ...
(٧) نحن ملّا محمد [ولى بن عباس و ملّا]...

Перевод:

«1) Мы перенесли и обновили это послание (*рисала*), содержащее [имена шейхов]

2) и их наставников (*асатиз*), [а также] цепь их духовной преемственности (*силсила*) из старого списка (*ар-рисала ал-ʻатика*) ...

3) [ʻАбд] ал-Карима, сына Шах-Кубата, – да возвысит Аллах их степень. Аминь! ...

4) сына шейха Рахима, сына шейха Хафида (Хафиза), сына [шейха Шаʻбана, сына шейха Садика],

5) сына шейха Мухаммада-ʻАли, сына шейха ʻАбд ар-Раззака, [сына шейха Мухаммада-Амина, сына шейха]

6) ʻАбд ал-Карима, да простит их Аллах ...

7) Мы, малла Мухаммад-[Вали, сын ʻАббаса и малла] ...».

В селении Хлют сохранились воспоминания о том, что в суфийской обители Текке прежде хранился принадлежавший шейхам Коран, в котором находился старый текст генеалогий. Впоследствии Коран пропал и о его местонахождении ныне ничего не известно. Однако в нашем распоряжении имеется черно-белая фотография листа со старым текстом генеалогий и цепи духовной преемственности (Рис. 6). Эта фотография была сделана около 15-20 лет назад[6]. Текст из 24 строк выполнен черными чернилами каллиграфическим почерком *насх* на прямоугольном белом листе. Основной текст состоит из 21 строки[7]. Последние три строки написаны другим, более мелким почерком и являются поздней припиской. Ее содержание не оставляет сомнений в том, что она создана в конце XIX в. Почерк же основной части текста характерен для рукописей Дагестана XVIII – начала XIX в. Текст старого списка сохранился почти полностью. Лишь в верхней части листа утрачены два его небольших фрагмента с текстом. Их содержание восстанавливается благодаря наличию позднего списка.

Сличение основных частей текста раннего списка (отныне Список А) и более позднего текста свитка (Список Б) показало, что они почти идентичны и отличаются друг от друга лишь незначительными деталями. Единственное существенное различие заключается в том, что в Списке А генеалогия хлютских шейхов заканчивается на шейхе Мухаммаде-ʻАли, а в Списке Б генеалогическое древо дополнено именами еще двух шейхов – шейха Садика (Садыка) и его сына шейха Шаʻбана. Эпитафия шейха Садика (см. выше), который был единственным сыном шейха Мухаммада-ʻАли, датирована 1194/1780 г. Таким образом, можно полагать, что Список А, в котором шейх Садик и шейх Шаʻбан не упоминаются, был создан до 1780 г. Предположительно, он был составлен вскоре после смерти шейха Мухаммада-ʻАли, что имело место примерно в середине XVIII в. Точная дата его смерти не известна. У нас нет сомнений, что основной текст рукописного свитка (Список Б) был перенесен (скопирован) со старого Списка А.

Наличие двух списков и их текстологический анализ позволили полностью восстановить содержание основного текста. В Списке А он начинается с фразы «Он, Аллах, – Судья и Тот, Кто является Доводом», после чего следует традиционная мусульманская

6. Фотография любезно предоставлена жителем сел. Зрых Ахтынского района Дагестана Русланбегом Феталиевым.
7. Строки Списка А длинные и вмещают примерно в три раза больше текста, чем строки Списка Б.

вступительная формула *басмала* и преамбула, содержащая благопожелания. В конце четвертой строки начинается небольшой раздел, где говорится о достоинствах известного мусульманского деятеля ранней эпохи ислама, *таби‘ина*[8] Увайса ал-Карани (594–657), который был родом из Йемена и считается одним из наиболее высокочтимых *таби‘инов*. Он был современником пророка Мухаммада, однако не встречался с ним. В суфийской традиции упоминается духовная связь между пророком Мухаммадом и Увайсом ал-Карани. Именно с Увайсом ал-Карани рукопись связывает, в конечном счете, родословное древо суфийских шейхов, живших в селении Хлют. В 6–8 строках основного текста приводится сама эта родословная, восходящая к шейху по имени Шах-Кубат, который, как утверждается, был потомком (*мин насл*) Увайса ал-Карани. Потомки самого Шах-Кубата вплоть до шейха Мухаммада-‘Али также названы шейхами, что позволяет полагать, что суфийские практики, *иджаза* (право наставничества) и духовное звание шейха передавались в этом роде от отца к сыну[9]. Приводятся сведения о количестве детей мужского пола, имеющихся у каждого шейха. Впоследствии практика передачи суфийских знаний от отца к сыну продолжилась у шейхов этого рода и после их поселения в лезгинском Хлюте. Согласно тексту родословной, шейх Мухаммад-‘Али приходился праправнуком шейху Шах-Кубату.

Личность шейха Шах-Кубата требует специального рассмотрения. У нас нет сомнений в том, что речь идет об известном ширванском шейхе братства Халватийа Шах-Кубаде аш-Ширвани ал-Лекки (ум. в 950/1543 г.). Он был родом из области Агдаш [4, с. 389–390], что на севере Ширвана (ныне в северной части Азербайджанской Республики, вблизи южных границ современного Дагестана).

Более половины от всего основного текста Списка А (9–20 строки) занимает цепь духовной преемственности (*силсила*), которая насчитывает 35 колен и доведена до шейха Карима, сына шейха Шах-Кубата. Точное время жизни шейха Карима неизвестно, однако, судя по всему, он скончался во второй половине XVI в. Анализ цепи позволяет сделать однозначный вывод о том, что это *силсила* шейхов суфийского братства Халватийа[10], которое традиционно входит в число 12 основных братств. Халватийа сложилось в конце XIV в. в Северо-Западном Иране и возводит свою духовную *силсила* к ‘Али б. Аби Талибу через Джунайда ал-Багдади, разделяя положения багдадской школы созерцательного мистицизма. Распространено мнение, что Халватийа, относимое позже к суннитским братствам, было первоначально связано по части своего учения с ши‘измом (имамиты) [5, с. 267], а в одном из основных вариантов центральной *силсила* братства упоминаются имена некоторых ши‘итских имамов [6, с. 38]. Впоследствии, под воздействием политических факторов из *силсила* братства были изъяты имена пяти (по другим данным – семи) ши‘итских имамов [5, с. 267]. Поскольку в центральной духовной *силсила* братства Халватийа представлены шейхи суфийского братства Сухравардийа, включая его основателя Абу-н-Наджиба ас-Сухраварди (ум. в 1168 г.), это дало основание для заключений, что Халватийа является ответвлением братства Сухравардийа [6, с. 38; 7, с. 71]. Дагестанские исследователи

8. *Таби‘ины* – поколение мусульман-последователей пророка Мухаммада, следующее за сподвижниками (*сахабами*). *Таби‘ины* были учениками и последователями сподвижников пророка Мухаммада, непосредственно не общавшиеся с ним.

9. Такие примеры в суфизме отнюдь не единичны. Наследственный принцип руководства практиковался, например, в суфийском братстве Гулшанийа, которое является ответвлением братства Халватийа [2, с. 35]. Наследственный характер руководства в многочисленных ответвлениях Халватийа отмечает и Дж. Тримингэм [3, с. 50].

10. Последователи этого суфийского братства практиковали аскетизм (*зухд*), сорокадневный пост и созерцательное затворничество (араб. *халва*, перс. *халват*).

Ш.М. Хапизов и М.Г. Шехмагомедов считают, что Сухравардийа и его ответвление Халватийа можно считать шафи'итскими *тарикатами*, принимая во внимание, что население Северо-Западного Ирана во второй половине XIV в. и вплоть до начала XVI в. было, в основном, суннитским и придерживалось шафи'итского *мазхаба*. Этот фактор, по их мнению, поспособствовал распространению деятельности этих братств на территории Дагестана, народы которого издавна являются суннитами-шафи'итами [7, с. 71].

Лишь при первых лидерах Халватийа было братством с единой организационной структурой и централизованной системой руководства (главная обитель находилась в Тебризе). Впоследствии оно стало братством, объединившим под своим названием самостоятельные ветви и линии, действовавшие как отдельные братства, а также общины (*та'ифа*), каждая из которых имела свою *силсила*, *пира*-основателя, центральную обитель и вместе с тем сходные доктрины, а также практику и сопутствующий ритуал с частными отличиями [5, с. 267]. Халватийа дало начало более чем 50 самостоятельным ветвям. Некоторым аспектам мировоззрения Халватийа посвящена статья Н.Э. Алескеровой [8].

До относительно недавнего времени о существовании последователей Халватийа в средневековом Дагестане ничего не было известно, в то время как соседний Ширван, расположенный к югу, уже в XV в. стал центром деятельности этого братства. Т.М. Айтберов в 2010 г. опубликовал русский перевод выявленной им арабоязычной записи первой половины XX в. с духовной генеалогией шейхов Халватийа, согласно которой цепь духовной преемственности от ширванских шейхов ведет к шейху Йунусу ад-Дагистани ал-Ансалти[11], а через него – к Шайх-Мухаммаду ад-Дагистани из Гидатля[12] [9, с. 185–186]. Т.М. Айтберов пришел к обоснованному заключению о том, что эти дагестанские шейхи принадлежали к братству Халватийа. Ш.М. Хапизов и М.Г. Шехмагомедов в 2017 г. опубликовали русский перевод еще одного позднего арабоязычного варианта *силсила* данной ветви [7, с. 73–74]. Он был скопирован переписчиком в 1939 г. Сравнительный анализ этой *силсила* показал, что ее содержание, в целом, совпадает с вариантом, переведенным Т.М. Айтберовым.

Наставником шейха Йунуса ал-Ансалти *силсила* обоих вариантов называет шейха Амира Агдаши («Ших-Амира Агдашского» в переводе Т.М. Айтберова). В 2012 г. нами впервые было высказано мнение, что шейха Амира Агдаши следует отождествить с дагестанским шейхом Амиром ал-Мишлиши (ум. в 970/1562-63 г.), чей *зийарат* находится в цахурском селении Мишлеш Рутульского района Дагестана [10, с. 105–111]. Мы установили также, что шейх Амир ал-Агдаши, переселившийся в горы Южного Дагестана из Ширвана и получивший *нисбу ал-Мишлиши*, был наставником и другого дагестанского шейха Махмуда аз-Захури (см. о нем ниже). В дальнейшем, накопление новых научных данных по истории суфизма в Дагестане, анализ различных исторических источников, эпиграфических и рукописных памятников привел нас к выводу, что шейх Амир ал-Мишлиши был отнюдь не первым, кто распространял *тарикат* Халватийа в Дагестане. По всей видимости, последователи братства имелись в Южном Дагестане уже в XV в., еще при жизни духовного главы Халватийа

11. Аварское селение Ансалта расположено в Ботлихском районе Дагестана. Здесь поныне сохранился *зийарат* Йунуса ал-Ансалти. Исследование Ш.М. Хапизова и М.Г. Шехмагомедова показало, что датой смерти Йунуса ал-Ансалти следует считать 1007/1598-99 г. [7, с. 77].

12. *Зийарат* Шайх-Мухаммада ал-Мачади (ум. в 1046/1636-37 г.) расположен в аварском селении Мачада Шамильского района Дагестана. Селение Мачада входило в состав союза сельских общин Гидатль.

в Ширване *сайййда* Йахйи ал-Бакуви (ум. в 1464 г.), вполне возможно, и раньше. Ведь Южный Дагестан издавна был тесно связан с соседним Ширваном как политически, так и духовно, еще задолго до прихода в 1382 г. к власти в Ширване правителей из династии Дербенди. Известно, что ширван-шах Халил-Аллах I (1417–1462) покровительствовал братству Халватийа и даже был *муридом* Йахйи ал-Бакуви. В правление Халил-Аллаха область среднего течения реки Самур находилась в орбите политического влияния соседнего Ширвана, о чем свидетельствует надпись середины XV в. из селения Ахты[13] [11, с. 141, 206]. Следовательно, упоминаемых в сочинении Махмуда ал-Хиналуки суфиев горного Лезгистана, среди которых: *суфи султан* ʻАли ал-Куруши[14], *суфи дарвиш* Мухаммад Ихири[15], *суфи* Ахмад Мази[16], *суфи пир* Мухаммад ал-Чик ал-Чики[17], *мавлана* Мухаммад ал-Курахи[18], *мавлана* Йунус ар-Рутули[19] [12, с. 57] логично считать последователями именно *тариката* Халватийа. Историческое сочинение Махмуда ал-Хиналуки было составлено в 1456-57 г., т.е. вскоре после смерти в 1455 г. шейха Садр ад-Дина ал-Халвати, преемником которого стал Йахйа ал-Бакуви. Высокогорные лезгинские селения Куруш, Ихир, Джигджиг, Маза, откуда происходили некоторые из вышеупомянутых дагестанских суфиев, расположены на крайнем юге Дагестана, непосредственно у перевалов Главного Кавказского хребта, через которые осуществлялась связь с сопредельным Ширваном. Н.Э. Алескерова [6, с. 46] пишет, что последователи Халватийа проживали и на территории нынешнего Кабалинского района Азербайджанской Республики, т.е. к югу от Главного Кавказского хребта у границ с Дагестаном. На севере Ширвана (ныне северная часть Азербайджанской Республики), в частности, в сел. Шихлар Хачмазского района и других соседних с Самурским регионом Дагестана районах исследователем М.С. Неймат обнаружены захоронения детей и потомков шейха Халватийа Йусуфа ал-Мускури [13, с. 87–88]. В одной из наших публикаций [14, с. 326–327] мы приводили свыше десятка имен суфиев и шейхов Южного Дагестана XVI–XVII вв., которых с большой долей вероятности можно отнести к адептам братства Халватийа, поскольку не выявлены факты широкого проникновения сюда в это время других *тарикатов*[20]. Выявление новых эпиграфических и рукописных данных позволяет полагать, что распространение *тариката* Халватийа в Дагестане было намного шире и глубже, нежели считалось прежде. По всей видимости, в XVI в. суфийская обитель (*ханака*) братства Халватийа существовала в лезгинском селении Хрюг (ныне в Ахтынском районе Дагестана), где в 973/1565-66 г. при участии суфия по имени Раджаб было построено специальное сооружение для хранения *хирки*[21], принадлежавшей, как считалось, самому пророку Мухаммаду [15]. Велика вероятность того, что последователями Халватийа были духовные деятели XVI–XVII вв., имена которых установлены нами в селении Рича Агульского района Дагестана [17, с. 12–14; 19–21]: Амир-Хамза, *пир* Сайф, Шайх-зада и другие. Нами высказано предположение, что кирпичный мавзолей в селении

13. Лезгинское селение Ахты – ныне районный центр Ахтынского района Дагестана.
14. Лезгинское селение Куруш расположено в Докузпаринском районе Дагестана.
15. Лезгинское селение Ихир расположено в Ахтынском районе Дагестана.
16. Лезгинское селение Маза расположено в Ахтынском районе Дагестана.
17. Лезгинское селение Джигджиг расположено в Ахтынском районе Дагестана.
18. Лезгинское селение Курах – ныне районный центр Курахского района Дагестана.
19. Рутульское селение Рутул – ныне районный центр Рутульского района Дагестана.
20. На Южном кладбище г. Дербента нами обнаружена надмогильная стела 1128/1715-16 г. дочери некоего Йусуфхан-бека Мавлави [15, с. 19]. *Нисб*а может указывать на принадлежность к суфийскому братству Мавлавийа, которое было широко распространено в Малой Азии.
21. *Хирка* – накидка, плащ; ритуальное одеяние суфиев.

Аглоби Дербентского района Дагестана был построен на могиле последователя Халватийа [17, с. 10–13].

Из Южного Дагестана *тарикат* Халватийа распространился далее на север, в частности, в Аварию [9, с. 185–186; 7, с. 70–80]. Ш.М. Хапизов и М.Г. Шехмагомедов отмечают, что после периода широкого распространения *тариката* Халватийа среди аварцев во второй половине XVI–XVII вв. влияние братства на религиозную жизнь аварцев быстро и почти бесследно исчезло [7, с. 79–80]. У нас есть все основания полагать, что в Южном Дагестане активная деятельность Халватийа продолжалась и в XVIII в., не исключено, что и позже.

В хлютской *силсила* упоминаются такие известнейшие суфии мусульманского мира как Хасан ал-Басри, Ма'руф ал-Кархи, Хабиб ал-'Аджами, Давуд ат-Та'и, Сари ас-Сакати, Абу-л-Касим Джунайд ал-Багдади, Абу-н-Наджиб ас-Сухраварди, 'Абд ал-Кадир ал-Джилани, Ибрахим-Захид ал-Джилани и многие другие. *Силсила* восходит к Увайсу ал-Карани и через него к 'Али б. Аби Талибу. Цепь духовной преемственности включает шейхов братства Халватийа из Ширвана. В их числе главы Халватийа XV в. в государстве ширван-шахов при династии Дербенди – Йахйа ал-Бакуви (ум. в 1464 г.) и Йусуф ал-Мускури (ум. в 1485 г.). Особый интерес представляет тот факт, что в *силсила* упоминаются шейхи Халватийа XVI в., жившие на территории Дагестана. Непосредственным наставником (*устад*) шейха Карима, сына шейха Шах-Кубата указан шейх Махмуд аз-Захури. *Нисба аз-Захури* обозначает высокогорное дагестанское селение Цахур[22] (ныне в Рутульском районе Дагестана), в котором поныне сохранилась почитаемая гробница Махмуда аз-Захури. Нами достоверно установлено, что шейх Махмуд был родом из цахурского селения Аттал, расположенного примерно в 15 км к западу от Цахура. Шу'айб ал-Багини[23] наделяет Махмуда аз-Захури эпитетом *ал-вали ал-карим* («благородный святой праведник»). В Аттале и соседнем цахурском селении Джиных мы выявили и перевели арабоязычные эпитафии потомков шейха Махмуда, которые принадлежали к потомственной духовной элите региона. В джиныхской эпитафии от 1181 г. *хиджры* (1767-68 г.), которая посвящена «ученому-преподавателю» (*ал-'алим ал-мударрис*) *малла*[24] Джами, сыну *хаджжи* Шейх-Мухаммада[25], говорится что он «из потомков (*авлад*) шейха Махмуда, полюса (*кутб*) из Аттала (*ал-Аттали*)». Об аттальском происхождении шейха Махмуда свидетельствует и устное предание, зафиксированное нами в Аттале [9, с. 110]. По всей видимости, шейх Махмуд аз-Захури жил в середине – второй половине XVI в.

Согласно рассматриваемому документу, наставником самого Махмуда аз-Захури был шейх Амир. Личность этого духовного деятеля, наставником которого был шейх Шах-Кубат (Шах-Кубад), заслуживает отдельного рассмотрения. В хлютской рукописи отсутствует указание на происхождение шейха Амира, однако мы пришли к выводу, что это шейх Амир ал-Мишлиши, чей мавзолей расположен в цахурском селении Мишлеш Рутульского района Дагестана [10, с. 110–111]. Еще Шу'айб ал-Багини высказал предположение, что шейх Амир ал-Мишлиши (*аш-шайх султан шайх* Амир),

22. Цахур населен народностью цахуров, язык которых относится к лезгинской ветви дагестанских языков.
23. Шу'айб б. Идрис ал-Багини (ум. в 1909 г.) – дагестанский шейх братства Накшбандийа, родом из аварского селения Багинуб (ныне в Чародинском районе Дагестана), автор известного биографического сочинения «Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийа ва садат маша'их ал-халидийа ал-махмудийа».
24. В Южном Дагестане термин *мулла*, обозначающий знатока мусульманского права и ритуала, употребляется в форме *малла*.
25. В колофоне одного из арабоязычных сочинений Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН (F. 14. № 377a) мы обнаружили запись о его переписке в 1128/1716 г. «в услужении Шейх-Мухаммаду ал-'Аттали».

которого он наделяет эпитетами *аш-шайх ал-а'зам ва-л-вали ал-акрам* («величайший шейх и благороднейший святой») и *кутб ал-авлийа'* («полюс, столп святых») [18, с. 417], был наставником многих суфийских шейхов Южного Дагестана и Северного Ширвана, включая Махмуда аз-Захури. Согласно устойчивому преданию, бытующему в Мишлеше, шейх Амир ал-Мишлиши был родом из Ширвана. О ширванском происхождении шейха пишет и Шу'айб ал-Багини. Датой его смерти Шу'айб ал-Багини называет 970 г. *хиджры* (1562-63 г.)[26]. Точных данных о дате переселения шейха Амира в горы Южного Дагестана нет, однако можно предположить, что это произошло примерно в середине XVI в.

Опубликованная Т.М. Айтберовым духовная генеалогия (*силсила*) дагестанского суфийского шейха Йунуса ал-Ансалти, сохранившаяся в позднем списке, во многом совпадает с хлютской *силсила*. Наибольший интерес для нас представляет та часть духовной генеалогии шейха Йунуса ал-Ансалти, которая ведет от *саййида* Йахйи ал-Бакуви к Йусуфу ал-Мускури, от него – к Мухаммад-Захиду ал-Барда'и, от него – к Шах-Кубаду аш-Ширвани, от него – к шейху Амиру ал-Агдаши («Ших-Амиру Агдашскому»), от него – к шейху Йунусу ад-Дагистани ал-Ансалти, от него – к Шейх-Мухаммаду ад-Дагистани из Гидатля [9, с. 185–186]. Как мы видим, в *силсила* упомянут шейх Шах-Кубад аш-Ширвани, преемником которого назван шейх Амир ал-Агдаши. *Нисб*а *ал-Агдаши* указывает на его происхождение из Агдаша (ныне город и райцентр одноименного района Азербайджанской Республики). У нас нет сомнений в том, что «шейх Амир ал-Агдаши» из духовной генеалогии Йунуса ал-Ансалти, «шейх Амир» из хлютской *силсила*, «*аш-шайх султан шайх* Амир» из сочинения Шу'айба ал-Багини и «шейх Амир», погребенный в мавзолее Мишлеша, – одно и то же лицо. Следовательно, указания ал-Багини на ширванское происхождение шейха и соответствующее устное предание о нем в Мишлеше находят свое подтверждение.

Любопытно, что непосредственный наставник шейха Амира – шейх Шах-Кубад также происходил из области Агдаш [4, с. 389–340], а самым младшим из четырех сыновей Шах-Кубада (Шах-Кубата) хлютская рукопись называет шейха Амира. Мы полагаем, что наставником шейха Махмуда аз-Захури мог быть младший брат шейха Карима – шейх Амир, сын Шах-Кубада. В пользу этого предположения говорят и даты смерти шейха Шах-Кубада (950/1543 г.) и шейха Амира (970/1562-63 г.). Таким образом, шейх Шах-Кубад мог обучить суфийским практикам *тариката* Халватийа сразу нескольких своих сыновей, тем более что все они в родословной хлютской рукописи именуются шейхами. В таком случае, опираясь на данные хлютской *силсила*, выходит, что шейх Амир сначала передал право наставничества (*иджаза*) в *тарикате* Махмуду аз-Захури, а уже тот стал наставником старшего брата шейха Амира – шейха Карима. Возможность проживания в Агдаше в это же время другого шейха с именем Амир кажется нам маловероятной.

Из данных арабоязычных письменных источников вытекает, что шейх Амир ал-Агдаши ал-Мишлиши сделал своими преемниками в *тарикате* как Махмуда аз-Захури, так и Йунуса ал-Ансалти[27]. Последний, в свою очередь, передал наставничество в *тарикате* Халватийа Шейх-Мухаммаду, *зийарат* которого расположен в аварском

26. Отметим, что через три года, в 973/1565-66 г. в селении Хрюг Ахтынского района Дагестана было построено специальное сооружение для хранения хирки пророка Мухаммада [14, с. 315].
27. Исследование Ш.М. Хапизова и М.Г. Шехмагомедова [7, с. 77–78] показало, что датой смерти Йунуса ал-Ансалти следует считать 1007 г. хиджры, т.е. 1598-99 г.

селении Мачада (ныне в Шамильском районе Дагестана). Шейх-Мухаммад ал-Мачади умер в месяце *ша'бан* 1046 г. *хиджры* (начался 28.12.1636 г.) [7, с. 78].

Нами впервые публикуется арабский текст и комментированный перевод документа по раннему Списку А середины XVIII в.[28], а также фотография Списка А. Впервые опубликован и перевод сохранившейся части текста окончания (дополнения) Списка Б, где прямо говорится о том, что текст свитка был перенесен с более раннего списка (см. выше). Арабский текст и перевод Списка А дополнены вставкой, имеющейся в основном тексте Списка Б. Эта вставка помещена между 8 и 9 строками публикуемого текста Списка А. На имеющиеся различия основных текстов обоих списков указывается в сносках. Орфография публикуемого арабского текста Списка А и вставки из Списка Б приводится без изменений. Текст *силсила* публикуемого рукописного списка середины XVIII в. – самый ранний из выявленных в Дагестане письменных памятников подобного рода. Самые старые из прежде обнаруженных рукописных *силсила* суфийских шейхов были составлены в середине – второй половине XIX в. Отметим также, что духовная генеалогия суфиев из селения Хлют является не только наиболее ранней, но и самой объемной из выявленных в Дагестане *силсила* шейхов братства Халватийа. Два списка прежде опубликованных вариантов *силсила* Халватийа составлены во второй трети XX в. *Силсила*, приводимая Ш.М. Хапизовым и М.Г. Шехмагомедовым, содержит 29 звеньев, начиная от пророка Мухаммада. Хлютская *силсила* состоит из 35 звеньев (от шейха Карима до ʻАли б. Аби Талиба), а наличие цепей родословной позволяет довести количество звеньев до 41. Важной особенностью хлютского документа и его ценным преимуществом является и то, что помимо цепи духовной преемственности (*силсила*), он содержит и непосредственную родословную (*насаб*) суфийских шейхов. У нас нет оснований подвергать сомнению достоверность этой родословной, которая охватывает период от середины XVI в. до начала XIX в. Более того, поздние приписки в конце обоих списков позволяют проследить две ветви родословного древа хлютских шейхов на протяжении всего XIX в.

Еще одной отличительной особенностью хлютской *силсила* Халватийа является то обстоятельство, что цепь духовной преемственности здесь восходящая, т.е. начинается от поздних шейхов и последовательно ведет к ранним, заканчиваясь на ʻАли б. Аби Талибе, в то время как в двух прежде опубликованных вариантах *силсила* цепь построена в обратном, нисходящем порядке – от ранних деятелей к поздним.

Арабский текст Списка А

(١) هو الله الديان والبرهان

(٢) بسم الله الرحمن الرحيم وبه نستعين

(٣) الحمد لله الذى غسل ذنوب التائبين بمياه التوبة والاستغفار وثيقل قلوب العارفين بمثيقل الطاعات والازكار وجعل صدور الاكرمين بنوره انوار المعارف والاسرار

(٤) وصلّى الله وسلّم على نبيّه المختار وعلى اله واصحابه الاطهار والتابعين الاخيار الابرار وبعد فانّ اويس القرانى

(٥) المغفور المرحوم نوّر الله قبره هو قبلة التابعين وقدوة الاربعين وسهيل النجد ويمنىّ واهل الحجاز قال النّبىّ صلّى

28. Вольный русский перевод основного текста позднего Списка Б (без текста дополнения), приводимый в небольшой брошюре Н.К. Акимова [19], не имеет комментариев и содержит многочисленные неточности и ошибки, включая чтение *нисб* и имен собственных.

الله عليه وسلّم
(٦) اويس القرانى خير التابعين باحسان ثم وقد بقى من نسله اخ وهو شاه قبات وله اربع بنين اكبره شيخ بختيار ثم شيخ صدر الدين
(٧) ثم شيخ كريم ثم شيخ امير وهو اصغرهم فانّ لشيخ كريم ابنان احدهما محمّد امين والاخر ايدين فلشيخ محمّد امين اثنى عشر ابنا
(٨) احدهم شيخ عبد الرزاق فلشيخ عبد الرزاق خمس بنين احدهم شيخ محمّد على شاركنا الله بدعائهم وببركتهم امين يا ربّ العالمين

Текст добавочной вставки из Списка Б:

فانّ لشيخ محمّد على واحد ابن المسمّى بشيخ صادق فانّ لشيخ صادق ثمانية بنين احدهم شيخ شعبان شاركنا الله بدعائهم وببركتهم حرمة نبيّنا امين يا ربّ العالمين

(٩) ثم نذكر مراتب الشيوخ وسلسلتهم الى شيخ كريم نوّر الله مرقده واستاده شيخ محمود الزاخورى طيّب الله ثراه واستاده
(١٠) شيخ امير اسكنه الله فراديس جنانه واستاده شاه قبات تغمده الله بغفرانه واستاده شيخ صفى الدين قدّس الله سرّه واستاده شيخ محمّد رقيّه
(١١) نوّر الله قبره واستاده شيخ يوسف مسكرى قدّس الله تربته واستاده سيّد يحي باكوى نوّر الله ضريحه واستاده شيخ صدر الدين
(١٢) قدّس الله مضجعه واستاده عزّ الدين قدّس الله مضجعه واستاده شيخ على بلخى نوّر الله روحه واستاده شيخ عمر طوسى نوّر الله ارضه واستاده
(١٣) شيخ محمّد قدّس الله روحه واستاده شيخ ابراهيم زاهد جيلانى قدّس الله مرقده واستاده شيخ عبد القادر كيلانى طيّب الله مضجعه واستاده
(١٤) شيخ سيّد جمال الدين روّح الله روحه واستاده شيخ شهاب الدين محمود التبريزى اسبغ عليه شائب رضوانه واستاده شيخ ركن الدين طيّب الله
(١٥) ضريحه واستاده شيخ قطب الدين ابو بكر الابهرى تغمده الله بانوار رضوانه واستاده شيخ ابو نجيب السهرورى نوّر الله نفسه واستاده
(١٦) شيخ قاضى وجيه الدين عمر البكرى اسكنه الله اعلى فراديس جنانه واستاده شيخ محمّد البكرى سقاه الله من رحيق قربته واستاده شيخ احمد اسود الدينورى
(١٧) افاض الله عليه سحائب مواهبه واستاده شيخ ممشار الدينورى كساه الله تعالى من حلل الرضوان واستاده شيخ ابو القاسم جنيد بن محمّد البغدادى
(١٨) رضوان الله عليه وارضاه واستاده شيخ سرى بن المغلس السفطى نوّر الله روحه واستاده شيخ محمّد نجاشى قدّس الله سرّه واستاده ابو على الدينورى
(١٩) روّح الله روحه واستاده شيخ بختيار نوّر الله مرقده واستاده شيخ داود نوّر الله مثواه واستاده حبيب العجمى انزله الله عليه كؤس الوصال واستاده شيخ معروف الكرخى اسكنه الله حظائر قدسه
(٢٠) واستاده شيخ حسن البصرى رضوان الله عليه واستاده شيخ القرانى اليمنى الذى اوصى له النبى خرقته واعطاه واستاده امير المؤمنين على كرّم الله وجهه

(٢١) ورضى الله عنه اللهمّ ارزقنا شفاعتهم وهمّتهم بحقّ محمّد واله وا... اجمعين امين برحمتك يا ارحم الراحمين

(٢٢) والناهذ من الرسالة العتيقة من شيخ عبد الكريم بن شيخ شاه قبات

(٢٣) ... الى شيخ فضلى بن شيخ عبد الرضاق بن شيخ محمّد الامين بن شيخ صادق بن شيخ محمّد على

(٢٤) بن شيخ عبد الرضاق اعلى درجتهم امين

Перевод:

«1) Он, Аллах, – Судья и Тот, Кто является Доводом[29].

2) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. У Него мы просим помощи.

3) Хвала Аллаху, Который смыл грехи раскаявшихся водой покаяния и просьбой о прощении, возложил на сердца познавших [Аллаха] обязанность послушания и поминания [Аллаха], и озарившего сердца благородных людей светом познания и знанием сокровенного[30].

4) Да благословит Аллах и приветствует своего Пророка избранного, его семью, чистых сподвижников (*асхаб*) и превосходных благонравных последователей (*таби‘ин*). А затем. Воистину, покойный, прощенный [Аллахом] Увайс ал-Карани,

5) – да осветит Аллах его могилу, – это *кибла*[31] *таби‘инов*, образец [для] сорока[32], [звезда] Сухайл[33] для Неджда[34], Йемена и жителей Хиджаза[35]. Пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует[36], сказал:

6) Увайс ал-Карани – лучший из *таби‘инов* в благодеяниях (*ихсан*). Затем. Остался из его потомства (*насл*) брат[37], а это Шах-Кубат[38]. У него было четверо сыновей, самый старший из которых – шейх Бахтийар, затем шейх Садр ад-Дин,

7) затем шейх Карим, затем шейх Амир, и он самый младший из них. У шейха Карима было два сына, один из которых Мухаммад-Амин[39], а другой – Айдин. У шейха Мухаммада-Амина было двенадцать сыновей,

8) один из которых шейх ‘Абд ар-Раззак. У шейха ‘Абд ар-Раззака было пятеро сыновей, один из которых шейх Мухаммад-‘Али. Да наделит нас Аллах их мольбой и благодатью! Аминь! О, Господь миров!

Перевод текста добавочной вставки из Списка Б:

«А у шейха Мухаммада-‘Али был единственный сын по имени шейх Садик. У шейха

29. Начало текста списка Б повреждено. В первой его строке сохранился фрагмент вступительной мусульманской формулы *басмала*.

30. Заключительная часть предложения написана над окончанием строки. Фраза < بنوره انوار المعارف > в Списке Б выглядит так: <منوّرة بانوار المعارف>.

31. *Кибла* – направление в сторону Ка‘бы в Мекке, используемое мусульманами при совершении обязательной молитвы. В тексте термин употреблен в иносказательном смысле, как ориентир для подражания.

32. Выражение «образец [для] сорока» (араб. *кудват ал-арба‘ин*) следует, на наш взгляд, понимать в смысле образца для подражания сорока последователей пророка Мухаммада. Согласно преданиям, на кладбище «Кырхляр» («Сороковник») вблизи Северной стены г. Дербента захоронены сорок сподвижников Мухаммада.

33. Сухайл (Сухейль) – арабское название звезды Канопус – одной из ярчайших звезд ночного небосвода. В тексте это название употреблено в значении «путеводная звезда», поскольку Сухайл использовался арабами для морской навигации и ориентации в пустыне.

34. Неджд (Наджд) – историческая область в центральной части Аравийского полуострова.

35. Хиджаз – историческая область на западе Аравийского полуострова, где расположены Мекка и Медина.

36. В Списке Б формула величания пророка Мухаммада выражена посредством краткой аббревиатуры < ﷺ>.

37. Слово «брат» (араб. *ах*) использовано не в прямом, а в переносном смысле, в значении «потомок».

38. Шейх Шах-Кубад аш-Ширвани умер через почти 900 лет после смерти Увайса ал-Карани.

39. Любопытно, что имя Мухаммад-Амин носил и сын старшего брата шейха Карима – Садр ад-Дина. Мухаммад-Амин б. Садр ад-Дин б. Шах-Кубад ал-Агдаши аш-Ширвани (ум. в 1627 г.) был известным мусульманским ученым-богословом [4].

Садика восемь сыновей, один из которых шейх Ша'бан. Да наделит нас Аллах их мольбой и благодатью из уважения к нашему Пророку! Аминь! О, Господь миров!».

9) Затем мы упомянем ступени (*маратиб*) шейхов и цепь их духовной преемственности (*силсила*) до шейха Карима, – да осветит Аллах его могилу. А его наставник (*устад*[40]) – шейх Махмуд аз-Захури[41], – да сделает Аллах приятной сырую землю [его могилы]. А его наставник –

10) шейх Амир[42], – да поселит его Аллах в райских садах. А его наставник – Шах-Кубат[43], – да покроет его Аллах Своим прощением. А его наставник – шейх Сафи ад-Дин[44], – да освятит Аллах его могилу. А его наставник – шейх Мухаммад-Рукиййа[45],

11) – да осветит Аллах его могилу. А его наставник – шейх Йусуф Мускури[46], – да освятит Аллах его могилу. А его наставник – *сайид* Йахйа Бакуви[47], – да осветит Аллах его гробницу. А его наставник – шейх Садр ад-Дин[48],

12) – да освятит Аллах его ложе. А его наставник – 'Изз ад-Дин[49], – да освятит Аллах его ложе. А его наставник – шейх 'Али Балхи[50], – да осветит Аллах его душу. А его наставник – шейх 'Умар Туси[51], – да осветит Аллах его могилу (*ард*). А его наставник –

13) шейх Мухаммад[52], – да осветит Аллах его душу. А его наставник – шейх Ибрахим-Захид Джилани[53], – да освятит Аллах его могилу. А его наставник – шейх 'Абд ал-Кадир Килани[54], – да сделает Аллах приятным его ложе. А его наставник –

14) шейх *сайид* Джамал ад-Дин[55], – да упокоит Аллах его душу. А его наставник – шейх Шихаб ад-Дин Махмуд ат-Табризи[56], – да одарит его щедро [Аллах] Своим до-

40. Термин *устад* (استاد) в тексте Списка Б всегда употребляется в форме *устаз* (استاذ).
41. *Нисб*а *аз-Захури* обозначает селение Цахур, расположенное в верховьях реки Самур. Шейх Махмуд аз-Захури жил в середине – второй половине XVI в.
42. Халватийский шейх Амир ал-Агдаши ал-Мишлиши (ум. в 970/1562-63 г.) погребен в цахурском селении Мишлеш в верховьях Самура (Рутульский район Дагестана).
43. Шейх Шах-Кубад аш-Ширвани ал-Лекки умер в 950/1543 г.
44. Личность этого шейха не идентифицирована. Имя «Сафи ад-Дин» носил основатель-эпоним братства Сафавийа, однако он жил в 1249–1334 гг. и не мог быть наставником Шах-Кубада аш-Ширвани (ум. в 1543 г.).
45. Преемником шейха Йусуфа ал-Мускури Аббас-Кули-ага Бакиханов называет шейха Мухаммада Кубинского [20, с. 202]. Н.Э. Алескерова со ссылкой на сочинение Махмуда Джамал ад-Дина ал-Хулви пишет, что во главе шемахинской обители Халватийа после смерти Йусуфа ал-Мускури стал его преемник Мухаммад Рукки [6, с. 45]. В хлютской *силсила* речь идет, очевидно, о *малла* Мухаммаде б. Рукийа ал-Акдаши аш-Ширвани.
46. Дийа' ад-Дин Йусуф ал-Мускури (Мушкури) – потомок арабских переселенцев из Медины, умер в 1475 г. и похоронен в сел. Шихлар ныне Хачмазского района Азербайджанской Республики. Здесь же захоронены его сын Мухаммад-Амин (ум. в 1555 г.) и другие последователи Йусуфа ал-Мускури.
47. *Саййид* Йахйа б. Баха' ад-Дин аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Бакуви ал-Халвати (ум. в 1463-64 г.) – один из основоположников суфийского братства Халватийа. Похоронен в г. Баку.
48. *Пир* Садр ад-Дин ал-Хийави ал-Халвати был наставником Йахйи ал-Бакуви. Умер в 1455-56 г. и похоронен в г. Шемахе.
49. В Списке Б: «*хаджжи* 'Изз ад-Дин». 'Изз ад-Дин ал-Халвати умер в 1451 г.
50. Личность этого шейха не идентифицирована.
51. В Списке Б *нисба* приводится с определенным артиклем – *ат-Туси*. Речь идет, вероятно, о шейхе 'Умаре ал-Халвати (ум. в 1397 г.).
52. Шейх Карим ад-Дин Ахи Мухаммад б. Нури ал-Хваризми ал-Халвати (ум. в 1317 г.) – основатель братства Халватийа, дядя и наставник 'Умара ал-Халвати.
53. Тадж ад-Дин Ибрахим аз-Захид ал-Гилани (ал-Джилани) б. Рушан Амир ал-Курди ас-Синджани (ум. в 1301 г.), знаменитый иранский суфий, основатель суфийского братства Захидийа.
54. Абу Мухаммад 'Абд ал-Кадир б. Муса ал-Гилани (ал-Джилани) – выдающийся иранский богослов и суфий, основатель братства Кадирийа (ум. в 1166 г.). В тексте хлютской *силсила* он назван наставником Ибрахима-Захида ал-Джилани, что невозможно в принципе, поскольку 'Абд ал-Кадир ал-Гилани умер еще до рождения Ибрахима-Захида. Представляется, что включение 'Абд ал-Кадира ал-Гилани в *силсила* имело целью использовать его огромный авторитет в суфийской среде для придания цепи духовной преемственности хлютских шейхов дополнительной значимости.
55. *Саййид* Джамал ад-Дин ат-Табризи аш-Ширази (ум. в 1273 г.) – наставник Ибрахима-Захида ал-Гилани.
56. Шейх Шихаб ад-Дин Махмуд ат-Табризи (ум. в 1252 г.).

вольством. А его наставник – шейх Рукн ад-Дин[57], – да сделает Аллах приятной

15) его могилу. А его наставник – шейх Кутб ад-Дин Абу Бакр ал-Абхари[58], – да покроет его Аллах светом своего довольства. А его наставник – шейх Абу Наджиб ас-Сухраварди[59], – да осветит Аллах его душу. А его наставник –

16) шейх *кади* Ваджих ад-Дин ʻУмар ал-Бакри[60], – да поселит его Аллах в самых высоких садах рая. А его наставник – шейх Мухаммад ал-Бакри[61], – да напоит его Аллах нектаром (*рахик*) приближения к Себе. А его наставник – шейх Ахмад Асвад ад-Динавари[62],

17) – да прольет на него Аллах из облаков своих даров. А его наставник – шейх Мамшад[63] ад-Динавари[64], – да покроет его Всевышний Аллах одеянием Своего довольства. А его наставник – шейх Абу-л-Касим Джунайд б. Мухаммад ал-Багдади[65],

18) – да будет Аллах им доволен. А его наставник – шейх Сари б. Мугаллис ас-Сакати[66], – да осветит Аллах его душу. А его наставник – шейх Мухаммад Наджаши[67], – да освятит Аллах его могилу. А его наставник – шейх Абу ʻАли ад-Динавари[68],

19) – да упокоит Аллах его душу. А его наставник – шейх Бахтийар[69], – да осветит Аллах его могилу. А его наставник – шейх Давуд[70], – да осветит Аллах его жилище. А его наставник – Хабиб ал-ʻАджами[71], – да ниспошлет ему Аллах чашу соединения [с Ним][72]. А его наставник – шейх Маʻруф ал-Кархи[73], – да поселит его Аллах в раю.

20) А его наставник – шейх Хасан ал-Басри[74], – да будет доволен им Аллах. А его наставник – шейх Увайс ал-Карани ал-Йамани, которому Пророк завещал и отдал свой плащ (*хирка*). А его наставник – повелитель правоверных ʻАли[75], – да облагородит Аллах его лик,

57. В Списке Б: «ар-Рукн ад-Дин». Шейх Рукн ад-Дин Мухаммад ан-Наххас ал-Бухари (ум. в 1240 г.).
58. Шейх Абу Рашид Кутб ад-Дин ал-Абхари (ум. в 1226 г.).
59. В тексте при написании *нисбы* допущена ошибка – «ас-Сухравари» (السهروری), т.е. пропущена буква *дал*. Эта ошибка повторяется и в Списке Б. Дийа' ад-Дин Абу-н-Наджиб ʻАбд ал-Кахир ас-Сухраварди (ум. в 1168 г.) – основатель суфийского братства Сухравардийа, дядя шейха Шихаб ад-Дина Абу Хафса ʻУмара ас-Сухраварди (ум. в 1234 г.).
60. Шейх *кади* Ваджих ад-Дин ʻУмар б. Мухаммад б. ʻАммувайх ал-Бакри (ум. в 423/1032 или 442/1050 г), дядя и наставник шейха ʻУмара б. ʻАбдаллах б. Мухаммад б. ʻАммувайх ал-Бакри ас-Сухраварди (ум. в 487/1094 г.).
61. Шейх Мухаммад б. ʻАммувайх ал-Бакри (ум. в 990 г.).
62. Шейх Абу Ахмад ал-Асвад ад-Динавари, преемник шейха Мумшада ад-Динавари.
63. В тексте ошибка – «Мумшар» (ممشار), которая повторяется и в Списке Б.
64. Мамшад (Мумшад) ад-Динавари умер в 277/890-91 г. Считается, что он выработал этику взаимоотношений внутри суфийских общин, сформулировав ряд правил суфийского *адаба* [21, с. 361].
65. Абу-л-Касим ал-Джунайд б. Мухаммад ал-Хаззаз ал-Багдади (ум. в 297/909-10 г.), выдающийся исламский богослов и суфий персидского происхождения, основоположник рационалистического направления мусульманского мистицизма.
66. В тексте ошибка – «ас-Сафати» (السفطی), которая повторяется и в Списке Б. Абу-л-Хасан ас-Сари б. Мугаллис ас-Сакати (ум. в 253/867 г.), дядя и наставник ал-Джунайда ал-Багдади.
67. Личность этого шейха не идентифицирована.
68. Личность этого шейха не идентифицирована.
69. Личность этого шейха не идентифицирована.
70. Абу Сулайман Да'уд б. Нусайр ат-Та'и (ум. между 777–782 гг.), исламский ученый и мистик-аскет из Куфы (Ирак). Был учеником имама Абу Ханифы.
71. Хабиб б. Мухаммад ал-ʻАджами ал-Басри (ум. в 747 г.), известный суфий персидского происхождения, наставник Да'уда ат-Та'и.
72. Фраза благопожелания добавлена над строкой.
73. Абу Махфуз Маʻруф б. Файруз ал-Кархи (ум. в 815 г.), один из ранних суфиев, представитель багдадской школы мистицизма, ученик Давуда ат-Та'и, наставник ас-Сари ас-Сакати. В тексте хлютской *силсила* это звено помещено хронологически неверно, поскольку Маʻруф ал-Кархи не мог быть наставником Хабиба ал-ʻАджами, который умер за более чем 60 лет до смерти самого Маʻруфа.
74. Ал-Хасан б. Йасар ал-Басри (ум. в 728 г.), богослов и знаток хадисов, один из первых мусульманских аскетов. Ал-Басри считается одним из основателей суфизма (*ат-тасаввуф*), к нему восходят *силсила* многих суфийских братств. Был наставником Хабиба ал-ʻАджами.
75. ʻАли б. Аби Талиб (ум. в 661 г.), четвертый «праведный» халиф, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада. К нему восходит *силсила* наибольшего числа суфийских братств мусульманского мира [3, с. 85].

21) и да будет доволен им Аллах. О, Аллах, одари нас их заступничеством и заботой во имя Мухаммада[76], его семьи и всех сподвижников. Аминь! По милости Твоей, о Милостивейший из милостивых![77]

22) … из старого списка (*рисала*) от шейха ʻАбд ал-Карима[78], сына шейха Шах-Кубата, – да возвысит Аллах их степень…

23) … до шейха Фадли (Фезли), сына шейха ʻАбд ар-Радака (ʻАбд ар-Раззака)[79], сына шейха Мухаммад-ал-Амина, сына шейха Садика (Садыка), сына шейха Мухаммад-ʻАли,

24) сына шейха ʻАбд ар-Радака (ʻАбд ар-Раззака), – да возвысит [Аллах] их степень. Аминь!».

Одним из восьми сыновей шейха Садика текст добавочной вставки из Списка Б называет шейха Шаʻбана. Косвенные данные Посемейных списков сел. Хлют (см. ниже) позволяют полагать, что он скончался около 1820 г. В Хлюте его могилу обнаружить не удалось. В высокогорном лезгинском селении Иче Рутульского района, что расположено в горах Самурского хребта примерно в 15 км к северу от Хлюта, в верхней части ущелья Лакун-кам, нами исследовано крупное прямоугольное надмогильное сооружение. В его лицевой стене вмонтирована плита 40×38 см с арабоязычными надписями, которые выполнены почерком *насх* техникой обработки окружающего фона без его выемки (Рис. 7). В первой строке текста, составленного примерно во второй половине XIX в. по случаю ремонта сооружения, указано, что «это могила шейха Шаʻбана». Не исключено, что данная могила принадлежит хлютскому шейху Шаʻбану, сыну шейха Садика.

Поздняя приписка в конце Списка А позволяет проследить одну из ветвей родословного древа хлютских шейхов на протяжении всего XIX в. Показательно, что все ее представители также именуются шейхами. Вполне вероятно, что практика наследования этого духовного звания и передача суфийских знаний от отца к сыну продолжались и в XIX в. Пока мы не можем точно ответить на вопрос, был ли это по-прежнему *тарикат* Халватийа, или в Хлюте получили распространение практики другого суфийского братства[80]. Во всяком случае, есть все основания полагать, что в суфийской обители Текке до конца первой четверти XIX в., возможно, и позже, продолжали придерживаться традиционных практик Халватийа. Родословная ветви доведена до шейха Фезли, который был, согласно этой записи, сыном шейха ʻАбд ар-Раззака[81], сына шейха Мухаммада-Амина, сына шейха Садика, сына шейха Мухаммада-ʻАли, сына шейха ʻАбд ар-Раззака, т.е. правнуком шейха Садика, умершего в 1780 г. Согласно семейным преданиям потомков шейха Фезли, в конце XIX в. он был наставником обители Текке. Арабоязычная запись в конце Списка А позволила установить имя еще одного из восьми сыновей шейха Садика – шейх Мухаммад-Амин[82]. Изучение Посемейных списков сел. Хлют позволяет предположить, что у шейха Садика был также

76. В списке Б после имени пророка Мухаммада приводится традиционная формула его величания «да благословит его Аллах и да приветствует» (صلّى الله عليه وسلّم).

77. Окончание основного текста со словами «Аминь! По милости Твоей, о Милостивейший из милостивых!» в Списке Б отсутствует.

78. В основном тексте имя этого шейха приводится как «шейх Карим».

79. В тексте: < عبد الرضاق > вместо < عبد الرزاق >.

80. С 20-х гг. XIX в. в Дагестане стал активно распространяться *тарикат* Накшбандийа, что связано с именем шейха Мухаммада ал-Йараги (ум. в 1838 г.).

81. В Посемейных списках второй половины XIX в. имя отца Фезли приводится в сокращенных формах «Разак», «Рзак» или «Рза».

82. Имя «Мухаммад-Амин» носил внук шейха Шах-Кубада, упоминаемый в родословной рукописного документа (см. выше).

сын по имени Йунус. В Посемейном списке от 1850 г. упоминается житель Хлюта по имени Ших-Садык (Шейх-Садык), который был сыном Йунуса. Вероятно, Ших-Садык (род. около 1790 г., скончался в 1858 г.) получил имя в честь своего деда. Примерно в 1835 г. у Ших-Садыка родился сын, который получил имя Йунус. В свою очередь, Йунус имел сына Садыка (род. около 1860 г.), который своего сына назвал именем Айдун[83] (род. около 1880 г.).

Сохранившийся добавочный текст окончания Списка Б (см. выше) содержит данные еще об одной ветви потомков хлютских шейхов. Эта ветвь, все представители которой также названы шейхами, ведет к шейху Рахиму, сыну шейха Хафиза, сына шейха Ша‘бана, сына шейха Садика, сына шейха Мухаммада-‘Али, сына шейха ‘Абд ар-Раззака. Согласно Посемейному списку сел. Хлют от 1873 г., Рахим, сын Хафиза (Гафиза) родился около 1815 г. Он скончался до 1886 г., поскольку в переписи 1886 г. уже не упоминается. В Посемейном списке от 1850 г. указан младший брат Рахима – Ша‘бан (ум. в 1861 г.), который был моложе примерно на пять лет и, вероятно, получил имя своего покойного деда – шейха Ша‘бана, упоминаемого в родословной рукописного свитка (Список Б). Отсюда следует, что сам шейх Ша‘бан, сын шейха Садика скончался не ранее 1820-х гг. Рахим имел двух сыновей – Хафиза (род. около 1845 г.) и Ших-Амира (род. около 1850 г.). Младший сын мог получить имя в честь суфийского шейха Халватийа XVI в. шейха Амира ал-Агдаши ал-Мишлиши. У старшего сына, Хафиза, в 1886 г. было трое сыновей: Ша‘бан (род. около 1868 г.), Ага-Риза (Агарза) (род. около 1871 г.) и Рахим (род. около 1882 г.). Младший сын был назван в честь деда – шейха Рахима.

Изучение Посемейных списков сел. Хлют, составленных в середине – второй половине XIX в. и хранящихся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, позволило нам уточнить генеалогию и время жизни потомков шейхов. Шейх Фезли[84], которому в 1886 г. был 61 год[85], имел трех сыновей: Салих (род. около 1863 г.), Саид (род. около 1868 г.) и Мухалли (Махалли) (род. около 1879 г.). В Посемейных списках сел. Хлют от 1865, 1873 и 1886 гг. приводятся имена, вероятно, старших братьев Фезли – Ших-Мухаммад (Шейх-Мухаммад) (род. около 1815 г.) и Хасан (род. около 1825 г.). Имя их отца ‘Абд ар-Раззака (Разака, Рзака) носил сын Ших-Мухаммада, родившийся около 1850 г.

Любопытно, что в конце XIX в. в Хлюте мальчикам давали имя в честь суфийского шейха Мухаммада-‘Али, жившего в обители Текке в первой половине XVIII в. К примеру, имя «Ших-Мухаммад-‘Али» носил родившийся в 1884 г. сын Ших-Мирзы, сына Ших-Сафи. Этим же именем был наречен родившийся в 1886 г. сын Мухаммада-Карима, сына Ших-Сафи. Не исключено, что семьи, в которых мальчикам давали это имя, также считались потомками хлютских шейхов.

Заключение

Наше исследование показало, что деятельность суфийского братства Халватийа, получившего распространение в Дагестане в XV–XVII вв., продолжалась здесь, как

83. Согласно родословной рукописного документа, это же имя носил один из внуков шейха Шах-Кубада.
84. В Посемейном списке сел. Хлют от 1865 г. он указан как «Фейзулла».
85. Следует учитывать, что примерный возраст в Посемейных списках указывался, как правило, со слов самих жителей в соответствии с мусульманским лунным календарем *хиджры*, в котором год короче солнечного года на 10 или 11 дней. Таким образом, шейх Фезли родился около 1827 г.

минимум, и в XVIII в. Это стало возможным благодаря изучению новых рукописных и эпиграфических источников на арабском языке из лезгинского селения Хлют. Содержание уникального рукописного документа с родословной (*насаб*) и духовной генеалогией (*силсила*) суфийских шейхов Хлюта, проживавших в суфийской обители Текке, позволяет уверенно отнести их к последователям *тариката* Халватийа. Установлено, что основатель обители шейх Мухаммад-ʻАли, сын шейха ʻАбд ар-Раззака, сын шейха Мухаммада-Амина, сына шейха Карима был праправнуком известного ширванского шейха Халватийа первой половины XVI в. Шах-Кубада аш-Ширвани ал-Лекки (ум. в 1543 г.), происходившего из области Агдаш в северном Ширване. В свою очередь, духовная генеалогия (*силсила*) шейха Мухаммада-ʻАли также восходит к ширванским шейхам Халватийа XV в., а через них – к всемирно известным средневековым суфиям. Имеет место нарушение хронологии некоторых звеньев *силсила*. Как духовная генеалогия, так и непосредственная родословная шейха Мухаммада-ʻАли, принадлежавшего к потомственной духовной элите, связывается, в конечном счете, с йеменским *табиʻином* Увайсом ал-Карани. Считается, что и сам шейх Мухаммад-ʻАли прибыл в Хлют из Йемена. Эта версия получила дополнительную аргументацию в связи с упоминанием «области Йемен» в эпитафии на могиле его сына. Шейх Мухаммад-ʻАли скончался примерно в середине XVIII в. Его единственный сын шейх Садик умер в 1780 г. Благодаря многочисленному потомству шейха Садика, ряд хлютских семей ныне относят себя к потомкам хлютских шейхов. Духовная жизнь в обители Текке продолжалась на протяжении всего XIX в. Она угасла лишь после прочного установления советской власти и начавшимися гонениями на религию. Однако пока очень мало известно о конкретном наполнении этой духовной жизни. Остается открытым вопрос о том, насколько долго здесь реально применялись суфийские практики *тариката* Халватийа, поскольку с 20-х гг. XIX в. в результате деятельности шейха Мухаммада ал-Йараги и его преемников в Дагестане широко распространился *тарикат* Накшбандийа, занявший в регионе прочные позиции.

Рис. 1. Святилище с захоронениями суфийских шейхов

Fig. 1. Shrine with burials of Sufi sheikhs

Рис. 2. Эпитафия шейха Садика. 1780 г.

Fig. 2. Epitaph of Sheikh Sadiq. 1780

Рис. 3. Надпись о ремонте святилища

Fig. 3. Inscription about the renovation of the shrine

Рис. 4. Эпитафия Навруза, сына шейха Тахира. 1867-68 г.

Fig. 4. Epitaph of Navruz, son of Sheikh Tahir. 1867-68

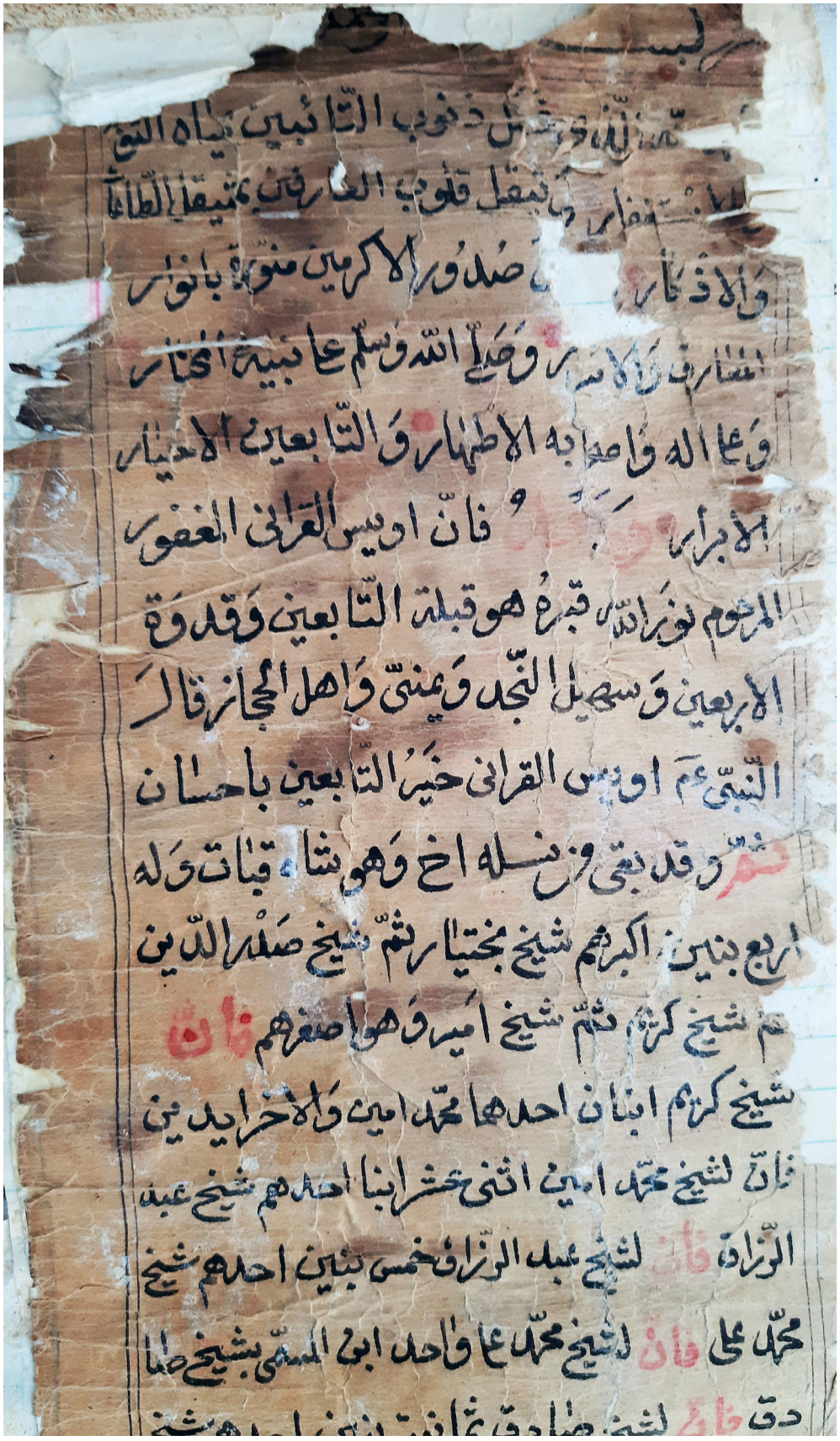


Рис. 5. Рукописный свиток с генеалогиями шейхов (верхняя часть)

Fig. 5. Manuscript scroll with genealogies of sheikhs (upper part)

Рис. 6. Ранний список генеалогий и *силсила* хлютских шейхов. Середина XVIII в.

Fig. 6. Early list of genealogies and *silsila* of the Khluyt sheikhs. Mid-18th century

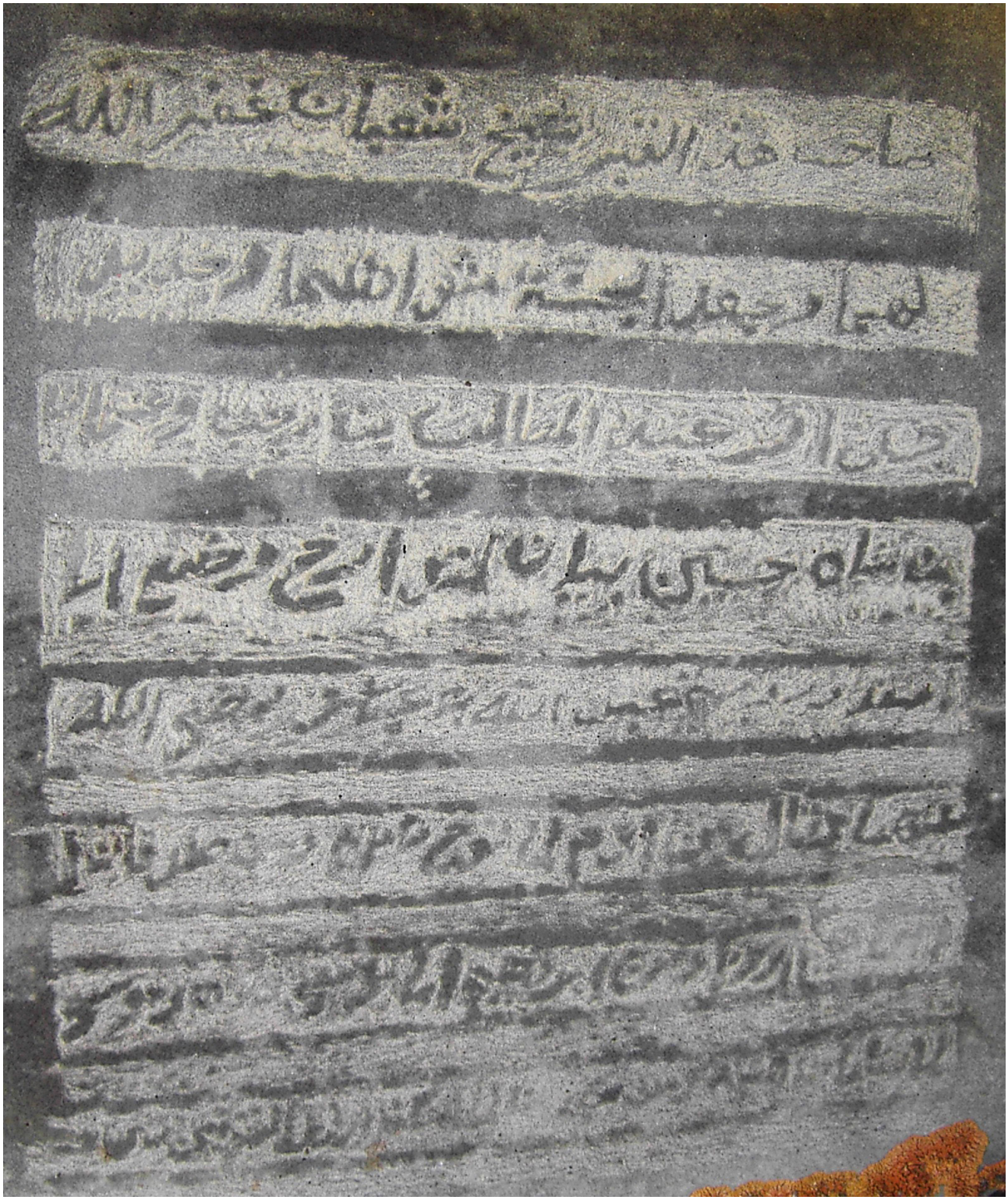


Рис. 7. Надпись на могиле шейха Ша‘бана в сел. Иче

Fig. 7. Inscription on the grave of Sheikh Sha'ban in the village of Iche

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаджанов Б.М., Некрасова Е.Г. Чираг-дан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 1999. С. 103–106.

2. Алескерова Н.Э. Гюлшанийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Восточная литература, 2001. С. 35–36.

3. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. – 328 с.

4. Kamran Abdullayev, "Muhammed Emîn eş-Şirvânî ve Şerhu'l-Beyteyni'l-Meşhûreyn Risâlesinin Tahkîk ve Çevirisi", Trabzon İlahiyat Dergisi 7/1 (Bahar 2020): 383–408.

5. Акимушкин О.Ф. Халватийа // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. С. 267–268.

6. Алескерова Н.Э. Начальный ширванский период в развитии братства Халватийа (вторая половина XIV – первая половина XVI в) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2010. Вып. 4. С. 38–49.

7. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Суфийский орден Халватийа в горной Аварии: новые страницы истории суфизма в средневековом Дагестане (XVI–XVII вв.) // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1. С. 70–81.

8. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

9. Айтберов Т.М. Эпитафии шейхов братств Сафавийа, Халватийа и Сухравардийа в Дагестане: к истории ирано-дагестанских связей XV в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей / Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. – М.: Марджани, 2010. – С. 179–188.

10. Закарияев З.Ш. Средневековый дагестанский суфий Шейх Амир ал-Мишлиши и его зийарат в селении Мишлеш // Исламоведение. 2011. № 3 (9). С. 105–111.

11. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – 300 с.

12. *Махмуд из Хиналуга.* События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. Пер. с араб., сост., предисл., коммент. и прил. А.Р. Шихсаидова. – Махачкала, 1997. – 208 с.

13. *Неймат М.С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. IV. Арабо-персо-тюркоязычные надписи Куба-Хачмазской зоны и Южного Дагестана (VIII – начало XX в.). – Баку: Нурлан, 2008. – 168 с.

14. *Закарияев З.Ш.* Пир суфия Раджаба и место хранения хирки пророка Мухаммада в лезгинском селении Хрюг (Арабская эпиграфика средневековых мусульманских святилищ) // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 3. С. 312–334.

15. *Закарияев З.Ш.* Новые находки арабских эпитафий Дербента (XVI–XVIII вв.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 1(37). С. 16–24.

REFERENCES

1. Babadzhanov BM, Nekrasova EG. Chirag-dan. In: Prozorov SM (comp., ed.). *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Issue 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. pp. 103–106.

2. Aleskerova NE. Gulshaniyya. In: Prozorov SM (comp., ed.). *Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Issue 3. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. pp. 35–36.

3. Trimingham JS. *Sufi orders in Islam*. Akimushkin OF (transl., ed., preface). Moscow: Nauka, 1989.

4. Kamran Abdullayev. "*Muhammed Emîn eş-Şirvânî ve Şerhu'l-Beyteyni'l-Meşhûreyn Risâlesinin Tahkîk ve Çevirisi*". Trabzon İlahiyat Dergisi 7/1 (Bahar 2020): 383–408.

5. Akimushkin OF. Khalwatiyya. In: *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka, 1991. pp. 267–268.

6. Aleskerova NE. The early Shirvan period in the development of the Khalvatiyya brotherhood (the second half of the 14th – the first half of the 16th century). *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 13. 2010, 4: 38–49.

7. Khapizov ShM, Shekhmagomedov MG. The Khalvatiyya Sufi order in mountainous Avaria: new pages in the history of Sufism in medieval Dagestan (16th – 17th centuries). *Islamovedenie*. 2017, 8(1): 70–81.

8. Aleskerova NE. Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 13. 2011, 4: 13–23.

9. Aitberov TM. Epitaphs of the sheikhs of the Safaviyya, Khalvatiyya and Suhravardiyya brotherhoods in Dagestan: on the history of Iranian-Dagestan relations in the 15th century. Dagestan and the Muslim East. Collected articles. Alikberov AK, Bobrovnikov VO (comps., eds.). Moscow: Marjani, 2010. pp. 179–188.

10. Zakariyaev ZSh. Medieval Dagestan Sufi Sheikh Amir al-Mishlishi and his ziyarat in the village of Mishlesh. *Islamovedenie*. 2011, 3(9): 105–111.

11. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries. Texts, transl., comments, intr. and appendix by Lavrov L.I. Moscow: Nauka, 1966.

12. *Mahmud from Khinalug*. Events in Dagestan and Shirvan in the 14th -15th centuries. Transl. from Arabic, comp., foreword, commentary and appendix by Shikhsaidov A.R. Makhachkala, 1997.

13. Neimat MS. Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. IV. Arabic-Persian-Turkic inscriptions of the Quba-Khachmaz zone and Southern Dagestan (8th – early 20th centuries). Baku: Nurlan, 2008.

14. Zakariaev ZSh. The shrine of Sufi Rajab and the place of safekeeping of the Prophet Muhammad's khirqa in the Lezgin village of Hryug (Arabic epigraphy of medieval Muslim shrines). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(3): 312–334.

15. Zakariaev ZSh. New finds of Arabic epitaphs in Derbent (16th – 18th centuries). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2014, 1(37): 16–24.

16. Zakariaev ZSh, Gasanov MA. Epigraphy of the 12th – 18th centuries from the Aghul village of Richa: new data. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(1): 6–49.

16. *Закарияев З.Ш., Гасанов М.А.* Эпиграфика XII–XVIII вв. из агульского селения Рича: новые данные // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 6–49.

17. *Закарияев З.Ш., Гасанов М.А.* Мавзолей и памятники старинного кладбища в селении Аглоби (типология, эпиграфика, декор) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 1. 2021. С. 8–42.

18. *Шу'айб б. Идрис ал-Багини.* Табакат ал– хʷаджаган ан-накшбандийа ва-садат ал-маша'их ал-халидийа ал-махмудийа. – Дамаск, 1996.

19. *Акимов Н.К.* Святыня Текке. История и современность. Махачкала, 2011. – 31 с.

20. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., прим. и указ. З.М. Буниятова. – Баку: Элм, 1991. – 304 с.

21. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). – М.: Восточная литература, 2003. – 847 с.

17. Zakariaev ZSh, Gasanov MA. Mausoleum and tombstones of the old cemetery in the village of Aglobi (typology, epigraphy, decor). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(1): 8–42.

18. Shu'ayb b. Idris al-Bagini. Tabaqat al-khwajagan an-naqshbandiyya wa-sadat al-masha'ih al-khalidiya al-mahmudiya. Damascus, 1996.

19. Akimov NK. *Tekke sanctuary. History and modernity*. Makhachkala, 2011.

20. Bakikhanov AK. Golestan-e Eram. Buniyatov Z.M. (ed., comm., note, index). Baku: Elm, 1991.

21. Alikberov AK. The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia "Rayhan al-khaqa'iq" (11th – 12th centuries). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003.

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.
Принята в печать 13.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 08.12.2022
Accepted 13.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192364-370

Исследовательская статья

Рамиль Камилович Адыгамов,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории им. Ш. Марджани
Академия наук Республики Татарстан, Казань, Россия
abu_muhammad@mail.ru

ИБРАХИМ Б. ХУДЖАШ И ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ ПОВОЛЖЬЯ И ДАГЕСТАНА

Аннотация. По мере развития разносторонних, а особенно духовных, связей между республиками Татарстан и Дагестан, вопрос изучения исторической связи между ними приобретает все большую актуальность. Данная проблема изучается в публикациях Хабутдинова А.Ю., Бобровникова В.О., Наврузова А.Р., Шихалиева Ш.Ш., Сафаргалеева И.Ф., Маликова Р.И., Кемпера М. Ей были посвящены некоторые из курсовых и ВКР в Казанском исламском университете. Несмотря на это, вопрос остается исследованным не полностью. Данная проблема нуждается в более комплексном и глубоком изучении, так как известно, что между богословами двух регионов были как духовные, личные, так и коммерческие связи. Ее более глубокое изучение могло бы дать и представление о взаимном влиянии идей богословов двух регионов. Данная проблема также требует изучения отдельных персоналий, одной из наиболее известных среди них является Ибрахим б. Худжаш, который был одним из первых татарских имамов XVIII–XIX вв., получивших образование в Дагестане. Он упомянут как в трудах Ш. Марджани, М. Рамзи и Р. Фахрутдин, так и ряда дагестанских богословов. Таким образом, целью данной статьи является изучение уже известных исследований по данной тематике, выявление и анализ информации о жизни и деятельности Ибрахима б. Худжаша, а также попытка проследить влияние дагестанского образования на воззрения и деятельность богослова. Анализ литературы по данной тематике показал, что проблема не раскрыта и нуждается в более глубоком и комплексном исследовании. Биография Ибрахима б. Худжаша в различных источниках представлена довольно кратко. Из нее следует, что, получив образование в Дагестане и некоторых городах Османской империи, он вернулся на родину и исполнял обязанности имама.

Ключевые слова: татарское богословие; дагестанское богословие; Поволжье; Дагестан, Ибрахим б. Худжаш, религиозное образование

Для цитирования: Адыгамов Р.К. Ибрагим б. Худжаш и духовные связи Поволжья и Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 364-370. doi.org/10.32653/CH192364-370

© Адыгамов Р.К., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192364-370

CC BY

Research paper

Ramil K. Adygamov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Marjani Institute of History
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
abu_muhammad@mail.ru

IBRAHIM B. KHUJASH AND SPIRITUAL TIES BETWEEN THE VOLGA REGION AND DAGESTAN

Abstract. With the development of diverse, and especially spiritual ties between the republics of Tatarstan and Dagestan, the issue of studying the historical connection between them is becoming increasingly relevant. This problem is studied in the publications of Khabutdinov A.Yu., Bobrovnikov V.O., Navruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh., Safargaleev I.F., Malikov R.I., Kemper M. et al. Some of the research papers at Kazan Islamic University were dedicated to her. But the issue remains not fully investigated. This problem needs a more comprehensive and in-depth study, since it is known that there were spiritual, personal and commercial ties between the theologians of the two regions. A deeper study of it could also give an idea of the mutual influence of the ideas of the theologians of the two regions. This problem also requires the study of individual personalities, one of the most famous among them is Ibrahim Khujash. He and his relative were among the first Tatar imams of the XVIII – XIX centuries who were educated in Dagestan. He is mentioned in the works of S. Marjani, M. Ramzi and R. Fakhrutdin, and a number of Dagestani theologians. Thus, the purpose of this article is to study already known studies on this topic, to identify and analyze information about the life and work of Ibrahim Khujash, as well as an attempt to trace the connection between the influence of Dagestan education on the views and activities of the theologian. An analysis of the literature on this topic has shown that the problem hasn't been solved and needs a deeper and more comprehensive study. The biography of Ibrahim Khujash in various sources is presented quite briefly. It follows from it that they, having been educated in Dagestan and some cities of the Ottoman Empire, returned to their homeland and performed the duties of an imam. His zealous attitude to the Sunnah, and harsh criticism of folk traditions, makes it possible to assume the influence of Dagestan education, in which the study of hadith played an important role.

Keywords: Tatar theology, Dagestan theology, Volga region, Dagestan, Ibrahim Khujash, religious education.

For citation: Adygamov R.K. Ibrahim b. Khujash and spiritual ties between the Volga region and Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 364-370. doi. org/10.32653/CH192364-370

© R.K. Adygamov, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение. Связи между богословами Поволжья и Дагестана

Взаимоотношения богословов Поволжья и Дагестана в трудах XIX – начала XX в. не рассматривались ранее в специальном исследовании. Сведения о них можно извлечь только из биографий известных личностей обоих регионов, которые написаны как татарскими, так и дагестанскими богословами-историками.

К татарским источникам относятся труды Ш. Марджани (1818–1889) «Мустафад ал-ахбар…», «Вафийат ал-аслаф», М. Рамзи (1854–1934) «Талфик ал-ахбар…», Р. Фахрутдина (1859–1936) «Асар», которые упоминают ряд известных личностей Поволжья, которые получали образование у дагестанских наставников. Дагестанские источники представлены работами дагестанского богослова и историка Али ал-Гумуки (Каяев, 1878–1943), упоминающего в своем биографическом сочинении «Тараджим ʻулама Дагистан» о дагестанском богослове Садр ад-Дине Сулаймане ал-Лакзи, преподававшем в одном из крупных городов Золотой Орды [1, с. 43]; Назиром ад-Дургили (1891–1935), автором биобиблиографического словаря «Нузхат ал-азхан». В частности, он указывает: «Среди тех из казанских ученых, кто прибывал в Дагестан в поисках знаний, были шейх Мухаммадрахим ал-Казани, умерший в 1232 / 1816-17 гг.; шейх Ибрахим ал-Казани, умерший в 1241 / 1825-26 г. Шейх Ибрахим эфенди и шейх Мухаммадрахим эфенди прибыли в Дагестан, учились здесь у великих и превосходных ученых в течение десяти лет, в частности они встречались с ʻАли эфенди Ширвани» [2, с. 27].

Среди современных исследований данная проблематика затрагивается в статье А.Ю. Хабутдинова «Этапы развития образования у мусульман Оренбургского магометанского духовного собрания в XVIII — начале XX вв.: региональный аспект» [3], который со ссылкой на татарские источники, пишет, что «после уничтожения Казанского ханства часть мусульман бежала в Дагестан, в Крым и даже в Турцию. Через некоторое время часть из них вернулась обратно. Среди этих вернувшихся были люди, учившиеся у ученых людей, и в местах получения образования они переписали и привезли с собой некоторые сочинения и книги [4, с. 238–239].

В статье Бобровникова В.О., Наврузова А.Р., Шихалиева Ш.Ш. «Исламское образование в Дагестане от «перестройки» до наших дней» [5, с. 137–158] дается общий обзор истории функционирования системы исламского образования Дагестана, начиная с сельского и заканчивая республиканским уровнем. Хотя в ней и рассматриваются механизмы взаимодействия регионов, однако, историческому аспекту внимание не уделено.

Связям между членами суфийских братств мусульманских регионов России конца XIX – нач. XX вв. посвящена статья Шихалиева Ш.Ш. «Зайнулла Расулев и Сайфулла-кади Башларов: письменные свидетельства о наставничестве двух шейхов» [6, с. 359–364]. Анализируя одну из рукописей, найденных в частной коллекции жителя Дагестана, автор изучает тесные контакты двух наставников Зайнуллы ишана Расулева и Сайфуллы-кади Башларова. Этот документ представляет собой сборник иджаз (разрешений на наставничество), полученных Зайнуллой Расулевым от своих учите-

лей и впоследствии переданных Сайфулле-кади Башларову, как очередному продолжателю традиции тариката.

Статья Сафаргалеева И.Ф. «Ритуальная практика накшбандийского тариката в письменном наследии Зейнуллы Расулева и ее значение» [7, с. 173-181] посвящена актуальности возрождения суфизма, как традиционной для России формы бытования ислама. И в этой связи особое внимание уделяется наследию Зейнуллы ишана Расулева, преемственность учения которого сохраняется и развивается благодаря дагестанским последователям Сейфуллы Башларова.

Также представляет интерес и коллективное исследование Кемпера М., Шихалиева Ш.Ш. «Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX века как разновидность джадидизма» [8, с. 52–58]. Оно посвящено в основном вопросам джадидизма, однако, анализируя идеи реформаторства, авторы уделяют внимание тем мыслителям, которые пошли дальше идей реформы системы образования и выступали с критикой традиционализма в вопросах мусульманской догматики и фикха, что объединяет их с татарскими джадидами.

Также проблематику связей двух регионов рассматривает Маликов Р.И. в статье «Жизнь и деятельность Гарифуллы ишана Гайнуллина (1894–1984)» [9, с. 95–106]. Гарифулла ишан Гайнуллин, один из авторитетных религиозных деятелей Среднего Поволжья советского периода, был последним татарским шейхом накшбандийского тариката. Он был связан с шейхом Баязидом ишаном Хайруллиным, учеником Зайнуллы ишана Расулева.

Наиболее полно данная проблема рассматривается в статье Ш.Ш. Шихалиева «Краткие сведения о контактах мусульман Дагестана и Волго-уральского региона в XVIII–XX вв.» [10, с. 104–128]. Автор глубоко анализирует взаимоотношения между богословами двух регионов. Приводимые Ш.Ш. Шихалиевым источники, указывают на двусторонний, систематический характер контактов между ними. Если в конце XVII–XVIII вв. обучение некоторых татарских богословов в Дагестане оказывало влияние на систему образования Волго-Уральского региона, то, начиная со второй половины XIX в., наблюдается очень сильное влияние обновленческих идей мыслителей Поволжья на дагестанскую интеллектуальную элиту. С XX в. в Дагестан начинают попадать многочисленные татарские журналы, учебники и научно-богословская литература.

Ибрахим б. Худжаш как один из наиболее известных татарских выпускников дагестанской богословской школы

Хотя Ибрахим б. Худжаш был известной в Поволжье личностью, его биография довольно кратко рассматривается во всех трех упомянутых трудах татарских богословов. В целом информация об имени и происхождении богослова совпадает. В частности, Ш. Марджани указывал: «Мулла Ибрахим бин Худжаш родом из деревни Шарлама Бугульминского уезда» [11, с. 24].

Авторы довольно кратко рассказывают об обучении богослова в Дагестане. В «Мустафад» сказано: «Ибрахим ибн Худжаш вместе с ахундом Мухаммадрахимом, будучи молодыми, ездили на Кавказ и учились у муллы ‘Али аш-Ширвани, а также других

уважаемых богословов своего времени. Во время учебы у муллы ʻАли, мулла Ибрахим написал свой трактат «Руб‘ ал-мукантырат»…» [11, с. 24]. М. Рамзи в «Талфик…» сообщает, что они: «…также посетили Сивас и Диярбекир» [12, с. 352], из чего можно предположить, что помимо дагестанского образования, Ибрахим б. Худжаш и Мухаммадрахим также получили и османское, либо встречались с богословами Османской империи.

Получив образование, как пишет Ш. Марджани: «Ибрахим вернулся на родину, в 1197 г. (1782 г. – *прим. А.Р.*) начал исполнять обязанности имама в деревне Утар, а позднее в деревне Новый Кишит (Яна Кишет). В 1208г. (1794г.) в месяц зу-л-ка‘да (май, июнь) мулла Ибрахим переехал в Казань и после муллы Абу Бакра стал исполнять обязанности имама, проповедника и преподавателя в первой мечети, а в дополнение к этому он был назначен ахундом. Он был в очень близкой дружбе с муфтием муллой Мухаммаджаном (занимал должность 1788-1824 г. – *прим. А.Р.*) и даже в своих мольбах просил у Аллаха: «О Господи, сохрани нашу крепкую дружбу с муфтием»». Вероятно, назначение ахундом было связано с религиозным, богословским авторитетом муллы Ибрахима. Его авторитет был признан и властями, согласно словам Р. Фахрутдина, в 1797 г. мулла Ибрахим, собрав казанских имамов, встречал императора Павла Петровича [13, с. 109]. У Рамзи М. мы находим сведения, что Ибрахим б. Худжаш преподавал «Усул ал-фикх», «Хадис» и «Тафсир» [12, с. 352], что указывает на его широкий кругозор и глубокие познания в исламском богословии.

По всей видимости, Ибрахим б. Худжаш был человеком довольно состоятельным, так как Ш. Марджани, рассказывая о нем, указал: «Жил он вольготно, вел бойкую торговлю, имел большие богатства, ценные книги» [14, с. 255].

Несмотря на довольно скудную информацию, можно получить сведения о некоторых взглядах богослова: «Мулла Ибрахим относился к тем, кто в самые короткие летние ночи не отказывался от совершения ночной молитвы. Он предположительно (такдир) определял ее время» [11, с. 25]. Поскольку информация довольно краткая, особенности этой фетвы и аргументы богослова неизвестны, сложно определить было ли это влиянием образования, полученного в Дагестане.

Оценивая результат деятельности муллы Ибрахима, Ш. Марджани писал: «Говорят, что его смелость, финансовая независимость и близость к муфтию позволила ему выступить против некоторых казанских нововведений. До его прихода мужчины и женщины во время собраний и пиршеств сидели за одним столом. Мужчины носили черные шляпы, камзолы и сапоги, а чалму не носили. Став имамом, мулла Ибрахим начал исправлять все эти ошибки, связанные с образом жизни и одеждой. Люди стали приходить в мечеть и на собрания в чалмах. Он превратил никах в средство призыва к исполнению молитв, в этой связи во время обряда никаха женихам начали дарить молитвенные коврики, а невеста в дом жениха приходила с кувшином. Вначале этих преобразований в Казани можно было найти только черные шляпы, первыми же из Москвы, договорившись между собой, белые шляпы заказали казанские купцы Юсуф б. Исмаил б. Апанай, Юсуф б. Бикбау б. Хатай и Убайдулла б. Муртаза» [11, с. 25]. Анализируя упомянутые воззрения имама Ибрахима, можно предположить, что причиной подобных взглядов и отношения было дагестанское образование, в котором делался упор на хадисы, что вело к особо щепетильному отношению муллы Ибрахима к понятию *бид‘а*.

Помимо преподавательской деятельности богослов занимался и разрешением спорных вопросов, особенно внутрисемейных конфликтов. Как указывал Ш. Марджани: «…мулла Ибрахим разрешал спорные вопросы между мужьями и женами. Если женщина обращалась с просьбой о разводе, он, утверждая, что у большинства простолюдинов брак не действительный, недолго думая выносил решение о разводе [11, с. 26]. Более подробно об этом направлении деятельности Ибрахима б. Худжаша рассказывает Фахрутдин Р. в своем «Асар», где приводит конкретные ситуации, разрешенные имамом и упоминает имена мусульман, обратившихся к нему за помощью [13, с. 111], а также и содержание писем тех, кто обращался к нему за помощью в решении семейных проблем [13, с. 112–114].

Ш. Марджани частично подвергал критике судебную деятельность Ибрахима б. Худжаша. «Однако его поведение как судьи не было безупречным. Иногда он выдавал замуж замужних женщин за других мужчин и говорил, что браки простонародья не бывают долгими, потому что они то и дело говорят то, что разрушает брак» [14, с. 254].

Характеризуя Ибрахима б. Худжаша как богослова, М. Рамзи суммировал: «Таким образом, герой нашего повествования был одним из величайших ученых, проповедников этой уммы, побуждал к благому и предостерегал от запретного. Он говорил правду, отличался красивой, логичной речью. Он внес изменение во многие новшества и традиции, связанные с одеждой, пищей, питьем и многим другим, противоречившим исламу» [12, с. 353].

Заключение

Безусловно проблема взаимоотношений между богословами Поволжья и Дагестана, их взаимного влияния, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Это связано с довольно теплыми отношениями между ДУМД и ДУМ РТ, близкой позицией относительно сохранения богословской традиции. Также большое значение имеет и тот факт, что в Дагестане присутствует довольно большая ханафитская община. Однако, анализ исследований по данной проблематике показывает, что тема изучена недостаточно и может быть выделена в самостоятельное полноценное исследование, результатом которого могла бы стать подготовка справочника персоналий татарских и дагестанских богословов, имевших отношения к связям между регионами.

Одной из наиболее известных личностей, получивших образование в дагестанских медресе, был Ибрахим б. Худжаш. Несмотря на скудность информации, изучение данных о его жизни, образовании и деятельности, указывает на то, что он был довольно известным и влиятельным богословом своего времени, внесшим значительный вклад в коррекцию и развитие богословской традиции Волго-Уральского региона. Также анализ информации о его вкладе в духовную жизнь татарского народа дает возможность предположить о содержательном влиянии дагестанского образования на взгляды богослова, который расширил список преподаваемых исламских дисциплин и активно консультировал население по семейным вопросам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ali Kayaev*. Teracim-Iulema-yi Dagistan / Hazirlayanlar Hasan Orazayev, Tuba Işinsu Durmuş. Ankara, 2012.

2. *Назир ад-Дургели*. Услада умов биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., факс. изд., указ и библиогр. А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустанова. М.: Издательский дом «Марджани, 2012.

3. *Хабутдинов А.Ю.* Этапы развития образования у мусульман Оренбургского магометанского духовного собрания в XVIII — начале XX вв.: региональный аспект. Медина. Режим доступа: http://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/2/plenary_habutdinov.htm 14.10.2022.

4. *Фахрутдин Р.* Болгар вэ Казан тореклэре. Казан: ТКН, 1993.

5. *Бобровников В.О., Наврузов А.Р., Шихалиев Ш.Ш.* «Исламское образование в Дагестане от «перестройки» до наших дней» // Pax Islamica. 2010. 2 (5). С. 137-158.

6. *Шихалиев Ш.Ш.* Зайнулла Расулев и Сайфулла-кади Башларов: письменные свидетельства о наставничестве двух шейхов // Традиционный ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. 2018. С. 359-364.

7. *Сафаргалеев И.Ф.* Ритуальная практика накашбандийского тариката в письменном наследии Зейнуллы Расулева и ее значение // II болгарские чтения “Обновленческие процессы в исламском мире: богословское наследие и современность” Материалы международной конференции. Болгар, 2019. С. 173-181.

8. *Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш.* Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX века как разновидность джадидизма // Акаев Абусуфьян: эпоха, жизнь, деятельность. Сер. «Жизнь замечательных дагестанцев» Махачкала, 2012 Издательство: Дагкнигоиздат. С. 52-58.

9. *Маликов Р.И.* Жизнь и деятельность Гарифуллы ишана Гайнуллина (1894-1984) // Исламоведение. 2021. 1 (47). С. 95-106.

10. *Шихалиев Ш.Ш.* Краткие сведения о контактах мусульман Дагестана и Волго-Уральского региона в XVIII–XX вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 104-128.

11. *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. Т. 2. Казань, 1900.

12. *Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. Бейрут. 2002. Т. 2.

13. *Фахрутдин Р.* Асар. Казань: Рухият, 2006. Т. 1.

14. *Марджани Ш.* Достаточное о предшественниках и приветствие потомкам: перевод с арабского избранных биографий, исследование и комментарии, факсимиле разделов о Волго-Уральском регионе. Казань, 2021.

Поступила в редакцию 07.12.2022 г.
Принята в печать 7.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

REFERENCES

1. Ali Kayaev. *Biographies of Dagestan scientists* / Compiled by Hasan Orazayev, Tuba Işinsu Durmuş. Ankara, 2012.

2. Nazir ad-Durgeli. *The delight of minds in the biographies of Dagestan scientists* / translated from Arabic, fax, ed., decree and bibliography. A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bostanov. Moscow: Publishing House “Marjani, 2012.

3. Khabutdinov AYu. *Stages of the development of education among Muslims of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly in the XVIII — early XX centuries.: regional aspect*. Medina. Access mode: http://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/2/plenary_habutdinov.htm 14.10.2022.

4. Fakhrutdin R. *Turks of Bulgar and Kazan*. Kazan: TKN, 1993.

5. Bobrovnikov VO., Navruzov AR., Shikhaliev ShSh. “Islamic education in Dagestan from “perestroika” to the present day”. *Pax Islamica*. 2010. 2 (5). pp. 137-158.

6. Shikhaliev ShSh. Zainulla Rasulev and Sayfulla-qadi Bashlarov: written testimonies of the mentorship of two sheikhs. *Traditional Islam in Russia and an outstanding Bashkir theologian and educator of the Muslim world, Sheikh Zainulla Rasulev*. 2018: 359-364.

7. Safargaleev IF. Ritual practice of the Nakashbandi tariqa in the written heritage of Zeynulla Rasulev and its significance. *II Bulgarian readings “Renewal Processes in the Islamic World: Theological Heritage and Modernity”*. Bolgar, 2019: 173-181.

8. Kemper M., Shikhaliev ShSh. Dagestan Muslim reformism of the first third of the twentieth century as a kind of Jadidism. *Orazaev G.M. Akaev Abusufyan: epoch, life, activity. The life of wonderful Dagestanis*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2012: 52-58.

9. Malikov RI. The life and work of Garifulla ishan Gainullin (1894-1984). *Islamic studies*. 2021; 1 (47): 95-106.

10. Shikhaliev ShSh. Brief information about the contacts of Muslims of Dagestan and the Volga-Ural region in the XVIII–XX centuries. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020; 16(1): 104-128.

11. Marjani Sh. *Useful news about the state of Kazan and Bulgar*. Kazan, 1900; 2.

12. Ramzi M. *The connection of news and the selection of legends about the events of Kazan and Bulgar*. Beirut, 2002; 2.

13. Fakhrutdin R. *Heritage*. Kazan: Ruhiyat, 2006; 1.

14. Marjani Sh. *Enough about the predecessors and greetings to the descendants: Translation from Arabic of selected biographies, research and commentary, facsimiles of sections about the Volga-Ural region*. Kazan, 2021.

Recieved 07.12.2022
Accepted 7.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192371-384

Исследовательская статья

Шаповалов Сергей Николаевич,
к.и.н., доц., доцент кафедры истории России
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
shapovalov07@gmail.com

РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В 40-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье впервые показано, что строительство новых станиц в составе Закубанского поселения было вызвано реальными потребностями населения, уже переселившегося на земли Северо-Западного Кавказа и нуждавшегося в водворении, а не военными проектами по вытеснению горцев с принадлежавших им земель. Цель статьи – продемонстрировать переселенческие и колонизационные возможности Закубанского поселения в период 1840-х гг. для понимания особенностей заселения и освоения населением Российской империи земель Северо-Западного Кавказа и северо-восточного берега Черного моря. В качестве методологического подхода использована теория фронтира, которая позволяет рассматривать российское продвижение на Северо-Западный Кавказ не только как совокупность военных операций, но и как процесс внешней и внутренней миграции, образования новых типов поселений, выстраивания различных, в том числе взаимовыгодных, отношений между переселенцами и местным населением. В статье применяются ретроспективный, историко-генетический и системный методы. Показано, что общее число переселенцев, нуждавшихся в постоянном водворении в Закубанском поселении, постоянно росло, поэтому остро стоял вопрос о наделении их землей. Одним из выходов из сложившегося положения являлось строительство новых поселков и станиц, что было сопряжено с двумя серьезными трудностями: необходимостью ассигнования со стороны казны и фактическим отсутствием границ между населенными пунктами Закубанского поселения и натухайскими аулами. Несмотря на существовавшие сложности, руководством Черноморской береговой линии был взят курс на основание новых стратегически важных укрепленных поселений. Сделаны выводы, что завершение всех начатых внутренних переселений и строительство новых станиц в 1840-е гг. позволили существенно увеличить численность водворенного населения; улучшить оборонительные возможности поселений за счет как тщательного планирования всех необходимых фортификационных сооружений, так и увеличения численности мужчин; расширить площадь земель для заведения пашни, огородов, сенокосов и пастбищ и создать необходимый фундамент для последующего продовольственного самообеспечения населения Закубанского поселения.

Ключевые слова: Анапа; Закубанское поселение; переселенцы; Северо-Западный Кавказ; станица Суворовская; станица Александровская; Черноморская береговая линия

Для цитирования: Шаповалов С.Н. Расширение территории Закубанского поселения в 40-е годы XIX века // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 371-384. doi.org/10.32653/CH192371-384

© Шаповалов С.Н., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192371-384

CC BY

Research paper

Sergey N. Shapovalov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia
shapovalov07@gmail.com

EXPANSION OF THE TERRITORY OF THE TRANS-KUBAN SETTLEMENT IN THE 40S OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The establishment of new stanitsas (Cossack villages) as part of the Trans-Kuban (Zakubanye) settlement was caused by the needs of those who had already moved to the lands of the North-Western Caucasus and needed to be settled without military intervention to oust the mountaineers from their lands. The article aims to demonstrate the resettlement and colonization capacities of the Trans-Kuban settlement in the 1840s to understand the features of settlement and development of the lands of the North-Western Caucasus and the north-eastern coast of the Black Sea by the population of the Russian Empire. The application of the frontier theory allowed us to consider the Russian advance to the North-Western Caucasus not only as a set of military operations, but also as a process of external and internal relocation, the formation of new types of settlements, the establishment of various, including mutually beneficial ties between settlers and the local population. The study also applies retrospective, historical-genetic and systemic methods. The total number of migrants who needed permanent accommodation in the Trans-Kuban settlement was constantly growing, so the issue of allotting them plots of land was acute. One of the solutions to this situation was the construction of new settlements and stanitsas, which was complicated with two serious difficulties: the need for treasury funding and the actual absence of borders between the settlements of the Trans-Kuban settlement and Natukhai auls. Despite the existing difficulties, the leadership of the Black Sea Coastline set a course for the foundation of new strategically important fortified settlements. The completion of all the internal relocations started and the construction of new stanitsas in the 1840s allowed to significantly increase the number of the settled population; improve the defensive capabilities of settlements due to both careful planning of all necessary fortifications and an increase in the number of men; expand the area of land for the establishment of arable land, vegetable gardens, hayfields and pastures and create the necessary foundation for the subsequent food self-sufficiency of the population of the Trans-Kuban settlement.

Keywords: Anapa; Trans-Kuban settlement; settlers; North-Western Caucasus; Stanitsa Suvorovskaya; Stanitsa Alexandrovskaya; Black Sea Coastline

For citation: Shapovalov S.N. Expansion of the territory of the Trans-Kuban settlement in the 40s of the 19th century *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 371-384. doi.org/10.32653/CH192371-384

© S.N. Shapovalov, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Одной из важнейших проблем для исследования российских и зарубежных историков продолжает оставаться изучение особенностей присоединения, заселения и освоения земель Северо-Западного Кавказа Российской империей в XIX в., которому в достаточной мере уделялось внимание в дореволюционной [1–6], советской [7–10] и российской [11–16] историографии. Однако вне поля зрения до сих пор остается проблема основания и развития Закубанского поселения, которое располагалось на землях натухайцев в знаменитом треугольнике «нижняя Кубань – Анапа – Варениковская пристань».

Появление самого поселения стало возможным только после заключения Адрианопольского мирного договора в 1829 г., по условиям которого весь восточный берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая перешел во владение Российской империи вместе с проживавшим здесь автохтонным населением. В состав переданных Османской империей территорий входили и адыгские земли. Однако сами адыги не признавали ни российской, ни турецкой власти, так как их зависимость от Османской империи в политическом, экономическом и культурном отношении была больше номинальной, чем фактической [17, с. 81].

Естественное неприятие условий Адрианопольского мира со стороны адыгов и их враждебность не позволили России сразу же установить контроль над новыми землями [18, с. 143]. Такая задача могла быть решена только в результате долгосрочной колонизационной деятельности, сочетавшей в себе военные и гражданские меры. Для их анализа, как справедливо отмечает Томас Барретт, «нам нужно заглянуть за военные линии и посмотреть на передвижение народов, на их поселения и сообщества…» [19, с. 165].

Обширность и неоднородность земель Северо-Западного Кавказа не позволяли применять одни и те же методы освоения и закрепления расположенных здесь земель в составе Российской империи. На наш взгляд, наиболее эффективным из них было создание особых военно-административных единиц, таких как Черноморская береговая линия (ЧБЛ) и Закубанское поселение[1].

Цель исследования – продемонстрировать переселенческие и колонизационные возможности Закубанского поселения в период 1840-х гг. для понимания особенностей заселения и освоения населением Российской империи земель Северо-Западного Кавказа и северо-восточного берега Черного моря.

В качестве методологического подхода использована теория фронтира, которая позволяет рассматривать российское продвижение на Северо-Западный Кавказ не только как совокупность военных операций, но и как процесс внешней и внутренней миграции, образования новых типов поселений, выстраивания различных, в том числе взаимовыгодных, отношений между переселенцами и местным населением. В статье применяются ретроспективный, историко-генетический и системный методы.

1. В источниках 1830-х и начала 1840-х гг. – Анапское поселение.

Проекты развития Закубанского поселения

ЧБЛ включала в себя укрепления и крепости, расположенные от Анапы до пристани Св. Николая. Она должна была обеспечивать охрану от незаконного проникновения на российскую территорию «всяких чужестранных элементов» [20, с. 683]. Силами ее гарнизонов происходило экстенсивное освоение небольшой территории окрестных земель. Обозревавший в 1836 г. земли восточного берега Черного моря коллежский асессор С.В. Сафонов сообщал только о вырубке анапского леса на расстоянии 15 верст для защиты от внезапных нападений горцев. После строительства небольшого укрепления в четырех верстах от Анапы здесь были разбиты огороды для нужд гарнизона и жителей [21, с. 6]. Выращенные на них овощи и зелень предназначались для улучшения питания населения Анапы. В остальных укреплениях линии освоение территорий также происходило в форме расчистки близлежащих земель и заведения небольших огородов, востребованных в летний период [22, с. 72].

Более успешное освоение земель северо-восточного берега Черного моря было связано с деятельностью Закубанского поселения, которое появилось в 1835 г. после высочайшего повеления не возвращать казенных и крепостных крестьян, а также бродяг, бежавших в Анапу, а приписывать их к поселению [23, с. 6]. Наделение земельными участками происходило за счет как пустующих, так и изъятых у натухайцев земель.

Приток новых жителей и запись в Закубанское поселение был постоянным. По мнению американского историка Дэвида Муна, это объяснялось тем, что в 1830–1840-е гг. тысячи крепостных мигрировали (бежали) на Северный Кавказ, где создавали собственные поселения, присоединялись к уже существовавшим или были вынуждены возвращаться в свои покинутые жилища [24, p. 1]. Некоторые переселенцы меняли свои имена, отчества и прозвания, ложно приписывались к другим сословиям, использовали любую возможность для того, чтобы остаться в Анапе или ее окрестностях [25, с. 76].

В 1836 г. в составе Закубанского поселения появились первые станицы – Благовещенская и Николаевская, и началось постепенное водворение жителей для постоянного проживания. Здесь они могли заниматься огородничеством, хлебопашеством, разведением скота и рыбной ловлей, полностью обеспечивая себя и небольшие гарнизоны всеми необходимыми продуктами. Безопасность переселенцев обеспечивалась силами небольших гарнизонов, размещенных на территории поселений, и вооружением самих поселян.

Во второй половине 1830-х гг. в составе Закубанского поселения была основана третья и последняя в этот период станица, получившая наименование Витязева в честь майора, совершившего подвиг при столкновении с горцами в окрестностях Анапы. Возможности новой станицы по водворению жителей на постоянное поселение, как и ранее устроенных, были достаточно быстро исчерпаны. В результате на протяжении 1830-х гг. Закубанское поселение не демонстрировало серьезных успехов в деле освоения территории северо-восточного побережья Черного моря по причинам ограниченности земельных ресурсов, наличия небольшого числа дворов в уже образованных населенных пунктах, притока большого числа желающих здесь водвориться и постоянной угрозы нападения со стороны горцев.

С конца 1830-х гг. Закубанское поселение не имело возможности для дальнейшего водворения переселенцев, желавших здесь обосноваться. Основание небольших поселков при станицах и укреплениях, рассчитанных на небольшое число семей (порядка 5–10), позволяло заселить в них только наиболее нуждавшихся, но оставляло нерешенной главную проблему – расселение всех зачисленных в Закубанское поселение. В результате численность неводворенных лиц постоянно росла.

По состоянию на 1 декабря 1841 г. в составе Закубанского поселения числились станицы Николаевская, Витязева, Благовещенская, поселок Благовещенская Стрелка и поселок при укреплении Джиметейском[2]. Во всех населенных пунктах проживало 490 семей, состоявших из 1832 лиц обоего пола и 105 одиноких мужчин. К Закубанскому поселению были приписаны еще 1529 переселенцев обоего пола, которые были вынуждены проживать на территории Земли войска Черноморского[3] в ожидании появления новых мест расселения. Общее число переселенцев, нуждавшихся в постоянном водворении, составляло 2185 душ обоего пола[4].

Одним из выходов из сложившегося положения являлось дальнейшее строительство новых станиц и поселков[5], что было сопряжено как минимум с двумя серьезными трудностями. Для переселения числившихся в составе Закубанского поселения лиц, а также тех, кто хотел бы приписаться к нему, требовались ассигнования со стороны казны. Жителям Богоявленского селения в Цебельде в начале 1840-х гг. выделялось на благоустройство до 100 руб. [26, с. 89]. Через два года после их переселения из Абхазии в Анапу сумма возросла и была оформлена в два вида пособий: первое составляло по 54 руб. 50 коп. ассигнациями на каждое семейство, а второе – по 125 руб. ассигнациями на заимообразных условиях[6]. Всего в Анапу были переселены 24 семьи[7]. Сумма только разовых выплат для них составила 1308 руб. ассигнациями.

Вторая проблема была связана с фактическим отсутствием границ между населенными пунктами Закубанского поселения и натухайскими аулами. Жители последних не признавали занятия переселенцами своих земель и старались различными мерами стеснить их землепользование. Проблема обострилась в начале 1840-х гг., когда в составе Закубанского поселения должны были появиться новые станицы, потеснившие бы земельные владения натухайцев. Готовность последних к началу переговоров о признании подданства в обмен на нераспространение русских поселений стала главной причиной временного отказа от расширения границ Закубанского поселения.

Появление весной 1843 г. во главе ЧБЛ генерал-майора А.И. Будберга в должности исполняющего обязанности начальника вызвало к жизни новый проект, направленный на размежевание земель Закубанского поселения и натухайцев. Причинами его появления можно считать приверженность нового руководителя к выстраиванию

2. Такое написание фигурирует в официальных документах.
3. В документах рассматриваемого периода она чаще всего называлась просто Черноморией.
4. Переписка о переселении крестьян Воронежской губернии за Кубань // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
5. По мнению членов Анапского Временного Правления, 2185 душ обоего пола в 1841 г. было вполне достаточно для основания новой большой станицы.
6. Второе пособие выдавалось сроком на 4 года, но без выплаты процентов. Предусматривалось, что оно будет использовано для покупки скота и инвентаря.
7. Рапорт начальника Черноморской береговой линии о переселении жителей селения Богоявленского в станицу Николаевскую близ Анапы // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 19.

более дружественных отношений с горцами и желание придать поселению упорядоченную и удобную для управления форму. О своем намерении А.И. Будберг объявил в письме к Л.М. Серебрякову[8].

Межеванию должны были подлежать пастбища для скота, сенокосы и земли, отведенные поселянам под хлебопашество. Подобной мерой начальник линии хотел расположить к себе натухайцев, улучшить отношения между жителями станиц и горцами, продемонстрировать высокому начальству успехи, достигнутые использованием мирных средств: «…Пока полевые работы производились под прикрытием войск, по причине враждебного расположения натухайцев, – конечно трудно и даже невозможно было назначить какие-нибудь границы между землями наших поселян и натухайцев. Но теперь при беспрестанно возрастающем сближении с нами сих последних, я полагаю, что неопределенность эта может служить поводом к ожесточению туземных жителей, если они не будут видеть границы, на которой может остановиться занятие их земли нашими поселянами…»[9].

Инициатива нового руководителя линии не нашла поддержки у его подчиненного контр-адмирала Л.М. Серебрякова, который неоднократно совершал походы против непокорных аулов в землю натухайцев. Последний из них до получения письма от генерал-майора А.И. Будберга пришелся на весну 1842 г. Его целью было строительство укреплений на реке Гастогай и у Варениковой пристани [27, с. 53].

В ответном письме контр-адмирал Л.М. Серебряков высказывал мнение, что межевание земель в настоящее время между Закубанским поселением и натухайскими аулами является преждевременным. Свою позицию он аргументировал двумя личными наблюдениями. Первое было сделано при осмотре Кубанской равнины на севере от реки Гастогай. Здесь им было обнаружено наличие значительной площади целинной земли, которая не использовалась под пастбища или сенокосы и всегда могла служить резервом для удовлетворения нужд натухайцев. Вторым его аргументом было начавшееся земельное оттеснение поселян со стороны горцев, которое происходило в 1842–1843 гг. Оно проводилось в форме занятия под свои пашни тех мест, которые ранее использовались жителями станиц под сенокосы.

Л.М. Серебряков также был убежден, что межевание земель приведет к принятию со стороны начальника ЧБЛ и правления Закубанского поселения серьезных обязательств перед натухайцами, которые не позволят при необходимости быстро увеличить площадь поселений: «…Ограничение занятия Натухайских земель есть мера преждевременная и по ходу дел скорее вредная нежели полезная, – особенно при неизвестности как далеко предполагается распространить наши поселения, потому что однажды стеснив себя определением границ, – в последствии весьма трудно будет их расширить»[10].

Аргументация контр-адмирала Л.М. Серебрякова была принята генерал-майором А.И. Будбергом. Его проект демаркации земель Закубанского поселения и натухайских аулов остался нереализованным. В результате к жизни была вновь возвращена идея дальнейшего расширения территории поселения посредством основания новых станиц и поселков и водворения в них переселенцев, ожидавших в течение нескольких

8. В рассматриваемый период контр-адмирал Л.М. Серебряков исполнял должность начальника I отделения Черноморской береговой линии.
9. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–1 об. Здесь и далее орфография и пунктуация источника цитирования сохранены.
10. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 3 об.

лет после причисления себя к Закубанскому поселению своей очереди для получения земельных наделов. Реализация этой идеи пришлась на 1840-е гг. и позволила существенно расширить возможности Закубанского поселения в области освоения земель, развития их производительности и закрепления в составе Российской империи.

Основание станицы Суворовской

Переписка относительно возможности устроить новую станицу на Суворовской батарее началась 31 декабря 1840 г. с предписания начальника Кавказской области генерал-адъютанта П.Х. Граббе на имя начальника ЧБЛ генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. В январе 1841 г. последний подал в отставку, которая вскоре была принята [28, с. 79], а исполняющим обязанности начальника стал генерал-адъютант И.Р. Анреп. Основание новой станицы увязывалось им с улучшением положения, в котором находилось население Анапы и окрестных поселений из-за недостатка войск для их защиты: «…Гарнизона, который мы ныне имеем в Анапе, едва ли достаточно, чтобы защитить существующие станицы, а о заведении новых нельзя и думать. Суворовская батарея верстах в 25 от Анапы, на восточной стороне Кизилташского лимана, ничем не прикрытая…»[11].

Препятствием для основания новой станицы И.Р. Анреп также считал недостаток земли. Выход из сложившегося положения виделся ему в реализации проекта установления постоянного сухопутного сообщения между Новороссийском и Черноморией через Варениковскую пристань на реке Кубань. Сообщение должно было быть защищено специально возведенными для этого укреплениями. В этом случае уже основанные станицы и будущие населенные пункты получили бы надежную защиту и обширные земельные угодья.

Мнение генерал-адъютанта И.Р. Анрепа разделял контр-адмирал Л.М. Серебряков, который писал: «…Построение укрепления на Гостагае и укрепленного моста на Варениковой пристани было бы при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно полезно во многих отношениях… мы приобрели бы на 25 верст отличных для хлебопашества мест и прикрыли бы Анапское поселение, которое, в настоящем жалком положении, с трудом может существовать в беспрерывном страхе и нищете…» [29, с. 520]. Все эти предложения коррелировали с идеями императора Николая I по постепенной аннексии натухайских земель [30, с. 118]. Они стали воплощаться летом 1842 г., когда на реке Гостагай было построено одноименное укрепление [31, с. 106].

Как уже отмечалось ранее, на конец 1841 г. в Закубанском поселении насчитывалось 2185 лиц обоего пола, нуждавшихся в водворении. Возможности уже основанных станиц и поселков были практически исчерпаны. В станице Витязевой проживало 859 жителей обоего пола, в Николаевской – 450, а в Благовещенской – 174[12]. Для расселения всех приписанных к Закубанскому поселению требовалось дополнительно основать не менее двух станиц, сопоставимых по площади с Витязевой, или около четырех – с Николаевской.

11. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батареи для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
12. Переписка о переселении крестьян Воронежской губернии за Кубань // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

К обсуждению вопроса об устройстве станицы на Суворовской батарее вернулись в начале 1843 г. Актуализация этого проекта объяснялась как минимум тремя причинами. Во-первых, происходил дальнейший рост населения Закубанского поселения благодаря рождению детей у переселенцев и миграции населения центральных и южных губерний. Весь поток новых жителей не мог быть размещен в уже основанных станицах. Во-вторых, после строительства Гостагаевского укрепления исчезли все препятствия для увеличения территории Закубанского поселения, которые выдвигал начальник линии. В-третьих, расширение Закубанского поселения теперь стало рассматриваться как инструмент давления на натухайцев, которые вели переговоры об условиях присяги, но так и не приступили к ней: «…очевидно было что в переговорах этих искренности с их стороны никакой не было, – а одно только желание выиграть время и беспрепятственно окончить все полевые свои работы…»[13].

Вопрос о необходимости строительства станицы на Суворовской батарее был поднят начальником ЧБЛ генерал-адъютантом И.Р. Анрепом. Идея нашла поддержку со стороны Л.М. Серебрякова, который составил подробный проект: «…Необходимость переселения из Анапы малороссийских поселян и водворение семейств в Черномории находящихся, невозможность поселить их при прежних станицах, – по причине недостатка и вместе истощение пахотных земель, – эти два обстоятельства делают неизбежным занятие нового пункта, – а более удобного не предстоит, – как только урочище Суворовой батареи…»[14].

Удобство выбранного места объяснялось небольшим объемом работ, которые были необходимы для превращения будущей станицы в укрепленный пункт на берегу Кизилташского лимана. Его достаточно крутые и возвышенные берега могли обеспечить безопасность станицы с тыловой стороны. Немногочисленные и удобные спуски с береговых возвышенностей предполагалось сделать недоступными благодаря фортификационным приемам. Материал для укрепления и защиты станицы планировали собрать в ее окрестностях, где были обнаружены верба, камыш, хворост и камень.

Дополнительную защиту для станицы должен был обеспечить курган, располагавшийся от нее в 2–3 верстах в восточном направлении. Его господство над местностью позволяло обозревать прилегавшую равнину между Кубанью и станицей Витязевой. Возведение на кургане сигнальной каменной башни или редута с постоянным гарнизоном из 10–15 человек при одном орудии позволяло не только обозревать окрестности, но и обеспечивать охрану пасущихся стад будущих поселенцев и их самих при проведении полевых работ.

Гарнизон станицы на Суворовской батарее не должен был быть слишком большим. По расчетам контр-адмирала Л.М. Серебрякова здесь было достаточно содержать 70–80 человек пехоты, конную казачью команду в 20–30 всадников и одно полевое орудие. Для защиты территории станицы предлагалось задействовать всего пять крепостных орудий. Необходимое число пехоты предполагалось изъять из состава гарнизона Джиметейского укрепления[15].

Предложенные меры безопасности были вполне адекватными. Натухайцы периодически совершали нападения на пункты Закубанского поселения. Менее чем че-

13. Рапорт о выдаче земли закубанским переселенцам // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 об.
14. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батареи для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
15. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батареи для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 6 об.

рез год после основания станица Суворовская, а также Николаевская и Витязева подверглись их нападению. В однодневном сражении в окрестностях Суворовской были убиты 1 казак и 1 фельдфебель, ранены 1 урядник, 3 приказных, 4 казака, контужено 7 казаков и рядовых [29, с. 904]. Станица не была разорена, в ее защите участвовали все жители, способные носить оружие.

Контр-адмирал Л.М. Серебряков также рассчитал предварительную вместимость планируемой станицы. Он полагал, что в начале ее заселения здесь могло бы водвориться не более 160 семейств. Главным ограничителем выступало количество доступной для заведения пашни земли. Оптимальным вариантом представлялось обеспечить пашнями не только новых жителей станицы, но и поселян из Витязевой, располагавшихся на расстоянии в 12 верст.

В январе 1843 г. предложения контр-адмирала Л.М. Серебрякова были отправлены генерал-адъютанту И.Р. Анрепу и командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту В.И. Гурко. Одобренные всеми инстанциями они поступили 28 января в канцелярию военного министра под наименованием «Об устройстве станицы у Суворовской батареи близ Кизилташского лимана».

Дальнейшее движение проекта было несколько приостановлено ввиду того, что военный министр князь А.И. Чернышев ждал удобного случая для доклада императору. 6 апреля 1843 г. в канцелярии военного министерства был составлен официальный ответ на поступивший ранее проект, в котором сообщалось, что «…Его Величество, находя и со своей стороны дело это весьма полезным, в видах обладания целым Кубанским лиманом, прикрытия от горцев Благовещенской станицы и заселения на Счастливом острове; а также распространения пахотных полей Витязевой станицы изволит совершенно соглашаться на эту меру…»[16].

С получением официального ответа в Анапском временном правлении начались необходимые подготовительные работы. Они включали в себя детальный осмотр местности для определения границ будущего поселения и устройство его обороны, а также выбор желающих переселенцев для водворения в новом месте. Задача осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, требовались только семейные поселяне для экономии числа возводимых домов. Во-вторых, часть причисленных к Закубанскому поселению семей проживала в Черномории. В-третьих, в первую очередь стремились заселить благонадежных поселян, которые имели необходимый инвентарь и имущество. Обследование всех проживавших в Анапе и приписанных к Закубанскому поселению позволило выявить 119 подходящих малороссийских семей и 40 харьковских.

Основные работы по строительству станицы Суворовской пришлись на июнь – август 1843 г. В них были задействованы будущие поселенцы, мастеровые из Анапы, жители соседних станиц, одинокие переселенцы и имевшие взыскания за те или иные проступки. В конце августа 1843 г. новую станицу посетил контр-адмирал Л.М. Серебряков. В рапорте на имя начальника ЧБЛ он сообщал о состоянии нового поселения. В нем насчитывалась 161 семья. Общее количество жителей исчислялось в 686 лиц обоего пола. Из них 40 семей еще находились в Черномории, где занимались сбором урожая и распоряжением своим имуществом[17]. Работы в станице были еще далеко не

16. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батареи для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
17. Переписка об устройстве станицы на Суворовской батареи для закубанских переселенцев // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 78 об.

окончены, но она уже приобрела жилой вид с правильно размеченными кварталами, турлучными и кирпичными домами и местами для общественных зданий.

Основание станицы Александровской

Предложение о строительстве поселка возле Алексеевского редута[18] поступило от контр-адмирала Л.М. Серебрякова в мае 1843 г. на имя исполняющего обязанности начальника линии генерал-майора А.И. Будберга. В это время возведение будущей Суворовской станицы уже активно планировалось. Вновь проект Л.М. Серебрякова был детально проработан, и его реализация обещала улучшение положения во всем Закубанском поселении при минимальных издержках для линии и Анапского временного правления.

Главную предпосылку для его осуществления автор видел в наличии большого числа лиц, причисленных к Закубанскому поселению, но не имевших постоянного места для водворения. По данным Л.М. Серебрякова, только в одной Черномории проживали более 100 семей в числе 720 человек обоего пола и более 300 одиноких лиц мужского пола. К этому числу он прибавлял 60 семей в количестве 230 человек, временно проживавших при станице Благовещенской и в укреплении Джиметейском[19], то есть в случае основания новых вместительных населенных пунктов Закубанское поселение могло сразу возрасти в общей сложности на 1250 жителей.

Рост численности водворенных поселян одновременно мог способствовать более качественной защите самих поселян от нападений со стороны горцев ввиду того, что все способные владеть оружием привлекались к охране и совместному отражению военной опасности. В мирное время Закубанское поселение получало бы расширение пашен, огородов, сенокосов и пастбищ и увеличение общего объема производимого поселянами зерна, необходимого не только для удовлетворения собственных нужд, но и для снабжения жителей Анапы и гарнизонов укреплений ЧБЛ.

Поселок возле Алексеевского редута предполагалось построить на юго-западной оконечности Кизилташского лимана по соседству со станицей Витязевой. Он должен был быть окружен глубоким рвом и валом. Защита усиливалась двумя небольшими бастионами или малым сигнальным редутом. За первым бастионом расселялись до 20 семей поселян, а за вторым строилась казарма и конюшни для гарнизона. Последний переводился в новый поселок из укрепления Джиметейского, которое предстояло упразднить в силу невыгодной тактической позиции. Удачное расположение бастионов в поселке обеспечивало бы его связь со станицей Витязевой, Витязевским сигнальным редутом, Нашебургским редутом и каменной башней, устроенной на морском берегу. В результате из каждой точки были бы видны соседние пункты и открыто все внутреннее пространство для постоянного обозрения и предупреждения нападений со стороны горцев.

Л.М. Серебряков предлагал приступить к водворению жителей возле Алексеевского редута уже в этом году, полагая, что это мероприятие не потребует больших издержек от казны и будет осуществлено силами самих поселян: «…Водворение поселян

18. Официальное наименование поселения до марта 1846 г.
19. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

при Алексеевском редуте не представляет никаких особенных препятствий, – и к нему приступить можно теперь же, – предоставляя водворенным семействам устроить себя исподволь и, собственными средствами, без всякого от казны пособия. Поэтому как скоро последует разрешение Вашего Превосходительства, я предложу – Анапскому Временному Правлению немедленно приступить к назначению семейств и отводу мест…»[20].

Предложенный проект был весьма привлекателен в части минимизации издержек со стороны казны, ненадобности в выделении дополнительных военных сил для охраны будущего поселка, опоры на собственные силы поселян. Тем не менее, он был утвержден генерал-майором А.И. Будбергом не сразу. Главной причиной, безусловно, была сосредоточенность на строительстве станицы на Суворовской батарее, которая происходила из масштабности поселения, отсутствия подобной практики в течение нескольких лет (последняя станица была возведена в 1837 г.) и большой ответственности перед высоким начальством, которое разрешило расширение Закубанского поселения.

Переписка по вопросу возведения нового поселка между начальником ЧБЛ, Анапским временным правлением и контр-адмиралом Л.М. Серебряковым продолжалась вплоть до 20 апреля 1844 г. Разрешая строительство и водворение населения, А.И. Будберг настаивал, чтобы вместимость поселка была увеличена до 25 семейств при условии наличия для них пригодной земли.

Такое увеличение было оправданным ввиду значительности не водворенных еще поселян, но, по сведениям Анапского временного правления, далеко не все из них хотели составить население Алексеевского поселка. На основании рапорта атамана анапских поселян от 12 февраля 1844 г. стало известно, что только 11 семей желали переселиться в новый поселок из Анапы. Общее число таких желающих составляло 36 человек (24 мужчины и 12 женщин). Этого населения было явно недостаточно.

Получив разрешение А.И. Будберга на начало строительства поселка, Л.М. Серебряков тут же отдал все необходимые распоряжения Анапскому временному правлению. Однако строительство поселка возле Алексеевского редута шло медленно. К сентябрю 1844 г. здесь было построено всего 5 хаток и вырыта часть защитного рва. Даже при самой скромной населенности в поселке должно было быть не менее 11 домов, чтобы обеспечить расселение всех семей.

Работы по укреплению поселка включали в себя рытье глубокого рва и высокого вала, что усиливало безопасность жителей, но требовало длительных совместных усилий. Недостаток рабочей силы был восполнен привлечением населения всех построенных станиц, поселков и жителей крепости Анапы на трехдневные работы. На более длительный срок были приписаны к поселку лица, совершавшие проступки и нарушавшие порядки, существовавшие в Закубанском поселении.

При последующем обследовании местности и начертании его плана было выявлено, что в округе поселка есть достаточное количество земли, которую можно использовать для наделения будущих жителей. В результате произошла очередная корректировка его вместимости. Теперь в нем предполагалось расселить уже 35 семей.

Строительство поселка возле Алексеевского редута было официально окончено в сентябре 1845 г. К этому времени в нем поселилось 37 семей, что превышало даже

20. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

самые смелые предположения Л.М. Серебрякова о количестве водворенного населения. Из-за бедности часть поселян объединялась и строила жилье сразу на две семьи. Итогом такой кооперации стало строительство 32 домов для 37 семей. Всего в поселке было поселено 134 жителя.

20 марта 1846 г. с разрешения Наместника Кавказского Алексеевский редут был преобразован в станицу. По желанию начальства ее было предложено наименовать Александровской в честь начальника ЧБЛ А.И. Будберга. В рапорте последнего от 10 мая этого же года сообщалось о приведении в исполнение мнения Наместника Кавказского относительно названия станицы[21].

Заключение

Закубанское поселение существовало со второй половины 1830-х гг. до середины 1855 г. Во время Крымской войны военное командование было вынуждено эвакуировать гарнизоны и мирных жителей из-за угрозы высадки англо-французского десанта. После завершения войны правительство начало новый этап колонизации и освоения земель Северо-Западного Кавказа. На месте бывшего Закубанского поселения были построены новые населенные пункты с жителями – представителями различных народов.

В связи с этим мы считаем, что рассмотренный нами период 1840-х гг. является самым успешным в деятельности Закубанского поселения, направленной на расширение его территории за счет основания новых населенных пунктов и водворения приписанного к нему населения. Именно в это время были построены две из пяти станиц, составлявших основу Закубанского поселения, практически прекратилось основание небольших поселков, рассчитанных на 5–10 семей, существенно увеличилась численность водворенного населения, ожидавшего своей очереди в течение нескольких лет. Кроме того, удачное завершение строительства станиц Суворовской и Александровской позволило улучшить оборонительные возможности поселений за счет как тщательного планирования всех необходимых фортификационных сооружений, так и умножения лиц мужского пола, способных носить оружие. После основания новых станиц произошло расширение площади земель, используемых для пашни, огородов, сенокосов и пастбищ. В конечном счете был заложен необходимый фундамент для последующего продовольственного самообеспечения населения Закубанского поселения и близлежащих укреплений ЧБЛ.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, https://rscf.ru/project/22-28-00330/.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00330, https://rscf.ru/project/22-28-00330/.

21. Переписка об устройстве поселка возле Алексеевского редута и о поселении в нем Закубанских поселян // РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа. – Нальчик, 2010.
2. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1–8. – СПб., 1871–1888.
3. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1–5. – СПб., 1887–1889.
4. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. – М., 2003. – 635 с.
5. *Фелицын Е.Д.* Князь Сефер-бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. – Нальчик, 2010.
6. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. – М., 2014. – 576 с.
7. *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. Майкоп, 1986.
8. *Касумов А.Х.* Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. – Ростов-на-Дону, 1989.
9. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в. – М., 1984.
10. *Покровский М.В.* Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. – Краснодар, 1989.
11. *Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю.* Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. – Славянске-на-Кубани, 2012. – 224 с.
12. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.
13. *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – 387 с.
14. *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. – Краснодар, 2015.
15. *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII 60-е гг. – XIX в.). – Майкоп, 2002.
16. *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). – Майкоп, 2006.
17. *Кудаева С.Г.* Актуальные вопросы истории и культуры адыгов. – Майкоп: Магарин О.Г., 2017. – 172 с.
18. *Каратаев В.Б., Черкасов А.А.* Деятельность иностранных эмиссаров на территории Черноморской береговой линии 1836–1854 гг. // European Researcher. 2011. № 2. С. 143–146.
19. *Барретт Т.М.* Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. – Самара, 2000. – С. 163–195.
20. *Скорик А.П., Федина И.М.* Кубанские курени и станицы. Повседневный переселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. – Ново-

REFERENCES

1. Berger AP. *The eviction of mountaineers from the Caucasus*. Nalchik, 2010. (In Russ).
2. Dubrovin NF. *History of war and domination of Russians in the Caucasus*. Vol. 1–8. St. Petersburg, 1871–1888. (In Russ).
3. Potto VA. *Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies*. Vol. 1–5. St. Petersburg, 1887–1889. (In Russ).
4. Fadeev RA. *Caucasian war*. Moscow, 2003. 635 p. (In Russ).
5. Felitsyn ED. *Prince Sefer Bey Zan is a politician and champion of the independence of the Circassian people*. Nalchik, 2010. (In Russ).
6. Shcherbina FA. *History of the Kuban Cossack army*. Moscow, 2014. 576 p. (In Russ).
7. Dzhimov BM. *Socio-economic and political situation of the Circassians in the 19th century*. Maykop, 1986. (In Russ).
8. Kasumov AKh. *Northwestern Caucasus in Russian-Turkish wars and international relations of the 19th century*. Rostov-on-Don, 1989. (In Russ).
9. Kinyapina NS, Bliev MM, Degoev VV. *The Caucasus and Central Asia in the foreign policy of Russia (2nd half of the 18th century – 1880s*. Moscow, 1984. (In Russ).
10. Pokrovsky MV. *Adyghe tribes at the end of the 18th – the first half of the 19th century. Socio-economic essays*. Krasnodar, 1989. (In Russ).
11. Vinogradov BV, Vinogradov VB, Klychnikov YuYu. *Russian power and mountain traditional way of life: essays on interaction at the end of the 18th – beginning of the 21st centuries*. Slavyansk-on-Kuban, 2012. 224 p. (In Russ).
12. Klychnikov YuYu. *Russian policy in the North Caucasus (1827-1840)*. Pyatigorsk: PSLU, 2002. 494 p. (In Russ).
13. Kudaeva SG. *Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society*. Maikop: Magarin O.G., 2014. 387 p. (In Russ).
14. Matveev OV. *Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays*. Krasnodar, 2015. (In Russ).
15. Chirg AYu. *The development of the socio-political system of the Circassians of the North-Western Caucasus (the end of the 1860s – the 19th century)*. Maykop, 2002. (In Russ).
16. Panesh AD. *Muridism and the struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for independence (1829–1864)*. Maykop, 2006. (In Russ).
17. Kudaeva SG. *Topical issues of the history and culture of the Adygs*. Maikop: Magarin O.G., 2017. 172 p. (In Russ).
18. Karataev VB, Cherkasov AA. Activities of foreign emissaries on the territory of the Black Sea coastline in 1836–1854. *European Researcher*. 2011; (2):143–146. (In Russ).
19. Barrett TM. The Line of Uncertainty: Russia's North Caucasian Frontier. In: *American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial period*. Samara, 2000: 163–195. (In Russ).
20. Skorik AP, Fedina IM. *Kuban kurens and villages. Everyday resettlement way of the Kuban Cossacks and historical forms of settlements in the Kuban at the end*

черкасск: Лик, 2022. – 1336 с.

21. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году / соч. С. Сафонов. – Одесса: Гор. тип., 1837. – 73 с.

22. *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. – Краснодар, 1998. – 496 с.

23. *Новицкий В.* Анапа и Закубанские поселения (с картою) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 2. – Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1853. – С. 14–43.

24. *Moon D.* Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855. Studies in Soviet History and Society). – Palgrave Macmillan, 1992. – 266 p.

25. *Сазонова С.Е.* История заселения Анапского района украинскими переселенцами (30–60-е годы XIX века) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 75–78.

26. *Цвижба Л.И.* Этнодемографические процессы в Абхазии в XIX в. – Сухум: Алашара, 2000. – С. 168.

27. *Колосовская Т.А.* Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 53–58.

28. *Тлепцок Р.А., Альхаов А.А.* Деятельность генерала Н.Н. Раевского на Черноморской береговой линии (1838–1841 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4. С. 72–82.

29. Акты кавказской археографической комиссии. Т. IX. – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – 979 с.

30. *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2015. – 292 с.

31. *Альхаов А.А.* Основание Черноморской береговой линии (1837–1839): проект и ход военных операций // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2015. № 7. С. 101–107.

of the 18th – the first third of the 20th century. Novocherkassk: Lik, 2022: 1336. (In Russ).

21. Safonov S, comp. *A trip to the eastern shores of the Black Sea on the corvette Iphigenia in 1836*. Odessa: City typography, 1837: 73. (In Russ).

22. Gerasimenko A, Saneev S. *Novorossiysk – from the fortification to the provincial city*. Krasnodar, 1998: 496. (In Russ).

23. Novitsky V. Anapa and Trans-Kuban settlements (with a map). In: *Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Book 2. Tiflis: Printing house of the office of the Viceroy of the Caucasus, 1853: 14–43. (In Russ).

24. Moon D. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855. Studies in Soviet History and Society)*. Palgrave Macmillan, 1992: 266.

25. Sazonova SE. The history of the settlement of the Anapa region by Ukrainian settlers (30–60s of the 19th century). *Cultural Life of the South of Russia*. 2008; (3):75–78. (In Russ).

26. Tsvizhba LI. *Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century*. Sukhum: Alashara, 2000: 168. (In Russ).

27. Kolosovskaya TA. Historical and research activities of Lieutenant General I.D. Popko. *Military History Journal*. 2014; (4):53–58. (In Russ).

28. Tleptsok RA, Alkhaov AA. Activities of General N.N. Raevsky on the Black Sea coastline (1838–1841). *Herald of Adyghe State University. Ser. 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2019; (4):72–82. (In Russ).

29. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 19. Tiflis: Typography of the Head of the Office of the Viceroy of the Caucasus, 1884: 979. (In Russ).

30. Hotko SKh. *Discovery of Circassia. Cartographic sources of the 14th – 19th centuries*. Maykop: Polygraph-YUG, 2015: 292. (In Russ).

31. Alkhaov AA. Foundation of the Black Sea coastline (1837–1839): project and course of military operations. *Bulletin of Science of Kerashev Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research*. 2015; (7):101–107. (In Russ).

Поступила в редакцию 29.10.2022 г.
Принята в печать 06.02.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 29.10.2022
Accepted 06.02.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192385-401

CC BY

Исследовательская статья

Блохин Владимир Сергеевич
к.п.н., доцент кафедры «Мировая экономика и логистика»
Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия;
заведующий кафедрой церковной истории и филологии
Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия;
vladiblok@yandex.ru

ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье анализируется степень изученности взаимоотношений Русской православной и Армянской апостольской церквей в отечественной историографии. Методология основана на классическом инструментарии и современных подходах к анализу историографических источников. Начало русской арменистике было положено в 1830–1850-х гг., когда появились исторические очерки, содержавшие сведения по истории Армении и истории армянских общин (в т.ч. деятельности армянских епархий) в России. Позже были изданы первые научные работы, посвященные сравнительному анализу армянского и православного вероучений. В советский период акцент делался в основном на изучении истории армянской диаспоры в России. Однако в Московской духовной академии в 1950–1991 гг. были защищены диссертации, авторы которых исследовали историю и вероучение Армянской церкви, включая ее связи с Русской православной церковью. К неоспоримым достижениям современной историографии относится исследование отдельных сторон русско-армянских церковных связей, относящихся преимущественно к имперскому периоду. Единственным научным трудом, где предметом изучения выступают русско-армянские межконфессиональные взаимоотношения в период Средневековья, является монография К.В. Айвазяна (1989 г.). Первая попытка систематизировать события, отражающие связи Русской и Армянской церквей в XX столетии, принадлежит армянскому священнослужителю В. Оганнисяну (2005 г.). Постановка вопроса о точной периодизации русско-армянских церковных связей, анализ других направлений (помимо указанных выше) в отечественной научной исторической литературе поныне не осуществлялись, что позволяет воспринять данную тематику в качестве актуальной историографической проблемы.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь; арменистика; армянские епархии в России; историография; Русская православная церковь; русско-армянские церковные связи.

Для цитирования: Блохин В.С. Вопросы взаимоотношений Русской православной и Армянской апостольской церквей в отечественной историографии: тенденции, достижения, проблемы // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 385-401. doi.org/10.32653/CH192385-401

© Блохин В.С., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192385-401

CC BY

Research paper

Vladimir S. Blokhin,
Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Prof. of World Economy and Logistics,
Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia;
Head of the Dept. of Church History and Philology,
Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary, Yekaterinburg, Russia
vladiblok@yandex.ru

TIES BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX AND ARMENIAN APOSTOLIC CHURCHES IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: TRENDS, ACHIEVEMENTS, PROBLEMS

Abstract. The article examines the issues of relations between the Russian Orthodox and Armenian Apostolic Churches in Russian historiography. The methodology is based on classical and modern approaches to the analysis of historiographic sources. The foundation of the Russian Armenian Studies was laid in the 1830s-1850s with the appearance of historical essays, which contained information on the history of Armenia and Armenian communities (including the activities of Armenian dioceses) in Russia. Later, the first scientific works devoted to a comparative analysis of the Armenian and Orthodox dogmas were published. During the Soviet period, the emphasis was mainly put on studying the history of the Armenian diaspora in Russia. However, the Moscow Theological Academy in 1950-1991 reviewed dissertations, the authors of which explored the history and doctrine of the Armenian Church, including its ties with the Russian Orthodox Church. The undeniable achievements of modern historiography include the study of certain aspects of Russian-Armenian church relations, mainly related to the imperial period. The only scientific work where the subject of study is Russian-Armenian interfaith relations in the Middle Ages is the monograph by K.V. Ayvazyan (1989). The first attempt to compile the events related to the ties between the Russian and Armenian churches in the 20th century belongs to the Armenian clergyman V. Hovannisyan (2005). The question of the exact periodization of Russian-Armenian church relations, the analysis of other trends (besides those mentioned above) have not yet been considered in the domestic scientific historical literature, which makes this topic an urgent historiographic issue.

Keywords: Armenian Apostolic Church; Armenian studies; Armenian eparchy in Russia; historiography; Russian Orthodox Church; Russian-Armenian Church ties

For citation: Blokhin V.S. Ties between the Russian Orthodox and Armenian Apostolic Churches in Russian historiography: trends, achievements, problems. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 385-401. doi.org/10.32653/CH192385-401

© V.S. Blokhin, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Одним из важных аспектов современного российско-армянского межгосударственного сотрудничества выступают связи между Русской православной и Армянской церквами[1], истоки которых восходят к эпохам Древней Руси и Московского государства, их окончательное формирование происходит на протяжении XVIII–XX вв., а укрепление и дальнейшее развитие мы наблюдаем в последние десятилетия. Проведенные нами исследования комплекса документов из Национального архива Армении (фонды 47, 52, 56, 57, 94, 107, 130, 269, 409, 823, 966, 1262), Российского государственного исторического архива (фонд 821), архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (фонд «Армянская апостольская церковь») позволяют сделать уверенный вывод о том, что связи Русской православной и Армянской церквей охватывали различные сферы конфессиональной и общественной жизни, имели прямое отношение к политической истории России и включали следующие направления:

в Российской империи:

– деятельность Армянской церкви в рамках конфессиональной структуры, господствующее положение в которой занимала Русская православная церковь;

– процессы переходов из армянской веры в православие, а после 1905 г. – из православия в армянскую веру, регулируемые государственным законодательством и церковно-каноническими правилами;

– определение позиций обеих церквей к фактам совершения церковных таинств и треб православными священнослужителями в отношении лиц армянского вероисповедания;

– взаимодействие представителей русского православного и армянского духовенства в вопросах, связанных со строительством армянских церковных зданий в городах с населением смешанного конфессионального состава (православных и армян) и ряд др.;

– процесс возникновения и деятельности храмов Русской православной церкви в XIX – начале XX в. на территории Восточной Армении;

– участие православных и армянских священнослужителей в полемике, направленной на выявление общих черт православного и армянского вероисповеданий и определение возможностей канонического сближения церквей;

в Советском государстве:

в годы Великой Отечественной войны: совместные инициативы по сбору финансовых средств для танковых колонн «Дмитрий Донской» и «Давид Сасунский»;

в послевоенный период:

– формирование и поддержание устойчивых личных контактов между главами и представителями обеих церквей;

1. Под устоявшимся термином «Армянская церковь» здесь и далее понимается «Армянская апостольская церковь», которая входит в семью Древних восточных (ориентальных) церквей, иначе называемых дохалкидонскими.

– совместное участие церквей в реализации миротворческой деятельности, инициированной Советским государством;

– взаимодействие в образовательной и научной сферах;

– оказание финансовой и экономической помощи Эчмиадзину со стороны Московской патриархии;

в настоящее время:

– сотрудничество обеих церквей в реализации просветительских и культурных инициатив, направленных на поддержание добрососедских межнациональных и межрелигиозных отношений России и Армении;

– осуществление совместного социального служения;

– координация усилий для противостояния деятельности деструктивных сект и псевдорелигиозных организаций в России и Армении;

– диалог обеих церквей в рамках мероприятий, направленных на сохранение мира и стабильности в Закавказье.

На протяжении веков русско-армянские межцерковные связи, не омраченные ни явными конфликтами, ни претензиями, ни кризисами, носили дружественный характер. Справедливо заметить, что в настоящее время эффективному взаимодействию церквей благоприятствуют партнерские отношения России и Армении в рамках ЕАЭС.

Отсюда нам видится очевидной проблема историографического характера, которая заключается, с одной стороны, в разнообразии указанных направлений, а с другой – в их лишь частичном освоении представителями отечественной исторической (в т. ч. церковно-исторической) науки.

Цель статьи – проанализировать особенности отражения русско-армянских церковных связей в научной отечественной исторической литературе, выявить актуальный уровень изученности указанного феномена и определить круг неисследованных в настоящее время вопросов во взаимоотношениях Русской и Армянской церквей.

Хронологические рамки исследования: 1799 г. (с момента первого издания на русском языке «Исповедания христианской веры Армянской церкви») до настоящего времени.

Методология исследования включает как классический инструментарий (историко-генетический, сравнительно-исторический методы, видовая классификация историографического материала), так и современные «оптики» анализа историографических источников (интерпретация работ историков как объектов социокультурного и научного исторического дискурса, фактор влияния на исследователя актуальной историографической ситуации, изучение роли социальных, в т. ч. религиозных, практик в контексте развития межгосударственных и межнациональных отношений).

Следуя видовой классификации научных историографических источников, предлагаемой современными историками [1], весь историографический материал, отражающий указанную проблематику, относится к двум группам: 1) монографии, статьи и исторические очерки, 2) академические диссертационные исследования.

Период 1799–1917 гг.

Первая русскоязычная публикация, цель которой заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить представителям православного духовенства и массовому читателю своеобразие Армянской церкви и ее обрядов, а с другой – продемонстрировать ее явно близкую богословскую позицию к православию, принадлежала главе Российской армянской епархии[2] архиепископу Иосифу Аргутинскому-Долгорукову, вышедшая в 1799 г. под названием «Исповедание христианской веры Армянской церкви» [2].

Присоединение Восточной Армении к Российской империи (1828 г.) послужило важнейшим стимулом к появлению в российской печати сочинений научно-исторического характера по армянской тематике в целом, принадлежавших С.Н. Глинке, Н.А. Нефедьеву, И.И. Шопену, А.М. Худобашеву [3–7] и др. По стилю они тяготели к жанру доступных массовому читателю исторических очерков («обозрений»). Положив начало отечественной арменистике, упомянутые авторы единодушно отмечали доброжелательное отношение русских к армянскому народу и позитивно оценивали вхождение Восточной Армении в состав России.

В 1840-е гг. появилась серия публицистических работ по истории Армянской церкви. Одна из первых – небольшая по объему книга Н.И. Надеждина, имевшая больше просветительский, чем научный характер [8]. Автор приводил ценные статистические сведения по количеству храмов, духовных учебных заведений, численности священнослужителей и прихожан по каждой епархии Армянской церкви по состоянию на начало 1840-х гг. В аналогичном ключе выдержан труд Я. Арапетова [9]. В 1848 г. более подробное знакомство читателя с историей, традициями и богослужебными особенностями Армянской церкви, святынями Эчмиадзина и других армянских монастырей осуществил историк и публицист А.Н. Муравьев [10]. Впоследствии в Кишиневе были изданы еще две работы по истории Армянской церкви, – капитальный научный труд А. Аннинского [11] и публицистическая брошюра Г. Егиазарова [12].

Важнейшим проявлением русско-армянских межцерковных связей этого периода стала поднятая на страницах отечественной печати полемика, развернувшаяся вокруг сравнительного изучения православного и армянского вероучений и поиска сходства между ними.

Так, в 1847 г. арменист А.М. Худобашев опубликовал ряд важнейших вероучительных документов Армянской церкви XII в., главным из которых было «Изложение исповедания веры Армянской церкви», написанное архиепископом Нерсесом Шнорали в 1165 г. [13].

2. Первая епархия Армянской апостольской церкви в России была учреждена в 1717 г. и носила название Астраханской. В 1773 г. она была переименована в Российскую. Впоследствии ее название неоднократно менялось. Современное название – «Российская и Ново-Нахичеванская епархия Армянской апостольской церкви».

На протяжении середины XIX – начала XX в. вышли в свет научно-публицистические сочинения апологетического характера, принадлежавшие А.К. Соколову, православному священнику К. Добронравину, Н.О. Эмину, армянскому священнику С. Максимаджиану [14–17]. После четвертого вселенского собора (451 г.) вопреки ортодоксальной догматике Армянская церковь восприняла монофизитское учение. Однако, опираясь на текст вероучительных документов, указанные авторы опровергали обвинения Армянской церкви в монофизитстве и находили возможные способы достижения ею канонического единства с православным миром [18]. Особое место в этой полемике занимала диссертация русского церковного историка и богослова И.Е. Троицкого «Изложение исповедания веры Армянской церкви». Выявив принципиальные различия православного и монофизитского методов интерпретации данных Священного Писания, И.Е. Троицкий пришел к выводу, что воссоединение с православием Армянской церкви возможно только при условии полной рецепции ею халкидонского вероопределения [19].

Повышенное внимание к сравнительному анализу православного и армянского богословия объяснялось не только каноническими соображениями. После окончания Крымской войны появились неофициальные проекты сближения Армянской и Русской церквей (один принадлежал известному государственному деятелю и промышленнику Х.Е. Лазареву, а второй – греческому митрополиту Григорию Византиосу), имплицитно связанные с внешнеполитическими амбициями России, заинтересованной в усилении своего влияния среди армян Османской Турции и Персии.

В 1909 г. увидела свет научная статья церковного историка А.С. Лебедева [20]. Используя комплекс документов из фондов Московского главного архива МИД, автор проанализировал вопрос вероисповедного положения армян в России и выявил динамику появления первых армянских храмов в русских землях.

Во второй половине XIX – начале XX в. достоянием русской печати стали первые монографические сочинения по истории армянских общин, находившихся в разных регионах России, – Санкт-Петербурге, Москве и на юге страны: работы Г. Тер-Габриэльянца, М. Ахова, И. Саввинского, А.К. Дживелегова, Л.М. Меликсет-Бекова, Ф.А. Щербины [21–26].

В 1898 г. сотрудник министерства народного просвещения Г.А. Эзов издал научную работу, посвященную взаимоотношениям Петра I с армянским народом, а через три года ее логическим продолжением стал труд, где автор обратился к анализу истоков взаимоотношений Армянской церкви с Российским правительством [27–28].

Большое значение в вопросе определения имущественно-правового статуса Армянской церкви в Российской империи имела научная статья А. Кусикова [29], в которой были проанализированы этапы становления Армянской церкви в России как юридического лица.

На рубеже XIX–XX вв. в русской историографии появились биографические сочинения о жизни и деятельности армянских католикосов. Это – сочинение

историка, кавказоведа А.Д. Ерицова, посвященное католикосу Нерсесу V Аштаракеци [30], где автор впервые знакомил русского читателя с материалами переписки эчмиадзинского предстоятеля, а также статья П. Юдина о католикосе Иосифе Аргутинском [31].

Особняком в литературе, посвященной истории Армении и Армянской церкви, стоят работы публициста, черносотенца В.Л. Величко. На страницах сочинений, изданных в 1904–1905 гг., автор открыто заявлял о своей армянофобской (и антисемитской) позиции, выстраивая историческую концепцию на обесценивании любых начинаний или достижений армян и поощрении государственных ограничительных мер в отношении армянского населения и Армянской церкви в России [32]. К сожалению, лишенные научного и этического характера, антиармянские взгляды В.Л. Величко, получили пагубные последствия на практике, став идеологическим инструментом активной русификаторской политики в Закавказье на рубеже XIX–XX вв.

Советский период

В советской отечественной исторической науке в силу идеологических позиций церковная тематика оказалась вне поля зрения исследователей. Вместе с тем в академических монографиях историков Армянской ССР, – Ж.А. Ананяна, В.А. Микаеляна, Л.А. Погосяна, О.Х. Халпахчьяна, А.И. Юхта [33–37][3] – приводились отдельные сведения об истории армянских церковных общин (храмов) на территории России.

Кроме того, в этот период были защищены 5 диссертаций, включавших отдельные сюжеты истории русско-армянских церковных связей.

Первые три диссертации были выполнены в стенах Московской православной духовной академии[4].

Цель магистерской диссертации Н.П. Доктусова заключалась в определении разницы в вероучении и обрядах Армянской и Русской церквей. Автор выявил существенные пробелы в изучении церковной истории Армении, противоречивые факты в ряде биографий деятелей Армянской церкви.

В диссертации священника Г. Красноложкина были рассмотрены общие вопросы взаимоотношений Армянской и Русской православной церквей. Помимо исторического контекста, в который помещено изучение Армянской церкви, автор, аналогично Н.П. Доктусову и дореволюционным исследователям, осуществил сравнительный анализ армянского и православного вероучений, сформулировав тезисы, которые принципиально не отличались от имеющихся в более ранней литературе. К сожалению, исторический раздел данной работы построен по принципу чисто событийного изложения.

3. Юхт А. И. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII века: дис. … канд. ист. наук. Ереван, 1959.
4. Доктусов Н.П. Армянская Церковь (история ее взаимоотношений с церковью Вселенской; ее вероучение и обряды сравнительно с православными). Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1950; Красноложкин Г., свящ. Армянская церковь: история и современное состояние. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1973; Мовсесян К., диак. Армянские епархии в России: дис. … канд. богословия. Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991.

Диакон К. Мовсесян в своем труде исследовал предпосылки образования, особенности исторического развития и роль армянских епархий, находившихся в Киеве, Золотой Орде, Крыму, Львове, Новом Нахичеване, Бессарабии и Астрахани. В отличие от двух предыдущих работ несомненным достоинством диссертации К. Мовсесяна было использование им неопубликованных источников и литературы как на русском, так и на армянском языках, что свидетельствует о достоверности и объективности материала, адекватности оценок и глубине изучения темы.

Две следующие диссертации выполнены академическими учеными – С.А. Цатурян (1988 г.) и Г.Х. Аракеляном (1991 г.)[5].

Философское исследование С.А. Цатурян выполнено в русле классового партийного подхода. Опираясь на труды русских и армянских дореволюционных исследователей и статьи армянских революционеров-марксистов, автор сделала обоснованный вывод о том, что в имперский период отношение Русской церкви к Армянской определялось политическими установками правительства.

В диссертации Г.Х. Аракеляна сделана попытка всестороннего анализа политических событий в Восточной Армении начала XIX в. и процесса борьбы за патриарший престол, развернувшейся в Эчмиадзине.

В 1989 г. в отечественной исторической науке появилась первая и единственная на тот момент работа монографического характера, целенаправленно посвященная анализу истоков русско-армянских церковных связей с конца IX по XVII в. (включительно) [38]. Ее автор, историк и филолог К.В. Айвазян, используя большой круг неопубликованных и опубликованных рукописных материалов (летописных данных), обосновал роль религиозного фактора в русско-армянских политических, культурных и межнациональных контактах в период Средневековья. Особое место в исследованиях К.В. Айвазяна занимали вопросы почитания москвичами и жителями Великого Новгорода главного армянского святого – Григория Лусаворича (Просветителя) [39] и перевода на армянский язык жития первых русских святых – князей Бориса и Глеба.

Постсоветский период

В современной отечественной исторической науке нашли свое отражение как изучаемые ранее, так и новые сферы взаимодействия Русской и Армянской церквей.

В конце 1990-х гг. в условиях новой исторической парадигмы, свободной от марксистского влияния, В.Г. Вартанян проанализировал роль Армянской церкви в российской политике на протяжении последней трети XVIII в. до заключения Туркманчайского мира (1828 г.)[6]. Тематика исследуемых вопросов

5. Цатурян С.А. Армянская Церковь и царское самодержавие: дис … канд. филос. наук. Ереван, 1988; Аракелян Г.Х. Духовный центр Эчмиадзина в сфере противоборства России и Ирана в первой четверти 19-ого века по персидским и турецким документам Матенадарана: дис. … канд. ист. наук. Ереван, 1991.
6. Вартанян В.Г. Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России (последняя треть XVIII –

частично перекликалась с содержанием диссертации С.А. Цатурян, однако по сравнению с последней работа В. Г. Вартаняна – более тщательная, взвешенная по оценкам и носит историко-правовой характер.

Вслед за указанной работой появились исследования современных ученых Ю.С. Белова, А.Ф. Гавриленкова, И.В. Амбарцумова[7], В.С. Дякина, С.А. Лукьянова, А.Г. Удодова [40–44], посвященные анализу взаимоотношений Армянской церкви с российским правительством XIX – начала XX в., характеристике форм и методов *государственного регулирования деятельности Армянской церкви в Российской империи*, каноническим и юридическим вопросам вероисповедных переходов и смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий.

Заслуживает отдельного внимания корпус русскоязычных работ, принадлежащих армянскому историку В.Г. Туняну [45–52]. Основываясь на широком круге источников, он акцентирует внимание на механизме функционирования Армянской церкви в Российской империи, справедливо оценивая его как «синтез внутренних интересов самодержавия и Эчмиадзинского престола», начиная от принятия в 1836 г. Положения об управлении Армянской церковью до 1917 г., анализирует деятельность армянских католикосов в контексте их взаимоотношений с российским правительством. Капитальный труд В.Г. Туняна посвящен деятельности выдающегося католикоса Мкртича I (Хримяна Айрика) (1893–1907 гг.), на время патриаршества которого пришлось обострение армянского вопроса в России [53]. Исчерпывающая фактологичность работ В.Г. Туняна крайне полезна для последовательной реконструкции событий, но в ряде случаев она лишена должных обобщений и выводов.

Проблема активной вовлеченности Армянской церкви в имперскую политику России проанализирована также в развернутой русскоязычной статье американского историка П. Верта [54], где автор непредвзято анализирует сущность «эчмиадзинского вопроса», заключавшегося в специфике влияния России на деятельность армянского католикоса, который являлся одновременно духовным главой всех армян (проживавших как в России, так и в Османской империи, Персии, Индии), российским подданным и государственным служащим в конфессиональной системе России.

Продолжением дореволюционной и советской историографической традиции по изучению истории существовавших и/или действующих ныне на территории России армянских общин служат труды следующих современных авторов: архимандрита Августина (Никитина) (армянская община Петербурга), В.З. Акопяна (община Пятигорска), В.А. Арутюновой-Фиданян (контакты

первая половина XIX вв.): дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.

7. Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999; Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция: дис. … д-ра ист. наук. М., 2010; Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. В каждой диссертации имеется параграф, посвященный положению Армянской церкви в России в контексте вероисповедной политики, однако более пристальное внимание этой проблеме уделил И. В. Амбарцумов.

армян с Древней Русью), В.Г. Вартаняна, С.С. Казарова (община Ростова-на-Дону и близлежащих армянских сел), В.А. Хачатуряна[8] и Э.В. Кугрышевой (община Астрахани), Б.Т. Ованесова (община Ставрополя), Л.А. Агаджанян (община Самары), К.К. Тирабян (влияние Армянской церкви на жизнь современной армянской диаспоры России) [55–62]. Монография А.Е. Тер-Саркисянц, посвященная истории и культуре армянского народа, включает краткий исторический обзор армянских общин на территории России в целом [63]. Указанные работы ценны тем, что их авторы (за исключением статьи В.А. Арутюновой-Фиданян), делая акцент на экономическом, культурном, социальном и бытовом аспектах жизни армянских общин, затрагивают вопросы их религиозной жизни в контексте современных российских реалий.

Еще одним традиционным явлением изучаемого нами историографического дискурса выступают историко-богословские исследования, авторы которых (Э.Р. Аветисян, священники О.В. Давыденков и С. Лысый) с современных позиций анализируют степень близости армянского и православного вероучений [64–66].

Среди новых аспектов русско-армянских церковных связей, оказавшихся в сфере исследований современных историков, следует назвать два взаимосвязанных явления:

– миссионерская деятельность Русской православной церкви в Восточной Армении в последней трети XIX в. Опираясь на содержание документов из фондов Национального архива Армении, И.В. Долженко анализирует далеко не единичные факты обращения армян в православие [67]. При этом исследователь делает верный вывод об формальности вероисповедных переходов, т.к. армяне принимали православие преимущественно по причинам экономического характера – из-за желания получить земельные наделы и налоговые льготы;

– процесс возникновения и деятельности храмов Русской православной церкви на территории Восточной Армении и в современной Республике Армения (статьи И.В. Долженко, С.М. Степанянца, Л. Масиель Санчеса, К.Е. Макаровой и М.А. Казакова [68–72]).

Единственным обнаруженным нами русскоязычным исследованием взаимоотношений Армянской и Русской православной церквей в новейший период является курсовое сочинение студента Санкт-Петербургской православной духовной академии В. Оганнисяна. Защищенная в 2005 г., эта работа существует лишь в рукописи[9]. Достоинством исследования выступает использование автором ряда источников и исследований, изданных на армянском языке. В работе имеются параграфы, посвященные взаимоотношениям Эчмиадзина с Русской православной церковью, где автор осуществил попытку систематизации событий, свидетельствовавших об успешном межцерковном сотрудничестве.

8. Хачатурян В.А. Армянская колония Астрахани (середина XVI – начало XX вв.): дис. … д-ра ист. наук. Ереван, 1995.
9. Оганнисян В., диак. Армянская Апостольская Церковь в XX в. и ее отношение с Русской Православной Церковью. СПб: СПбДА, 2005.

Справочные материалы о деятельности Армянской церкви в России имеются в материалах, опубликованных в «Православной энциклопедии» [73] и ряде коллективных сборников [74–75]. Одна из глав, написанная исследователем К.А. Аветисяном и посвященная положению Армянской церкви в Российском государстве, имеется в фундаментальном учебном пособии «Общая история Церкви» [76], однако русско-армянские церковные взаимоотношения и здесь не получили предметного анализа.

Заключение

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Впервые текст вероучения Армянской церкви в изложении архиепископа Иосифа Аргутинского-Долгорукова стал доступным русскоязычным читателям в 1799 г., а публикации отечественных авторов по истории Армении и Армянской церкви появились 30 лет спустя, после присоединения Восточной Армении к России, и вначале имели жанр исторических очерков. Выстроенные преимущественно по хронологическому принципу, эти работы служили вполне репрезентативным фактологическим материалом для российского массового читателя. К подлинно научным работам следует отнести более поздние исследования И.Е. Троицкого, Г.А. Эзова, А.Д. Ерицова, А. Аннинского, А. Кусикова и А. Лебедева. Появление работ, изданных в XIX – начале XX в., способствовало формированию русской арменистики; этот процесс можно рассматривать как начальный этап в историографии русско-армянских межконфессиональных связей.

Значение публицистических и научных трудов (особенно диссертации И.Е. Троицкого), представлявших ранний опыт теоретического осмысления истории и богословия Армянской церкви, заключается также в их практической направленности. Во-первых, они оказались востребованы при обсуждении проектов, направленных на достижение канонического единства Армянской церкви с православием, а политически – тесно связанных с усилением интересов России на Ближнем Востоке. Во-вторых, указанные работы задали импульс к изучению отечественными исследователями и православными священнослужителями исторического наследия и богословского опыта не только Армянской, но и других древневосточных (дохалкидонских) церквей [77–80].

2. В советский период русско-армянские отношения рассматривались в контексте вековой дружбы братских народов, проживавших в пределах СССР. Вместе с этим, в 1950–1991 гг. появился ряд исследований, авторы которых обращались к изучению армянских общин в России, включая вопросы возникновения и деятельности армянских храмов, статуса Армянской церкви в Российской империи и особенностей армянского богословия.

3. Историографический анализ дает возможность определить круг наиболее успешно изученных современными отечественными исследователями

аспектов, необходимых для научной реконструкции истории русско-армянских церковных связей:

– динамика и особенности взаимоотношений Армянской церкви с российским правительством (С.А. Цатурян, В.Г. Вартанян, И.В. Амбарцумов, С.А. Лукьянов, А.Г. Удодов и др.), статус ее предстоятеля, событийная канва коллизий, сопровождавших процесс избрания армянских католикосов в имперский период (Г.Х. Аракелян, П. Верт, В.Г. Тунян и др.), национальный (в т.ч. армянский) вопрос в XIX – начале XX в. (В.С. Дякин). Развитие в историографии данного дискурса не случайно: его тематика стоит в тесной связи с особенностями имперской национальной и конфессиональной политики России, а также внешнеполитическими противоречиями (борьба с Османской Турцией и Персией, где проживало армянское население, находящееся в духовном подчинении Эчмиадзинскому католикосу, который являлся российским подданным). При этом важно заметить, что указанные авторы все-таки ставили акцент на изучении взаимоотношений Армянской церкви с правительством империи, а русско-армянские межцерковные связи как таковые не входили в круг приоритетных направлений исследований;

– деятельность армянских общин и епархий в России и их взаимодействие с представителями Русской православной церкви;

– вопросы вероучительного наследия Армянской церкви и определения перспектив ее сближения с православием, которые со стороны обеих церквей продолжают оставаться актуальными как с точки зрения развития двустороннего богословского диалога, так и поддержания партнерских политических и экономических отношений России с Арменией.

Кроме того, к очевидным достижениям отечественной историографии следует отнести изучение таких проявлений русско-армянских церковных взаимоотношений, как:

– процесс зарождения русско-армянских межцерковных контактов, охвативший периоды Древней Руси и Московского государства (К.В. Айвазян);

– феномен вероисповедных переходов, миссионерская деятельность Русской православной церкви в Восточной Армении в конце XIX в. (И.В. Долженко, И.В. Амбарцумов);

– возникновение и функционирование храмов Русской православной церкви на территории Восточной Армении (И.В. Долженко, Л. Масиель Санчес, С.М. Степанянц).

4. Наконец, проведенное нами исследование позволяет четко обозначить комплекс проблемных, малоизвестных и фактически неизученных к настоящему времени аспектов в истории русско-армянских конфессиональных взаимоотношений.

Для имперского периода это:

– вопросы государственного и церковно-канонического регулирования ситуаций, связанных с совершением церковных таинств и треб священнослужителями Русской православной церкви в отношении лиц армянского исповедания;

– соотношение интересов Русской и Армянской церквей в обстоятельствах, возникавших при необходимости строительства новых армянских церковных зданий в городах Российской империи с конфессионально смешанным (православным и армянским) населением, – например, в Астрахани, Карсе, Баку, Тифлисе;

– участие представителей Русской православной церкви в предоставлении материальной помощи армянскому населению, пострадавшему в результате геноцида армян в Османской Турции;

– выработка представителями обеих церквей программы действий для противодействия католическим и протестантским миссионерам.

Русско-армянские конфессиональные связи советской эпохи и постсоветских десятилетий в российской исторической науке практически не изучены. Если события 1944–1960-х гг. изложены хотя бы на фактологическом уровне (в диссертации К. Мовсесяна и курсовом сочинении В. Оганнисяна), то периоды 1917–1943 гг., 1970–1980-х гг., 1990–2000-х гг. на данный момент и вовсе находятся вне исследовательского поля отечественных историков.

Однако, как было уже сказано, в послевоенный период сформировались и поддерживались устойчивые непосредственные личные контакты между главами и представителями Русской и Армянской церквей, сложились направления, охватывающие межцерковное взаимодействие в образовательной, научной (помощь Московского патриархата в обеспечении учебной духовной литературой Эчмиадзинской библиотеки, практика обмена студентами духовных учебных заведений Русской и Армянской церквей) и миротворческой (организация совместных конференций и форумов) сферах, а в последние три десятилетия к ним добавились:

– межцерковное взаимодействие социального характера (духовная поддержка военнослужащих, больных, отбывающих наказания в местах лишения свободы);

– противодействие деятельности деструктивных сект и экстремизму;

– процесс участия представителей обеих церквей в мероприятиях, направленных на поддержание политической стабильности в Закавказском регионе.

Представляется, что включение в научный оборот указанных вопросов и их помещение в контекст ранее изученных направлений позволит воспринять русско-армянские конфессиональные связи как масштабное историческое явление, обусловленное рядом географических, цивилизационных и культурных факторов и внесшее ощутимый вклад в укрепление отношений между народами России и Армении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 529–542.

2. Исповедание христианския веры Армянския церкви переведенное с армянскаго на российский язык, и изданное тщанием Преосвященнаго Иосифа, Архиепископа всего армянскаго народа обитающаго в России и кавалера князя Аргутинскаго-Долгорукаго. СПб., 1799. 96 с.

3. *Глинка С.Н.* Описание переселения армян аддербижанских в пределы России. М., 1831. 142 с.

4. *Глинка С.Н.* Обозрение истории армянского народа. М., 1832 [Репринт: Ереван, 1990]. 480 с.

5. *Нефедьев Н.А.* Взгляд на Армянскую область. СПб: Тип. Н. Греча, 1839. 74 с.

6. *Шопен И.И.* Исторический памятник состояния армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852. 1232 с.

7. *Худобашев А.М.* Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях. СПб., 1859. 560 с.

8. *Надеждин Н.И.* Армяно-григорианская церковь. СПб., 1843. 51 с.

9. *Арапетов Я.* Эчмиадзинский монастырь // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Часть 6. С. 208–243.

10. *Муравьев А.Н.* Грузия и Армения. СПб., 1848. Ч. 2. 331 с.

11. *Аннинский А.* История Армянской церкви (до XIX в.). Кишинев, 1900. 306 с.

12. *Егиазаров Г.* Несколько слов об армянском духовенстве. Кишинев, 1909. 12 с.

13. Исторические памятники вероучения Армянской церкви, относящиеся к XII столетию. СПб., 1847. 295 с.

14. *Соколов А.К.* Сношения Армянской церкви с Восточной православной о соединении в двенадцатом веке. М., 1847. 69 с.

15. *Гермоген (Добронравин),* еп. Краткий очерк истории Армянской церкви. Вероучение Армянской церкви. М.: ТОО «Filoian Ltd», 2000. 48 с.

16. *Эмин Н.О.* Краткий очерк истории Армянской восточной церкви. М., 1872. 44 с.

17. *Максимаджиан С.,* прот. Краткий очерк вероисповедания Армянской церкви. Ростов-на-Дону, 1899. 61 с.

18. *Блохин В.С.* Преодоление богословских стереотипов об Армянской церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение. 141. 1. Ереван, 2013. С. 45–51.

19. *Троицкий И.Е.* Изложение веры церкви Армянской, начертанное Нерсесом, кафоликосом армянским, по просьбе боголюбивого царя греков Мануила. СПб., 1875. С. 337.

20. *Лебедев А.* Вероисповедное положение армян в России до времен Екатерины II (включительно). М.: Издание Имп. Об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909. 29 с.

21. *Тер-Габриэльянц Г.* Армянская колония в Москве и Санкт-Петербурге. М., 1888. 226 с.

22. *Ахов М.* Россия и армяне. СПб., 1897. 64 с.

23. *Саввинский И.* Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в XVIII в. Астрахань, 1900. 106 с.

REFERENCES

1. *Source studies: textbook*. *Danilevsky IN, Dobrovolsky DA*, Kazakov RB, et al.; Rumyantseva MF (ed.). Moscow, 2015, pp. 529–542.

2. *The confession of the Christian faith of the Armenian churches translated from Armenian into the Russian language, and published by the thoroughness of the Grace of Joseph, the archbishop of the entire Armenian people of the inhabitant in Russia and the cavalier prince Argutinsky-Dolgoruky*. St. Petersburg, 1799.

3. Glinka SN. *Description of the resettlement of Adderbizhansky Armenians within Russia*. Moscow, 1831.

4. Glinka SN. *Review of the history of the Armenian people*. Moscow, 1832 [Reprint: Yerevan, 1990].

5. Nefedyev NA. *A view of the Armenian region*. St. Petersburg, 1839.

6. Chopin II. *Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire*. St. Petersburg, 1852.

7. Chudobashev AM. *Review of Armenia in geographical, historical and literary relations*. St. Petersburg, 1859.

8. Nadezhdin NI. *The Armenian-Gregorian Church*. St. Petersburg, 1843.

9. Arapetov Y. Echmiadzinsky Monastery. *Journal of the Ministry of the Interior*. 1844, 6: 208-243.

10. Muravyov AN. *Georgia and Armenia*. St. Petersburg, 1848. Part 2.

11. Anninsky A. *History of the Armenian Church (until the 19th century)*. Kishinev, 1900.

12. Yegiazarov G. *A few words about the Armenian clergy*. Kishinev, 1909.

13. *Historical monuments of the creed of the Armenian Church, dating back to the 12th century*. St. Petersburg, 1847.

14. Sokolov AK. *Relations of the Armenian Church with the Eastern Orthodox regarding the union in the 12th century*. Moscow, 1847.

15. Germogen (Dobronravin), bishop. *A brief outline of the history of the Armenian Church. The creed of the Armenian Church*. Moscow, 2000.

16. Emin NO. *A brief outline of the history of the Armenian Eastern Church*. Moscow, 1872.

17. Maximajian S, archpriest. *A brief outline of the religion of the Armenian Church*. Rostov-on-Don, 1899.

18. Blokhin VS. Overcoming theological stereotypes about the Armenian Church in the Russian public consciousness of the 19th – early 20th century. *Bulletin of the University of Yerevan. Series: Social Sciences. Armenology*. Yerevan. 2013, 141(1): 45–51.

19. Troitsky IE. *A presentation of the faith of the Armenian church, written by Nerses, Kafolikos of Armenia, at the request of the God-loving Tsar of the Greeks Manuil*. St. Petersburg, 1875.

20. Lebedev A. *The religious position of the Armenians in Russia until the time of Catherine II (inclusive)*. Moscow, 1909.

21. Ter-Gabrieliants G. *Armenian colony in Moscow and St. Petersburg*. Moscow, 1888.

22. Akhov M. *Russia and Armenians*. St. Petersburg, 1897.

24. *Дживелегов А.К.* Армяне в России. М., 1906. 62 с.
25. *Меликсет-Беков Л.М.* Из материалов для истории армян на Юге России. Изд. 2-е. Тифлис, 1914. 28 с.
26. *Щербина Ф. Ф.* История Армавира и черкесогаев. Екатеринодар, 1916. 184 с.
27. *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. 681 с.
28. *Эзов Г.А.* Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. Историческое исследование по неизданным документам. Тифлис, 1901. 85 с.
29. *Кусиков А.* Армянская церковь в России как юридическое лицо // Кавказский вестник. 1905. № 2. С. 69–76.
30. *Ерицов А.Д.* Патриарх всех армян Нерсес V, князь М. С. и княгиня Е. К. Воронцовы в их частной переписке. Тифлис, 1898. 170 с.
31. *Юдин П.* Католикос Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий: К истории гайканского народа в России // Русский архив. 1914. № 9. С. 58–96.
32. *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы; Черная книга или кавказцы против русских: хроника начала XXI века. М.: «ФЭРИ-В», 2003. С. 70, 94.
33. *Ананян Ж.А.* Армянская колония Григориополь. Ереван.: Изд-во АН АрмССР, 1969. 276 с.
34. *Микаелян В.А.* На Крымской земле. Ереван: «Айастан», 1974. 208 с.
35. *Погосян Л.А.* Армянская колония Армавира / Отв. ред. В.Б. Бархударян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. 181 с.
36. *Халпахчьян О.Х.* Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977. 73 с.
37. *Юхт А.И.* Правовое положение астраханских армян в первой половине XVIII века // Известия Академии наук Армянской ССР: Серия «Общественные науки». 1960. № 12. С. 47–60.
38. *Айвазян К.В.* История отношений русской и армянской церквей в средние века / Ред. С. С. Аревшатян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. 156 с.
39. *Айвазян К.В.* Почитание Григория Просветителя в Древней Руси // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 1 (9). С. 107–119.
40. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: Лисс, 1998. 1000 с.
41. *Амбарцумов И.В.* Армяно-грегорианская церковь и Российское государство в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2010. № 30. Вып. 4. С. 115–127.
42. *Амбарцумов И.В.* Эчмиадзинские католикосы и их влияние на общественно-политическую жизнь Армении (1892–1912) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 18. Вып. 3. С. 76–87.
43. *Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 61–64.
44. *Лукьянов С.А., Удодов А.Г.* Государственно-правовое регулирование деятельности Армяно-григорианской церкви в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2016. № 12 (54). Ч. 4. С. 166–170.
45. *Тунян В.Г.* Церковная политика самодержавия в Закавказье. Первая половина XIX в. Ереван: ГИУА, 2003. 142 с.

23. Savvinsky I. *Armenians in the Astrakhan diocese and the attitude of local archpastors in the 18th century*. Astrakhan, 1900.
24. Jivelegov AK. *Armenians in Russia*. Moscow, 1906.
25. Melikset-Bekov LM. *From materials for the history of Armenians in the south of Russia*. Tiflis, 1914.
26. Shcherbina FF. *History of Armavir and Circassian Armenians*. Ekaterinodar, 1916.
27. Ezov GA. *Relations of Peter the Great with the Armenian people*. St. Petersburg, 1898.
28. Ezov GA. *The beginning of the relations of the Echmiadzin patriarchal throne with the Russian government*. Tiflis, 1901.
29. Kusikov A. Armenian Church in Russia as a legal entity. *Kavkazsky Vestnik*. 1905, 2: 69–76.
30. Eritsov AD. *Patriarch of all Armenians Nerses V, Prince M. S. and Princess E.K. Vorontsovs in their private correspondence*. Tiflis, 1898.
31. Yudin P. Katholikos Joseph, Prince Argutinsky-Dolgorukoy: to the history of the Gaikan people in Russia. *Russky Arhiv*. 1914, 9: 58-96.
32. Velichko VL. *Caucasus. Russian business and inter-tribe issues; Black book or Caucasians against Russian: chronicles at the beginning of the 21st century*. Moscow, 2003: 70, 94.
33. Ananyan JA. *Armenian colony of Grigoriopolie*. Yerevan, 1969.
34. Mikelyan VA. *On the Crimean land*. Yerevan, 1974.
35. Poghosyan LA. *The Armenian colony of Armavir*. Yerevan, 1981.
36. Khalpakhyan OKh. *Cultural relations of Vladimir-Suzdal Rus and Armenia*. Moscow, 1977.
37. Yukht AI. The legal status of the Astrakhan Armenians in the first half of the 18th century. *News of the Academy of Sciences of the Armenian SSR: Series Public Sciences*. 1960, 12: 47–60.
38. Ayvazyan KV. *The History of Relations of the Russian and Armenian Churches in the Middle Ages*. Yerevan, 1989: 156.
39. Ayvazyan KV. The veneration of Gregory of the Enlightener in Ancient Rus. *Paleorosia. Drevnya Rus: vo vremeni, lichnostyah, v ideah*. 2018, 1(9): 107–119.
40. Dyakin VS. *The national question in the internal politics of tsarism (19th – beginning of 20th centuries)*. St. Petersburg, 1998.
41. Ambartsumov IV. Armenian-Gregorian Church and the Russian state in the late 19th – early 20th centuries. *Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2010, 30(4): 115–127.
42. Ambartsumov IV. Echmiadzin Catholicos and their influence on the socio-political life of Armenia (1892–1912). *Bulletin of the Tver State University. Series: History*. 2012, 18(3): 76–87.
43. Ambartsumov IV. Problems and conflict of marriage law of the Russian Empire (late 19th – beginning of the 20th century). *Hristianskoe chtenie*. 2013, 1: 61–64.
44. Lukyanov SA, Udodov AG. State-legal regulation of the activity of the Armenian-Gregorian Church in the Russian Empire. *International Scientific Journal*. Yekaterinburg. 2016. 12(54:4): 166–170.

46. *Тунян В.Г.* Правление католикоса Маттеоса Измирлян 1908–1910 гг. Ереван: ГИУА, 2004. 204 с.

47. *Тунян В.Г.* «Защитник отечества» – католикос всех армян Нерсес Аштаракеци, 1826–1857 гг. Ереван: Св. Эчмиадзин, 2007. 440 с.

48. *Тунян В.Г.* Католикос Матеос I Чухаджян: конфликт с самодержавием России. 1858–1865 гг. Ереван: Чартарагет, 2011. 168 с.

49. *Тунян В.Г.* Формирование армяно-русских отношений в церковной сфере XVIII – первой трети XIX вв. // Akunk. 2012. № 3 (6). С. 3–20.

50. *Тунян В.Г.* Армяно-русские отношения в церковной сфере. 1836–1917 гг. // Akunk. 2013. № 2(8). С. 3–23.

51. *Тунян В.Г.* Католикос Иоаннес VIII Карбеци. «Тишайший патриарх». Св.Эчмиадзин: Издательство первопрестольного Святого Эчмиадзина, 2014. 291 с.

52. Тунян В. Г. Католикос всех армян Епрем I Дзорагехци 1809–1830. Св. Эчмиадзин, 2018. 259 с.

53. *Тунян В.Г.* Патриаршество Хримяна Айрика 1893–1907. Св. Эчмиадзин: Издательство первопрестольного Святого Эчмиадзина, 2013. 930 с.

54. *Верт П.* Глава церкви, подданный императора: армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 // Ab imperio. 2006. № 3. С. 99–138.

55. *Августин (Никитин)*, архим. Армянская христианская община в Петербурге // URL: https://spbda.ru/publications/arhimandrit-avgustin-nikitin-armyanskaya-hristianskaya-obschina-v-peterburge (официальный сайт Санкт-Петербургской духовной академии) [Электронный ресурс]. Дата обращения: 17.11.2022.

56. *Акопян В.З.* История прихода Армянской Апостольской Церкви города Пятигорска. Монография. Пятигорск: 2005. 178 с.

57. *Арутюнова-Фиданян В.А.* Контакты Древней Руси и Армении. Начало // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2019. Вып. 61. С. 11–27.

58. *Вартанян В.Г., Казаров С.С.* Армянская апостольская церковь на Дону: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008. 124 с.

59. *Кугрышева Э.В.* История армян в Астрахани. Астрахань: ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2007. 287 с.

60. *Ованесов Б.Т.* Армянская община города Ставрополя. Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. 280 с. + вкл. 72 с.

61. *Агаджанян Л.А.* Армянская апостольская церковь в г. Самаре как центр религиозной жизни самарских армян // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 190–194.

62. *Тирабян К.К.* Роль религии при формировании армянской диаспоры в РФ // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 184–191.

63. *Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2008. С. 370–399.

64. *Аветисян Э.Р.* Богословский диалог Русской православной церкви и Армянской апостольской церкви // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2014. № 1. С. 38–44.

65. *Лысый С.*, свящ. Основные вопросы полемики с представителями Армянской апостольской церкви на современном этапе, 23 апреля 2015 г. // URL: www.bogoslov.ru/ article/4493923 [Электронный ресурс]. Дата обращения: 17.11.2022.

45. Tunyan VG. *Church policy of the autocracy in Transcaucasia. The first half of the 19th century*. Yerevan, 2003.

46. Tunyan VG. *The rule of catholicos Matteos Izmirlyan in 1908–1910*. Yerevan, 2004.

47. Tunyan VG. *"Defender of the Fatherland" – catholicos of all Armenians Nerses Ashtaraketsi, 1826–1857*. Yerevan, 2007.

48. Tunyan VG. *Catholicos Mateos I Chukhadzhyan: Conflict with the autocracy of Russia. 1858–1865*. Yerevan, 2011.

49. Tunyan VG. Formation of Armenian-Russian relations in the church sphere of the 18th – the first third of the 19th centuries. *Akunk*. 2012, 3(6): 3–20.

50. Tunyan VG. Armenian-Russian relations in the church sphere. 1836–1917. *Akunk*. 2013, 2(8): 3–23.

51. Tunyan VG. *Catholicos Joannes VIII Karbetsi. The Quietest Patriarch*. St. Echmiadzin, 2014.

52. Tunyan VG. *Catholicos of all Armenians Eprem I Dzoragechzi 1809–1830*. St. Echmiadzin, 2018: 259.

53. Tunyan VG. *Patriarchate of Hrymyan Irik 1893–1907*. St. Echmiadzin, 2013: 930.

54. Vert P. Head of the Church, the subject of the emperor: Armenian Catholicos at the intersection of domestic and foreign policy of the empire, 1828–1914. *Ab imperio*. 2006, 3: 99–138.

55. Augustine (Nikitin), archimandrite. *The Armenian Christian community in St. Petersburg*. Available at: https://spbda.ru/publications/arhimandrit-avgustin-nikitin-armyanskaya-hristianskaya-obschina-v-peterburge (official website of the St. Petersburg Theological Resource).

56. Akopyan VZ. *The history of the parish of the Armenian Apostolic Church in Pyatigorsk*. Pyatigorsk, 2005.

57. Harutyunova-Fidanyan VA. Contacts of Ancient Rus' and Armenia. Origins. *Bulletin of PSTGU. Series III: Philology*. 2019, 61: 11–27.

58. Vartanyan VG, Kazarov SS. *Armenian Apostolic Church on the Don*. Taganrog, 2008.

59. Kugrysheva EV. *History of Armenians in Astrakhan*. Astrakhan, 2007.

60. Ovanesov BT. *The Armenian community of the city of Stavropol*. Stavropol, 2005.

61. Agadzhanyan LA. Armenian Apostolic Church in Samara as a center of religious life of the Samara Armenians. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2017, 4(49): 190–194.

62. Tyrabyan KK. The role of religion in the formation of the Armenian diaspora in the Russian Federation. *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2018, 5: 184–191.

63. Ter-Sarkisyants AE. *History and culture of the Armenian people from ancient times to the beginning of the 19th century*. Moscow, 2008. pp. 370–399.

64. Avetisyan ER. Theological dialogue of the Russian Orthodox Church and the Armenian Apostolic Church. *Bulletin of the Stavropol Theological Seminary*. 2014; 1: 38–44.

65. Lysyi S, priest. *The main issues of the polemic with representatives of the Armenian Apostolic Church at the present stage* // Available at: www.bogoslov.ru/ article/4493923

66. *Давыденков О.В.* Светская и церковная политика: возможные точки пересечения (общественно-политический аспект диалога между Православной церковью и Древними восточными церквами) // Власть. 2008. № 7. С. 63–66.

67. *Долженко И.В.* Православные приходы Эриванской губернии. Миссионерская деятельность (XIX — начало XX в.) // Традиции и современность. 2003. № 2 (2). С. 72–82.

68. *Долженко И.В.* Православные приходы Эриванской губернии. Церковное строительство (XIX – начало XX в.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 42–53.

69. *Степанянц С.* Русская православная церковь в Армении (общий обзор) // *Պատմա-բանասիրական հանդես*. 2001. № 1. С. 115–122.

70. *Степанянц С.М.* К истории деятельности Русской Православной Церкви в Армении// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 2 (42). Вып. 6. С. 42–47.

71. *Масиель Санчес Л.* и др. Ереванское викариатство Грузинского экзархата Русской Православной Церкви // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия, 2008. Т. XVIII. С. 593–597.

72. *Макарова К.Е., Казаков М.А.* Актуальные аспекты деятельности Русской Православной Церкви в Армении // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 1. С. 9–15.

73. *Бозоян А.А., Юзбашян К.Н.* и др. Армянская апостольская церковь // Православная энциклопедия. Т. III. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 348–352.

74. *Алов А.А., Владимиров Н.Г.* Армянская апостольская церковь в России // Религиозная жизнь и культурное наследие России. Католицизм. Протестантизм. Армянская апостольская церковь / Колл. авт.: А.А. Алов, Н.Г. Владимиров, Ф.Г. Овсиенко. М.: Институт Наследия, 1995. С. 95–110.

75. *Степина А.* Армянская апостольская церковь // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. М.: Логос, 2004. С. 285–295.

76. Общая история Церкви: Учебное пособие для вузов по специальности 030600.62 «История»: В 2 т., 4 кн. / Сост., отв. ред. В.В. Симонов. М.: Наука, 2017. Т. 2: От Реформации к веку секулярный глобализации: XVI – начало XXI века. Кн. 2: Вызов религиозного синкретизма: Проблема экуменизма: XX – начало XXI века. С. 381–416.

77. *Порфирий (Успенский)*, еп. Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов). СПб., 1856. 319 с.

78. *Порфирий (Успенский)*, еп. Абиссинцы, их церковь и религиозные обряды. Киев: Труды Киевской духовной академии, 1866. Кн. 3–5, 7–8.

79. *Троицкий И.Е.* К вопросу о сближении Армянской церкви с православной // Христианское чтение. 1869. № 1. С. 70–78; № 5. С. 705–738; 1870. № 10. С. 627–671.

80. *Софония, еп.* Современный быт и литургия христиан инославных. СПб., 1876. 525 с.

Поступила в редакцию 27.11.2022 г.
Принята в печать 10.02.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

66. Davydenkov OV. Secular and church policy: possible points of intersection (socio-political aspect of dialogue between the Orthodox Church and the ancient oriental churches). *Vlast*. 2008, 7: 63–66.

67. Dolzhenko IV. Orthodox parishes of the Erivan province. Missionary activity (19th – beginning of the 20th century). *Traditsii i sovremennost*. 2003, 2(2): 72–82.

68. Dolzhenko IV. Orthodox parishes of the Erivan province. Church construction (19th – beginning of the 20th century). *Traditsii i sovremennost*. 2006, 4: 42–53.

69. Stepanyants S. Russian Orthodox Church in Armenia (general review). *Historical digest*. 2001, 1: 115–122.

70. Stepanyants SM. On the history of the Russian Orthodox Church in Armenia. *Scientific Reports of Belgorod State University. Series: History. Political science*. 2008, 2(42: 6): 42–47.

71. Masiel Sanchez L. et al. Yerevan Vicarism of the Georgian Exarchate of the Russian Orthodox Church. *Pravoslavnaya Entsiklopediya*. Moscow, 2008, 18: 593–597.

72. Makarova KE, Kazakov MA. Actual aspects of the activities of the Russian Orthodox Church in Armenia. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: political, sociological and economic sciences*. 2020, 5(1): 9–15.

73. Bozoyan AA, Yuzbashyan KN, et al. Armenian Apostolic Church. *Pravoslavnaya Entsiklopediya*. Moscow, 2001, 3: 348–352.

74. Alov AA, Vladimirov NG. Armenian Apostolic Church in Russia. *Religious Life and Cultural Heritage of Russia. Catholicism. Protestantism. Armenian Apostolic Church*. Moscow, 1995. pp. 95–110.

75. Stepina A. Armenian Apostolic Church. *Modern Religious Life of Russia. The experience of a systematic description*. Moscow, 2004, 1: 285–295.

76. Simonov VV (comp., ed.). *General history of the Church: textbook*. Moscow: Nauka. 2017, 2:1. P. 381–416.

77. Porphyry (Uspensky), bishop. *The creed, worship, the rejection and rules of the church deanery of Egyptian Christians (Copts)*. St. Petersburg, 1856.

78. Porphyry (Uspensky), bishop. *Abyssins, their church and religious rites*. Kiev,1866 V. 3–5, 7–8.

79. Troitsky IE. On the question of the rapprochement of the Armenian church with the Orthodox. *Hristianskoe chtenie*. 1869, 1: 70–78; 5: 705–738; 1870, 10: 627–671.

80. Sophonia, bishop. *The modern life and liturgy of non-Orthodox Christians*. St. Petersburg, 1876.

Recieved 27.11.2022
Accepted 10.02.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192402-413

Исследовательская статья

Далгат Эльмира Муртузалиевна
д.и.н., зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
elmira.dalgat@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРЯНОК ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматривается повседневность горянок Дагестана во второй половине XIX – начале XX в., увиденная глазами русских авторов, а также представителей местных народов. Освещено изучение крестьянской жизни как актуального направления современной истории повседневности. Показана повседневность горянок в ее обыденном варианте. Отмечается, что по этой междисциплинарной проблеме имеется интересный фактический материал в работах отечественных, в частности дагестанских исследователей, посвященных разным дагестанским этносам, в которых описывается и повседневность женщины. Методологическую основу работы составили главные принципы исторической науки: объективность, научность, анализ работ русских и местных авторов, содержащих сведения о повседневности дагестанской женщины во второй половине XIX – начале XX в. В статье показано, что зарождение и развитие интереса к повседневности горцев и горянок Дагестана началось еще в начале XIX в., но усилилось во второй половине XIX в. с окончательным присоединением Дагестана к Российской империи. Еще с 1846 г. начала выходить газета «Кавказ», а в 60-е годы стали издаваться Сборники сведений о кавказских горцах. В 10 томах этого издания содержится важнейший материал по Дагестану как русских, так и местных авторов. Исторические источники, которые легли в основу написания статьи, это дневники, заметки, статьи в периодических изданиях, монографии и т.д. В статье перечислены темы по повседневной жизни горянок, наиболее часто затрагиваемые дореволюционными авторами. Это работы по дому, участие в полевых работах, занятие домашними промыслами и т.д. Цель статьи – проанализировать взгляды русских и местных авторов на женскую повседневность, выявить различия в их оценках положения горянок Дагестана. Сделаны выводы о том, что женская повседневность в разных районах Дагестана имела свои особенности. Она зависела от уровня социально-экономического развития района, от вида хозяйственной деятельности населения, от развития торгово-экономических связей и т.д. Это отражалось на трудовом равновесии между мужчинами и женщинами. В горах больше работали женщины, на равнине – мужчины. Проблема женской повседневности в Дагестане нуждается в дальнейшем исследовании с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: Дагестан; горянка; трудовая повседневность; взгляд со стороны; взгляд изнутри

Для цитирования: Далгат Э.М. Повседневность горянок Дагестана во второй половине XIX - начале XX в. в дореволюционной историографии // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 402-413. doi.org/10.32653/CH192402-413

© Далгат Э.М., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192402-413

CC BY

Research paper

Elmira M. Dalgat
Dr. Sci. (History), Head of Dep. of Modern and Contemporary History of Dagestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@mail.ru

EVERYDAY LIFE OF DAGESTAN GORYANKAS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH C. IN THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article considers everyday life of goryankas (women of mountains) of Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries, seen through the eyes of the Russian authors, as well as representatives of local peoples. Some factual material in the studies of domestic, in particular Dagestan researchers, devoted to various Dagestan ethnic groups, which also describe the everyday life of women, is of interest. The main principles of historical science served as a methodological basis for the study: the principles objectivity, scientific nature, analysis of the works of Russian and local authors containing information about the everyday life of a Dagestan woman in the second half of the 19th – early 20th centuries. The interest in the topic under consideration sparked in the early 19th century, but intensified in its second half with the final annexation of Dagestan to the Russian Empire. In 1846, the newspaper Kavkaz started to be published, and in the 60s – the Collections of information about the Caucasian mountaineers. The 10 volumes of this publication contain the most important material on Dagestan by both Russian and local authors. The historical sources that formed the basis for writing the article are diaries, notes, articles in periodicals, monographs, etc. The article lists the topics on the everyday life of mountain women, most often touched upon by pre-revolutionary authors. These are housework, participation in fieldwork, chores, etc. The author analyzes the views of Russian and local authors on women's everyday life, and identifies differences in their assessments of the situation of the mountain women of Dagestan. The author comes to the conclusion that women's everyday life in different regions of Dagestan had its own peculiarities: it depended on the level of socio-economic development of the region, on the type of economic activity of the population, on the development of trade and economic relations, etc. This was reflected in the labor balance between men and women. Women were more engaged in the work in the mountains, and men – in the plains. The issue of women's everyday life in Dagestan requires further research, taking into account regional features.

Keywords: Dagestan; Goryanka; working day; outside perspective; inside perspective

For citation: Dalgat E.M. Everyday life of Dagestan Goryankas in the second half of the 19th – early 20th c. in the pre-revolutionary historiography. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2 P. 402-413. doi.org/10.32653/CH192402-413

© E.M. Dalgat, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

История повседневности стала объектом внимания историков довольно поздно. Весомый вклад в ее изучение внесли ученые Франции, Австрии, Германии. Много содержательных работ по истории повседневности принадлежит отечественным ученым. В 90-е годы XX в. появились монографии, сборники статей, где рассматривалась история повседневности на деревенском и городском материалах разных регионов страны. В 2002 г. был создан научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее», в четырех секциях которого исследовались различные составляющие повседневности: жилищные условия, медицина, образование, торговля, спорт, семья и т.д. Трудовая повседневность мужчин и женщин, их досуг рассмотрены в монографических исследованиях дагестанских этнографов, где материал собран по отдельным этносам. Тем не менее, история повседневности на Восточном Кавказе, в частности, в Дагестане, на наш взгляд, остается недостаточно изученной.

Объектом нашего исследования являются труды дореволюционных авторов, в которых получила освещение повседневная жизнь дагестанской женщины во второй половине XIX – начале XX в. Предметом изучения являются сведения о трудовых буднях дагестанской женщины, которые приводятся в работах русских и дагестанских авторов дореволюционного периода.

Анализируемые в статье произведения уже становились объектом изучения в работах дагестанских историков В.Г. Гаджиева [21], Г.Ш. Каймаразова [22]. В них большое внимание уделено вопросам историографии, в частности, отношению авторов второй половины XIX – начала XX в. к положению женщин-дагестанок. Таким образом, специально проблема женской повседневности ими не затрагивалась.

Вторая половина XIX – начало XX в. – особый переломный этап в истории дагестанских народов. Закончилась многолетняя, кровопролитная Кавказская война, Дагестан был присоединен к Российской империи. Изменилась историческая обстановка. Завоевав Дагестан, Россия начала его освоение. Были проведены реформы: административная, крестьянская, судебная. Преобразования затронули и сферу культуры.

В повседневной жизни дагестанцев изменения происходили медленно. Еще долго сохранялись сформированные веками уклад жизни и быт народа.

Наша цель – показать какой была повседневная жизнь дагестанской женщины во второй половине XIX – начале XX в., увиденная глазами русских путешественников, ученых, писателей, а также местных авторов.

Среди русских авторов, побывавших в Дагестане в 50-е годы XIX в. и собравших ценный материал о его жителях, был великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Прибыв в 1851 г. на Северный Кавказ, где служил его брат, он пробыл здесь до 1854 г. Во время поездок по Дагестану он сделал записи в своих дневниках о быте, нравах, повседневной жизни горцев, что делает их ценным историческим источником. От его внимания не ускользали даже мелкие детали их жизни. Вот как Л.Н. Толстой описывает утро горской женщины: вставшие рано утром женщины-хозяйки убирают дом, т.е. подметают его, а сор бросают туда, где собирали навоз для удобрения полей; вместе с сором выносят и золу, оставшуюся в камине с вечера. Потом, вылив из кувшина вчерашнюю воду, хозяйка отправляется к источнику за свежей водой. Далее обыкновенно дают корм той скотине, которая почему-либо остается дома, а коров поят помоями, собранными еще с вечера в котле. Затем выгоняют скотину на площадь, где она собирается до появления пастуха. По дороге всякая хозяйка зорко

осматривается кругом, нет ли где-нибудь помета, а в случае находки такового, немедленно берет его руками, чтобы унести домой для изготовления топлива – кизяков. Вымыв потом руки, хозяйка принимается за приготовление завтрака для мужа и семейства, при этом приготовляется или хинкал, или похлебка с толокном [1, с. 53].

Важной обязанностью дагестанки было изготовление кизяка, служившего топливом в бедном лесами Дагестане. Л.Н. Толстой пишет, что горянки выкладывали кизяки на плоской крыше особым «ажурным» способом. Это делалось и для их лучшего просыхания, и для красоты, ибо «ажурная стена» из кизяков, возведенная на крыше сакли, служила в представлении горцев, показателем трудолюбия хозяев дома. Важной обязанностью женщины, о которой пишет Л.Н. Толстой, была натирание полов жилища жидкой глиной с помощью куска старой бараньей шкуры. Вообще внимание писателя привлекало жилище горца. Так он отмечает, что при строительстве нового дома для обмазки глиной его стен и крыши приглашались молодые женщины, парни и девушки. Они приходили в праздничном платье, несмотря на то, что по обычаю во время работы было принято бросаться кусками глины. После «обмазки» хозяин дома устраивал праздник с хорошим угощением и пляской [1, с. 53].

Л.Н. Толстой описывает ужин у лакцев. «Он состоит из какого-либо супа, который наливается в одну общую глиняную чашку; чашка эта ставится на круглый деревянный поднос, на который кладутся ложки, целый чурек и мясо, если таковое имелось в супе. Весь поднос ставится перед хозяином дома, который разделяет на куски хлеб и мясо; мясо полагалось разделить на определенные куски, из которых самые лучшие предназначались отцу семейства. Л.Н. Толстой записывает также дагестанский обычай «посылки супа соседу», согласно которому после ужина полагается послать чашку «хорошего супа» какому-нибудь соседу, который делает то же в свою очередь [1, с. 52].

Л.Н. Толстой описал также работу по уборке урожая – жатву, которой всегда занимались женщины. Он отметил подробности жатвы у даргинцев, когда она сопровождалась песнями. «Песни, – пишет он, – не мешают жнецам, а напротив, помогают им еще усерднее работать, так как взмахи рукой делаются под текст песни, в результате чего создается еще большая правильность движения» [1, с. 60].

Вместе с тем, Л.Н. Толстой отмечал, «женщины горянки носят тяжести на спинах, согнувшись так, что головы свои они держат наравне с коленями» [1, с. 56].

Во время пребывания на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, Л.Н. Толстой собрал большой материал по повседневной жизни горцев, часть которого вошла в его кавказские повести, в том числе и «Хаджи-Мурат». Это делает их ценным источником по истории, этнографии Дагестана.

В 1846 г. по инициативе наместника Кавказа М. Воронцова стала выходить газета «Кавказ». Ее целью было знакомить россиян с историей, экономикой, этнографией Кавказа. В газете охотно публиковали статьи по этнографии Кавказа и Дагестана как его части российские и местные авторы. Хорошо знал Дагестан, повседневную жизнь горянок русский военный врач Иван Семенович Костемеревский, побывавший во время службы во многих селах Дагестана. В одной из своих статей он рассказал об увиденном в одном из горных обществ. «Здесь женщина, – пишет он, – играет самую жалкую роль. Ее, несчастную, никак нельзя причислить к породе людей, а это просто домашний скот, пользующийся тем только отличием от осла, что того загоняют в хлев» [2].

Вот как И.С. Костемеревский описывает, чем занимается горянка в течение дня: «Дома женщина, – пишет он, – должна встать с зарей, подоить коров, овец, нарубить дров, принести воды, сварить пищу, накормить детей и мужа, шить на тех и другого, потом идти в поле на пашню или в лес за дровами; возвратившись домой – опять за прежнюю работу, и, наконец, поздно ночью, усталая, разбитая тушит она огонь и ложится спать, думая о том, как бы не проспать рассвета» [2].

И.С. Костемеревский отмечает, что у женщин имеются многочисленные обязанности, трудоемкие работы, которые она выполняет без помощи мужчин и с ущербом для своего здоровья. И, что удивляло русского врача, – горянки, ведя такую убийственную жизнь веселы, хохочут и поют посреди самых тяжелых работ [3]. Таким образом, что для русского являлось необычным, для местных жительниц было привычным давно сложившимся, освященным веками, образом жизни.

Помимо выполнения многочисленных работ, женщины занимались и доставкой хвороста. Н.И. Воронов – крупный историк, основатель и редактор «Сборника сведений о кавказских горцах», побывавший в Дагестане в 60-е годы XIX в., пишет об увиденном им в селении Орода Гидатлинского общества: «На террасе нашей квартиры были сложены дрова, всего с полсажени; на вопрос – куда и далеко ли приходится ородинцам ходить за дровами (лесу вблизи нигде не было видно), получился ответ: «Леса наши близко: вон там – за горою… Баба как выйдет утром из дому, то к вечеру и успеет вернуться назад с вьюком дров» [4, с. 30]. Н.И. Воронов делает вывод, что у горцев на все – свой взгляд, или же – выражаясь словами горцев – свой адат. «Что на наши глаза безобразно, тяжело, то в их понятиях представляется и уместным и легким делом» [4, с. 30].

Ему вторит русский публицист, этнограф Е.Л. Марков, побывавший в Дагестане в 80-е годы XIX в. «Я видел у ворот Гуниба, – пишет он, – целые обозы женщин, навьюченных огромными вязанками дров, спуская их сначала с других неприступных круч, обрывов… Только один гунибский баталион сжигает ежегодно 400 сажен дров, приносимых на этих женских спинах, а всего в год истребляется более 500 сажень, и ни одна из них не минует спины горской женщины. Немудрено, что такие женщины, умеют расправляться кинжалом» [23, с. 547].

Е.Л. Марков отмечает, что благодаря неутолимому трудолюбию и разносторонним искусствам своей женщины, лезгин имеет в своей жизни все, что ему нужно, почти без всяких расходов. Его грациозная черкеска, отороченная серебряным позументом, его бурка – все это изделия женских рук. Женщины сами ткут ткани из шерсти, кроят и шьют одежду из этих тканей [23, с. 541].

Из всех видов работ, которые выполняли женщины, с удовольствием они ходили за водой. Это отмечали русские авторы. Так Н. Львов – медик, два раза побывавший в плену у горцев, писал, что, «довольнее же всех бывает женщина, идущая с кувшином за спиною по воду к фонтану, у которого собирается немало женщин. Так как устройство фонтанов приспособлено для набирания воды лишь одному человеку, то приходящие за ней женщины наблюдают очередь. Пока одна наполняет свой кувшин, ожидающие очереди занимаются сообщением друг дружке разных хабаров (новостей), злословием, хвастают мужьями или порицают их за то, чем другие хвастают… бранятся и мирятся, напевают вполголоса» [5, с. 5]. По мнению Н. Львова – «утро и вечер – это единственное свободное время, когда горянки, собираясь у фонтана, делятся впечатлениями, произведенными на них прошедшим днем или ночью; в остальное

же время они заняты работой и не могут собираться по примеру мужчин, сидящих с утра до ночи на гудекане (площади), проводя целые дни в праздности» [5, с. 5].

Ему вторит историк, генерал-лейтенант императорской армии Н.Ф. Дубровин: «Вся жизнь горянки, – пишет он, – есть труд, и труд самый тяжелый» [6, с. 551].

Отмечая, что удел горянок – тяжелый труд, русские авторы вместе с тем, отмечали и другое. Не во всех частях Дагестана женщины одинаково тяжело трудились. Так, Н. Глиноецкий – царский офицер – побывавший в Дагестане в 1860 г., заметил, что в высокогорной части Южного Дагестана, где живут цахуры, рутульцы, лезгины в основном развито овцеводство, а земледелием занимались мало. Поэтому здесь женщины меньше занимались тяжелой работой в поле [7, с. 148].

Другой автор – известный кавказовед К.Ф. Ган отмечает, что горянки в отсутствии мужей, уходивших на заработки, выполняли и мужскую работу и пользовались большей свободой и самостоятельностью, чем женщины, живущие на равнине [8, с. 78].

О женщинах в Кайтаго-Табасаранском округе офицер, помощник начальника Кайтаго-Табасаранского округа П.С. Петухов писал: «Положение женщины не стеснительно, но тяжело. Она никогда не скрывается, разговаривает с мужчинами и даже иногда шутит с посторонними, но зато самые грязные работы дома и тяжелые в поле лежат на ней» [9].

П.Г. Пржецлавский, царский офицер, автор статьи «Нравы и обычаи в Дагестане», писал о довольно свободном поведении женщин из простого сословия в Мехтулинском ханстве. «Простая женщина, – писал он, – также мало стесняется в присутствии мужчины, как и в присутствии других женщин» [10, с. 289].

Ценный материал об участии дагестанских женщин в кустарных промыслах содержится в основательной работе О.В. Маргграфа [15], агронома, лесного ревизора Тифлисской губернии. По его наблюдениям, «в числе горских промыслов – наиболее многочисленны шерстяные, причем горцы славятся высшими сортами такого рода изделий. А обработкой шерсти и изготовлением изделий из нее занимались женщины» [15, с. XXVIII].

По подсчетам О.В. Маргграфа, на Северном Кавказе в кустарных промыслах перевес был на стороне женского труда. Так, из «70 случаев, 39 составляет труд женщин, а 31 – мужчин» [15, с. XXX].

О.В. Маргграф приходит к выводу, что «роль туземных женщин не только первенствующая по отношению к числу кустарных производств, но и сумма ценностей, производимых ими ежегодно – во много раз превышает заработок мужского населения. Женщины, – пишет он, – бесспорно главные деятельницы местного кустарно-промышленного дела; на них лежит наибольшая и самая тяжелая часть труда» [15, с. XXXI]. Сказанное о Северном Кавказе, в полной мере относится к дагестанской женщине.

О.В. Маргграф отмечает, что Дагестанская область была главным районом суконного промысла на Северном Кавказе. Его изготавливали на продажу исключительно женщины и дети – целыми округами и селениями. «Количеством и качеством выделываемого сукна, – пишет О.В. Маргграф, – славятся три горных округа: Казикумухский, Даргинский и Аварский. Здесь в каждом дворе занята этим трудом по крайней мере одна женщина в течение всей зимы, т.е. от половины сентября до половины апреля» [15, с. 71].

По мнению О.В. Маргграфа, сукно самого высшего сорта белого цвета готовили женщины в селении Цудахар Даргинского округа [15, с. 72]. Интересно замечание О.В. Маргграфа, о том, что «дагестанское сукно красивее и лучше того, которое ткут русские крестьянки или казачки, на более совершенном станке» [15, с. XXXII].

Помимо суконного в Дагестане был распространен ковровый промысел, которым занимались тоже исключительно женщины. Он был распространен почти во всех округах Дагестана, но ворсовые ковры преимущественно изготовляли лезгинки и табасаранки. «… дагестанские ковровые ткани, – пишет О.В. Маргграф, – идут по предкавказью через армянских купцов и далее в Нижний Новгород, где сбываются как дешевый суррогат персидских ковров» [15, с. 113].

Ценный фактический материал о повседневной жизни дагестанских женщин приведен и в работах местных авторов. Их немного, но они представляют большой интерес, поскольку это не свидетельства сторонних наблюдателей, побывавших в Дагестане проездом или проведших в нем более длительное время, а взгляд изнутри, людей, родившихся и живущих в традиционном обществе, у которых свои представления о том, что правильно и что неправильно, о месте мужчин и женщин в этом обществе. Их точка зрения на положение горянок, их повседневную жизнь часто не совпадает с мнением русских авторов, но в чем-то их оценки совпадают.

Остановимся на этом вопросе более подробно.

Из дагестанских авторов наиболее содержательный фактический материал по повседневности горцев содержится в работах А. Омарова, Х-М. Амирова и М. Алиханова.

Статьи Абдулы Омарова «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки» появились в первых выпусках «Сборника сведений о кавказских горцах». Выходец из селения Куркли Казикумухского округа, он помогал П.К. Услару в составлении лакской азбуки на основе русской графики, обучал детей грамоте на лакском языке в Кумухской школе.

В статье Абдулы Омарова, «Как живут лаки» [11; 12], опубликованной в двух выпусках «Сборника сведений о кавказских горцах», содержится много сведений о повседневной жизни лакской женщины.

Автор пишет, что в обязанности женщин входили домашние дела, работа в поле, тканье паласов, сукон и т.д. «Вставши рано утром, хозяйки убирали дом, т.е. подметали его, а сор бросали туда, где собирали навоз, для удобрения полей; вместе с сором выносили и золу, оставшуюся в камине с вечера». Затем шли за водой, давали корм скотине, которая оставалась дома. Затем выгоняли скотину на площадь, где она собиралась до прихода пастуха. По дороге женщина собирала коровий помет, из которого потом делала кизяк. Потом она мыла руки, готовила завтрак для семьи» [11, с. 39].

Велика была роль женщины в сельскохозяйственных работах. Перед пахотой на поле вывозили навоз, чтобы удобрить пашню. Навоз везли на ишаках, с ними шли женщины или мальчики, поскольку мужчины в это время были в отходе.

После пахоты и сева, которыми занимались вернувшиеся из отхода мужчины, надо было несколько раз прополоть посевы. Это было исключительно женским делом. «В эту страдную пору, – писал А. Омаров, – если посмотреть с возвышенного места, то всюду на зеленых нивах заметны медленно движущиеся фигуры женщин, точно пасущиеся стада, только по временам фигуры эти поднимаются и вытягиваются во весь рост, чтобы дать отдых уставшей пояснице или положить в сторону собранную в руках траву». «Женщины, имеющие грудных детей, – пишет он далее, – носят их

в поле с собой, на спине, чтобы кормить их в поле грудью. Пришедши на ниву, они кладут детей на полосе, под тень какого-нибудь камня…» [11, с. 39].

Женщины вместе с мужчинами занимались заготовкой сена. Мужчина в горах косил косой, а женщина – серпом. Сено домой доставляла женщина на себе, иногда на расстояние до нескольких километров.

А. Омаров писал: «Женщина во время кошения не иначе возвращалась домой, как с порядочной ношей на спине… Можно видеть целый караван навьюченных сеном женщин, идущих с поля медленно, согнувшись под тяжестью вьюков так, что головы свои они держат наравне с коленками» [12, с. 22].

Вообще переноской грузов, тяжестей в горах занимались только женщины. Так, например, у лакцев в качестве топлива использовали бурьян, но его собирали с разрешения сельских властей с общественных выгонов. Переноска бурьяна продолжалась 10–15 дней, и участвовали в ней только женщины. У кого в семье имелось больше женщин, тот обеспечивал себя топливом больше других [12, с. 24].

Интересная информация о женской повседневности содержится в дневниках гимназиста – уроженца селения Урахи Даргинского округа – Хаджи-Мурата Амирова [13]. Он отмечает, «что в разных частях Дагестана – на равнине, в горных долинах, в горных возвышенностях – женщины принимают не одинаковое участие в хозяйственных работах» [13, с. 47].

В Дербенте женщины не принимают участие ни в хозяйственных, ни в домашних делах. «В Теркеме, самой плодородной части Дагестана, – пишет он, – женщины принимают участие в домашних работах, т.е. ходят за водою, доят коров, чистят и убирают комнаты, шьют, пекут хлеб и проч. Но большая часть времени у них пропадает даром в ничегонеделании, между тем мужчины работают денно и нощно, так сказать – до смерти» [13].

И далее, он пишет, «Чуть выше, в нижнем предгорье, мужчины работают столько же, сколько в Теркеме, но женщины деятельнее, чем там. Они иногда присутствуют и на полях, хотя и не принимают деятельное участие в полевых работах; все домашнее хозяйство – в их руках. Они ходят на мельницу, на базар для продажи своих произведений» [13, с. 47].

По наблюдению Х-М. Амирова, «в горных долинах женщины работают, сколько и мужчины. Они участвуют во всех полевых и домашних работах, рядом с мужчинами. Чем ближе аул к равнине, тем меньше деятельность женщин. У подножья высоких гор деятельность женщины берет отчасти перевес над деятельностью мужчины (аулы: Микага, Урахи, Муливка, Муира)» [13, с. 48].

И далее Х.-М. Амиров отмечает, что «на горах, женщины далеко больше работают, чем мужчины. Сверх всяких домашних работ, женщины исполняют здесь исключительно некоторые полевые работы. Занимаются жатвою одни женщины, и – странное дело – заниматься этою работаю мужчины считают для себя унизительным» [13, с. 48].

Представляет интерес наблюдение Х-М. Амирова, что в Казикумухе – горной местности, мужчины и женщины работают одинаково. Он делает вывод, о том, что это происходит «от бедности и непроизводительности края. Без соединения усилий мужчины и женщины там трудно кормиться» [13, с. 48, 49].

У Х.-М. Амирова хорошо описана жатва в селении Урахи, в которой принимали участие местные женщины и нанятые жители других аулов. Занимаясь жатвой, они

поют песни в такт «действующих серпов». Автор пишет о плате за уборку пшеницы, которая «равнялась 15-30 копеек на хозяйском корме, который обходится не дороже 10 коп.» [13, с. 75].

Другой местный автор, царский офицер Максуд Алиханов отмечал, что в Дагестане господствуют адаты, они вторгаются даже в мелочи семейного и общественного быта горцев и крайне точно определяют права и обязанности мужа и жены во всех случаях [14, с. 270]. Так, у аварцев в обязанность мужа входит постройка дома, уход за конем и крупной скотиной, рубка леса, доставка его и обращение в дрова, обработка сада, стрижка овец и обязанности мясника, когда режут баранов; он же должен вспахать, удобрить, засеять и оросить поле; скосить и привезти сено, смолотить хлеб и доставить его на мельницу и обратно и т.д. [14, с. 270]. В обязанности жены входило – убрать дом, испечь хлеб и приготовить пищу, обшить семью, приготовить кизяки, полоть и жать посевы, наблюдать на мельнице за перемолом, доить корову и овец, мыть и расчесывать шерсть и т.д.» [14, с. 270, 271].

Автор перечисляет обязанности мужчин и женщин с целью показать, что «горянки не представляют собою, как повторяют один за другим «туристы», «рабочую скотину, на которую ленивые (якобы) горцы взваливают по прихоти всю тяжесть работ» [14, с. 271].

Максуд Алиханов объявляет классификацию труда на мужской и женский, освященной веками, и поэтому она вошла во взгляды и привычки горцев, и всякая горянка встретила бы с недоумением желание мужа приготовить кизяки, испечь хлеб или сходить по воду и т.д. «Горцы, – пишет он, – поэтому даже не вмешиваются в домашние распорядки прекрасных своих половин, и последние являются хранительницами семейного очага и хозяйками дома в полном смысле этого слова» [14, с. 271].

М. Алиханов приходит к выводу, что положение женщины в горах далеко не такое угнетенное и безвыходное, как об этом пишут [14, с. 272]. Сравнивая их с женщинами в Персии и Турции, он отмечает, что гордый и веселый нрав горянок, на каждом шагу проявляющийся в их песнях, танцах и гостеприимстве, даже в отсутствии мужей, никогда не позволил бы им подчиниться тому положению, в каком находились турчанки и персиянки [14, с. 272].

С точки зрения М. Алиханова, Шамиль пытался делать все, чтобы «обезличить горянку – замкнуть и завесить ее, изолировать от мужчин и вообще поставить на строго аскетическую почву шариата, воспрещающего песни, музыку, танцы и всякие развлечения» [14, с. 272]. Он добился только того, что только старые женщины стали завешивать свои лица небольшими кусками материи, которые вызывали только смех. У молодых эти тряпки оставались обыкновенно откинутыми на голову и опускались только при виде наиба, дибира или одного из муртазагетов» [14, с. 273].

М. Алиханов отмечает, что в годы Кавказской войны, когда все мужское население у аварцев было занято войною, на женские плечи легли все домашние и полевые работы [14, с. 273]. После пленения Шамиля женщины перестали носить материю, закрывавшую их лица, поскольку это было чуждо их воззрениям.

Представляет интерес наблюдение М. Алиханова о влиянии природно-климатического фактора на характер женщин. Так, по его мнению, для женщин, живущих в высокогорных, холодных районах, характерны трудолюбие и скромность в то время, как живущие в ущельях с садами и теплым климатом женщины более веселые и шаловливые. Он приводит слова из юмористической народной песни: «Не устанет горных

дев спина ослиный вьюк таскать, а спины женщин из ущелий – в саду под … деревом лежать» [14, с. 274].

Критикуя русских авторов, которые по мнению М. Алиханова сгущают краски, говоря о тяжелой доле горянки, которая выполняет львиную долю работ и по дому, и в сельскохозяйственном производстве, автор вместе с тем отмечает, что мужчины, выполнив свои обязанности в полевом хозяйстве, т.е. удобрение почвы, запашку и молотьбу, «предаются полному бездействию на завалинках мечетей, у так называемых годеканов, другие зевают около окружного управления» [14, с. 197].

Но, тем не менее, местный автор считает, что «дагестанская женщина, несущая на своих плечах не всю тяжесть забот и лишений горской жизни, как привыкли думать, а только свою законную, установленную вековыми обычаями долю в них…» [14]. О том, что законы эти были установлены мужчинами, он не указывает.

Существовала и другая точка зрения на то, каким должно быть положение женщины в дагестанском обществе, выразителями которой были представители реформаторского движения (джадидов) на Северном Кавказе Али Каяев и Абусуфьян Акаев. В своих работах они рассматривали вопросы женского равноправия, воспитания и образования, их трудоустройства и т.д.

Вопрос о женском образовании был очень важным, поскольку, как отмечено профессором Г.Ш. Каймаразовым, уровень образованности среди девочек примечетских школ в Дагестане был очень низким – он составлял всего 10,6% от общего числа учащихся. В то же время в церковно-приходских школах доля девочек в составе обучающихся составляла около 40% [16, с. 135].

Образованные женщины в досоветском Дагестане встречались довольно редко. Только «ряд представителей мусульманской духовной элиты, – пишет Ш.Ш. Шихалиев, – кадии, шейхи, преподаватели мусульманских школ – все-таки старались дать начальное образование своим дочерям, так что последние умели читать и писать, изучали правила чтения и рецитации Корана» [17, с. 48]. Как отмечает А.Р. Наврузов, «… положение женщины, стоящей неизмеримо ниже мужчины в социальном отношении и совершенно от него зависимой в дореволюционном Дагестане, как периферии исламского мира, было традиционным для всего исламского мира» [18, с. 376].

На страницах арабоязычной газеты кавказских джадидов «Джаридат Дагистан» Али Каяев осуждал дагестанцев, считавших, что занятие женщины наукой и обучение ее является большим непростительным грехом; или, что обучение чтению и письму абсолютно запретно; или, что оставление женщин в полном невежестве и неведении обо всем на свете – обязательное предписание шариата. Приводимый такими дагестанцами хадис: «…Не обучайте женщин письму» Али Каяев считал ложным и недостоверным [19, с. 68].

Он писал, что различие между мужчиной и женщиной по разуму, пониманию и т.д. – следствие обучения, воспитания и культуры, к которым мужчина имеет доступ и активно пользуется ими, а женщина лишена на протяжении многих веков [18, с. 376]. Согласно традиционной мусульманской точке зрения, мужчина и женщина созданы разными при сотворении мира, а посему всякий, кто добивается равенства между ними, нарушает границы, которые определил им Аллах.

Другой активный деятель реформаторского движения на Северном Кавказе – Абусуфьян Акаев – был сторонником просвещения женщин Дагестана. Вопрос о женском образовании он рассматривал как политическую, государственную проблему.

Он пишет, что в период формирования мусульманства были всеми уважаемые образованные женщины. В хадисах пайхемера (пророк Мухаммад) говорится и о том, что подобно мужчинам, и женщинам обязательно требуется наука. Несмотря на это, мусульмане, как и другие, стали оставлять женский вопрос без внимания … дома они были как заключенные. По мнению А. Акаева, целесообразно, чтобы дагестанские девушки по достижении брачного возраста занимались изучением науки, просвещением, как в школе, так и дома. И кроме того, хоть немного занимались домашним хозяйством. Когда достигнут брачного возраста, выйдут замуж [20, с. 151].

Таково мнение реформаторов о том, каким должно быть положение дагестанских женщин.

Таким образом, проблема женской повседневности в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. имеет определенную историографию. Первые статьи, в которых затрагивалась повседневная жизнь дагестанского аула, появились в середине XIX в., когда еще шла Кавказская война. Авторы статей – русские офицеры, медики и т.д. Позже стали появляться статьи местных авторов. Первые оценивали трудовую повседневность горянок как очень тяжелую, женский труд в горах выходил на передний план. Местные авторы считали такое разделение труда справедливым, оно сложилось давно. Мужчинам приходилось часто воевать, а также уходить в отход на заработки, и в понимании местных авторов, было вполне закономерным, что груз всех работ – и в доме, и в поле ложился на женские плечи.

После присоединения Дагестана к России угроза внешних нападений исчезла, но привычка делить работу на мужскую и женскую, какой бы тяжелой для женщин она не была, сохранилась. Суровые природно-климатические условия делали необходимым участвовать в полевых работах и мужчин, и женщин.

И русские и местные авторы отмечали, что в разных районах Дагестана женская трудовая повседневность отличалась. В горах женщина работала больше, на равнине – меньше. Это было связано с типом хозяйства, природно-климатическими условиями, уровнем социально-экономического развития и т.д. В исследуемый период в Дагестане трудового равновесия не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Далгат У.Б.* Л.Н. Толстой и Дагестан. Махачкала, 1960.

2. *Костемеревский И.С.* Три дня в горах Калаляльского общества. // Кавказ. 1861, № 83.

3. *Костемеревский И.С.* Три дня в горах Калаляльского общества. // Кавказ. – 1861, № 84.

4. *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. (Далее – ССКГ). 1868. Вып. 1.

5. *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского племени. // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870.

6. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Очерки Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1871.

REFERENCES

1. Dalgat UB. *Leo Tolstoy and Dagestan*. Makhachkala, 1960.

2. Kostemerevsky IS. Three days in the mountains of the Kalalalsky society. *Kavkaz*. 1861, No. 83.

3. Kostemerevsky IS. Three days in the mountains of the Kalalalsky society. *Kavkaz*. 1861, No. 84.

4. Voronov NI. From the trip to Dagestan. *Collection of information about the Caucasian mountaineers* (hereinafter – CICM). Issue 1. Tiflis, 1868.

5. Lvov N. Home and family life of the Dagestan mountaineers of the Avar tribe. *CICM*. Issue 3. Tiflis, 1870.

6. Dubrovin NF. History of war and domination of Russians in the Caucasus. Vol. 1. *Essays on the Caucasus and its peoples*. St. Petersburg, 1871.

7. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан. (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году // Военный сборник. – 1862. – Т. 23.

8. *Ган К.Ф.* Путешествия в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.). // СМОМПК. 1902. – Вып. 31.

9. *Петухов П.С.* Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. (В Южном Дагестане) // Кавказ – 1867. – № 13.

10. *Пржецлавский П.Г.* Нравы и обычаи в Дагестане. // Военный сборник. – 1860 – № 41.

11. *Омаров А.* Как живут лаки. (Из воспоминаний детства). // ССКГ. – Вып. 3. – 1870.

12. *Омаров А.* Как живут лаки. (Из воспоминаний детства) // ССКГ. – Вып. 4, 1871.

13. *Амиров Х-М.* Среди горцев Северного Дагестана. // ССКГ. Вып. 7. – Тифлис, 1873.

14. *Алиханов Максуд.* В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. – Махачкала, 2005.

15. *Маргграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.

16. *Каймаразов Г.Ш.* Просвещение в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1989.

17. *Шихалиев Ш.Ш.* Образованная мусульманка в досоветском Дагестане / Женщина и ислам. Сб. статей. – М., Дизарт Тим, 2017.

18. *Наврузов А.Р.* Мусульманские просветители первой трети XX в. и «Женский вопрос» (по материалам газеты «Джаридат Дагистан» 1913-1918) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. №2. С. 371-387. doi: 10.32653/CH182371-387

19. *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагестан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. – М.: Издательский дом Марджани, 2012.

20. Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Махачкала, 1992.

21. *Гаджиев В.Т.* Роль России в истории Дагестана. – М., 1965.

22. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.

23. *Марков Е.* Очерки Кавказа. СПб.-М., 1887.

7. Glinoetsky N. A trip to Dagestan. (From travel notes taken in the Caucasus in 1860. *Voennyi sbornik*. Vol. 23, 1862.

8. Gan KF. Travels to Kakhetia and Dagestan (summer of 1898). *Collection of the materials for description of places and tribes of the Caucasus*. Issue 31, 1902.

9. Petukhov P.S. Study on the Kaitago-Tabasaran district (South Dagestan). *Kavkaz*. 1867, №. 13.

10. Przhetslavsky PG. Manners and customs in Dagestan. *Voennyi sbornik*. 1860, №. 41.

11. Omarov A. How Laks live (From childhood memories). *CICM*. Issue 3, 1870.

12. Omarov A. How Laks live (From childhood memories). *CICM*. Issue 4, 1871.

13. Amirov Kh-M. Among the Mountaineers of Northern Dagestan. *CICM*. Issue 7. Tiflis, 1873.

14. Alikhanov Maksud. *In the mountains of Dagestan. Traveling impressions and stories of mountaineers*. Makhachkala, 2005.

15. Morggraf OV. *Essay on handicrafts in the North Caucasus with a description of production techniques*. Moscow, 1882.

16. Kaimarazov GSh. *Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan*. Makhachkala, 1989.

17. Shikhaliev ShSh. Educated Muslim women in pre-Soviet Dagestan. *Zhenshina i Islam. Collected articles*. Moscow: Dizart Tim, 2017.

18. Novruzov AR. Muslim enlighteners of the first third of the 20th century. and «Women's Question» (based on the newspaper «Jaridat Dagestan» 1913-1918). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(2):371-387. doi: 10.32653/CH182371-387

19. Navruzov AR. "*Jaridat Dagestan" as an Arabic-language newspaper of Caucasian Jadids*. Moscow: Mardjani Publ., 2012.

20. *Literary and scientific heritage of Abusufyan Akaev*. Makhachkala, 1992.

21. Gadzhiev VT. *The role of Russia in the history of Dagestan*. Moscow, 1965.

22. Kaimarazov GSh. *Essays on the history of the culture of the peoples of Dagestan*. Moscow, 1971.

23. Markov E. *Essays on the Caucasus*. St. Petersburg – Moscow, 1887.

Поступила в редакцию 10.04.2023 г.
Принята в печать 13.06.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 10.04.2023
Accepted 13.06.2023
Published 15.06.2023

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192414-434

Исследовательская статья

Еськова Дарья Кирилловна
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
bdims@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ГРОТА СОСРУКО

Аннотация. ВВ статье обсуждается проблема появления и распространения в Приэльбрусье техники отжима пластинчатых сколов. В научный оборот вводятся результаты технологического анализа каменных индустрий мезолитических слоев М-1 и М-2 опорного стратифицированного памятника региона – грота Сосруко. Были проанализированы материалы из раскопок 1955–1957 гг. С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса. Признаки использования отжимной техники скалывания пластинчатых сколов присутствуют в слое М-2, датируемом второй половиной 10 тыс. до н.э., немногочисленны, но несомненны. Полный технологический контекст отжима выявлен в слое М-1, датируемом второй четвертью 9 – началом 8 тыс. до н.э. В рамках рассмотренной технологической традиции используется Мод 1 (ручной отжим) для получения микропластинок и узких пластинок. Кроме того, в индустрии применяется тепловая обработка кремня. Скалывание производилось с нуклеусов с широким фронтом расщепления и линейным окончанием, фасетированной скошенной площадкой. Пластины в рассмотренных индустриях слоев М-1 и М-2 получены при помощи прямого удара. Индустрии раннего голоцена грота Сосруко имеют выраженную специфику относительно частично синхронных индустрий северо-западного Кавказа. Индустрия, вероятно, имела локальное распространение. Технологическая традиция слоев М-1 и М-2 грота Сосруко находит близкие аналогии в индустриях горизонтов 1–4 слоя 7 навеса Бадыноко (Приэльбрусье). Связь появления в Приэльбрусье в раннем голоцене техники отжима в его наиболее простом варианте с распространением инновации в соседних регионах дискуссионна. Нельзя исключать независимое изобретение техники отжима в Приэльбрусье. Напротив, индустрия могла быть источником распространения технологической традиции, в рамках которой использовался ручной отжим (Мод-1) в Закавказье.

Ключевые слова: мезолит; Северный Кавказ; Приэльбрусье; технология расщепления камня; техника отжима; хронология

Для цитирования: Еськова Д.К. Технологический анализ каменных индустрий раннего голоцена грота Сосруко // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 414-434. doi.org/10.32653/CH192414-434

© Еськова Д.К., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

ARCHEOLOGY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192414-434

Research paper

Daria K. Eskova,
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
bdims@mail.ru

LITHIC TECHNOLOGY OF THE SOSRUKO ROCKSHELTER EARLY HOLOCENE INDUSTRIES

Abstract. The paper discusses the emergence and spread of pressure blademaking in the Elbrus region of the North Caucasus. The results of the lithic technology analysis of the key stratified site of the Mesolithic Layers M-1 and M-2 of the Sosruko Rockshelter are presented. The materials from the excavations of 1955-1957, conducted by S.N. Zamyatnin and P.G. Akritas, were considered. There are few but unquestionable signs of the pressure blademaking use in Layer M-2 dated to the second half of the 10th mil. BC. The full operational chain of bladelet production with the use of pressure technique was revealed in Layer M-1 dated to the second quarter of the 9th mil. BC – the beginning of the 8th mil. BC. The pressure Mode 1 (manual pressure) was used to produce the microbladelets and narrow bladelets with the flint heat treatment. Moreover, the pressure cores had a wide flaking surface with the linear distal end and a slightly inclined facetted platform. The blades in the industries of Layers M1 and M-2 were produced with the direct percussion. The studied Early Holocene industries of the Sosruko Rockshelter differ significantly from the partly synchronous industries of the North-Western Caucasus. The studied tradition had presumably local distribution. It finds analogy in the lithic industries of Layer 7 of Horizons 1-4 of the Badynoko Rockshelter (the Elbrus region). The correlation between the emergence of the simplest mode of the pressure blademaking in the Elbrus region in the Early Holocene and the distribution of the innovation in the neighboring regions is disputable. The possibility of the independent invention of the pressure blademaking in the Elbrus region cannot be completely rejected. On the contrary, the Elbrus Early Holocene industries could have been the source of the Mode 1 pressure technique distribution in the South Caucasus.

Keywords: Mesolithic; North Caucasus; Elbrus region; lithic technology; pressure technique; chronology

For citation: Eskova D.K. Lithic technology of the Sosruko Rockshelter Early Holocene industries. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 414-434. doi. org/10.32653/CH192414-434

© D.K. Eskova, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Каменные индустрии слоев раннего голоцена грота Сосруко являются ключевым источником по хронологии распространения техники отжима пластинчатых сколов на Центральном Кавказе и в окружающих регионах. Благодаря специфической и характерной для применяемой техники отжима морфологии нуклеусов верхнего слоя грота Сосруко, материалы памятника уже длительное время являются предметом обсуждения при рассмотрении путей распространения отжима в раннем голоцене [1; 2]. Ранее высказывалась гипотеза о том, что индустрия Сосруко могла стать источником распространения этой технологической инновации в Восточную Анатолию [2] или, напротив, быть промежуточным звеном распространения этой техники из неолита Центрального Загроса (млефаатская культура) в северо-западном направлении [1]. В последние годы верхние слои грота Сосруко были впервые датированы радиоуглеродными методом, что позволило получить для них точную хронологическую привязку [3; 4]. Целью данной работы является введение в научный оборот результатов технологического анализа каменных индустрий верхних слоев (М-1 и М-2) грота Сосруко. Эти данные, вместе с полученными ранее абсолютными датировками и результатами типологического анализа каменных индустрий [4], позволяют более точно определить и отчасти переосмыслить место индустрий Приэльбрусья в культурной географии Северного Кавказа и окружающих регионов.

Материалы и методы

Грот Сосруко находится на правом берегу р. Баксан в Эльбрусском районе Кабардино-Балкарии. Памятник исследовался с 1955–1957 гг. кабардинской археологической экспедицией под руководством С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса [5] и с 2017 г. до настоящего времени экспедицией АНО «Лаборатории Доистории» под руководством Л.В. Головановой [6; 3].

Грот Сосруко – многослойный стратифицированный памятник. Авторами первых раскопок выделено восемь культурных слоев, разделенных мощными стерильными прослойками [4–6]. В данной работе приводятся результаты технологического анализа каменного инвентаря из раскопок С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса 1955–57 гг. Верхние слои каменного века М-1 и М-2 были изучены на площади около 30 кв.м. Серый золистый слой М-1 залегал на контакте пачек отложений А и В на глубине 1.80–2.10 м от поверхности и имел мощность 20–40 см. Перекрывающая пачка отложений А (или «слой А»), имела мощность 100 см и содержала культурные остатки Средневековья и раннего железного века. Слой М-1 был прослежен на всей площади раскопа и содержал кости животных и большое количество раковин наземных брюхоногих моллюсков Helix sp., каменные и костяные артефакты. Слои М-1 и М-2 разделены толщей светло-бурой глины мощностью 100 см. Слой М-2 залегал в виде локальной линзы прокала красного цвета диаметром около 1,5 м мощностью 8–20 см, содержавшей каменные артефакты, расколотые кости животных и раковины Helix. Нижележащий культурный слой М-3 отделен от слоя М-2 толщей светло-бурой глины мощностью

120 см [4; 5]. Верхние культурные слои памятника были датированы серией конвенциональных и AMS радиоуглеродных дат. Слои М-1 и М-2 имеют раннеголоценовый возраст [3; 4].

Каменный инвентарь слоя М-1 из раскопок грота Сосруко 1955–57 гг. насчитывает 292 предмета. Коллекция грота Сосруко содержит, кроме того, 46 каменных артефактов, зафиксированных «на контакте» слоя М-1 с вышележащей толщей культурных отложений А. Во избежание риска примеси материалов более поздних эпох, эти предметы не рассматриваются в данной публикации. Каменный инвентарь слоя М-2 насчитывает 86 предметов. Материалы из раскопок 1955–1957 гг. находятся на хранении в Отделе археологии МАЭ РАН.

Технологический анализ был проведен в рамках подхода, связанного с выделением производственных цепочек. Реконструкция производственной цепочки предполагает хронологическое рассмотрение операций по обработке первичного сырья – от его добычи до оставления законченных орудий – с акцентом на выявлении цели расщепления [7; 8].

Установление использования техники отжима пластинчатых сколов традиционно строится на основе присутствия в каменном инвентаре характерных продуктов расщепления, относящихся к одному технологическому контексту: характерной морфологии нуклеусов, сколов их оживления, а также пластинчатых сколов [9–11]. Для нуклеусов, относящихся к отжимному контексту, характерна «рифленая» или «каннелюрованная» поверхность расщепления, «напоминающая поверхность античной колонны», сформированная негативами чрезвычайно регулярных параллельных однонаправленных снятий [9; 11]. Соотнесение конкретных пластинчатых сколов с отжимной техникой представляет гораздо большую проблему, рассмотренную подробно ранее [12]. Доказательным может являться лишь определение в качестве сколотых при помощи отжима тех пластинчатых сколов, которые не могли быть получены при помощи ударных техник. В результате экспериментов по расщеплению при помощи отжима и различных ударных техник, включая удар с использованием посредника, было установлено, что: 1) только отжим позволяет осуществлять скалывание удлиненных сколов с угла, превышающего 90° [13]; 2) при помощи удара невозможно получение пластинчатых сколов, одновременно обладающих тонким сечением, имеющих равномерную на протяжение всей длины (кроме дистальной части) толщину, прямой или очень слабо изогнутый профиль и регулярную огранку дорсальной поверхности [14]; 3) предел возможного отношения толщины скола, полученного ударом, к его длине для большинства разновидностей кремня не превышает значения 1 к 30 [13, с. 69]. Приведенные выше признаки использовались нами для выявления тех пластинчатых сколов, которые определенно были получены при помощи отжима. Сильно фрагментированные сколы, видимые признаки которых полностью соответствуют характерным для отжима, были определены как вероятно полученные отжимом.

Результаты

Слой М-1

Продукты расщепления в слое М-1 изготовлены из обсидиана и кремня. На основании визуальных характеристик выделяется несколько разновидностей

кремня: матовый непрозрачный бордовый, непрозрачный блестящий серый, бежевый полупрозрачный, блестящий желто-серый, непрозрачный светло-коричневый, розовый блестящий, белый полупрозрачный, непрозрачный матовый серый, полупрозрачный желтый. Изначальную форму и размер конкреций кремня на рассматриваемом материале реконструировать не представляется возможным. Визуально выделяется только один вид обсидиана: полупрозрачный коричневато-черный, в форме небольших галек, размер которых мог достигать, как минимум, 5 см по длинной оси (Рис. 1, *10*).

В слое М-1 на исследованной площади представлен полный технологический контекст расщепления обсидиана: от преформ нуклеусов, нуклеусов и сколов их оживления до орудий. Напротив, преформы и сколы оживления нуклеусов из кремня, также как и сколы оживления орудий, отсутствуют (Табл. 1). Между тем, факт осуществления пластинчатого расщепления на исследованной площади, как минимум, двух разновидностей кремня не вызывает сомнения благодаря осуществленному ремонтажу кремневых пластинок и микропластинок (Рис. 4, *1, 2*.) Интересно, что отщепы составляют крайне незначительную долю продуктов расщепления как из обсидиана, так и из кремня – 6.5% и 0.8% соответственно. Доля пластинчатых сколов, среди которых явно преобладают микропластинки (шириной до 8 мм включительно), напротив, чрезвычайно высока: 72.6% для кремня и 66% для обсидиана. Доля ретушированных орудий из кремня несколько выше, чем из обсидиана – 21.7% и 14.2% соответственно. Несмотря на обозначенные выше особенности, стратегия использования двух разных категорий сырья – кремня и обсидиана – идентична. Их расщепление было направлено на изготовление пластинок и микропластинок, которые использовались в качестве заготовок для ретушированных орудий, а также, возможно, без вторичной обработки. Следует отметить, что все заготовки орудий из этого слоя пластинчатые.

Табл. 1. Грот Сосруко (раскопки 1955–57 гг. С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса). Слой М-1. Категориальный состав каменного инвентаря по видам сырья.

Table 1. Sosruko Rockshelter (1955-1957 excavations by S.N. Zamyatnin and P.G. Akritas). Layer M-1. General technological structure of lithic assemblage and raw material representation.

Категория		**Кремень**	**Обсидиан**	
Преформы нуклеусов		0	1 (0.5%)	
Нуклеусы		4 (3.2%)	7 (4.1%)	
Сколы оживления площадки нуклеуса		-	2 (1.1%)	
Ребристые отщепы		-	1 (0.5 %)	
Отщепы		1 (0.8%)	11 (6.5%)	
Пластины (>12 мм шириной)	Целые	–	5 (3%)	-
	Проксимальные части		3	
	Медиальные части		-	
	Дистальные части		2	

Пластинки (8–12 мм шириной)	Целые	12 (9.6%)	1	22 (13%)	-
	Проксимальные части		9		16
	Медиальные части		-		2
	Дистальные части		2		4
Микропластинки (<8 мм шириной)	Целые	78 (63%)	12	84 (50%)	16
	Проксимальные части		43		25
	Медиальные части		12		22
	Дистальные части		10		11
Пластинчатые отщепы		2 (1.1%)		10 (5.9%)	
Чешуйки		-		1 (0.5%)	
Орудия		27 (21,7%)		24 (14.2%)	
Всего:		**124 (100%)**		**168 (100%)**	

В настоящее время сложно с уверенностью судить о наличии более чем одной производственной цепочки в рамках технологической традиции. Стоит, однако, отметить, что, наряду с многочисленными нуклеусами для скалывания микропластинок с «канелированной» поверхностью расщепления (Рис. 1, *1-4, 7*, Рис. 2, *1-3*), в коллекции присутствует два нуклеуса из обсидиана (Рис. 1, *9*) и кремня (Рис. 2, *4*) с нерегулярной поверхностью расщепления, демонстрирующей на финальном этапе утилизации негативы пластинок, а не микропластинок.

Основная производственная цепочка, для которой известен полный технологический контекст, связана со скалыванием узких пластинок и микропластинок (Рис. 3, *1-23*, Рис 4, *1-22*) при помощи отжима. Метрическая вариабельность пластинчатых сколов каменной индустрии слоя М-1 невысока: их ширина от 4 до 15 мм, а толщина от 0.5 мм до 5 мм (Рис. 5). При этом для большая часть пластинчатых сколов имеет ширину не более 8 мм и толщину не более 2 мм. Ширина узких пластинок и микропластинок, отнесенных по своим морфологическим характеристикам к определенно и вероятно полученным при помощи отжимной техники, не превышает в основной массе случаев 8 мм и в одном случае 9 мм для кремня, и 10 мм в массе и 11 мм в одном случае для обсидиана (Рис. 6, Б). Среди более крупных пластинчатых сколов отсутствуют имеющие регулярную огранку, равномерную небольшую толщину и прямой профиль либо слабый изгиб (Рис. 3, *31-33*). Описанная закономерность полностью соответствует границам физических возможностей Мода 1 (ручного отжима), выявленным экспериментальным путем для мелкозернистого кремня и обсидиана [15] (Рис. 6, В). Длина истощенных нуклеусов в слое М-1 Сосруко, всегда меньше 5 см, поэтому вероятно использование дополнительного зажима-крепления для удержания нуклеуса в процессе расщепления [15, p. 469], что соответствует Моду 1b.

Среди общей совокупности микропластинок и пластинок слоя М-1 достаточно велика доля сколов с выраженным изгибом в дистальной части (14.5%) и по всей длине (4.5%) (Рис. 3, *26, 27*), или скрученным профилем (12%) (Табл. 2) (Рис. 3, *16, 25*). Окончания пластинчатых сколов перовидные в 96% случаев и ныряющие – в 4% случаев.

Табл. 2. Грот Сосруко (раскопки 1955-57 гг. С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса). Слой М-1. Характер профиля пластинчатых заготовок и их фрагментов.

Table 2. Sosruko Rockshelter (1955-1957 excavations by S.N. Zamyatnin and P.G. Akritas). Layer M-1. The profile of blades, bladelets and microbladelets and their fragments.

Профиль пластинчатых заготовок	**Кол-во**	**%**
Прямой	85	46%
Равномерный слабый изгиб	43	23%
Выраженный изгиб в дистальной части	27	14.5%
Выраженный изгиб по всей длине	8	4.5%
Скрученный	22	12%
Всего:	**185**	**100%**

При скалывании пластинок и микропластинок отжимом использовались следующие приемы подготовки зоны расщепления: редуцирование карниза – почти всегда; абразивная подработка карниза – очень часто; пришлифовка карниза и изолирование поверхности расщепления – никогда (Табл. 3).

Табл. 3. Грот Сосруко (раскопки 1955-57 гг. С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса). Слой М-1. Приемы подготовки зоны расщепления, фиксируемые на проксимальных частях пластинок/микропластинок определенно и вероятно полученных отжимом

Table 3. Sosruko Rockshelter (1955-1957 excavations by S.N. Zamyatnin and P.G. Akritas). Layer M-1. The techniques of the pressure point zone preparation of the microbladelets and bladelets definitely and probably produced with pressure.

Категории пластинок/ микропластинок	Редуцирование	Абразивная подработка карниза
Определенно отжим	100%	81%
Вероятно отжим	93%	80%

Метод скалывания узких пластинок и микропластинок предполагал минимальную подготовку на этапе изготовления преформы нуклеуса: создание площадки, скошенной относительно будущего фронта расщепления, и оформление фронтального двустороннего ребра (Рис. 7). Боковые и задняя поверхность нуклеуса сохраняли естественную поверхность при расщеплении обсидиановых галек (Рис. 1, *1-4, 6, 7*) или могли быть подготовлены при помощи поперечных сколов, снятых с ассиметричных тыльных ребер при расщеплении кремневых конкреций (Рис. 2, *1-3*).

Площадка нуклеусов создавалась и подправлялась одним-несколькими крупными сколами, затем дополнительно локально фасетировалась (Рис. 1, *1-5, 7, 8*, Рис. 2, *1-3*). Небольшая скошенность площадки относительно фронта расщепления сохранялась до финальной стадии утилизации нуклеусов.

Скалывание пластинок и микропластинок при помощи отжима производилось с одноплощадочных нуклеусов с линейным окончанием, широкой локально уплощенной поверхностью расщепления. Единственный нуклеус в коллекции, напоминающий «подконический», представляет собой финальную стадию сработанности нуклеусов с широким фронтом и линейным окончанием (Рис. 1, *1*).

Большая часть пластинчатых сколов в коллекции слоя М1 имеет, по классификационной схеме Д. Биндера [2], тип параллельной огранки с последовательностью негативов «1-2-3» или «3-2-1», меньшая – с последовательностью «2-1-2̓» («центральные снятия») (Табл. 4). Статистика характера огранки микропластинок и пластинок, и анализ последовательности негативов на поверхности расщепления нуклеусов указывают на ритм расщепления, представляющий собой чередование направления скалывания из центра на периферию поверхности расщепления и с периферии в центр (Рис. 8). В отдельных случаях могло оформляться вторичное ребро, однако микропластинки и пластинки с этим типом огранки (Рис. 4, *24*, Рис. 7) составляют не более 1% всех пластинчатых сколов.

Табл. 4. Грот Сосруко. Слой М-1. Последовательность негативов у пластинок/ микропластинок, полученных отжимом

Table 4. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. The patterns of the pressure bladelets/ microbladelets.

Категории пластинок / микропластинок	**2-1-2̓**	**1-2-3**	**3-2-1**	Другое	Всего
Определенно отжим	10 (40%)	7 (28%)	7 (28%)	1 (4%)	25 (100%)
Вероятно отжим	25 (37%)	23 (34,5%)	20 (29%)	3 (4,5%)	67 (100%)

Часть кремня, использовавшаяся при скалывании пластинок и микропластинок при помощи отжима, вероятно, подвергалась предварительной тепловой обработке. На одном нуклеусе и двух пластинках (ребристая пластинка и пластинка с негативами сколов от ребра) фиксируется маслянистый блеск негативов, относящихся к последним в последовательности расщепления (Рис. 9). Вероятно, тепловая подготовка осуществлялась после изготовления преформы нуклеуса и до начала скалывания пластинок.

Пластины (шире 12 мм) в коллекции единичны, изготовлены исключительно из обсидиана. Все они фрагментированы. Для них характерна неравномерная толщина и нерегулярная огранка, что говорит об использовании ударной техники для их скалывания (Рис. 1, *30-34*). Отсутствие крупных пластинчатых сколов правильной огранки не дает основание предполагать возможное использование техники удара через посредник для скалывания пластин.

Слой М-2

В слое М-2 также использовалось два вида сырья: кремень и обсидиан. При этом продукты расщепления из последнего явно преобладают, составляя 80% (Табл. 5). Все разновидности кремня, представленные в инвентаре слоя М-1, присутствуют и в слое М-2.

Категориальный состав каменного инвентаря сильно отличается от такового в вышележащем слое. Здесь отсутствуют преформы и нуклеусы, предметы со вторичной обработкой малочисленны, существенную долю составляют отщепы и осколки (Табл. 5). Важной особенностью инвентаря является то, что пластины составляют существенную часть пластинчатых сколов, сопоставимую с долей пластинок и микропластинок (Рис. 10).

Табл. 5. Грот Сосруко (раскопки 1955-57 гг. С.Н. Замятнина и П.Г. Акритаса). Слой М-2. Категориальный состав каменного инвентаря по видам сырья.

Table 5. Sosruko Rockshelter (1955-1957 excavations by S.N. Zamyatnin and P.G. Akritas). Layer M-2. General technological structure of lithic assemblage and raw material representation.

Категория		Кремень		Обсидиан	
Преформы нуклеусов		-		–	
Нуклеусы		-		-	
Сколы оживления нуклеусов		-		4 (5.7%)	
Отщепы		11 (65%)		19 (27.5%)	
Осколки		-		9 (13%)	
Пластины (>12 мм шириной)	Целые	1 (6%)	0	6 (8.6%)	-
	Проксимальные части		1		3
	Медиальные части		0		3
	Дистальные части		0		-
Пластинки (8–12 мм шириной)	Целые	–		4 (5.7%)	-
	Проксимальные фрагменты	3			
	Медиальные фрагменты	1			
	Дистальные части	-			
Микропластинки (< 9 мм)	Целые	2 (12%)	-	6 (8.6%)	-
	Проксимальные части	1		3	
	Медиальные части	1		2	
	Дистальные части	-		1	
Пластинчатые отщепы		2 (12%)		8 (11.6%)	
Чешуйки		1 (6%)		4 (5.7%)	
Орудия		1 (6%)		9 (13%)	
Всего:		17 (100%)		69 (100%)	

Из-за неполного технологического контекста, в настоящее время можно сделать лишь предварительные выводы относительно технологии расщепления камня. Среди продуктов расщепления из обсидиана присутствует «таблетка» – скол оживления нуклеуса с характерной «канеллированной» поверхностью (Рис. 11, *1*). Кроме того, среди небольшой серии регулярных пластинок и микропластинок (Рис. 11, *2-4, 9*) есть фрагмент микропластинки правильной огранки и равномерной толщины, с оцениваемой длиной, более чем в 30 раз превышающей толщину (Рис. 1, *3*). Мощность стерильной прослойки, разделяющей слои М-2 и М-1, делает крайне маловероятным попадание предметов из вышележащего слоя в коллекцию слоя М-2 в результате природных процессов. Таким образом, даже эти единичные свидетельства позволяют с определенной долей уверенности судить о присутствии отжимного технологического контекста, связанного с получением микропластинок и узких пластинок, уже в слое М-2. В инвентаре слоя М-2 присутствует серия относительно крупных пластин нерегулярной огранки с сильно изогнутым профилем (Рис. 11, *12-17*). Преобладание в нижнем мезолитическом слое этого вида сколов над фрагментами микропластинок и пластинок прямого профиля, равномерной толщины и регулярной огранки может объясняться как функциональной спецификой участка стоянки, исследованного раскопом небольшой площади, так и эволюцией индустрии в направлении увеличения значения отжимной техники.

Обсуждение

Технологический анализ каменного инвентаря слоев М-2 и М-1 грота Сосруко позволил установить, что наиболее раннее появление отжимной техники фиксируется в слое М-2 (9658–9296 кал. л. до н.э.), а полный технологический контекст, связанный со скалыванием микропластинок и узких пластинок при помощи отжима – в слое М-1 (8252-7962 кал. л. до н.э.) [4]. В нижележащем слое М-3, датируемом финальным плейстоценом [3; 4], признаков применения техники отжима не выявлено [12; 16].

Вопрос о нижней хронологической границе появления техники отжима пластинчатых сколов в регионе является дискуссионным, так как данные по материалам грота Сосруко находятся в частичном противоречии с данными по материалам навеса Бадыноко. С одной стороны, технологические характеристики индустрий слоев М-2 и М-1 грота Сосруко и горизонтов 1–4 слоя 7 навеса Бадыноко имеют много сходных черт: применение варианта отжима Мод 1; целевая заготовка – микропластинка и узкая пластинка; использование тепловой обработки кремня [17; 18; устное сообщение М.В. Селецкого]. С другой стороны, оценка хронологии бытования индустрий с отжимом существенно расходится. Горизонт 4 слоя 7 навеса Бадыноко датируется в диапазоне 13547–12339 кал. л. до н. э., горизонт 2 – 6821–6392 кал. л. до н.э. [17]. В отличие от грота Сосруко, культурные отложения навеса Бадыноко не разделены стерильными прослойками, артефакты залегают без видимых перерывов по вертикали [17; 19]. В настоящее время кажется обоснованным принимать культурно-хронологическую последовательность Сосруко в качестве опорной для Приэльбрусья.

Индустрии верхних слоев грота Сосруко частично синхронны индустрии верхнего мезолитического культурного слоя пещеры Двойная (слой 4/5) и слоям 3–5 навеса Чыгай (Северо-Западный Кавказ) [20]. Несмотря на определенное типологическое

сходство [4], раннеголоценовые индустрии Центрального Кавказа и Северо-Западного Кавказа имеют важные различия технологического характера. Так, для индустрий Северо-Западного Кавказа характерно использование более сложного варианта отжима – Мода 3 (или отжим в положении сидя) без применения тепловой обработки кремня; целевые заготовки – пластинки (шириной до 12 мм включительно) и микропластинки. Для получения крупных пластин использовался удар через посредник [12; 20]. На Северо-Восточном Кавказе, в то же время, пока нет данных о появлении отжима в раннем голоцене [21].

Вероятность прямой миграции или диффузии технологической инновации из Загроса на Центральный Кавказ вызывает некоторое сомнение, учитывая, что в млефаатской неолитической культуре на тот момент уже применялся более сложный вид отжима – Мод 3, нуклеусы на финальной стадии расщепления карандашевидные, единственной сходной чертой является тепловая обработка кремня [11; 15]. Не исключена, однако, миграция или передача знаний из Центрального Кавказа на Южный Кавказ, свидетельством чего может являться индустрия слоя 2 Кобулети, где было зафиксировано использование ручного отжима. Она датируется более поздним временем, чем слой М-2 грота Сосруко [22]. Раннеголоценовая индустрия Кобулети, между тем, более поздняя относительно индустрии раннего докерамического неолита Б Юго-Восточной Анатолии, где фиксируется использование более сложного Мода 3 отжима наряду с Модом 1 [2]. Таким образом, индустрии Центрального Кавказа, вопреки ранее высказанной гипотезе [2], вряд ли могли стать источником распространения отжима в Юго-Восточную Анатолию.

Заключение

Индустрии Центрального Кавказа (грот Сосруко, навес Бадыноко) существенно отличаются от частично синхронных индустрий Северо-Западного Кавказа. Учитывая надежность стратиграфического контекста индустрий раннего голоцена грота Сосруко, можно с уверенностью говорить об использовании в Приэльбрусье техники отжима уже 9658–9296 кал. л. до н.э. В настоящий момент нельзя исключать автохтонное изобретение отжимной техники на Центральном Кавказе, учитывая использование здесь наиболее простого варианта техники – Мода 1 (ручного отжима). Рассмотренная технологическая традиция, вероятно, была относительно локальной, что не исключает ее распространения и в Закавказье.

Благодарность. Исследования проведены при поддержке гранта РФФИ №20-09-00388.

Acknowledgement. The study was financed by the RSF grant within the framework of the scientific project No. 20-09-00388.

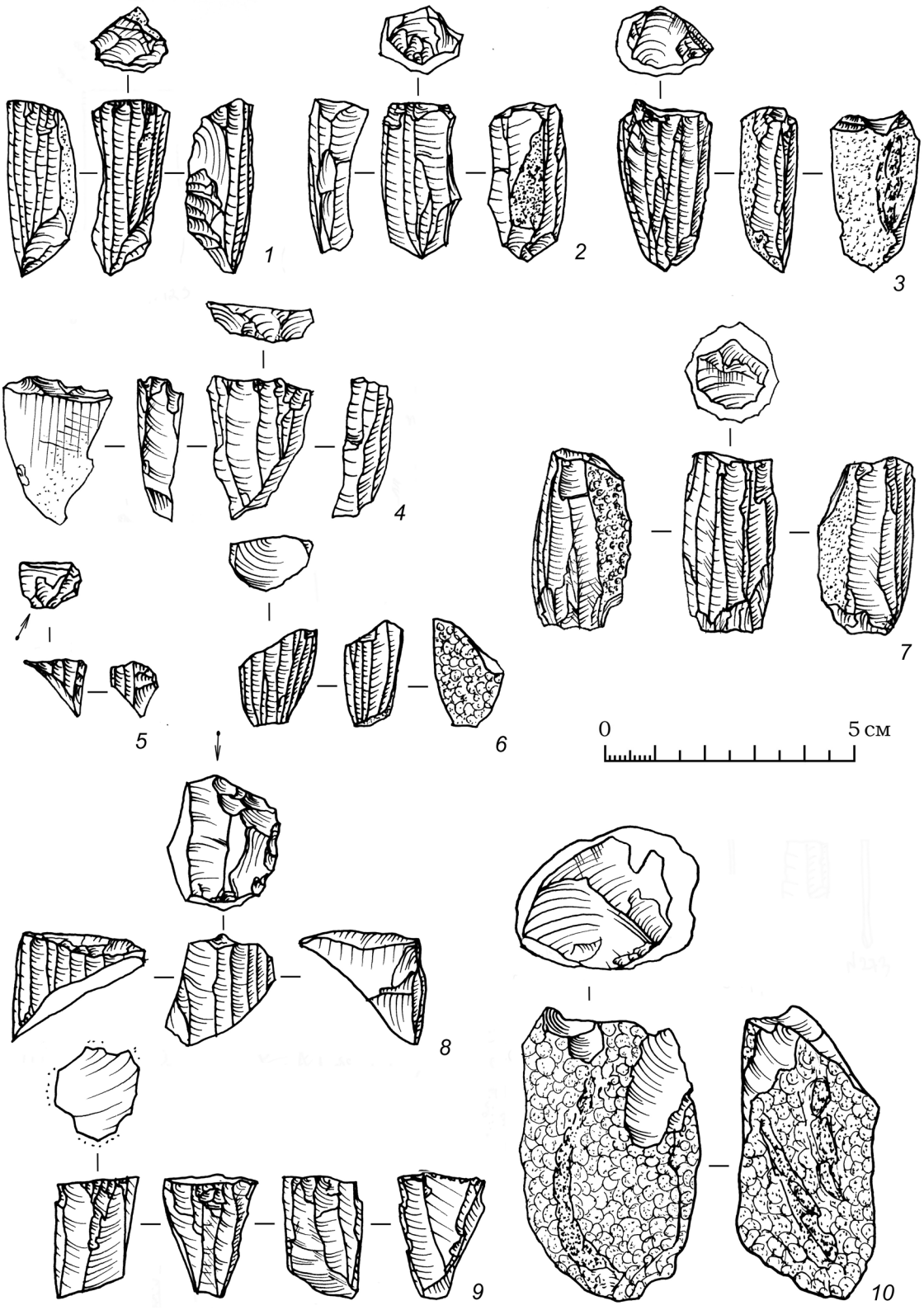


Рис. 1. Грот Сосруко. Слой М-1. 1-4, 7, 9 – нуклеусы из обсидиана,
5, 6, 8 – сколы оживления нуклеусов из обсидиана, 10 – преформа нуклеуса из обсидиана

Fig. 1. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. 1-4, 7, 9 – obsidian cores;
5, 6, 8 – obsidian core rejuvenation flakes; 10 – obsidian core preform

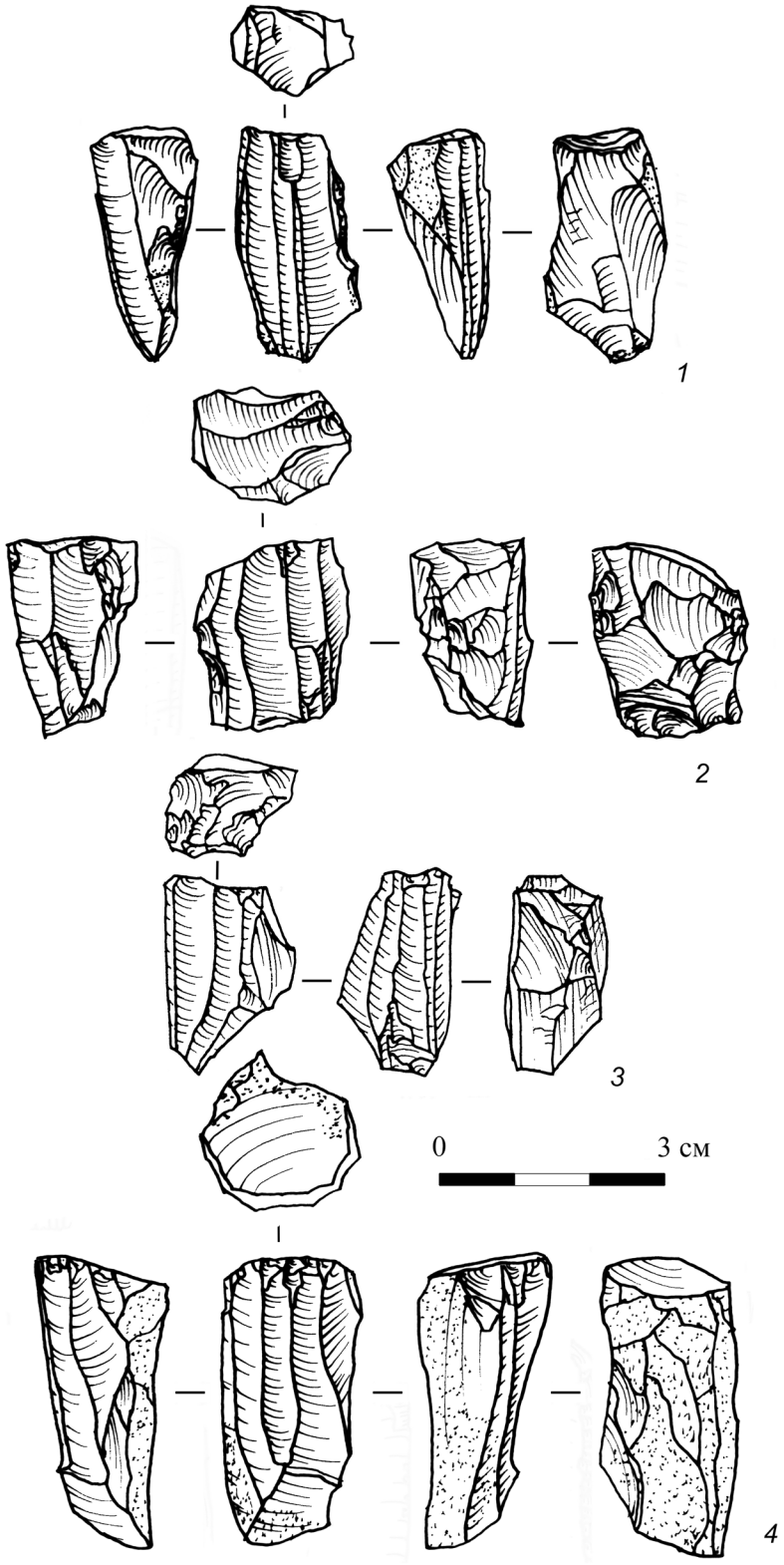


Рис. 2. Грот Сосруко. Слой М-1. Нуклеусы из кремня

Fig. 2. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. Flint cores

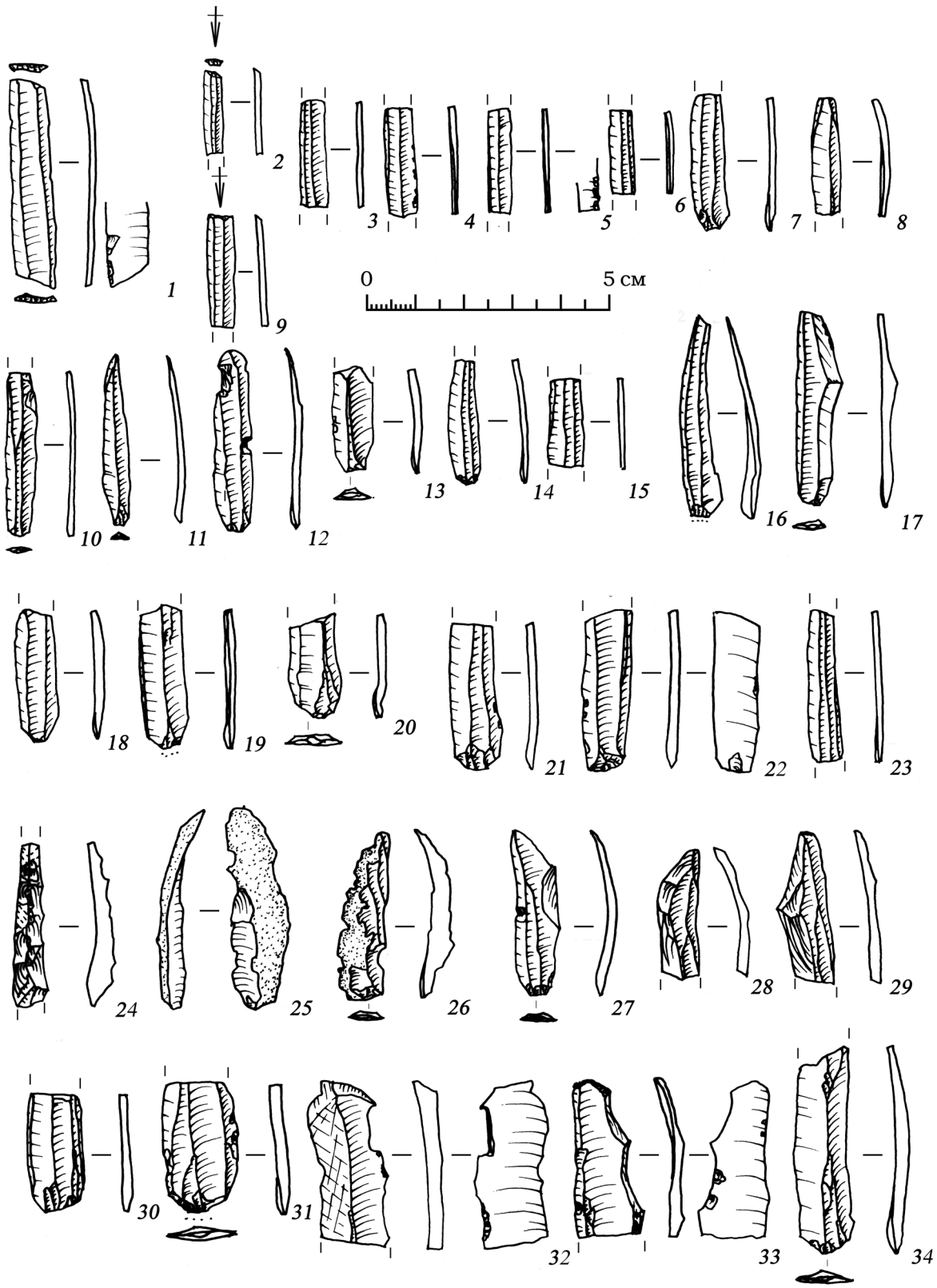


Рис. 3. Грот Сосруко. Слой М-1. 1, 2, 9 –микролиты из обсидиана,
3-8, 10-34 – пластинчатые сколы из обсидиана

Fig. 3. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. 1, 2, 9 – obsidian microliths;
3-8, 10-34 – obsidian blades, bladelets and microbladelets

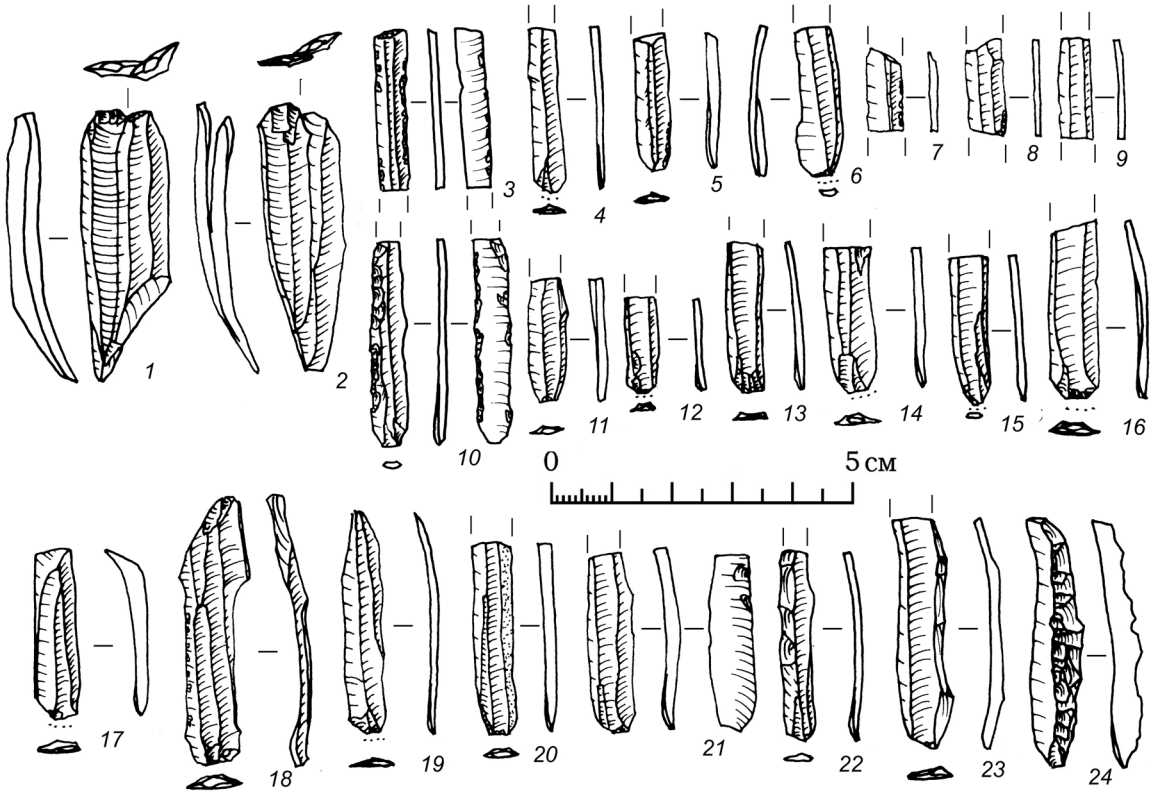


Рис. 4. Грот Сосруко. Слой М-1. 1, 2 – ремонтаж кремневых пластинок, 3 – микролит из кремня, 4-9, 11-24 – пластинчатые сколы из кремня, 10 – микропластинка с ретушью из кремня

Fig. 4. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. 1, 2 – refitted flint bladelets; 3 – flint microlith; 4-9, 11-24 – flint bladelets and microbladelets; 10 – retouched flint microbladelet

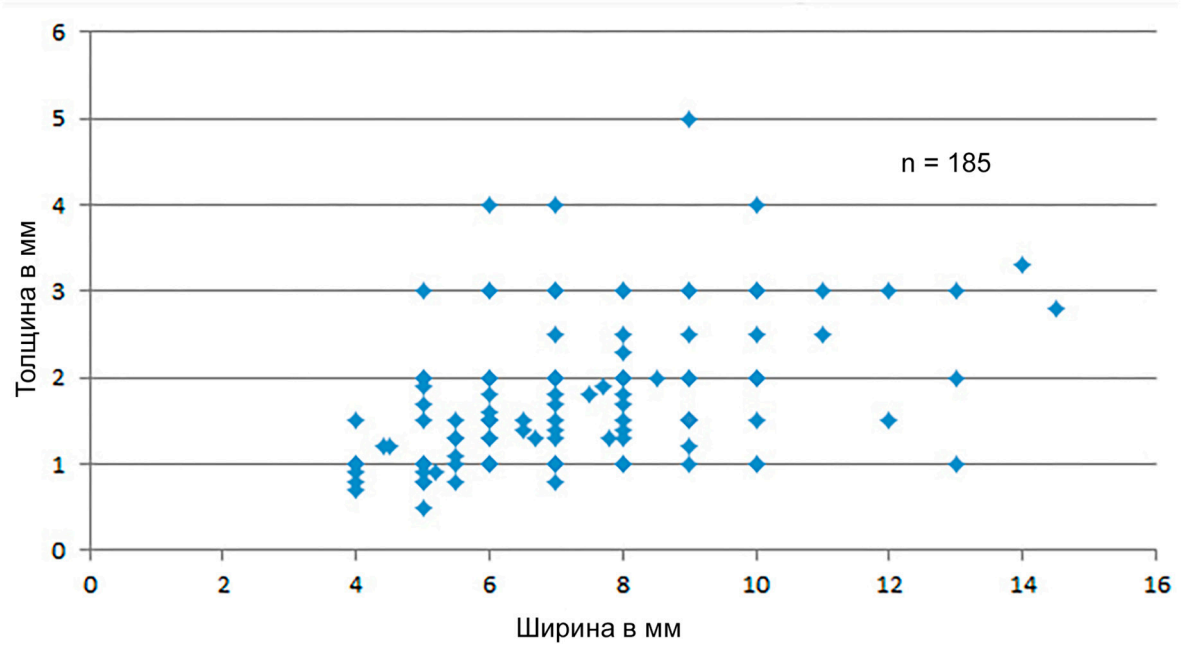


Рис. 5. Грот Сосруко. Слой М-1. Метрические параметры пластинчатых сколов

Fig. 5. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. Thickness/width ratio of blades, bladelets and microbladelets

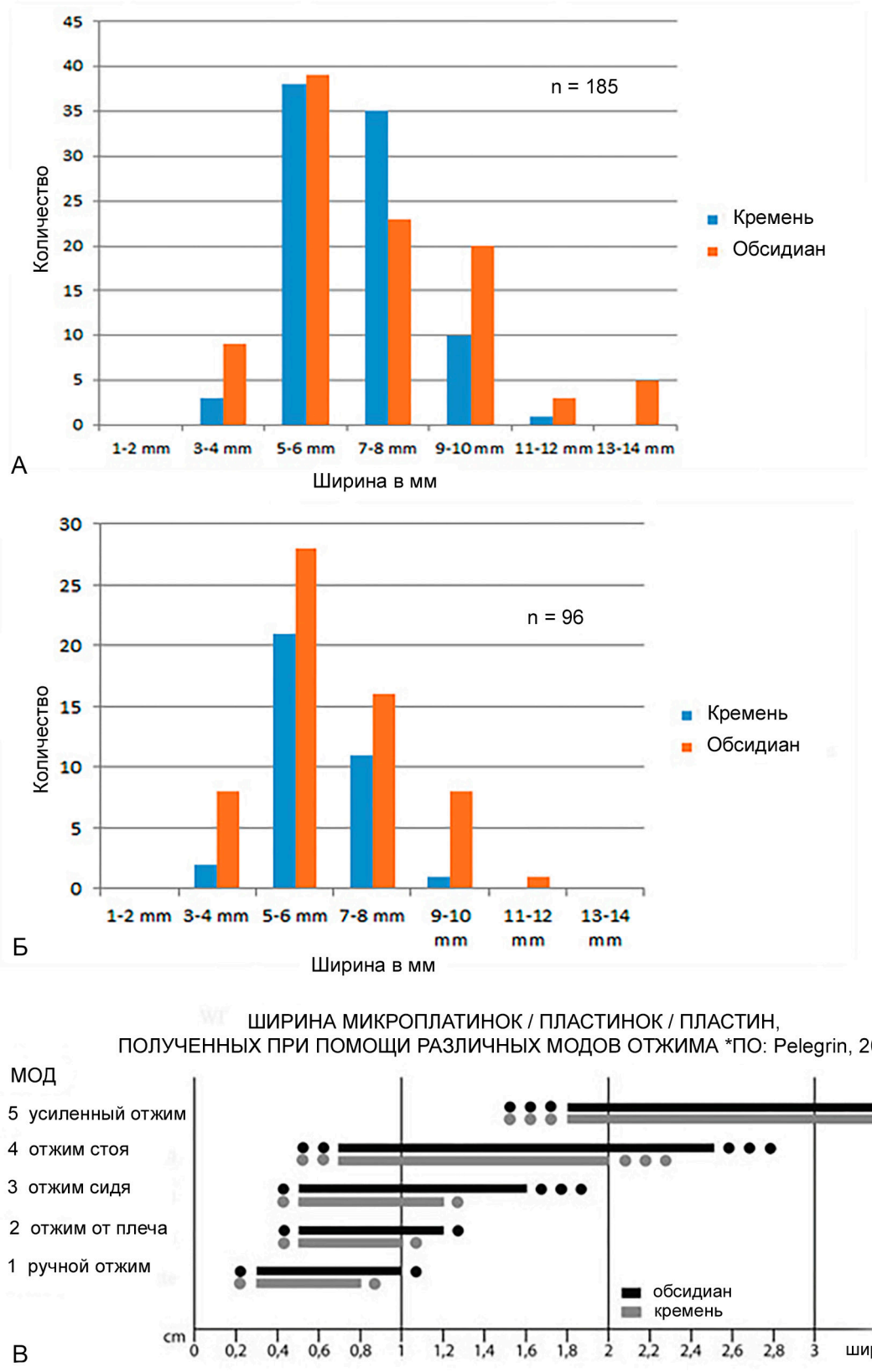


Рис. 6. Грот Сосруко. Слой М-1. А. Распределение по ширине всех пластинчатых сколов из кремня и обсидиана. Б. Распределение по ширине пластинчатых сколов из кремня и обсидиана, определенно и вероятно полученных отжимом. В. Ширина пластинчатых сколов из кремня и обсидиана, полученных экспериментальным путем при помощи Модов 1-5 отжимной техники по: [15]

Fig. 6. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. A. Width of all flint and obsidian blades/bladelets/microbladelets; B. Width of flint and obsidian bladelets/microbladelets definitely/probably produced with pressure; C. Width of blades/bladelets/microbladelets produced experimentally with the pressure modes 1-5 according to: [15]

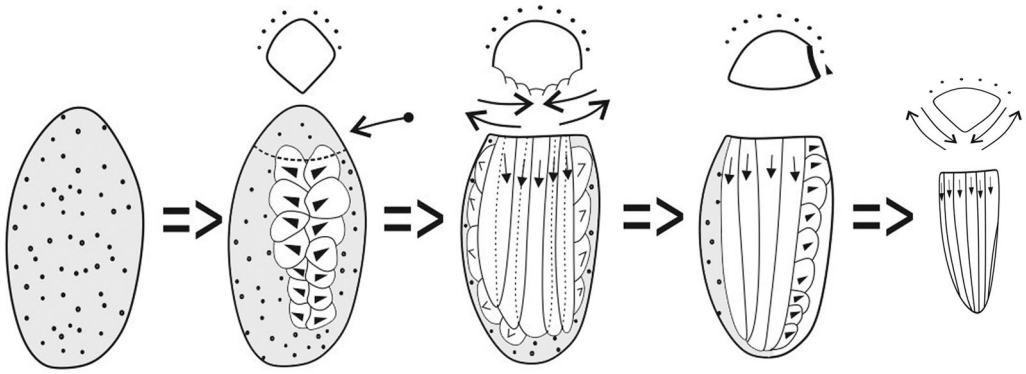


Рис. 7. Грот Сосруко. Слой М-1. Схема метода получения пластинок и микропластинок

Fig. 7. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. Schematized method of bladelet/microbladelet production

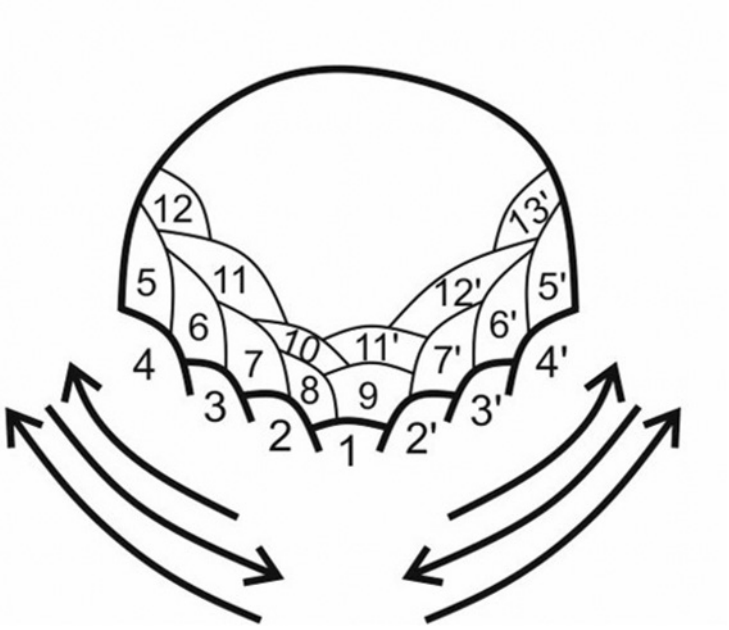


Рис. 8. Грот Сосруко. Слой М-1. Реконструкция ритма расщепления при отжиме

Fig. 8. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. Reconstruction of the pressure rhythm of debitage

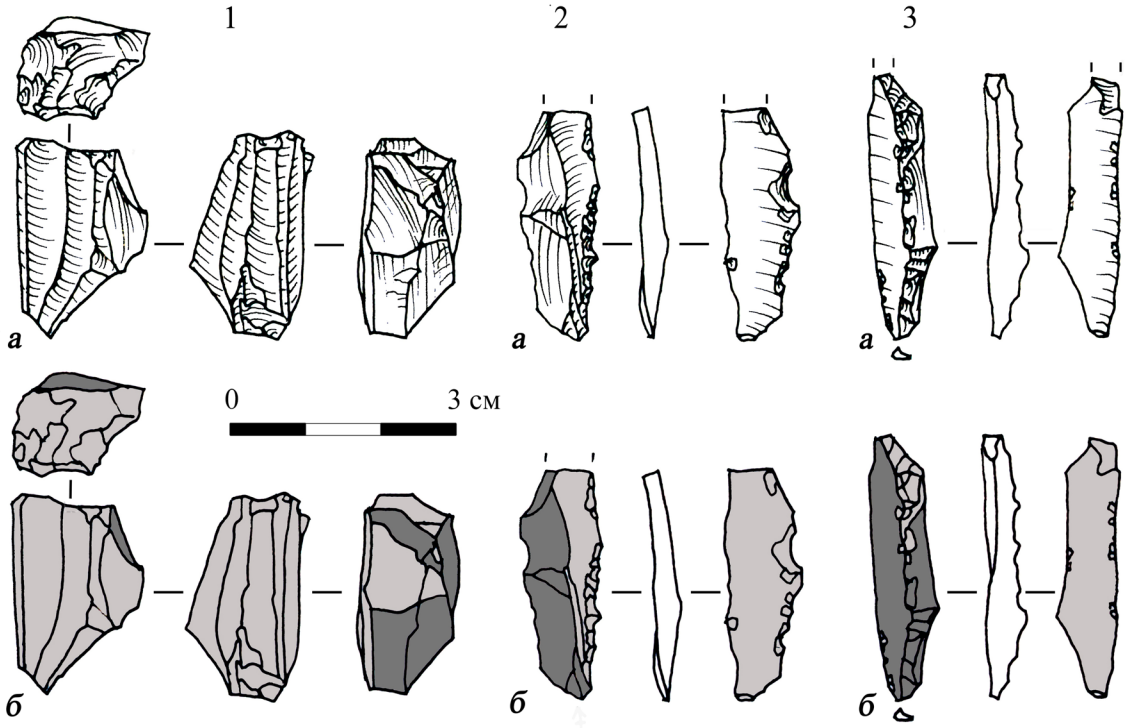


Рис. 9. Грот Сосруко. Слой М-1. Тепловая обработка кремня. 1 – нуклеус из кремня, 2, 3 – ребристые пластинки. а – графическое изображение кремневых продуктов расщепления, б – схематичное изображение продуктов расщепления: глянцевые блестящие негативы отмечены светло-серым цветом, матовые негативы – темно-серым

Fig. 9. Sosruko Rockshelter. Layer M-1. Heat treatment of flint. 1 – flint core; 2, 3 – crested bladelets. a – drawings of flint debitage, b – schematic drawings: glossy shiny negatives are indicated in light gray, matte negatives – in dark gray

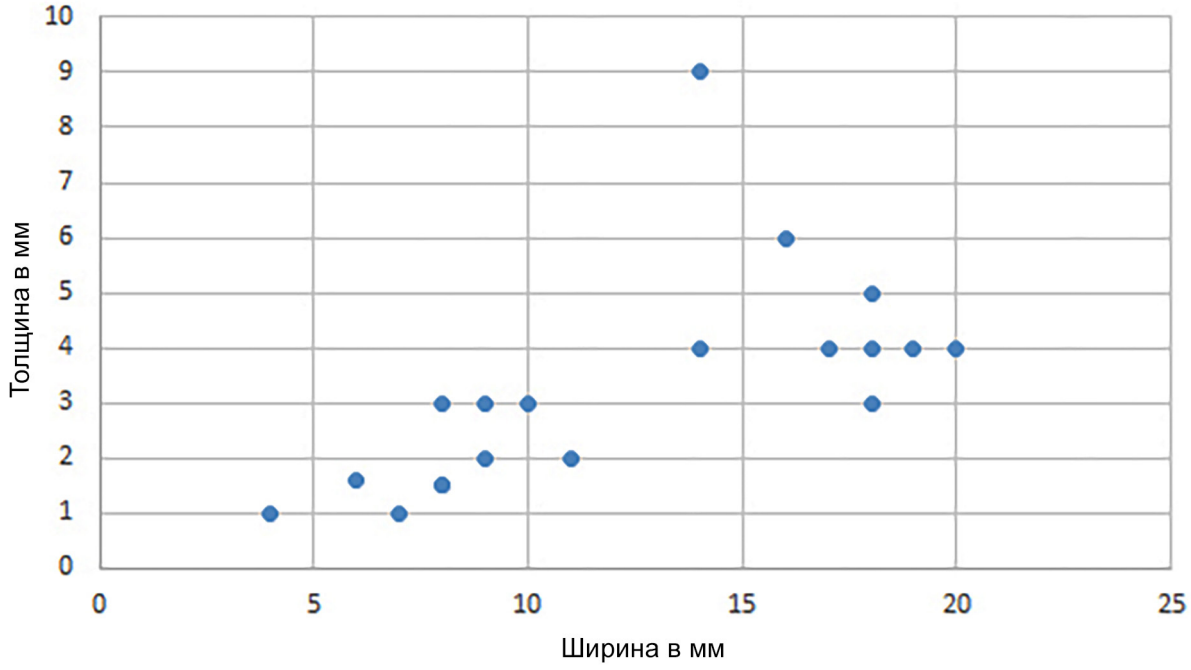


Рис. 10. Грот Сосруко. Слой М-2. Метрические параметры пластинчатых сколов

Fig. 10. Sosruko Rockshelter. Layer M-2. Thickness/width ratio of blades, bladelets and microbladelets

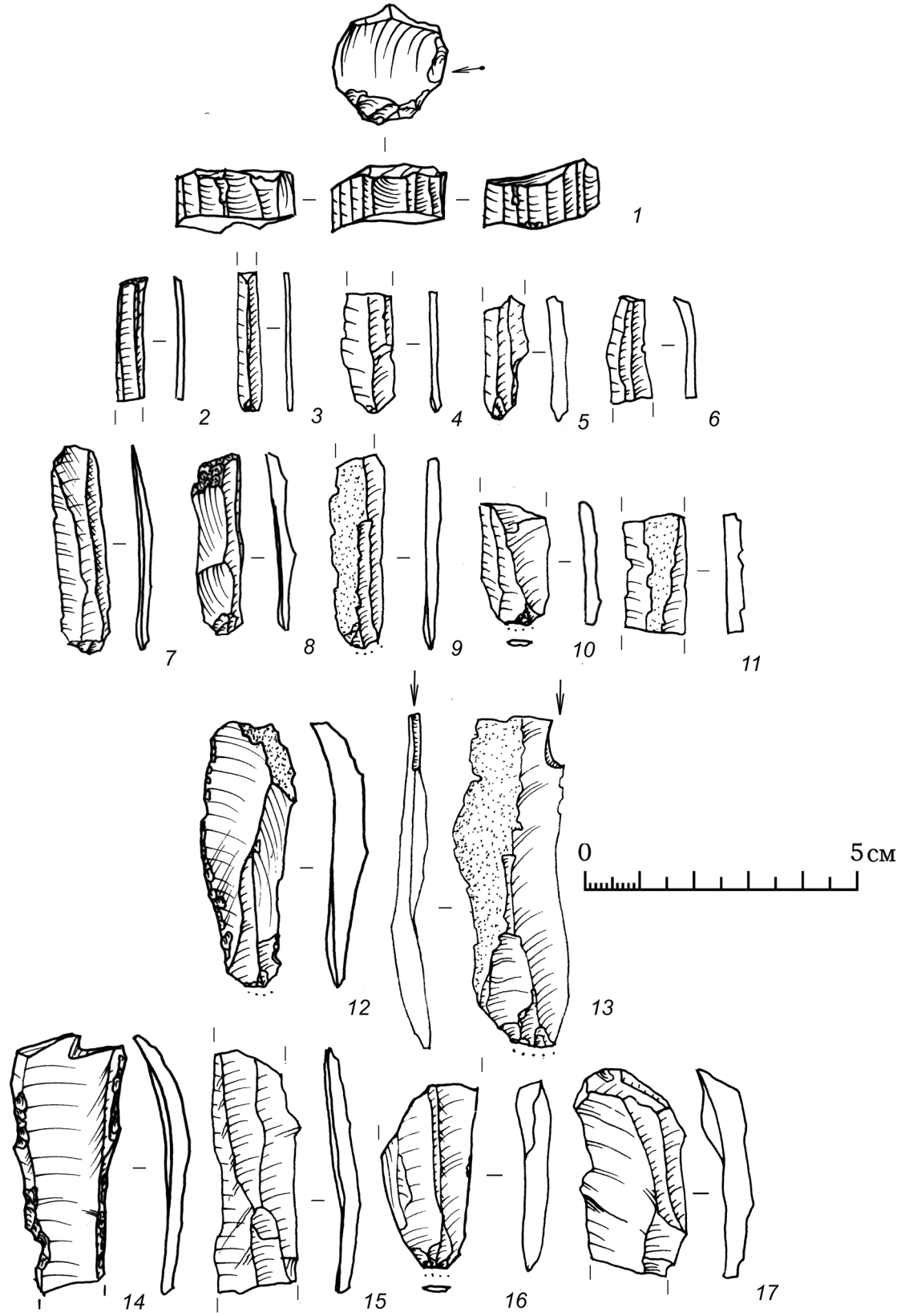


Рис. 11. Грот Сосруко. Слой М-2. 1 – скол оживления площадки нуклеуса, 2 – микролит, 12 –пластина с ретушью, 13 – резец, 3-11, 14-17 – пластинчатые сколы из обсидиана

Fig. 11. Sosruko Rockshelter. Layer M-2. 1 – obsidian core rejuvenation flake; 2 – obsidian microlith; 12 – obsidian retouched blade; 13 – obsidian burin; 3-11, 14-17 – obsidian blades/bladelets/microbladelets

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Манько В.А., Чхатарашвили Г.Л.* Стоянка Сосруко: проблемы интерпретации каменных комплексов // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 36-57.

2. *Binder D.* PPN Pressure Technology: views from Anatolia. // Technical systems and PPN communities in the near East / L. Astruc, D. Binder, F. Briois (eds.), 2007, P. 235-243.

3. *Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Tregub T.F., Volkov M.A., Spasovskiy Y.N., Petrov A. Yu., Maksimov F.E., Nedomolkin A.G.* Dynamique du climat et du peuplement du Caucase Nord-Central au tournant du Pléistocène et de l'Holocène // L'Anthropologie. 2020. Vol. 124. Issue 2. 102759.

4. *Леонова Е.В.* Грот Сосруко: ревизия материалов из раскопок С.Н. Замятнина и радиоуглеродная хронология верхних слоев каменного века // Camera praehistorica. 2021. № 1 (6). С. 101-119.

5. *Замятнин С.Н., Акритас П.Г.* Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки. Т. XIII. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. С. 431-452.

6. *Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В.* Новые данные по палеолиту Приэльбрусья // Российская археология. 2019. № 2. С. 7-18

7. *Pelegrin, J., Karlin C. and Bodu P.* «Chaînes opératoires»: un outil pour le préhistorien.Technologie préhistorique // Notes et Monographies techniques. 25. Paris: CNRS, 1988. P. 55-62.

8. *Geneste J.-M.* L'approvisionnement en matière premiére dans les systémes de production lithique: la dimension spatiale de la technologie // Tecnologia ycadenas operativas liticas, Treballs d'arqueologia I reunión internacional, 15-18 enero de 1991 / R. Mora, X. Terradas, A. Parpal, C. Plana (eds.). Barcelona: Universitat Autonoma Barcelona, 1991. P. 1-36.

9. *Tixier J.* L'industrie lithique capsienne de l'Ain Dokkara, région de Tébessa // Libyca. Vol. 24. Algérie, 1976, P. 21-54.

10. *Binder D.* Le Néolithique ancien provençal: technologie et typologie des outillages lithiques. Supplement a Gallia-Prehistoire, Vol. 24. Paris: CNRS, 1987. 205 p.

11. *Inizan M.-L., Lechevallier M.* L'adoption du debitage laminaire par pression au Proche orient // Neolithic Chipped Stone industries in the Fertile Crescent / Eds. H.G. Gebel and S.K. Kozlowski. Berlin: Ex Oriente, 1994. P. 23-32.

12. *Еськова Д.К., Леонова Е.В., Фёдорова А.Ю.* Появление техники отжима пластинчатых сколов на Северо-Западном и Центральном Кавказе // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология. М.: ИА РАН, 2022. М.: ИА РАН, 2022. С. 44–72.

13. *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб: ИИМК РАН, 1997. 198 с.

14. *Pelegrin J.* Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results // J. Apel & K. Knutsson (eds.). Skilled Production and Social Reproduction. Aspects of Traditional Stone-Tool

REFERENCES

1. Manko VA, Chkhatarashvili GL. The Sosruko site: problems of interpreting of the chipped stone assemblages. *Camera praehistorica*. 2021, 2: 36-57. (In Russ.)

2. Binder D. PPN Pressure Technology: views from Anatolia. In: L. Astruc, D. Binder, F. Briois (eds.). *Technical systems and PPN communities in the Near East*. 2007: 235-243.

3. Golovanova LV, Doronichev VB, Doronicheva EV, Tregub TF, Volkov MA, Spasovskiy YN, Petrov AYu, Maksimov FE, Nedomolkin AG. Dynamique du climat et du peuplement du Caucase Nord-Central au tournant du Pléistocène et de l'Holocène. *L'Anthropologie*. 2020, 124(2): 102759.

4. The Sosruko Rockshelter: revision of materials of the excavation conducted by S.N. Zamiatnin and the Upper Horizons Radiocarbon Chronology. *Camera praehistorica*. 2021, 1(6): 101–119. (In Russ.)

5. Zamyatnin SN, Akritas PG. The Sosruko Rockshelter excavations in 1955. In: *Uchennie zapiski*. XIII. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1957: 431-452. (In Russ.)

6. Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V. New data on the Paleolithic of Elbrus region. *Russian archaeology*. 2019, 2: 7-18 (in Russ.)

7. Pelegrin J, Karlin C, Bodu P. «Chaînes opératoires»: un outil pour le préhistorien.Technologie préhistorique. *Notes et Monographies techniques*. 25. Paris: CNRS, 1988: 55-62.

8. Geneste J-M. L'approvisionnement en matière premiére dans les systémes de production lithique: la dimension spatiale de la technologie. In: R. Mora, X. Terradas, A. Parpal, C. Plana (eds.). *Tecnologia y cadenas operativas liticas. Reunión Internacional, 15-18 Enero de 1991. (Treballs d'arqueologia I)*. Barcelona: Universitat Autonoma Barcelona, 1991: 1-36.

9. Tixier J. L'industrie lithique capsienne de l'Ain Dokkara, région de Tébessa. *Libyca*. 24. Algérie, 1976: 21-54.

10. Binder D. *Le Néolithique ancien provençal: technologie et typologie des outillages lithiques*. (*Supplement a Gallia-Prehistoire*. 24). Paris: CNRS, 1987.

11. Inizan M-L, Lechevallier M. L'adoption du debitage laminaire par pression au Proche orient. In: H.G. Gebel and S.K. Kozlowski (eds.). *Neolithic Chipped Stone industries in the Fertile Crescent*. Berlin: Ex Oriente, 1994. pp. 23–32.

12. Eskova DK, Leonova EV, Fyodorova AYu. The emergence of the pressure blademaking in the North-Western Caucasus and the Elbrus region. In: Zhilin M.G. (ed.). *The microliths in the cultures of the Upper Paleolithic and the Mesolithic of Europe: typology, technology and use-wear analysis*. Moscow: Institute of archaeology of RAS, 2022: 44-72. (In Russ.)

13. Girya YYu. *Lithic technology: the methods of the micro- and macro-analysis of the ancient tools. Part 2*. St. Petersburg: Institute of material culture of RAS, 1997. (In Russ.)

14. Pelegrin J. Long Blade Technology in the Old World: An Experimental Approach and Some Archaeological Results In: J. Apel & K. Knutsson (eds.). *Skilled Production and Social Reproduction. Aspects of Traditional Stone-Tool Technologies. Proceedings of a Symposium in*

Technologies. Proceedings of a Symposium in Uppsala, August 20-24, 2003. Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis, 2006. P. 37-68.

15. *Pelegrin J.* New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // P.M. Desrosiers (ed.). The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modem Experimentation. New–York: Springer, 2012. P. 237-259.

16. *Golovanova L.V., Doronicheva E.V., Nedomolkin A.G., Doronichev V.B., Shirobokov I.G., Petrov A.Yu., Maksimov F.E.* The stone industry transformations at the edge of Pleistocene and Holocene: Evidence from the north-western and north-central Caucasus // Archaeological Research in Asia. Issue 31. 2022. P. 1-29.

17. *Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С.* Эпипалеолитические комплексы Навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 147-162.

18. *Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Федорченко А.Ю.* Технология обработки каменного сырья в эпипалеолите Восточного Приэльбрусья (по материалам стоянки Навес Бадыноко) // Вестник НГУ. 2019. Т.18. № 7. С. 112-131.

19. *Зенин В.Н., Орлова Л.А.* Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 54–57.

20. *Еськова Д.К., Леонова Е.В.* Время появления техники отжима пластинчатых заготовок на Северо-Западном Кавказе и хронология ее распространения на сопредельных территориях // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2023. № 1. С. 138-149.

21. *Amirkhanov H.A.* Chronology of Cultural Deposits of the Chokh Multilayered Settlement (According to 2022 Data) // History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. № 18 (3). P. 715-728.

22. *Chkhatarashvili G., Manko V.* Kobuleti site: the evidence of Early Holocene occupation in Western Georgia // Documenta Praehistorica. XLVII. 2020. P. 28-35.

Поступила в редакцию 117.01.2023 г.
Принята в печать 11.02.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Uppsala, August 20-24, 2003. Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis, 2006: 37-68.

15. Pelegrin J. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: P.M. Desrosiers (ed.). *The Emergence of Pressure Blade Makin: From Origin to Modem Experimentation*. New-York: Springer, 2012: 237-259.

16. Golovanova LV, Doronicheva EV, Nedomolkin AG, Doronichev VB, Shirobokov IG, Petrov AYu, Maksimov FE. The stone industry transformations at the edge of Pleistocene and Holocene: Evidence from the north-western and north-central Caucasus. *Archaeological Research in Asia*. 2022, 31: 1-29.

17. Seletskiy MV, Shnaider SV, Zenin VN, Krivoshapkin AI, Kolobova KA, Alisher Kyzy S. Epipaleolithic Complexes of the Badynoko Rockshelter (Elbrus Region). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2017, 418: 147-162. (In Russ.)

18. Seletskiy MV, Shnaider SV, Fedorchenko AYu. Techniques for Processing Lithic Material during Epipalaeolithic in the Eastern Elbrus Region (On Materials of the Naves Badynoko Site). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History and Philology*. 2019, 18(7): 112-131. (In Russ.)

19. Zenin VN, Orlova LA. The Stone Age of Baksan Gorge: chronological aspect. In: *XXIV Krupnov's readings on archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports*. Nalchik, 2006: 54-57. (In Russ.)

20. Eskova DK, Leonova EV. Dating the pressure blademaking emergence in the North-Western Caucasus and the chronology of the pressure technique diffusion in the neighboring regions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series XXIII. Antropology*. 2023, 1: 138-149.

21. Amirkhanov HA. Chronology of Cultural Deposits of the Chokh Multilayered Settlement (According to 2022 Data). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(3): 715-728.

22. Chkhatarashvili G, Manko V. Kobuleti site: the evidence of Early Holocene occupation in Western Georgia. *Documenta Praehistorica*. XLVII. 2020: 28-35.

Recieved 17.01.2023
Accepted 11.02.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192435-459

Исследовательская статья

Амирханов Хизри Амирханович
д.и.н., профессор, академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

ГОБУСТАНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. На основе изучения конкретных материалов в статье обосновывается выделение новой для Кавказа неолитической археологической культуры, которую предлагается назвать *гобустанской*. В качестве базовых для подробного типологического анализа использованы многочисленные коллекции каменных изделий, которые происходят из культурных слоев наиболее представительной для неолита Гобустана стоянки Аназага. Материалы эти известны с 1965 г., но до настоящего времени они не становились предметом монографического изучения и специальной публикации. В предлагаемой работе указанные коллекции рассматриваются не изолировано, а в контексте синхронных памятников рассматриваемого региона и более широко – в культурном ареале, который включает в себя неолитические индустрии рассматриваемого типа. Главным типологическим основанием для выделения *гобустанской неолитической культуры* является тип изделий, который определен автором, как острие типа *уйташ*. В функциональном отношении этот предмет является специфическим кремневым наконечником стрелы. География данного культуроопределяющего типа включает в себя пространство побережий Каспийского моря, по крайней мере, от Гобустана до места сужения Прикаспийской низменности на дагестанском побережье в районе современной Махачкалы. В виду неопределенности и неполной публикации данных радиоуглеродного анализа, о хронологических рамках *гобустанской неолитической культуры* в настоящий момент приходится рассуждать, оперируя лишь понятиями относительного возраста. Опираясь на возможности сравнительно-типологического датирования, можно говорить о ее функционировании на протяжении 6-го и, вероятно, начала 5-го тысячелетий до н.э., т.е., примерно, синхронно с двумя другими неолитическими культурами Восточного Кавказа – Шомутепинской и Чохской. При этом гобустанская культура радикально отличалась от двух последних не только показателями материальной культуры, но и стратегией жизнеобеспечения, свойственной для ее носителей.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика; Гобустан; неолит, археологическая культура, каменная индустрия, культуроопределяющий тип; острие типа *уйташ*

Для цитирования: Амирханов Х.А. Гобустанская неолитическая культура // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 435-459. doi.org/10.32653/CH192435-459

© Амирханов Х.А., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192435-459

Research paper

Hizri A. Amirkhanov,
Dr. Sci., Prof., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

THE GOBUSTAN NEOLITHIC CULTURE

Abstract. Based on the study of concrete material, the paper proposes to introduce a new Neolithic archaeological culture in the Caucasus – the *Gobustan culture*. As the basis for a detailed typological analysis, the author examined numerous collections of stone tools, uncovered from the cultural layers of the Anazaga site. Although known since 1965, these materials have not been the subject of any monographic publication until now. The proposed study considers these collections in the context of synchronous sites of the region and in more broad terms – in the cultural area, which includes Neolithic industries of the studied type. The main typological basis for the identification of the *Gobustan Neolithic culture* is the type of tools, which is defined by the author as the Uytash point. In functional terms, this item is a peculiar flint arrowhead. The geography of this cultural-defining type includes the area of the Caspian Sea coasts, at least from Gobustan to the place of narrowing of the Caspian lowland on the Dagestan coast in the vicinity of modern Makhachkala. In view of the ambiguity and incompleteness of publications of data on radiocarbon analysis, the chronological framework of the *Gobustan culture* at the moment has to be discussed using only the concepts of relative age. Based on the possibilities of comparative-typological dating, we suggest to consider the time of its functioning in the period of the 6th and probably the beginning of the 5th millennia BC, approximately synchronously with two other Neolithic cultures of the Eastern Caucasus – Shomutepe and Chokh. At the same time, the *Gobustan culture* radically differes from the last two not only in terms of material culture, but also in the life-support strategy, characteristic to its bearers.

Keywords: Azerbaijan Republic; Gobustan; Neolithic; archaeological culture; lithic industry; culture-defining type; Uytash point.

For citation: Amirkhanov H.A. The Gobustan Neolithic culture. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 435-459. doi.org/10.32653/CH192435-459

© H.A. Amirkhanov, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Гобустан – район на востоке Республики Азербайджан, получивший широкую известность благодаря экстраординарным объектам первобытного наскального искусства [1–5]. В тени петроглифических исследований остается то, что он является одновременно местом необычайно плотного сосредоточения собственно археологических памятников, относящихся, в частности, к каменному веку. Среди последних по своей многочисленности и массовости обнаруженного материала центральное место занимают стоянки эпохи неолита.

Центрами сосредоточения памятников Гобустана являются три изолированные горы: Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг (рис. 1). Все они относятся к останцевым образованиям столового типа с плоскими вершинами. Названные горы возвышаются над Прикаспийской низменностью на одну и ту же высоту в несколько сотен метров. Вершины их сложены бронирующим пластом известняков толщиной, достигающей (на глаз) 15–20 м. Под известняками залегают податливые к размыву глины и глинистые сланцы. Разрушение этих глинистых отложений приводило к обрушению оставшихся без опоры известняковых пластов и накоплению их фрагментов на склонах гор и у подножий в виде огромных блоков. Хаотическое нагромождение таких скальных блоков создает иногда на склонах относительно замкнутые пространства, не образующие при этом перекрытия в виде сплошного потолка. Именно с такими объектами связаны обычно памятники с сохранившимися культурными слоями и скальными панно с разновременными петроглифами.

Наиболее выразительным из описываемых объектов, и в природном, и историко-культурном отношении, является гора Беюкдаш. Расстояние до нее от г. Баку составляет 65 км. Все три названные горы расположены относительно недалеко друг от друга. Например, расстояние между Беюкдашем и Кичикдашем составляет около 3 км.

К горе Беюкдаш приурочены такие памятники, как Овчулар, Аназага, Окюзлар 1, Окюзлар 2, Кяниза. Все перечисленные объекты соотносятся с так называемой верхней морской террасой г. Беюкдаш. Высота над уровнем моря у подножия Беюкдаш и Кичикдаш равна 20 м. Это на 7–8 м выше в сравнении с современным уровнем Каспийского моря.

На склонах горы Кичикдаш расположены стоянки под навесами Гаяарасы (созвучно названию неолитической стоянки Кая арасы в Крыму), Гаяарасы 2, Фируз 1, Фируз 2, Джейранлар. Большинство этих и перечисленных выше объектов содержат археологические материалы, относящиеся к каменному веку в пределах преимущественно раннего и среднего голоцена.

Сведения о памятниках и об их материалах опубликованы большей частью в предварительном виде [6–11] или в обобщённой форме [12; 13]. Необходимость детального описания материалов стоянок и введения их в научный оборот в монографическом виде все еще остается актуальной.

Задачей предлагаемой работы является анализ материалов ключевого неолитического памятника Гобустана – стоянки Аназага и обоснование новой для неолита Кавказа археологической культуры, которую предлагается назвать гобустанской.

В дополнение к типологической аргументации рассматриваются вопросы пространственного и хронологического содержания данного культурного образования, общих признаков ее социокультурной природы и места выделяемой культуры на карте неолита Кавказа.

Стоянка Аназага[1]: общие сведения

Стоянка Аназага (с азербайджанского – «мать пещер») относится к типу скальных убежищ (рис. 2) и является самым представительным памятником неолита Гобустана. Ее напластования содержат культурные слои неолита, энеолита, бронзового века, а также разнородные находки более поздних эпох. С большой долей уверенности можно говорить о наличии в коллекции каменных изделий Аназага примеси мезолитического материала и, возможно, артефактов более раннего, верхнепалеолитического времени. Особое место в стратиграфии памятника занимают слои 2 и 3, содержащие многочисленные неолитические материалы в виде кремневых артефактов и фрагментированные остатки костей животных. Каменная индустрия именно этих слоев будет предметом детального рассмотрения, осуществляемого в данной работе.

Стоянка расположена на обращенном в сторону моря юго-восточном склоне горы Беюкдаш в 65 км к юго-западу от г. Баку. Высота над уровнем моря у основания горы составляет +/– 0 м. Это на 27 м выше современного уровня Каспийского моря. Расстояние от памятника до берега Каспия не превышает 5–6 км.

Раскопки стоянки Аназага производились в 1965-1966 гг. на площади 25–30 кв.м. К неолиту, как указано выше, здесь были отнесены два слоя (слои 2 и 3). Коллекция материалов стоянки хранится в музее при Гобустанском национальном историко-художественном заповеднике. Материал разложен в коробках и свертках по годам раскопок с частичным группированием по категориям находок. В ходе полного разбора коллекции, осуществленного автором этих строк, способ хранения материалов сохранен в первоначальном виде.

Исследователь памятника Д.Н. Рустамов не успел систематизировать и издать монографически материалы стоянки Аназага. Археологический материал из всех слоев памятника (включая и фаунистические остатки) составляет по описи музея при Гобустанском заповеднике суммарно 30 000 предметов. Подавляющее большинство их приходится на слои 2 и 3, содержащие, в основном, неолитический материал.

Подробные данные о стратиграфии, планиграфии стоянки, как и развернутая характеристика археологических находок и опись фаунистических материалов, остаются до настоящего времени неопубликованными. Автору пока не удалось ознакомиться и с полевой раскопочной документацией, где эти сведения могли бы содержаться. Таким образом, доступная автору информация в этой части ограничивается указанными выше публикациями.

Изученная автором в 2022 г. коллекция слоев 2 и 3 скального убежища Аназага включает в себя нуклеусы вместе с их обломками и заготовками, а также изделия со вторичной обработкой. Несмотря на то, что данные категории находок учитывались нами полностью, количественные показатели, приводимые ниже в таблицах,

1. Аназага – название двусложное. В публикациях встречается его раздельное написание – Ана зага. Автор использует вариант написания, использованный Д.Н. Рустамовым при введении памятника в научный оборот.

отражают значения не абсолютные, но близкие к реальности. Дело в том, что некоторая часть изделий стоянки (особенно геометрические микролиты) была изъята и использована для организации экспозиции музея при Гобустанском заповеднике. Это никак не меняет общей картины инвентаря, и статистические подсчеты верно отражают суть и типологическую структуру соответствующих коллекций стоянки Аназага. Поэтому в большинстве случаев указанные в типологических списках цифровые показатели нужно рассматривать, как значения «не менее», чем приводимое число. При анализе материалов автором не делались подсчеты заготовок. Характер и количественные пропорции различных видов заготовок хорошо представляет набор изделий со вторичной обработкой, детально просмотренный при работе с коллекцией. Не учтены в данной работе и отходы производства.

Каменный инвентарь слоев 2 и 3 стоянки Аназага является той частью добытого раскопками материала, который может рассматриваться как полноценный источник для технико-типологического анализа и основывающихся на нем интерпретаций.

Исходное сырье. С точки зрения первичного каменного сырья индустрию неолитических слоев 2 и 3 можно охарактеризовать как моносырьевую, основанную на меловом кремне сероватого цвета. Конкретный источник сырья пока не известен. По всей вероятности, он находился где-то недалеко от гобустанских стоянок в Карадагских отрогах восточной оконечности Большого Кавказа. В многотысячных коллекциях каждого из двух неолитических слоев обнаружено не более, чем по 3–4 обсидиановых предмета. Заслуживает внимания факт, что среди 470 ядрищ коллекции обоих слоев нет ни одного изготовленного из обсидианового сырья. Среди имеющихся единичных обсидиановых сколов нет сколов, которые бы соответствовали отжимному характеру нуклеусов стоянки Аназага. Из этого может следовать, что рассматриваемые предметы являются в данной коллекции манупортами, подобранными и принесенными в свое время на стоянку ее обитателями из разрушенных слоев других разновременных памятников, во множестве расположенных вокруг. И не обязательно эти памятники должны относиться к неолитическому времени.

Разновидности какого-то другого, не кремнёвого сырья, которое целенаправленно использовалось бы для первичного раскалывания в рассматриваемых материалах, не отмечены. Здесь присутствует большое количество разнообразных изделий из известняковых галек. Последние сопровождаются галечными отщепами, которые являются отходами производства, но не продуктом раскалывания с целью получения сколов-заготовок. Неслучайно поэтому в инвентаре отсутствуют нуклеусы из такого сырья.

Первичное раскалывание. Как отмечено выше, исходным сырьем для нуклеусов служил кремень. В подавляющем большинстве случаев он непрозрачный, сероватого оттенка. Единично встречаются нуклеусы из кремня сургучного цвета и яшмовидного кремня различных оттенков от медового до черного.

Технология раскалывания в слоях 2 и 3 является тождественной и основывается на отжиме заготовок в форме, доведенной до совершенства. Важно отметить, что в огромном количестве ядрищ коллекций слоев 2 и 3 почти нет таких, которые бы относились к разновидностям иным, чем отжимные (рис. 3, *15–23*). Технологическая унификация отражается на том, что в типологическом отношении нуклеусы не демонстрируют большой разнородности.

Значимым признаком в характеристике описываемой категории вещей является размер изделий. По этому показателю ядрища Аназага делятся на обычные и микронуклеусы. Условной границей между ними является показатель в 2 см высоты рабочей плоскости нуклеуса. Предметы размерами меньше этого значения отнесены к микронуклеусам. Проводимое разделение нельзя считать чисто условным. И дело здесь не только в том, что количество последних в коллекциях слоев достаточно значительно. Еще более показательно, что микроострия (длина менее 2 см) в количественном отношении господствуют в инвентаре над остриями обычных размеров, т.е. превышающими этот показатель. Высота нуклеусов обычных, с которых скалывались заготовки для изготовления соответствующего подтипа остриев, находится в границах от 2 до 3,5 см.

Хотя граница между нуклеусами и микронуклеусами проводится здесь на отметке 2 см, высота рабочей плоскости микронуклеусов обычно ненамного превышает 1,5 см. И этот показатель не зависит от степени сработанности нуклеуса. Он остается практически постоянным на разных стадиях раскалывания микролитических ядрищ.

В морфологическом отношении нуклеусы распадаются на пять разновидностей. Понятно, что часть их на различных стадиях раскалывания трансформировались из одной формы в другую, например, призматические и конические в карандашевидные, или призматические в конические. Но, в любом случае, дробное членение в классификациях предпочтительнее слишком обобщенного, поскольку оно, все-таки, отражает технологические нюансы того или иного инвентаря. Например, в данном случае интересно, что микронуклеусы распадаются, как отмечено выше, на те же самые морфологические группы, что и ядрища обычных размеров. При этом и в той, и в другой группе количественно преобладают нуклеусы отжимные призматические.

Орудия и нуклеусы: типология. В общем виде послойный типологический состав материала отражает приводимая ниже таблица. В список не вошли заготовки, отходы производства, часть орудий на гальках и галечные отщепы. Они, вероятно, будут учтены при монографической публикации материалов данного памятника в будущем. Отсутствие их в таблице не препятствует достижению задачи данной работы и не влияет на обоснованность предлагаемых выводов.

Таблица. Послойный типологический состав орудий стоянки Аназага.

Table. Typological composition of tools from layers of the Anazaga site.

№ п/п	наименование предметов	количество предметов	
		слой 3 (1965 г.)	слой 2 (1966 г.)
Нуклеусы отжимные			
1	Призматические	59	104
2	Конические	26	34
3	Карандашевидные	16	33
4	Плоские	24	12

5	Торцевые	28	65
Микронуклеусы отжимные			
1	Призматические	3	6
2	Конические	-	25
3	Карандашевидные	4	-
4	Плоские	1	4
5	Торцевые	1	7
Обломки и заготовки нуклеусов			
6	Обломки нуклеусов	14	-
7	Заготовки нуклеусов	4	-
Итого нуклеусов:		**180**	**290**
Геометрические микролиты			
8	Сегменты удлинённые*[2]	1	-
9	Сегменты короткие	3	3
10	Трапеции низкие с не ретушированным узким основанием	2	3
11	Трапеции низкие с ретушированным узким основанием	1	-
12	Трапеции на узкой пластине*	-	2
Итого геометрических микролитов[3]:		**7**	**8**
Скребки			
13	Скребок концевой на крупной пластине*	1	-
14	Скребки концевые с шипом*	1	-
15	Концевые утолщенные	4	
Итого скребков:		**6**	-
16	Резцы на углу излома	2	-
17	Резец-скребок*	1	-
Итого резцов:		**3**	**-**
Острия			
18	Острия типа уйташ	73	92
19	Микроострия типа уйташ	42	193
20	Острия на отщепе с зауженным основанием*	1	-
21	Острия на отщепе с подправкой конца плоской ретушью с брюшка*	1	-
Итого остриев:		**117**	**285**
Зубчато-выемчатые орудия			
22	Пилки	3	-
23	Орудия с зубчатым краем, и ретушированным выступом	4	11
24	Орудия с зубчатой краевой ретушью	8	2
25	Орудия с выемками	9	2

2. Предметы, помеченные звездочкой, выбиваются из неолитического контекста Восточного Кавказа.
3. В таблице приведено количество изделий без учета предметов, изъятых для оформления музейной экспозиции. В действительности предметов данной категории больше, как минимум, в 2,3 раза.

26	Двувыемчатые орудия	12	10
Итого зубчато-выемчатых:		**36**	**25**
Другие орудия			
27	Микропластинки с мелкой зубчатой краевой ретушью	6	-
28	Пластинки со сплошной полукрутой ретушью по обоим краям	2	-
29	Орудия с симметрично зауженным туловом	4	4
30	Долотовидные орудия	1	-
31	Отбойники	4	3
32	Чопперы	3	2
33	Грузила	5	2
34	Желобчатые абразивы	7	-
35	Проколки с коротким жалом	-	4
36	Обломки пластинок и микропластинок с прямым ретушным сечением одного конца	-	10
37	Обломки орудий черешковых форм	5	-
Итого других орудий:		**37**	**25**
Всего орудий:		**206**	**343**
Всего нуклеусов и орудий:		**386**	**633**

При рассмотрении кремневого инвентаря Аназага видно, что некоторые предметы по своим типологическим, технологическим характеристикам, а иногда и внешним признакам, заметно отличаются от общей массы материала. Автор рассматривает их как очень вероятную инородную примесь к коллекциям неолитических слоев памятника. Предметов, о которых можно говорить, более или менее уверенно, как о примеси, не очень много. Внутри себя эта совокупность изделий тоже не однородна и делится на три группы. Первая из них (группа А), по-видимому, относится ко времени бронзового века. Об этом говорит сочетание в них таких признаков, как не очень выдержанный пластинчатый (не говоря уже о микроплатинчатом) характер заготовки с наличием элементов плоской ретуши. Такой ретушью подправлено, например, перо наконечника стрелы. Да и сама морфология этого наконечника резко отличается как от неолитических остриев слоев 2 и 3 стоянки Аназага, так и орудий аналогичной функции типично энеолитических памятников Кавказа.

Вторая группа изделий (группа Б), которая может рассматриваться как примесь к основному инвентарю слоев 2 и 3 Аназага, – это геометрические микролиты мезолитического облика в виде одного сегмента и нескольких трапеций. Эти орудия изготовлены на заготовках в виде нешироких пластин (а не пластинок и микропластинок). Заготовки получены ударным, а не отжимным способом, который органичен для неолита данного региона. Типологически такие формы (удлиненные сегменты и короткие высокие трапеции) обычны для мезолита всего Восточного Кавказа. В противоположность этому в неолите распространены мелкие сегменты и трапеции на пластинках и микропластинках. Такая картина проявляется особенно четко в тех памятниках, материалы которых не вызывают сомнений в их технико-типологической

однородности. И это в полной мере отражается и на материалах Гобустана с относительно гомогенными коллекциями.

К третьей группе (группа В) могут быть отнесены два орудия: скребок концевой на пластине и комбинированное орудие – резец-скребок. Здесь также обращает на себя внимание, прежде всего, не неолитический характер заготовок. Не маловажно и то, что комбинированные изделия на пластине такого явно неслучайного морфологического типа не свойственны неолитическим памятникам Гобустана. Если говорить о концевом скребке на крупной пластине, то он отличается от основной массы материала Аназага по сырью и характеру сохранности. Орудие изготовлено из высококачественного полупрозрачного кремня, который, как тип сырья, не типичен для инвентаря неолитических слоев 2 и 3. У предмета есть и внешний отличительный признак – его поверхность несет следы заметной дефляции. Такая ветровая обработка поверхности могла возникнуть в случае, если предмет продолжительное время находился в состоянии открытой экспозиции вне скального убежища. Вероятно, он был принесен сюда в качестве манупорта на одном из этапов формирования культурных отложений стоянки.

Состав коллекций неолитических слоев Аназага говорит о принадлежности инвентаря к базовым стоянкам. При этом отмечается выраженный акцент на производство охотничьего вооружения в виде наконечников стрел (в морфологическом смысле – остриев). Единичность скребков и резцов (или даже отсутствие их) в столь многочисленных коллекциях является указанием на ограниченность бытовой деятельности, осуществлявшейся на стоянке. Тот факт, что острия в их законченном и готовом к употреблению виде составляют от общего количества изделий со вторичной обработкой не менее 57% в слое 3 и не менее 83% в слое 2 наталкивает на мысль о том, что стоянка в определенные этапы своего существования использовалась в качестве мастерской для производства элементов оснастки охотничьего вооружения. Хотя, конечно, это могло быть эпизодом в истории бытования стоянки.

Каменный инвентарь стоянки распадается на категории различного функционального назначения. Можно говорить о представленности здесь групп изделий, которые предназначались для производства готовых орудий и их заготовок, использовались в качестве элементов охотничьего вооружения, применялись как принадлежность рыболовного снаряжения (грузила для рыболовной сети), служили в качестве бытовых производственных орудий (скребки, песты, чопперы, наковальни, правилки желобчатые, отбойники).

В отношении скребков Аназага (рис. 4, *14-16*) можно отметить, что их объединяет такой признак, как существенная утолщенность корпуса орудия при незначительных размерах заготовки. Здесь налицо избирательность при подборе первичной заготовки для изготовления орудия соответствующего типа.

Большое количество предметов коллекции приходится на изделия из галек. По своему назначению эти орудия относятся к разнообразным группам: разрубающие (чопперы) (рис. 5, *4, 6*), используемые для оснастки рыболовных сетей (грузила) (рис. 5, *2-3*), применяемые в первичном раскалывании и, возможно, ретушировании каменных орудий (отбойники (рис. 5, *1, 5*) и ретушеры).

Понятно, что под орудиями в приводимом описании имеются в виду предметы, модифицированные вторичной обработкой с использованием ретуши или резцового скола и пригодные для морфологического анализа. При этом, конечно, нужно иметь

в виду, что количество предметов, использовавшихся в действительности в качестве орудий, было значительно большим. Например, в приводимом перечислении орудий не упоминаются ножи, хотя понятно, что определенная группа отщепов без вторичной обработки (в том числе и галечные отщепы) могла использоваться в качестве режущих инструментов.

В коллекции не представлены костяные орудия. Но при этом имеются желобчатые абразивы-правилки. Присутствие последних правомерно рассматривать как указание на изготовление в свое время на стоянке костяных орудий.

Репрезентативной в количественном отношении и интересной с точки зрения морфологического разнообразия является категория зубчато-выемчатых орудий. О функциональном назначении изделий этой группы без специального исследования можно только гадать. Нельзя исключить, что данная группа предметов относится к орудиям, связанным с рыболовством. Наиболее значимой разновидностью данной категории можно считать предметы, обозначенные в приведенной выше типологической таблице, как «орудия с зубчатым краем, и ретушированным выступом». Эти загадочные с точки зрения их функции изделия (рис. 4, *17*) могут рассматриваться в качестве одного из типов, придающих данному инвентарю свою специфику. Важно отметить также, что подобные формы содержатся в большом количестве в коллекциях памятников Гобустана, относимых к мезолиту.

Главной особенностью каменного инвентаря стоянки Анагаза является наличие в нем остриев типа уйташ[4], являющихся в функциональном смысле кремневыми наконечниками стрел. В коллекции слоя 2 эти орудия составляют 57% от всех изделий со вторичной обработкой, а в слое 3 – 83% соответственно.

Тип остриев, о котором идет речь, до настоящего времени не фигурирует в существующих тип-листах и ранее не приводился в литературе при характеристике конкретных материалов[5]. Впервые он был выделен автором в материалах местонахождения открытого типа с разрушенным культурным слоем Уйташ 2. Этот памятник расположен в средней части дагестанского побережья Каспийского моря, в 22 км к югу от г. Махачкалы. В своей публикации уйташских материалов В.И. Марковин, который зафиксировал этот памятник в 1965 г., сосредоточил внимание преимущественно на петроглифических наскальных изображениях [14]. Кремневый инвентарь этого и соседних с ним местонахождений в настоящее время исследуется и готовится к публикации автором этих строк.

Таким образом, тип кремневых изделий, называемый острием типа уйташ, существует и имеет четко очерченные рамки своего пространственного и временного бытования. Поэтому он может претендовать на свое название по эпонимному памятнику и восприниматься в качестве специфической, культуроопределяющей формы изделий.

Из приведенного выше определения следует, что идеальный тип остриев уйташ характеризуется следующими признаками: а) заготовка в виде пластинки или

4. Острие типа уйташ – это орудие на отжимной микропластинке (редко на пластинке) со стрельчатым заострением, образованным частичной полукрутой ретушью по одному или обоим краям в концевой части изделия; нижний конец орудия при этом прямо, косо или в слабовогнутом виде усечён крутой ретушью.

5. По устному сообщению М.Г. Жилина, при пересмотре им коллекции стоянки Кукрек обнаружен один предмет, который, судя по виденной мной фотографии, похож на острие типа уйташ. Но, во-первых, этот памятник датируют мезолитом и не поздней его стадией; во-вторых, рассматриваемое изделие не фигурирует в публикациях материалов Кукрека Г.А., Бонч-Осмоловского и Е.А. Векиловой и, естественно, что оно никак не присутствует в обосновании специфики кукрекской мезолитической культуры. И, в-третьих, данный предмет присутствует во всей коллекции Кукрека в единственном экземпляре.

микропластинки; б) верхний конец заострен крутой краевой ретушью по обоим краям; в) прямое ретушное усечением нижнего конца. Для культуроопределяющих типов является нормой наличие внутри себя вариаций малозначимых признаков. Вариации в описываемом случае могут включать в себя заострение конца ретушью не по обоим, а одному краю. Кроме того, основание может быть усечено ретушью не только прямо, но косо или слабовогнуто. Что касается последнего признака, то представить основание острия типа уйташ вогнутым в сильной мере трудно, так как заготовкой для него служит преимущественно микропластинка, а этой разновидности заготовок ширина основания измеряется лишь миллиметрами.

Фаунистические остатки

Дифференцированные послойные определения и соответствующий статистический анализ фаунистических остатков стоянки Аназага до сих пор не осуществлены или пока не опубликованы. Сами материалы для таких исследований существуют, и их изучение в общем археологическом контексте может сыграть свою роль в решении вопросов эволюции культуры в мезолите и неолите Гобустана в целом.

Если при характеристике фауны рассматриваемой территории опираться только на видовой состав животных, изображенных на наскальных рисунках, то наиболее показательным является сочетание видов животных степного и прибрежно-морского биотопов. Этот, казалось бы, естественный с учетом особенностей региона факт особенно важен при рассмотрении его в сочетании с наличием рыболовного инвентаря (грузила для сетей), а также костей тюленя, рыбы в слоях некоторых памятников. По одному этому показателю можно заключить, что береговая линия моря находилась в непосредственной близи от места расположения неолитических стоянок Гобустана в момент их функционирования. Это, в свою очередь, может рассматриваться, как косвенное, но надежное основание для прояснения, пусть в общем виде, вопроса о датировке памятников Гобустана, включая стоянку Аназага.

Датировки

Первые радиоуглеродные даты для стоянки Аназага были получены лишь спустя полвека после начала полевых исследований памятника. Это было сделано усилиями исследователей нового поколения. В наши дни работа по датированию археологических объектов Гобустана активизируется, и можно надеяться на получение в близком будущем серий радиоуглеродных дат для разных памятников региона.

Насколько известно автору, на данный момент для Аназага опубликованы две радиоуглеродные даты [15]. Они не увязаны с археологическими слоями и маркированы лишь отметками глубины образцов, которые послужили материалом для датирования. По этим отметкам видно, что полученные даты соответствуют слоям 2 и 3[6].

6. Судя по маркировке упаковок археологического материала Аназага, хранящегося в Гобустанском заповеднике, в 1965 г. раскапывался слой 3, а в 1966 г. – слой 2. Следовательно, счет слоев должен идти снизу-вверх, что, казалось бы, не совсем логично.

Одна дата (усредненно вероятностная) – 13480 cal BP (Beta 305145) получена по образцу кости, взятому на глубине 350 см от дневной поверхности. Приводимое ее значение представляет собой величину, фиксируемую на пересечении калибровочной кривой со значением конвенциональной радиоуглеродной даты.

Вторая, также усредненно вероятностная дата и тоже по кости, составляет 10270 cal BP (Beta 305140). Образец взят на глубине 270–290 см [15].

Обе даты относятся к базальной части культурных отложений стоянки и, с большой вероятностью, соответствуют нижнему из культурных слоев. Даты хорошо ложатся в хронологический диапазон мезолитических культур как Восточного [16; 17], так и Западного [18; 19] Кавказа. Они подтверждают высказываемый в данной работе вывод автора, о том, что коллекции слоев 2 и 3 не однородны, и в них присутствует, в частности, существенный элемент типично мезолитического (применительно к Кавказу) инвентаря.

Возможность перемешивания культурных остатков разных слоев в Аназага не должна удивлять, учитывая, что процесс накопления отложений здесь не был изолирован от седиментационных процессов, происходивших на склоне горы Беюкдаш. Аккумуляция отложений в скальном убежище не была постоянной и непрерывной. Поскольку стоянка находится на склоне, аккумуляция неизбежно должна была чередоваться эрозией ранее накопившихся слоев. В определенные отрезки времени культурные отложения подвергались смыву склоновыми делювиальными потоками вплоть до их практически полного вымывания из скального убежища. Отражением этого, по всей видимости, является четкая непрерывная горизонтальная линия на скальной стене внутри убежища на высоте, превышающей человеческий рост. Эта линия разделяет участки с различной степенью патинизации скальных стен и фиксирует собой уровень заполнения полости убежища рыхлыми отложениями в какой-то из моментов формирования слоев на стоянке.

По собственно археологической, т.е. сравнительно-типологической датировке основной (неолитический) материал стоянки ориентировочно должен быть отнесен к 6-му тысячелетию до н.э. (по калиброванной шкале). Основанием для определения нижней границы диапазона датировки является то, что неолитический материал стоянки характеризуется первичным раскалыванием, основанным на отжиме. Автору уже приходилось писать о технике получения заготовок в технике отжима, как об одном из отличительных признаков, позволяющих различать мезолит южной части кругокаспийской области и практически всего Восточного Кавказа от неолита [17]. Гобустан окружен со всех сторон территориями, на памятниках которых появление техники отжима фиксируется не ранее рубежа 7–6 тысячелетий до н.э. (по калиброванной шкале). На юге это пещерные стоянки Южного Прикаспия (Хоту, Гар-и-Камарбанд и др.); на Северо-Западе – памятники чохской культуры. На запад от Гобустана в Куро-Араксском междуречье техника отжима появляется в указанное же время. Правда, в типологическом отношении она иная, чем в двух названных выше регионах – здесь техника отжима реализуется с использованием рычажного устройства. Но, как бы то ни было, и здесь техника отжима появляется не ранее начала 6-го тысячелетия до н.э. Учитывая все это, логично заключить, что и в гобустанской неолитической культуре указанная техника раскалывания камня возникла не ранее того же самого времени. И применительно к ней, так же, как и в других подобных случаях, справедливо использовать признак наличия отжимной техники, как один

из локальных, собственно археологических, индикаторов смены мезолита неолитом. В любом случае, полагаться на приведенные выше две даты, фиксированные по глубине культурных отложений, а не «привязанные» к конкретным культурным слоям, и относить неолит Гобустана к 12-му или даже 9-му тысячелетиям до н.э., приведет к полному выпадению рассматриваемых материалов из общих тенденций развития культуры Кавказа в мезолите и неолите. Из сказанного не следует, что сами даты, о которых идет речь, не релевантные. Они вполне могут относиться к нераспознанным при раскопках и стратиграфически не дифференцированным мезолитическим горизонтам стоянки. Наличие примеси мезолитического материала в неолитических слоях Аназага выше уже отмечалось.

Говорить о верхней хронологической границе гобустанского неолита сложнее. Ко всему прочему, нельзя исключить, что позднейшие фазы неолита здесь, скорее всего, не представлены. На это, в частности, указывает отсутствие в неолитических коллекциях каменного инвентаря трапеций со струганой спинкой. Эти формы представлены, с одной стороны, не в самых ранних горизонтах шомутепинской культуры [20], и, с другой стороны, на одном из тех самых уйташских местонахождений (Уйташ 3), которые расположены на сотни километров к северу вдоль Каспийского моря и относятся Гобустанской культуре.

Гобустанская археологическая культура в контексте неолита Восточного Кавказа

Вопрос о культурном своеобразии гобустанского неолита и описание этой специфики в категориях археологического анализа до настоящего момента не мог быть предметом специального рассмотрения. После Д.Н. Рустамова каменный инвентарь памятников Гобустана сколько-нибудь подробно никто не изучал. Коснувшийся гобустанской темы и посещавший памятники, о которых идет речь, А.А. Формозов не проявил особого интереса к кремневой индустрии и сосредоточился на проблеме петроглифов [21; 2]. Определенное внимание этой части материалов уделил В.В. Бжания в связи с подготовкой им раздела «Неолит Кавказа» для многотомного издания «Археология СССР» [22]. Как специалист, интересовавшийся, в частности, неолитом Западного Прикаспия, он не мог не заметить своеобразие памятников неолита Гобустана. Эта тема была отмечена как перспективная в контексте изучения культурной географии региона в эпоху неолита. Им даже было предложено для неолитических памятников Гобустана название «прикаспийская культура». Однако, идея выделения такой культуры, ее описание и типологическое обоснование остались не реализованными. Само же название «прикаспийская культура», тем временем, было использовано для обозначения одного из локальных образований в Северном Прикаспии и на Нижней Волге, отнесенного сначала к раннему энеолиту [23], а потом к позднему неолиту [24].

При осуществляемом сейчас выделении гобустанской культуры, как и во всех других подобных случаях, необходимо соблюсти определённые методические требования. Последние в представлении автора сводятся к следующему: а) наличие культуроопределяющего типа (типов); б) наличие более одного памятника

с характеристиками выделяемой культуры; в) пространственная и временная разнесенность памятников данной культуры.

Указанные методические требования при осуществляемом здесь выделении гобустанской неолитической культуры соблюдаются в полной мере. Во-первых, в каменной индустрии неолита Гобустана присутствует культуроопределяющий тип в виде острия (наконечника стрелы) типа уйташ. Данное изделие концентрирует в себе особенности технологии и типологической традиции неолита рассматриваемого региона. Это второй для неолита Кавказа тип изделий после острия (наконечника стрелы) чохского типа, который в виду своей морфологической исключительности может фигурировать в тип-листах под собственным типологическим названием и служить безошибочным маркером определённой (в данном случае гобустанской) археологической культуры.

Во-вторых, стоянка Аназага не одинока в Гобустане в культурном отношении. Знакомство с материалами показывает, что все неолитические материалы данного региона образуют единую археологическую культуру. Изучение интересующих нас коллекций гобустанских памятников каменного века в ряде случаев требует предварительного вычленения из них материалов, относящихся именно к неолиту. Но, как бы то ни было, исходя из детального изучения конкретных материалов, осуществленного автором, можно утверждать, что кроме Аназага к выделяемой культуре определенно можно отнести стоянки Кяниза (неолитический слой), Окюзлар (неолитический слой), Фируз 1 и Фируз 2. Главным (но не единственным) показателем их культурной идентификации служит наличие в их коллекциях культуроопределяющего типа – острия типа уйташ с его вариантами (рис. 6).

С точки зрения пространственной характеристики гобустанская археологическая культура имеет достаточно широкий ареал. Последний охватывает пространство побережий Каспийского моря, по крайней мере, от Гобустана до места очередного сужения Прикаспийской низменности на дагестанском побережье Каспийского моря, приблизительно в районе современной Махачкалы. Северная граница данной культуры определенно фиксируется стоянкой Уйташ 2 по наличию (в частности) в ее инвентаре эпонимного культуроопределяющего типа орудий.

Гобустанская неолитическая культура, по всей видимости, имеет достаточно широкий хронологический охват. Свидетельством служит одно уже то, что памятники данной культуры и, прежде всего, стоянка Аназага, содержат более одного культурных слоев с неолитическими материалами. Детальное стратиграфическое изучение в будущем памятников этого региона и получение серий радиоуглеродных дат представит на этот счет более конкретную картину. Этому же будет способствовать и получение новых данных радиоуглеродного датирования, что позволит говорить об абсолютных временных границах культуры.

Если рассматривать гобустанскую археологическую культуру в плане сравнительной хронологии, то можно констатировать ее сосуществование на протяжении 6-го и, вероятно, начала 5-го тысячелетий до н.э. с двумя другими синхронными с ней неолитическими культурами Восточного Кавказа – шомутепинской и чохской. Это при том, что две последние радикально отличались от первой показателями своей материальной культуры и стратегией жизнеобеспечения.

Каждая из указанных трех культур занимает три различные, свойственные только для каждой из них, геолого-геоморфологические и географические зоны (рис. 7).

Чохская культура приурочена к среднегорьям Центрального Дагестана, шомутепинская (Шулавери-Шомутепе, Шомутепе-Шулавери-Араташен) занимает относительно возвышенную часть Куринской впадины и предгорья Южного Кавказа, и гобустанская – прибрежную полосу западного побережья Каспия, а также предгорья Северо-Восточного Кавказа. Первая имеет скотоводческо-земледельческую направленность с более или менее ограниченными агрокультурными возможностями; вторая относится к земледельческо-скотоводческим культурам с относительно большим хозяйственным потенциалом. Третья же – гобустанская культура – в отличие от первых двух лишена признаков производящего хозяйства и базируется на охоте и рыболовстве и, по-видимому, собирательстве в разных сочетаниях. Последнее подтверждается отсутствием в составе костных остатков, обнаруженных в культурных слоях памятников данной культуры, домашних видов животных. Об этом же красноречиво свидетельствует каменный инвентарь, в котором массово присутствуют орудия для охоты с применением лука (наконечники стрел) и рыболовства с использованием сети (грузила) при полном отсутствии инвентаря, характерного для земледельческих поселений.

Несмотря на разделявшие их немалые расстояния, радикальные различия в хозяйственном укладе, способах и методах жизнеобеспечения, наборе бытового и производственного инструментария, между неолитическими культурами Кавказа не было непроницаемых барьеров. Уже обращалось внимание на взаимное проникновение диагностичных в культурном отношении категорий каменного инвентаря и технологических приемов, свойственных Западному и Восточному Кавказу с их крайне контрастными неолитическими культурами [25; 26].

Если с рассматриваемой точки зрения обратиться к материалам восточной части Южного Кавказа, то нельзя не обратить внимание на наличие в голоценовых отложениях пещеры Дамджилы геометрических микролитов в виде коротких высоких трапеций и мелких коротких сегментов [27]. Эти изделия, на взгляд автора, близки аналогичным формам мезолита (позднего?) и неолита Гобустана в большей степени, чем набору орудий того же времени в памятниках триалетской мезолитической культуры в ее традиционном понимании [28]. Здесь имеется в виду не просто наличие, но взаимное сочетание названных типов трапеций и сегментов. Однако, в любом случае, из анализа археологических материалов следует, что каменная индустрия земледельческой неолитической культуры Азербайджана типа Шомутепе, так же, как и ее аналоги – Шулавери и Араташен – Акнашен, в отличие от Гобустана, не обнаруживают типологических или технологических корней в каком-либо из вариантов собственно кавказского мезолитического субстрата. Это чуть ли не единственный вывод, касающийся генезиса неолита Восточного Кавказа, по поводу которого мнения исследователей не расходятся [27; 29]. Допуская наличие определенного сходства между материалами мезолита Гобустана и Западного Азербайджана, следует отметить, что сопоставление неолитического инвентаря сравниваемых регионов дает кардинально иную картину. Это проявляется не только в общих социокультурных проявлениях (наличие-отсутствие земледелия, скотоводства, стационарных поселений и т.п.), но и в типологических особенностях диагностичных категорий каменного инвентаря.

Из отмеченного выше не следует, что с наступлением неолита в междуречье Куры и Аракса одно население полностью сменяется другим. Этот момент не исследован еще в необходимой степени. В отношении же гобустанской археологической

культуры можно утверждать, что наряду с Центральным Дагестаном, Западным Кавказом и Причерноморьем он встраивается в ряд кавказских регионов, которые демонстрируют тип эволюции, предполагающий преемственность локальных культурных традиций при смене мезолита неолитом. Правомерность этого заключения не вызывает дискуссий применительно к Северо-Восточному Кавказу и центральным областям Южного Кавказа. Это справедливо и в отношении гобустанской культуры, но она требует специальной аргументации с детальным типологическим анализом мезолитических материалов исследуемого региона.

Благодарность. Автор благодарен руководству и сотрудникам Гобустанского национального историко-художественного заповедника Министерства культуры Республики Азербайджан за поддержку и помощь при работе по изучению коллекций каменного инвентаря памятников региона. Считаю долгом выразить мое уважение и благодарность за консультацию к.и.н. Ф.М. Мурадовой, которая вместе с Д.Н. Рустамовым посвятила много десятилетий изучению археологии Гобустана.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект: 22-28-00088).

Acknowledgement. The author thanks the management and staff of the Gobustan State Historical and Cultural Reserve of the Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan for their support and assistance in studying the collections of stone implements of sites of the region. I am obligated to express my respect and gratitude for the advice of the Ph.D. F.M. Muradova, who together with D.N. Rustamov devoted many years to the study of the archeology of Gobustan.

Funding. The financial support for the study was provided by RSF under grant project No. 22-28-00088.

Рис. 1. Карта-схема расположения гобустанских неолитических памятников

Fig. 1. Schematic map of the Gobustan neolithic sites

Рис. 2. Вход в скальное убежище Аназага. Вид с З. (Фото автора)

Fig. 2. Entrance to the Anazaga Rockshelter. View from west. (Author's photo)

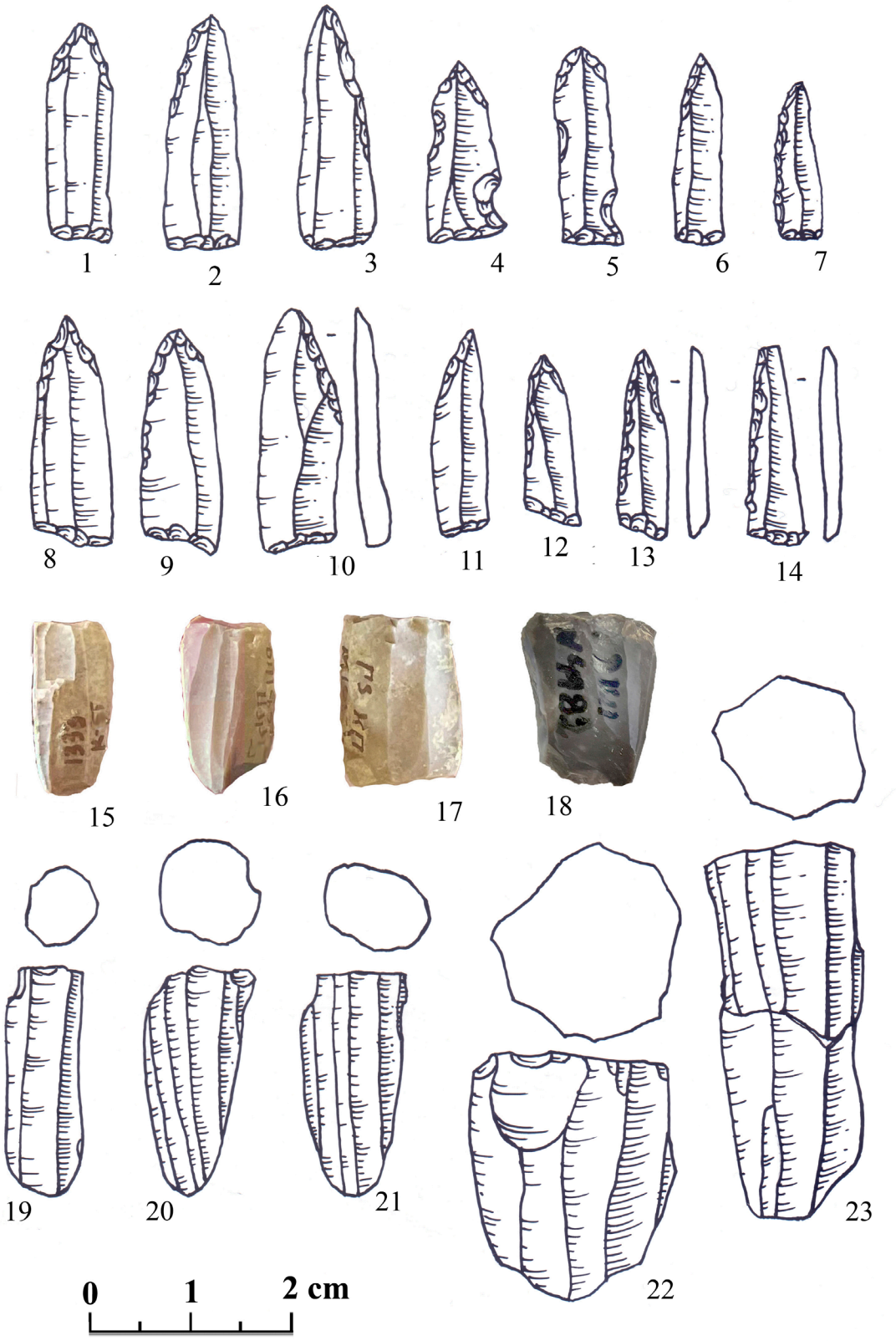


Рис. 3. Убежище Аназага (слои 2, 3). Образцы кремневых изделий.
1-14 – острия типа Уйташ; 15-23 – нуклеусы. (Рис. автора)

Fig. 3. Anazaga Rockshelter (Layers 2, 3). Flint tools. 1-14 – Uytash points; 15-21 – cores. (Author's drawings)

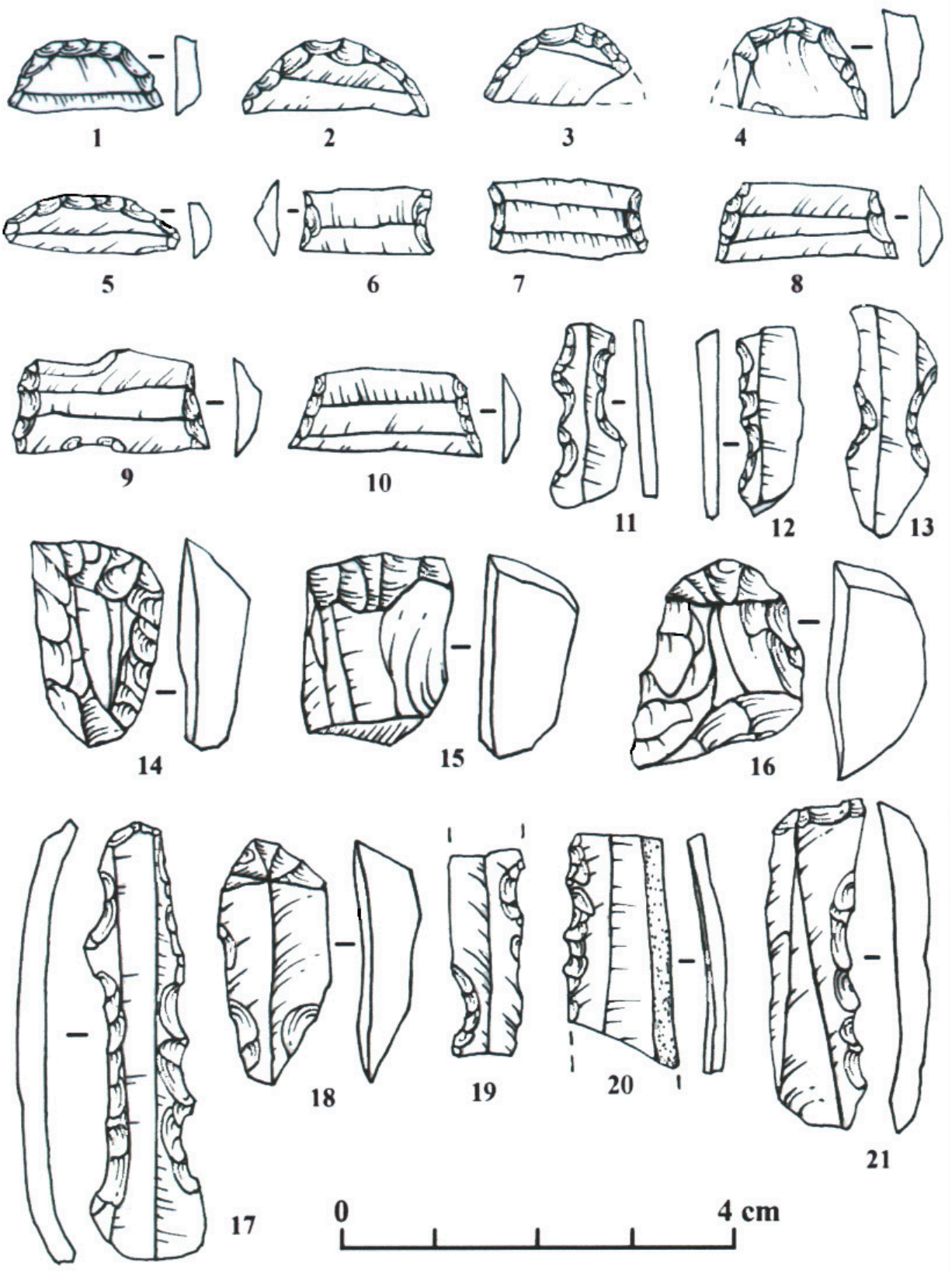


Рис. 4. Убежище Аназага (слои 2, 3). Образцы кремневых изделий. 1-5 – сегменты мелкие; 6-10 – трапеции низкие; 14-16, 18 – скребки; 11-12, 20 – изделия с зубчато-выемчатой ретушью; 13, 19 – орудия с ретушированной выемкой; 17 – орудие с зубчатым краем и ретушированным выступом; 21 – пластинка с полукрутой краевой ретушью. (Рис. автора)

Fig. 4. Anazaga Rockshelter (Layers 2, 3). Flint tools. 1-5 – small segments; 6-10 – low segments; 11-12, 20 – barbed-notched tools; 14-16, 18 – scrapers; 13, 19 – retouch notched tools; 17 – tool with a denticulate side and a retouched protrusion; 21 – blade with a semicircle side retouch. (Author's drawings)

Рис. 5. Убежище Аназага (слои 2, 3). Образцы каменных изделий.
1, 5 – отбойники; 2-3 – грузила; 4, 6 – чопперы. (Фото автора)

Fig. 5. Anazaga Rockshelter (Layers 2, 3). Lithic tools.
1, 5 – hammerstones; 2-3 – sinkers; 4, 6 – choppers. (Author's photo)

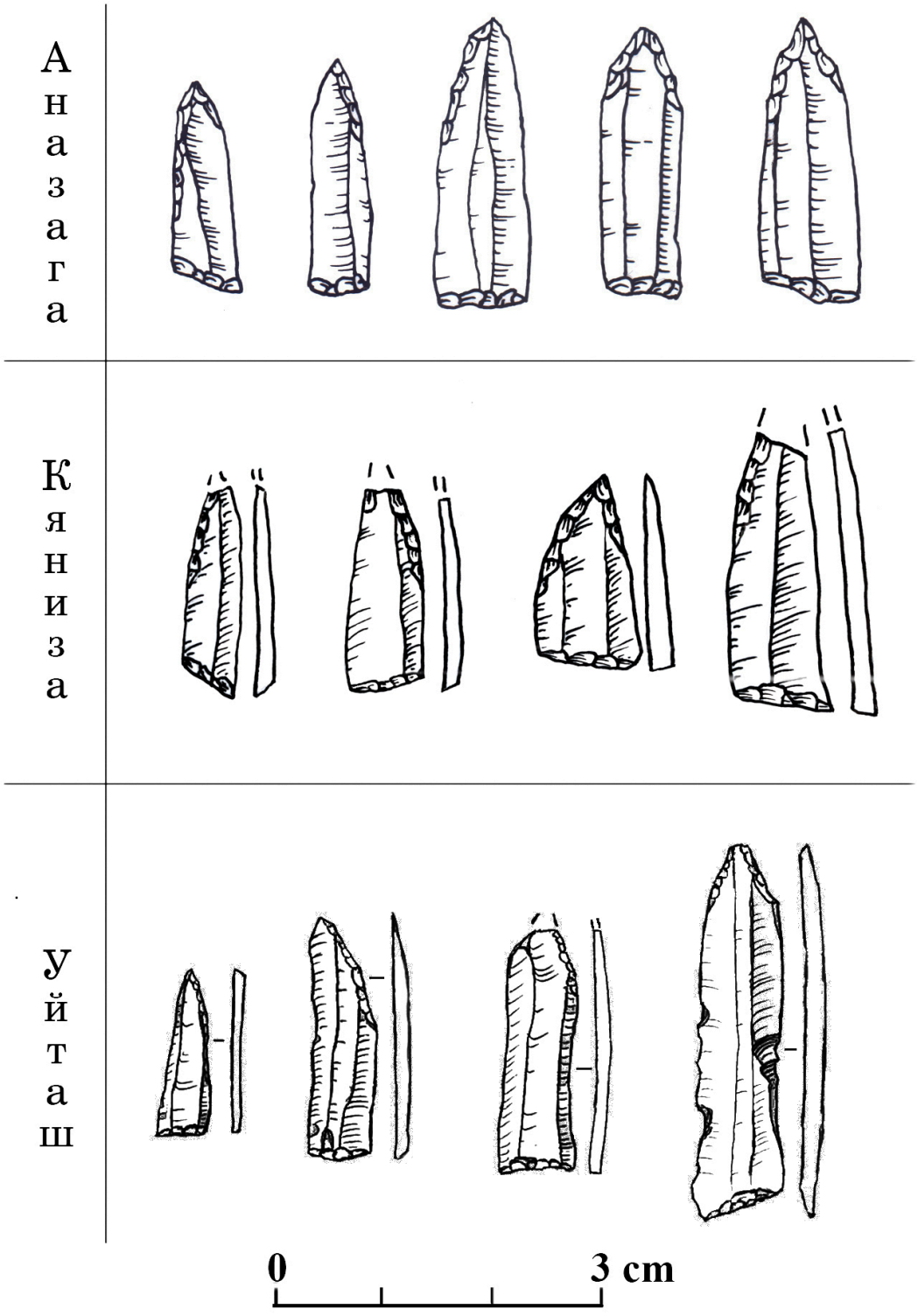


Рис. 6. Острие типа Уйташ в инвентаре стоянок Аназага, Кяниза и местонахождения Уйташ. (Рис. автора)

Fig. 6. Uytash point in the inventory of sites of Anazaga, Kyaniza, and Uytash location. (Author's drawing)

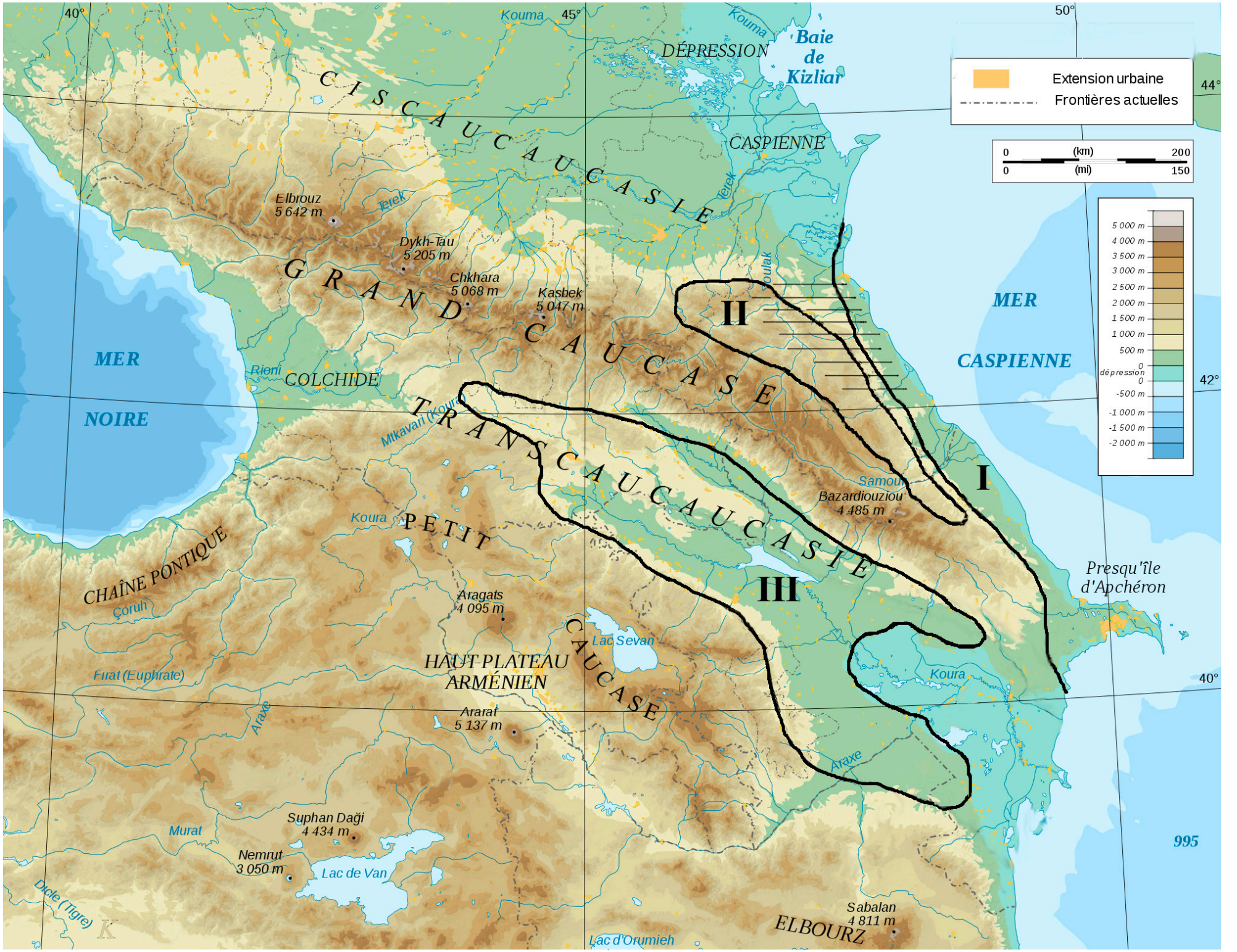


Рис.7. Карта примерных ареалов неолитических культур Восточного Кавказа

Fig. 7. Map of approximate areas of neolithic cultures of the East Caucasus

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джафарзаде Н.М.* Гобустан. Изд. «Элм». Баку, 1973. 348 с.

2. *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. 135 с.

3. *Мусеибли Н.* Гобустан. Исследования и гипотезы. Баку. 2017. 143 с.

4. *Фараджева М.* Неолит Гобустана // Сборник материалов международной научной конференции «Раннеземледельческие культуры Кавказа». Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu. «Qafqazın Erkən Əkinçilik Mədəniyyətləri» (məqalələr toplusu) Beynəlxalq elmi konfrans. Bakı. 2012. С. 62–68.

5. *Abdullaev R., Şirinli S.* Qobustan. Cindirdag-Yaziltege ve Sona qava petrogliflerin korpusu. Baki, 2020.

6. *Рустамов Д.Н.* Мезолитическая стоянка в Гобустане (Окюзляр-2) // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Азербайджанский Государственный университет. Баку. 1984. С. 40–49.

7. *Рустамов Дж.Н.*. Гаяарасы – стоянка охотников на джейранов // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1985 г.). Баку: Элм, 1986.

8. *Рустамов Дж.Н.* Работа Гобустанской экспедиции в 1986 году // Тезисы докладов конференции «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане». Баку, 1986. С. 4–6.

9. *Рустамов Дж.Н.* Раскопки стоянки «Гаяарасы» в Гобустане // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, 1990. С. 95–97.

10. *Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М.* Полевые работы в Гобустане // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). Баку, 1975. С. 4–10.

11. *Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М.* Раскопки на стоянке Кяниза в Гобустане // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 504–505.

12. *Рустамов Дж.* Гобустан – очаг древней культуры Азербайджана. Баку: Нурлан, 2000. – 68 с.

13. Azərbaycan Arxeologiyası VI cilddə: 1 cild (Daş dövrü). Bakı: Şərq-Qərb, 2008, 445 p.

14. *Марковин В.И.* Наскальные изображение предгорий Дагестана / Ред., и послесловие Х.А. Амирханов. М., 2006. – 210 с.

15. *Фараджева М.Н.* О датировке наскальных изображений Гобустана (Азербайджан) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 3. 2021. С. 658–683.

16. *Varoutsikos B., Mgeladze A., Chahoud J., Gabunia M., Agapishvili T., Martin L., and Chataigner C.* From the Mesolithic to the Chalcolithic in the South Caucasus: New data from the Bavra Ablari rock shelter. In: Batmaz A., Bedianashvili G., Michalewicz A., Robinson A. (Ed.). *Context and Connection: Essays on the Archaeology of the Ancient Near East in Honor of Antonio Sagona*. Leuven: Peeters, 2017.

17. *Амирханов Х.А.* Хронология культурных отложений Чохского многослойного поселения (по данным на 2022 год) // История, археология и этнография Кавказа. № 3. 1922.

18. *Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto T., Jakelli N., Koridze I. and Matskevich Z.* Mysolithic hunters at Kotias Klde, Western Georgia: preliminary reports. *Paleoriente*. 2007, vol. 33.2: 47–58.

19. Leonova EV. On the problem of chronology and cultural variability of the stone industries of the late Upper

REFERENCES

1. Jafarzadeh NM. *Gobustan*. Baku: Elm Publ., 1973.

2. Formozov AA. *Monuments of primitive art on the territory of the USSR*. Moscow, 1980.

3. Museibli N. *Gobustan. Research and hypotheses*. Baku, 2017.

4. Faradzheva M. Gobustan Neolithic. *Proceedings of the international scientific conference "Early agricultural cultures of the Caucasus". Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu. "Qafqazın Erkən Əkinçilik Mədəniyyətləri" (məqalələr toplusu) Beynəlxalq elmi konfrans*. Baku, 2012: 62-68.

5. Abdullaev R, Şirinli S. *Qobustan. Cindirdag-Yaziltege ve Sona qava petroglyflerin korpusu*. Baku, 2020. (in Azer.).

6. Rustamov DN. Mesolithic site in Gobustan (Okuzlyar-2). *Stone Age and Eneolithic in Azerbaijan*. Baku: Azerbaijan State University, 1984: 40-49.

7. Rustamov JN. Gayaarasy – a hunting camp for goitered gazelles. *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1985)*. Baku: Elm, 1986.

8. Rustamov JN. The work of the Gobustan expedition in 1986. *Abstracts of the conference «Great October and the development of archaeological and ethnographic science in Azerbaijan»*. Baku, 1986: 4-6.

9. Rustamov JN. Excavations of the Gayaarasy site in Gobustan. *Paleolithic of the Caucasus and adjacent territories*. Tbilisi, 1990: 95-97.

10. Rustamov DN, Muradova FM. Field research in Gobustan. *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1974)*. Baku, 1975: 4-10.

11. Rustamov DN, Muradova FM. Excavations at the site of Kyaniza in Gobustan. *Archaeological discoveries of 1975*. Moscow, 1976: 504–505.

12. Rustamov J. *Gobustan – the center of the ancient culture of Azerbaijan*. Baku: Nurlan, 2000.

13. *Azərbaycan Arxeologiyası VI cilddə: 1 cild (Daş dövrü)*. Bakı: Şərq-Qərb, 2008.

14. Markovin VI. *Rock art of the foothills of Dagestan*. H.A. Amirkhanov (ed., afterword). Moscow, 2006.

15. Faradzheva MN. The dating of the rock art of Gobustan (Azerbaijan). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(3): 658-683.

16. Varoutsikos B, Mgeladze A, Chahoud J, Gabunia M, Agapishvili T, Martin L, and Chataigner C. From the Mesolithic to the Chalcolithic in the South Caucasus: New data from the Bavra Ablari rock shelter. In: Batmaz A., Bedianashvili G., Michalewicz A., Robinson A. (eds.). *Context and Connection: Essays on the Archeology of the Ancient Near East in Honor of Antonio Sagona*. Leuven: Peeters, 2017.

17. Amirkhanov HA. Chronology of cultural deposits of the Chokh multilayered settlement (according to 2022 data). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(3): 715-728.

18. Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto T., Jakelli N., Koridze I. and Matskevich Z. Mysolithic hunters at Kotias Klde, Western Georgia: preliminary reports. *Paleoriente*. 2007, vol. 33.2: 47–58.

19. Leonova EV. On the problem of chronology and cultural variability of the stone industries of the late Upper

Georgia: preliminary reports // Paleoriente. Vol. 33. №2. 2007. P. 47-58.

19. *Леонова Е.В.* К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: Наука, 2015. С. 77–88.

20. *Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S.* Haci Elamxanli Tepe. The Archaeological Investigation of an Early Neolithic Settlement in West Azerbaijan. Berlin: Ex oriente, 2021. 236 p.

21. *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977. 144 с.

22. *Бжания В.В.* Неолит Северной Евразии: Кавказ // Археология СССР. Ответ. ред. Ошибкина С.В. М.: Наука, 1996. С. 73–86.

23. *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981. 129 с.

24. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.

25. *Meshveliani T.* On Neolithic origins in the Western Georgia // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. Vol. 41. №2 .2013. P. 61–72.

26. *Амирханов Х.А.* Западный и Восточный Кавказ: к проблеме культурных контактов в неолите // История и культура. Факты и ценности. Сборник статей, посвященный юбилею академика Наили Велиханлы. Отв. ред. Ф.Р. Джаббаров. Баку: Нурлар, 2020. С. 380–390.

27. *Nishiaki Y., Zeynalov A., Akashi Ch., Shimogama K., Guliyev F.* The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan // Archaeological Research in Asia. 2019. Vol. 19. P. 100140.

28. *Габуния М.К.* Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси: Мецниереба, 1976. (На груз. яз. с русским резюме).

29. *Черленок Е.А.* Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит). Санкт-Петербург, 2013. – 60 с.

Paleolithic and Mesolithic of the Northwestern Caucasus (based on the Chygai canopy and Dvoynaya cave). *Traditions and innovations in history and culture: a program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Nauka, 2015: 77-88.

20. Nishiaki Y., Guliev F., Kadowaki S. Haci Elamxanli Tepe. The Archaeological Investigation of an Early Neolithic Settlement in West Azerbaijan. Berlin: Ex Oriente, 2021.

21. Formozov AA. *Problems of the ethnocultural history of the Stone Age in the territory of the European part of the USSR*. Moscow, 1977.

22. Bzhaniya V. Neolithic of Northern Eurasia: Caucasus. *Archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1996. pp. 73–86.

23. Vasiliev IB. *Eneolithic of the Volga region (steppe and forest-steppe)*. Kuibyshev, 1981.

24. Vybornov AA. *Neolithic Volga-Kama*. Samara, 2008.

25. Meshveliani T. On Neolithic origins in the Western Georgia. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013, 41(2): 61-72.

26. Amirkhanov HA. Western and Eastern Caucasus: to the problem of cultural contacts in the Neolithic. *History and Culture. Facts and values. Collection of articles dedicated to the anniversary of academician Naili Velikhanly*. Jabbarov F.R. (ed.). Baku: Nurlar, 2020: 380-390.

27. Nishiaki Y., Zeynalov A., Akashi Ch., Shimogama K., Guliyev F. The Mesolithic-Neolithic interface in the Southern Caucasus: 2016–2017 excavations at Damjili Cave, West Azerbaijan. *Archaeological Research in Asia*. 2019; 19: 100140.

28. Gabunia MK. *Trialetian Mesolithic culture*. Tbilisi: Metsniereba, 1976. (In Georgian with abstract in Russian).

29. Cherlenok EA. *Archeology of the Caucasus (Mesolithic, Neolithic, Eneolithic)*. Saint-Peterburg, 2013.

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.
Принята в печать 06.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 06.02.2023
Accepted 06.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192460-483

Исследовательская статья

Суханов Евгений Владимирович
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sukhanov_ev@mail.ru

ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ЧИРЮРТА

Аннотация. В формировании салтово-маяцкой археологической культуры, которое происходило в VIII в., участвовало население, мигрировавшее в бассейн Дона с территории Северного Кавказа. Несмотря на длительную историю изучения салтово-маяцких древностей, не установлено, жители каких районов Северного Кавказа приняли участие в этом переселении и внесли свой вклад в формирование культурных традиций населения Подонья VIII – начала X в. Для решения этой научной проблемы автор статьи предлагает создать банк данных о гончарных традициях раннесредневекового населения разных районов Северного Кавказа. Такая информация позволит в дальнейшем обсуждать направления миграции северокавказского населения в бассейн Дона, опираясь на массовый археологический материал. Статья представляет первые результаты работы над этим научным проектом. Объектом изучения в ней является керамика комплекса опорных поселенческих памятников хазарского времени в восточных районах Северного Кавказа – поселения и городища Верхний Чирюрт, расположенных на территории Приморского Дагестана. Цель статьи – введение в научный оборот информации о результатах технико-технологического изучения керамики и реконструкция конкретных гончарных традиций обитателей Верхнего Чирюрта. Исследование выполнено по методике, разработанной А.А. Бобринским – создателем историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства. Проанализировано 94 образца от керамических сосудов. Реконструированы две технологические традиции изготовления глиняной посуды, бытовавшие у раннесредневековых жителей поселения и городища Верхний Чирюрт. Отличительными чертами трудовых навыков представителей первой традиции были использование слабозапесоченных, относительно более «чистых» по составу естественных примесей глин, добавление в формовочную массу дресвы и органических примесей, использование лент при конструировании сосуда и разнообразных режимов обжига. Навыки носителей второй традиции характеризуют использование среднезапесоченных, относительно более «засоренных» глин, добавление в формовочную массу только органической примеси, использование при конструировании сосуда жгутов, применение восстановительного обжига и чернения, а также иногда лощение внешней поверхности.

Ключевые слова: гончарная технология; керамика; Верхний Чирюрт; салтово-маяцкая культура

Для цитирования: Суханов Е.В. Гончарная технология раннесредневекового населения Верхнего Чирюрта // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 460-483. doi.org/10.32653/CH192460-483

© Суханов Е.В., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192460-483

Research paper

Evgeny V. Sukhanov
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archaeology of RAS, Moscow, Russia
sukhanov_ev@mail.ru

POTTERY TRADITION OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION OF THE VERKHNY CHIRYURT

Abstract. In the 8th century, the Saltovo-Mayaki archeological culture was forming under the influence of the population, migrated to the Don basin from the territory of the North Caucasus. Despite the extensive history of studying Saltovo-Mayaki antiquities, it is still unknown people of which North Caucasian regions took part in this resettlement and impacted the development of cultural traditions of the Don region in the 8th – 10th centuries. To solve this issue, the author proposes to create a database of pottery traditions of the early-medieval populations of various regions of the North-Caucasus. Such a database will allow to discuss the directions of migration of the North Caucasian population to the Don basin, based on mass archeological material. The paper presents first results of work on this scientific project. The subject of our research is the ceramic ware from the complex of sites of the Khazar era in the eastern regions of the North Caucasus – the fortified settlement of Verkhnyi Chiryurt, located in the territory of Coastline Dagestan. The paper aims to introduce to the public the results of the technical and technological study of pottery and the reconstruction of specific pottery traditions of the inhabitants of Verkhnyi Chiryurt. The study was carried out according to the method, developed by A.A. Bobrinsky – the author of the historical-cultural approach to studying ancient pottery. 94 samples of ceramic ware were analyzed. Two technological traditions of pottery production, which existed among the early medieval inhabitants of the Verkhnyi Chiryurt settlement, have been reconstructed. The use of poorly sanded, relatively “clean” natural impurities in the composition of clay, the addition of mineral and organic tempers to the clay body, the application of bands in the formation of vessels and various firing methods have been recorded as distinctive features of the techniques of representatives of the first tradition. The techniques of the bearers of the second tradition are characterized by the use of medium-grained, relatively “impure” clay, the addition of only organic tempers to the clay body, the use of cords in the design of the vessel, the use of reduction firing, and, in some cases, of black-polishing.

Keywords: pottery tradition; ceramic ware; Verkhnyi Chiryurt; Saltovo-Mayaki

For citation: Sukhanov E.V. Pottery tradition of the early medieval population of the Verkhny Chiryurt. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 460-483. doi. org/10.32653/CH192460-483

© E.V. Sukhanov, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Для современного хазароведения актуален вопрос об определении на территории Северного Кавказа исходных районов миграции населения, которое около середины VIII в. переселилось в бассейн Среднего Дона и приняло участие в формировании салтово-маяцкой археологической культуры. В научной литературе высказаны разные точки зрения по данному вопросу. Г.Е. Афанасьев считает, что переселенцами были преимущественно выходцы из Кисловодской котловины. Именно в этом микрорегионе в середине VIII в. прекратилось функционирование большинства раннесредневековых поселений, что могло быть связано с массовым исходом населения [1, с. 22, 23]. По мнению В.Ю. Малашева, этой версии противоречит внешний облик салтово-маяцкой посуды, поскольку она имеет гораздо больше сходств с керамикой из восточных районов Северного Кавказа [2, с. 161]. Д.С. Коробов отметил, что критерием определения исходных районов проживания носителей салтовской культуры может быть положение погребенных в усыпальницах – головой влево или вправо от входа в камеру. Эти варианты характерны для разных районов Северного Кавказа, и при этом они известны в салтово-маяцких катакомбных могильниках Среднего Дона [3, с. 121]. В.С. Аксёнов и А.В. Мастыкова отмечают в салтово-маяцких материалах определенные типы украшений и предметов туалета, маркирующие, по их мнению, культуру раннесредневекового населения Западного и Восточного Предкавказья [4, с. 183; 5, с. 252]. Таким образом, современные археологические данные пока не дают чёткого представления о степени вовлеченности выходцев из разных районов Северного Кавказа в процесс сложения сообщества людей, оставивших в Подонье памятники салтово-маяцкой культуры.

Керамика представляется сегодня наиболее перспективной категорией археологических источников для разработки данной проблемы. Для этого могут быть использованы методы анализа керамической посуды, разработанные в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, созданного А.А. Бобринским [6]. Данный исследовательский подход опирается на синтез данных этнографии, научного эксперимента и собственно археологии. Разработанная в рамках историко-культурного подхода методика технико-технологического анализа керамики нацелена на выделение информации о навыках труда изготовителей посуды и реконструкцию конкретных культурных традиций древних групп населения.

По мнению автора этой статьи, для определения мест первоначального проживания населения, принявшего участие в сложении салтово-маяцкой культуры, необходимо создать банк данных о гончарных традициях населения разных районов Северного Кавказа в V–IX вв. В статье представлены первые результаты исследований в этом направлении.

Объектом анализа является керамика поселения и городища Верхний Чирюрт – опорных поселенческих памятников для изучения культуры населения Приморского Дагестана в хазарскую эпоху. Нужно отметить, что местная керамика указанного периода уже попадала в фокус внимания исследователей, прежде всего с точки зрения морфологии – здесь можно отметить, например, работы М.Г. Магомедова и Л.Б. Гмыря [7, с. 109–124; 8; 9]. Цель этого исследования – технико-технологическое изучение

керамики и реконструкция конкретных гончарных традиций в сфере технологии изготовления глиняной посуды у обитателей Верхнего Чирюрта.

Методика и источники

Исследование керамики выполнено с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским. В рамках этой системы анализа процесс изготовления сосуда подразделяется на три стадии и 11 обязательных ступеней, в рамках каждой из которых гончар решает конкретную узкую технологическую задачу [6, с. 14]:

стадия I – подготовительная;
ступень 1 – отбор исходного сырья;
ступень 2 – добыча исходного сырья;
ступень 3 – обработка исходного сырья;
ступень 4 – составление формовочных масс;
стадия II – созидательная;
ступень 5 – изготовление начина;
ступень 6 – изготовление полого тела;
ступень 7 – придание сосуду формы;
ступень 8 – механическая обработка поверхностей;
стадия III – закрепительная;
ступень 9 – воздушное высушивание;
ступень 10 – придание сосуду прочности;
ступень 11 – придание водонепроницаемости.

Собранный для этого исследования материал пригоден для анализа ступеней 1, 3, 4, 8, 10, а также частично ступеней 5–7. Изучение коллекций керамики Верхнего Чирюрта проведено автором в фондах Музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН в г. Махачкале[1]. Просмотрен материал из раскопок Верхнечирюртовской археологической экспедиции под руководством М.Г. Магомедова на городище в 1970–1973 гг., а также материалы раскопок Н.Д. Путинцевой, выполненных на поселении в 1957 г.

При просмотре керамических коллекций были отобраны две серии образцов для лабораторного технологического изучения: обломки от кухонных и столовых сосудов. К первой относятся фрагменты горшков – всего 49 образцов, из них 23 из городища и 26 из поселения. Во вторую серию включены обломки от столовых сосудов (преимущественно кувшинов) – всего 45 образцов, из них 22 из городища и 23 из поселения. Таким образом, специальному лабораторному изучению подвергнуты 94 образца керамических сосудов.

Для определения степени ожелезнённости сырья и более строгой фиксации естественных и искусственных примесей в сырье и формовочных массах все образцы были обожжены в муфельной печи до температуры 850° С. Керамические образцы

1. Неоценимую помощь в организации работы с верхнечирюртовской керамикой мне оказали сотрудники Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН В.А. Саидов и М.Ш. Сайпудинов. Пользуясь возможностью, искренне благодарю коллег за оказанное содействие.

изучались под бинокулярным микроскопом МБС-1 при увеличении до 56х. В ходе анализа фиксировались и описывались следы, относящиеся к разным ступеням гончарной технологии. Все определения выполнялись на основании эталонной базы экспериментальных образцов по разным ступеням гончарной технологии, которая хранится в лаборатории «История керамики» ИА РАН.

Результаты анализа

Отбор и обработка исходного сырья (Ступени 1, 3)

Понятие «традиции отбора исходного сырья» включает характеристику степени ожелезнённости, запесоченности и состава естественных примесей.

Гончары Верхнего Чирюрта использовали для изготовления сосудов природные глины в состоянии естественной влажности.

Ожелезнённость сырья оценивалась на основании специальной шкалы [10]. Обе изученные серии посуды – кухонная и столовая – показали преобладание глин слабой ожелезнённости, к этому варианту относится по 77,3 % и 83,3 % образцов соответственно (Таблица 1).

Степень запесоченности глин оценивалась по концентрации естественного песка. В изученных образцах размер частиц песка составляет 0,1–0,5 мм в поперечном сечении, редко достигает 0,8 мм. К слабозапесоченному отнесено сырьё с концентрацией естественного песка 5–10 включений на 1 см^2, к среднезапесоченному – от 20–30 до 60–70 включений на 1 см^2, к сильнозапесоченному – 70–80 включений на 1 см^2 [11, с. 156].

Соотношение разных по запесоченности глин в изученных сериях отличается. В кухонной посуде преобладают среднезапесоченные глины – 81,6% образцов (Таблица 2). В столовой керамике наиболее многочисленны среднезапесоченные глины – 70,5%, однако и слабозапосеченные представлены достаточно массово – 25%.

По составу естественных примесей [6, с. 79–83; 12, с. 79–81] все глины разделены на два вида. К виду 1 отнесено сырьё с более сложным составом. В нём содержатся: 1) известняк – окатанные включения молочно-белого цвета, рыхлой структуры, размером 0,1–0,5 мм (редко – до 0,7–0,8 мм); 2) окатанный песок размером 0,1–0,5 мм (редко до 0,8 мм); 3) окатанные каменистые включения чёрного/тёмно-серого цвета, имеющие слоистую структуру (иногда встречаются красновато-бордовые прослойки), размером 0,1–0,5 мм (редко до 1 мм). По предположению Ю.Б. Цетлина,[2] изучившего несколько подобных образцов, эта примесь может представлять собой включения сланцевой глины. Следует отметить, что в образцах, обожжённых в муфельной печи при температуре 850 °С, такие включения меняют цвет и приобретают красные/бордовые тона (рис. 1). К виду 2 отнесено сырьё, имеющее примесь: 1) окатанного песка около 0,1 мм; 2) бурого железняка – окатанные гранулы размером 0,2–0,5 мм.

В серии кухонной посуды зафиксировано доминирование глин вида 2 – 95,8 % (Таблица 3). Столовая керамика сделана преимущественно из глин вида 1 – 93,3%.

2. Пользуясь случаем, благодарю Ю.Б. Цетлина за ценные консультации.

Составление формовочных масс (ступень 4)

Искусственно введённые компоненты формовочных масс [6, с. 105–108; 12, с. 74–76, 163] в керамике Верхнего Чирюрта представлены минеральными и органическими примесями:

– дресва (Д). Светло-серые остроугольные частицы слоистой структуры размером 1–2 мм. Почти по всех сосудах, где зафиксирована дресва, она содержится в концентрации около 1/3–1/4;

– органический раствор (ОР) вида 1. Определялся в случаях присутствия на поверхности излома неглубоких, прямых или волнистых отпечатков растительности длиной 0,1–0,5 мм, а также тёмно-серых карбонизированных участков поверхности вокруг глубоких лакун;

– органический раствор вида 2. Определялся в случаях присутствия на поверхности излома матовых прозрачных плёнок – по всей площади или на отдельных участках.

Зафиксировано пять рецептов составления формовочных масс: 1) Глина (Г)+Д; 2) Г+Д+ОР вида 1; 3) Г+Д+ОР вида 2; 4) Г+ОР вида 1; 5) Г+ОР вида 2.

Наиболее массовыми в керамике Верхнего Чирюрта оказались третий и четвёртый рецепты (Таблица 4). «Г+Д+ОР вида 2» преобладает в кухонной посуде – в этой серии он отмечен в 75,5% образцов; в столовой керамике доминирует рецепт «Г+ОР вида 1» – 93,3% образцов.

Изготовление начина (ступень 5)

Информация об этой ступени гончарной технологии зафиксирована по 23 фрагментам донных частей, которые оказались пригодными для определения: 10 от кухонных и 13 от столовых сосудов. На основании формы спаев строительных элементов и особенностей течения формовочной массы на дне и придонном участке стенки [6, с. 131–135] во всех случаях определён донный монолитный начин (рис. 2). У двух обломков зафиксированы признаки донно-ёмкостного начина (непрерывность наращивания на участке перехода от дна к стенке), однако размер этих образцов оказался недостаточным для более детальных определений.

Изготовление полого тела, придание сосуду формы, механическая обработка поверхностей (ступени 6–8)

Размеры изученных образцов позволили определить вид строительного элемента, из которого делался сосуд. Таковых отмечено два: лента и жгут. Признаками использования лент являются вертикальное течение формовочной массы и отсутствие пересечений линий спая нижнего края верхней ленты и верхнего края нижней ленты (рис. 3). Признаками использования жгутов служат диагональное течение формовочной массы и пересечение линий спаев (рис. 4).

В пригодных для определений обломках кухонной посуды в большинстве случаев зафиксировано использование лент – они отмечены в 76% образцов (Таблица 5). Для изготовления столовой керамики, судя по изученным материалам, почти всегда использовались жгуты – они отмечены в 96% образцов.

В большинстве изученных образцов кухонной и столовой посуды зафиксированы следы машинного заглаживания на внешней или внутренней поверхностях сосуда. На внутренней поверхности сосудов они сочетаются со следами использования скульптурной лепки на плоскости (рис. 5; 6). Следы профилирования и вытягивания

отсутствуют. Опираясь на эти признаки, можно предполагать соответствие изученной посуды – и кухонной, и столовой – этапу РФК-2[3], т.е. когда вращательное движение гончарного круга используется только для заглаживания поверхностей сосуда. Такому предположению не противоречат результаты изучения донных частей. На их внешней стороне зафиксированы бортики, образующиеся при обтачивании на круге бокового придонного участка стенок сосуда (рис. 7). На внутренней стороне днищ представлены спиралевидные следы машинного заглаживания пальцами (от центра к периферии). Описанные признаки обычно сочетаются со следами машинного и ручного заглаживания на поверхностях придонных участков стенок. Все эти признаки указывают на соответствие донных частей сосудов из Верхнего Чирюрта этапу РФК не ниже 2-го.

Зафиксировано три способа обработки поверхности: заглаживание пальцами, заглаживание тканью и лощение. Как в кухонной, так и столовой посуде преобладает заглаживание пальцами – отмечено у 78,7 % и 58,7 % сосудов соответственно (Таблица 6). Столовая посуда характеризуется относительно более высокой долей сосудов, имеющих лощение внешней поверхности – 39,1 % (против 2,1 % в серии кухонных сосудов).

Придание сосуду прочности (ступень 10)

Для решения этой технологической задачи верхнечирюртовские гончары использовали обжиг сосудов. Зафиксировано 6 видов [12, с. 140-143].

Вид 1 (рис. 8, *1*). Сердцевина излома имеет «тёплые» тона – коричневый, красно-коричневый, краевые слои – тёмно-серого цвета. Граница между слоями резкая, толщина краевых слоёв 1–1,5 мм. Остаточная пластичность отсутствует[4]. Вероятно, данные признаки свидетельствуют об использовании высокотемпературного обжига в окислительной среде и создании на завершающем этапе обжига восстановительной среды.

Вид 2 (рис. 8, *2*). Тёмно-серая сердцевина и прокалённые оранжевые, светло-коричневые краевые слои толщиной 0,5–1,5 мм. Граница между цветовыми слоями как резкая, так и размытая. Остаточная пластичность отсутствует. Такие признаки характерны для высокотемпературного обжига в окислительной среде с быстрым подъёмом температуры, короткой или средней выдержкой (5–20 мин) и быстрым или медленным остыванием изделия.

Вид 3 (рис. 8, *3*). Почти полностью прокалённый излом тёплых тонов и не прокаленный тёмно-серый слой в сердцевине. Граница между цветовыми слоями резкая. Осветленные слои значительно превышают по толщине тёмно-серый слой. Такие признаки характерны для высокотемпературного длительного обжига в окислительной среде с медленным подъёмом температуры и длительной выдержкой изделия в обжиговом устройстве.

3. РФК – развитие функций гончарного круга – понятие, введённое в научный оборот А.А. Бобринским. Оно отражает конкретные задачи, которые решает изготовитель сосуда за счёт использования вращательного движения гончарного круга. Информация об РФК имеет ключевое значение при обсуждении вопроса об экономических формах гончарных производств [6, с. 26–34].

4. Остаточная пластичность – это свойство, при котором формовочная масса обожжённого сосуда после пребывания в воде может быть вновь переведена в пластичное состояние, полностью или частично пригодное для лепки. Экспериментально установлено, что остаточная пластичность сохраняется у сосудов, обожжённых при температурах ниже предела каления глины (т.е. до 650–700°С), а также у сосудов, испытавших во время обжига кратковременное (менее 5 минут) воздействие температур каления глины [12, с. 167–168].

Вид 4 (рис. 8, *4*). Изломы сосудов тёмно-серые, краевые слои толщиной до 2 мм – либо тёмно-серые, либо осветленные (светло-коричневые). Внешняя поверхность сосуда – пятнистая, многоцветная. В изломе отсутствует резкая граница между слоями разного цвета, остаточной пластичности нет. Такие признаки характерны для низкотемпературного обжига в условиях полувосстановительной среды с различной скоростью подъема температуры, средней или большой выдержкой, медленным остыванием сосуда.

Вид 5 (рис. 8, *5*). Однородный тёмно-серый излом и поверхность сосуда. Интерпретация данного вида обжига затруднительна. По цветовым характеристикам излома он похож на обжиг в восстановительной среде, однако остаточная пластичность отсутствует. Возможно, такие следы объясняются длительным чернением сосуда.

Вид 6 (рис. 8, *6*). Пепельно-серый излом (занимает большую часть толщины стенки) и почти чёрные краевые слои толщиной 0,5–1, иногда до 1,5 мм. Граница между цветовыми слоями резкая. Остаточная пластичность отсутствует. Вероятно, данные признаки характеризуют обжиг сосудов в восстановительной среде, длительную выдержку при температуре не ниже 550–650°С и чернение в конце обжига.

Перечисленные виды обжига по-разному представлены в изученных сериях посуды. При изготовлении кухонной керамики чаще всего применялись 2-й, 4-й и 5-й виды обжига – к ним относится по 19,6, 26,1 и 28,3% соответственно (Таблица 7). При изготовлении исследованной столовой посуды в большинстве случаев использован 6-й вид обжига – он зафиксирован по 79,1% образцов. Виды обжига, доминирующие в серии кухонной посуды, представлены в столовой посуде суммарно менее чем в 15% образцов.

Обсуждение

Результаты технико-технологического анализа керамики из Верхнего Чирюрта свидетельствуют о том, что по некоторым особенностям гончарной технологии традиции изготовителей кухонной и столовой посуды были очень однородны. К таковым относятся:

– использование слабоожелезнённых глин. Такие глины использованы для изготовления примерно 80% изученных образцов (если суммировать данные по двум сериям). Данная черта может свидетельствовать о том, что у большинства верхнечирюртовских мастеров были очень похожие представления о цвете пластичного сырья, пригодного для изготовления сосудов;

– использование донной программы конструирования начинов. По этнографическим данным известно, что среди всех трудовых навыков гончаров приёмы создания начинов являются наиболее устойчивыми [6, с. 124–130]. В условиях непрерывного культурного смешения групп населения с различающимися технологическими традициями, программа конструирования начина может оставаться неизменной на протяжении жизни 5-6 поколений гончаров. Однородность начинов, зафиксированная в Верхнем Чирюрте, свидетельствует о культурном единстве изготовителей кухонной и столовой посуды, имевшем место в прошлом;

– использование вращательного движения гончарного круга для заглаживания поверхностей сосудов. Информация об этапах РФК археологической

керамики характеризует не только культурные, но и экономические особенности древних гончарных производств. Однородность изученной керамики по зафиксированным этапам РФК свидетельствует о соответствии гончарства Верхнего Чирюрта какой-то общей экономической форме производства. Судя по этнографическим данным, собранным А.А. Бобринским, посуда с признаками РФК-2 может характеризовать как домашние, так и ремесленные производства на заказ [6, табл. 7].

По некоторым другим особенностям гончарной технологии культурные традиции верхнечирюртовских мастеров оказались более разнообразными. Отчётливые различия традиций изготовления кухонной и столовой керамики проявились в следующем:

– запесоченность глин: кухонная посуда делалась преимущественно из слабозапесоченных глин (81,6%), а столовая – из среднезапесоченных (70,5%);

– состав естественных примесей в глине: для изготовления кухонной посуды использовалось более «чистое» сырьё (вид 1, 95,8%), а для изготовления столовой – относительно более «засоренное» (вид 2, 93,3%);

– рецепты формовочных масс. В кухонной посуде преобладает рецепт «Г+Д+ОР вида 2» (75,5%); для изготовления столовых сосудов наиболее массово использовался рецепт «Г+ОР вида 1» (93,3%);

– виды строительных элементов. Для кухонной керамики характерно использование лент (76%), а для столовой – жгутов (96%).

Этот перечень можно дополнить ещё одной особенностью – в столовой керамике гораздо чаще встречается лощение как приём обработки внешней поверхности сосуда.

Могут ли полученные данные свидетельствовать о том, что изготовители кухонной и столовой посуды Верхнего Чирюрта были носителями двух разных технологических традиций? Для поиска ответа на этот вопрос составлена таблица сочетаемости разных навыков в технологии изготовления проанализированных сосудов. В строках таблицы размещены разные образцы, в столбцах – признаки, характеризующие трудовые навыки гончаров[5] (рис. 9). Таблица демонстрирует наличие взаимосвязей между *запесоченностью глин, составом естественных примесей, составом формовочных масс, видами строительных элементов, видами обжига* и, частично, *приёмами обработки поверхности сосудов* из Верхнего Чирюрта. Опираясь на эти взаимосвязи, можно реконструировать две технологические традиции.

К признакам первой традиции (рис. 9, *А*) относятся: использование глины 2-го вида, имеющей слабую степень запесоченности, добавление в формовочную массу дресвы (рецепты «Г+Д+ОР вида 1», «Г+Д+ОР вида 2», «Г+Д»), использование лент при конструировании сосудов, использование обжига 4-го вида. Ещё несколько признаков оказались наиболее характерными именно для первой традиции: обжиг 1-го, 3-го и 5-го видов, заглаживание поверхности тканью. Все образцы первой традиции принадлежат кухонным сосудам (рис. 10).

Навыки носителей второй традиции (рис. 9, *Б*) характеризуют использование глин 1-го вида средней степени запесоченности, формовочных масс без минеральных

5. Расшифровка признаков для рис. 9: 1 – ожелезнённость слабая; 2 – ожелезнённость средняя; 3 – ожелезнённость сильная; 4 – запесоченность слабая; 5 – запесоченность средняя; 6 – запесоченность сильная;7 – глина, вид 1 по естественным примесям; 8 – глина, вид 2 по естественным примесям; 9 – Г+Д; 10 – Г+Д+ОР вида 1; 11 – Г+Д+ОР вида 2; 12 – Г+ОР вида 1; 13 – Г+ОР вида 2; 14 – начин донный; 15 – начин донно-ёмкостный; 16 – ленты; 17 – жгуты; 18 – заглаживание пальцами; 19 – заглаживание тканью; 20 – лощение; 21 – РФК-2 (или не менее 2); 22 – обжиг вида 1; 23 – обжиг вида 2; 24 – обжиг вида 3; 25 – обжиг вида 4; 26 – обжиг вида 5; 27 – обжиг вида 6.

примесей, жгутов, лощения поверхности и обжига вида 6. Большинство образцов второй традиции – 91,6% – представлено обломками столовых сосудов (рис. 11–12).

Все прочие признаки, внесённые в таблицу, почти равноценно представлены как в первой, так и во второй традициях (рис. 9, *B*). Среди них можно выделить слабую степень ожелезнённости сырья, использование донной программы конструирования, заглаживание поверхности пальцами, использование 2-го вида обжига, а также соответствие посуды второму (или не ниже второго) этапу РФК.

Таким образом, результаты изучения сочетаемости технологических приёмов подтверждают, что изготовители кухонной и столовой керамики Верхнего Чирюрта были носителями двух разных технологических традиций. Навыки представителей этих традиций отличались в большинстве рассмотренных ступеней гончарной технологии.

Заключение

По итогам изучения 94 керамических образцов реконструированы две технологические традиции изготовления глиняной посуды, бытовавшие у раннесредневековых жителей поселения и городища Верхний Чирюрт. Некоторые технологические приёмы, зафиксированные по изученной керамике, характерны для обеих традиций – это, например, использование глин слабой ожелезнённости, донные программы конструирования начинов, заглаживание пальцами поверхностей сосудов.

Отличительными чертами трудовых навыков представителей первой традиции были: использование слабозапесоченных, относительно более «чистых» по составу естественных примесей глин, добавление в формовочную массу дресвы и органических примесей, использование лент при конструировании сосуда. Обжиг сосудов проводился в разной газовой среде: окислительной, полувосстановительной, восстановительной.

Навыки носителей второй традиции характеризуют: использование среднезапесоченных, более «засоренных» глин, добавление в формовочную массу только органической примеси, использование при конструировании сосуда жгутов, применение восстановительного обжига и чернения, а также иногда лощение внешней поверхности сосудов.

Выявленные традиции оказались характерны для разных функциональных групп посуды: первая – для кухонной посуды (горшки), вторая – для столовой (кувшины). Принимая во внимание наличие на поселенческих памятниках хазарской эпохи в Приморском Дагестане горнов для обжига керамики, а также свидетельства массового использования гончарного круга при производстве посуды Верхнего Чирюрта [7, с. 107–108], зафиксированные в этом исследовании различия в технологии изготовления кухонной и столовой посуды свидетельствуют о специализации производства, существовавшей среди местных гончаров. Пока что сложно сказать, что послужило причиной возникновения такой специализации – культурные, этнические или какие-то другие особенности гончаров, делавших кухонную и столовую посуду в Верхнем Чирюрте и, возможно, других поселениях хазарской эпохи в Приморском Дагестане. Идентичность двух традиций по навыкам создания начинов, т.е. по самой устойчивой ступени гончарной технологии,

указывает на имевшее место в прошлом культурное единство гончаров, делавших глиняную посуду разного функционального назначения.

Таким образом, в исследовании получена информация о конкретных традициях в технологии изготовления глиняной посуды у раннесредневекового населения Верхнего Чирюрта. По мере накопления данных о собственно салтовском гончарстве, полученная в этом исследовании информация может использоваться для более обстоятельного и опирающегося на конкретный археологический материал обсуждения вопроса об участии населения Приморского Дагестана в переселении в бассейн Дона и формировании салтово-маяцкой культуры.

Финансирование. Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-78-00025 «Гончарство населения Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья».

Acknowledgement. The study was financed by the RSF within the framework of the grant project No. 22-78-00025 “Pottery of the North Caucasian population in the Early Middle Ages”.

Таблица 1. Ожелезнённость исходного пластичного сырья.

Table 1. Iron content of the raw plastic material.

Ожелезнённость	Кухонная		Столовая	
ИПС	Количество	%	Количество	%
Слабая	34	77,3	35	83,3
Средняя	9	20,5	7	16,7
Сильная	1	2,3	0	0,0

Таблица 2. Запесоченность исходного пластичного сырья.

Table 2. Sand content of the raw plastic material.

Запесоченность ИПС	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
Слабая	40	81,6	11	25,0
Средняя	8	16,3	31	70,5
Сильная	1	2,0	2	4,5

Таблица 3. Виды глин по составу естественных примесей.

Table 3. Clay types according to natural impurities content.

Виды глин	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
1	3	6,3	42	93,3
2	46	95,8	3	6,7

Таблица 4. Формовочные массы.

Table 4. Clay body.

Рецепты формовочных масс	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
Г+Д	3	6,1	1	2,2
Г+Д+ОР, вид 1	5	10,2	0	0,0
Г+Д+ОР, вид 2	37	75,5	0	0,0
Г+ОР, вид 1	2	4,1	42	93,3
Г+ОР, вид 2	2	4,1	2	4,4

Таблица 5. Виды строительных элементов, использованных для создания полого тела.

Table 5. Design elements used for the making of hollow body.

Виды строительных элементов	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
Жгут	6	24	24	96
Лента	19	76	1	4

Таблица 6. Приёмы механической обработки внешней поверхности сосудов.

Table 6. Mechanical techniques in treatment of a vessel surface.

Приёмы	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
Заглаживание пальцами	37	78,7	27	58,7
Заглаживание тканью	9	19,1	1	2,2
Лощение	1	2,1	18	39,1

Таблица 7. Виды обжига.

Table 7. Types of firing.

Виды обжига	Кухонная		Столовая	
	Количество	%	Количество	%
1	5	10,9	2	4,7
2	9	19,6	2	4,7
3	4	8,7	1	2,3
4	12	26,1	0	0,0
5	13	28,3	4	9,3
6	3	6,5	34	79,1

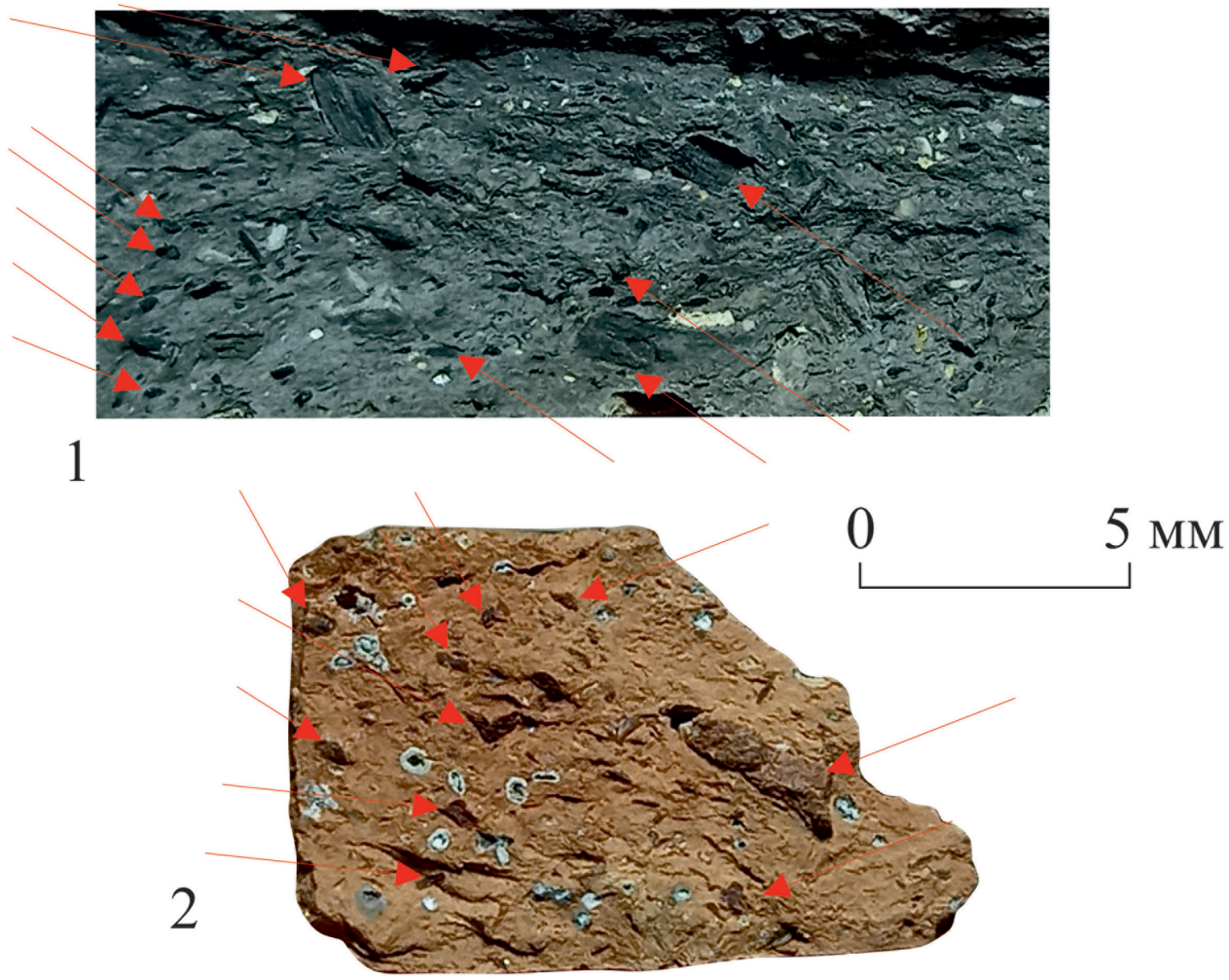


Рис. 1. Фотоснимок включений чёрного/тёмно-серого цвета в глинах вида 1. 1 – до обжига при температуре 850° С; 2 – после обжига при температуре 850° С

Fig. 1. Photo of black/dark gray inclusions in clays of Type 1. 1 – before firing at 850° C; 2 – after firing at 850° C

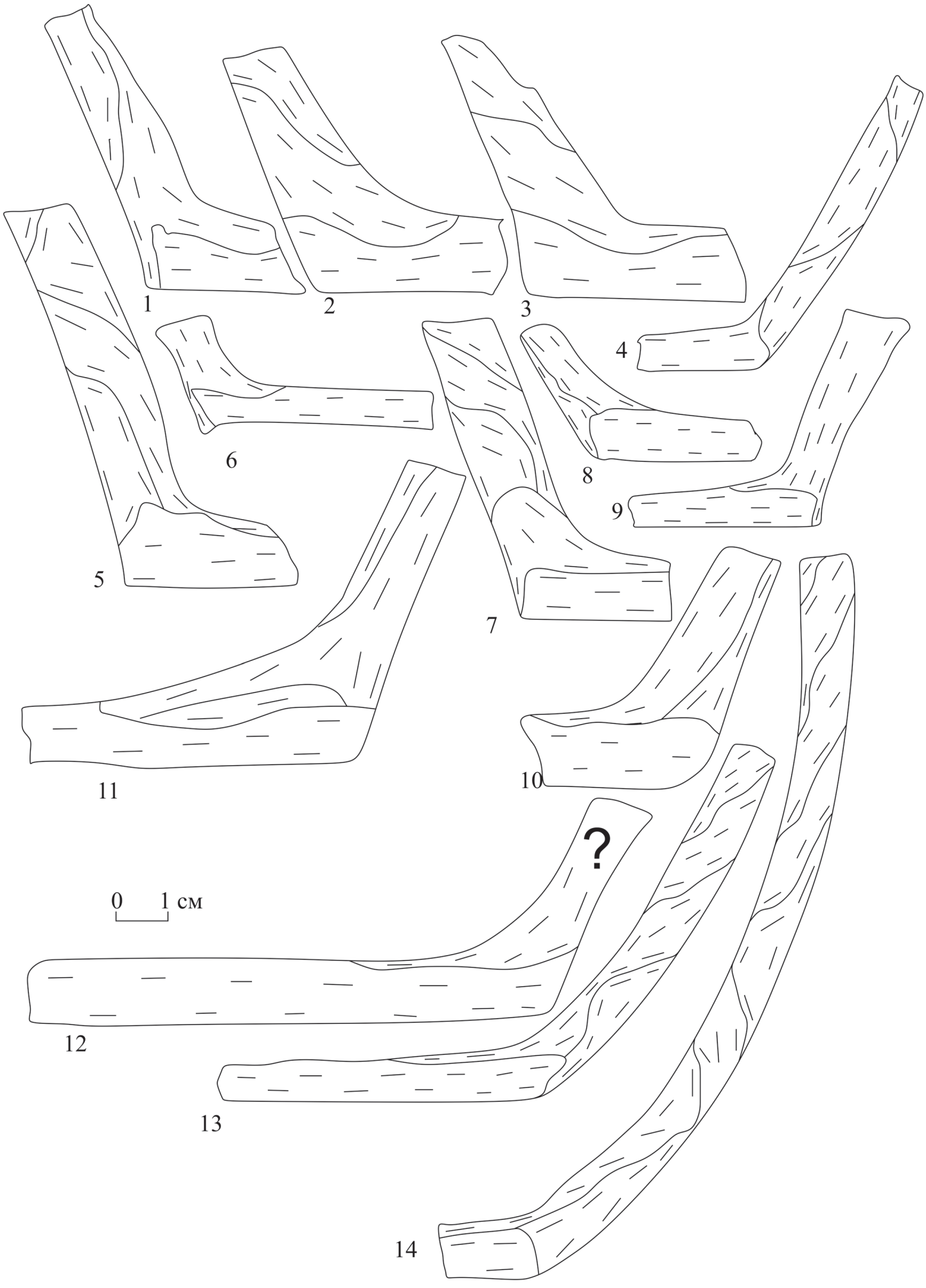


Рис. 2. Прорисовки спаев строительных элементов (донные начины). Здесь и далее №№ сосудов даны по рис. 9. 1 – Г-32К; 2 – Г-38К; 3 – Г-36К; 4 – Г-11К; 5 – Г-5К; 6 – Г-50К; 7 – Г-1К; 8 – Г-47К; 9 – 13К; 10 – Г-12К; 11 – Г-14К; 12 – П-40К; 13 – Г-10К; 14 – Г-29К

Fig. 2. Drawings of connecting lines of the structure clay elements (initial bottom). Hereinafter, the vessel numbers are given according to Fig. 9. H – hillfort, S – settlement, VCS – Verkhnyi Chiryurt Settlement: 1 – H-32A; 2 – H-38A; 3 – H-36A; 4 – H-11A; 5 – H-5A; 6 – H-50A; 7 – H-1A; 8 – H-47A; 9 – H-13A; 10 – H-12A; 11 – H-14A; 12 – H-40A; 13 – H-10A; 14 – H-29A

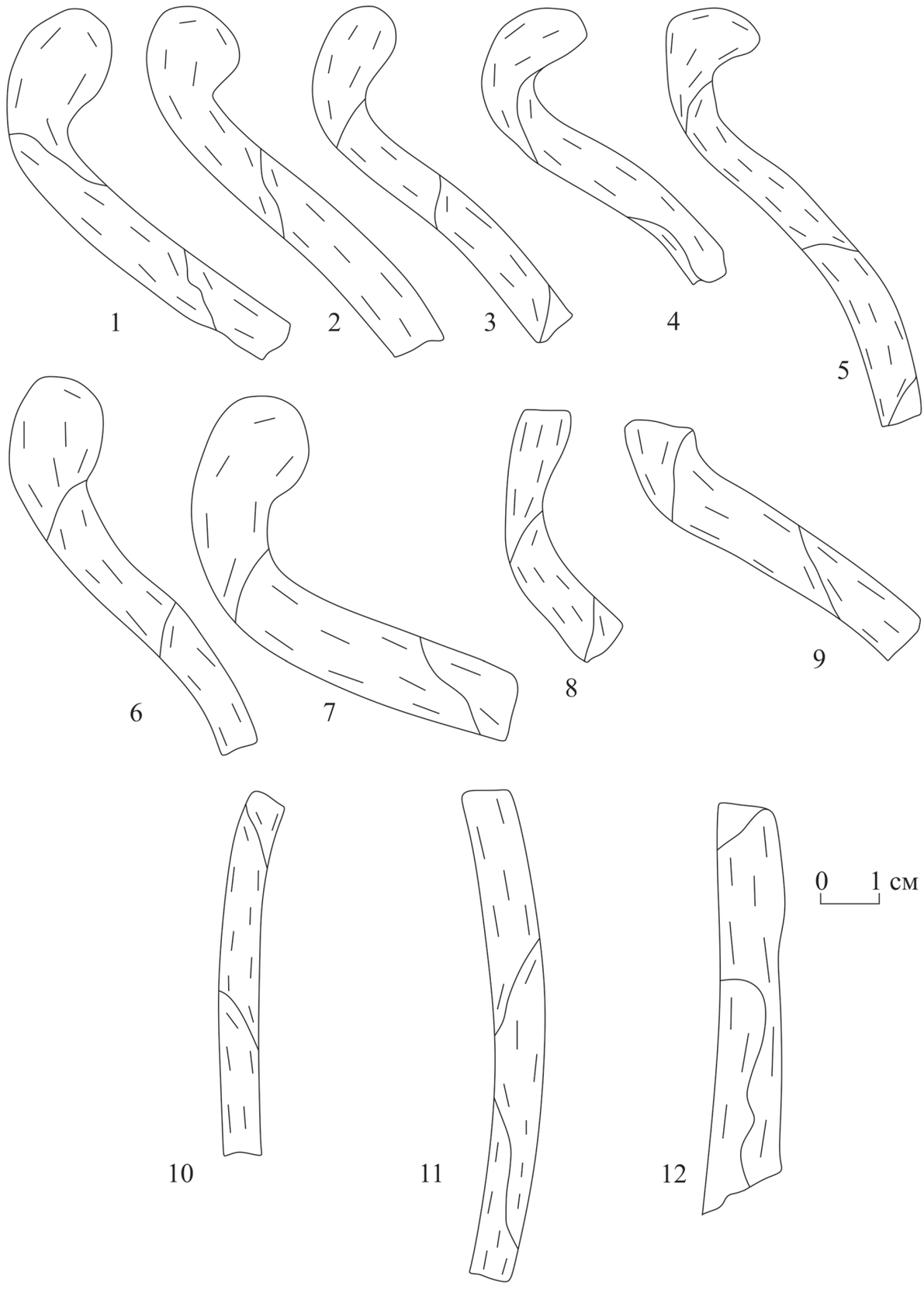


Рис. 3. Прорисовки спаев строительных элементов (налеп из лент). 1 – Г-37; 2 – Г-52; 3 – Г-22; 4 – Г-23; 5 – 1ВЧП-2; 6 – П-9; 7 – Г-21; 8 – Г-26; 9 – Г-40; 10 – Г-34К; 11 – П-58К; 12 – Г-31К

Fig. 3. Drawings of connecting lines of the structure clay elements (band application). 1 – H-37; 2 – H-52; 3 – H-22; 4 – H-23; 5 – 1VCS-2; 6 – S-9; 7 – H-21; 8 – H-26; 9 – H-40; 10 – H-34A; 11 – S-58A; 12 – H-31A

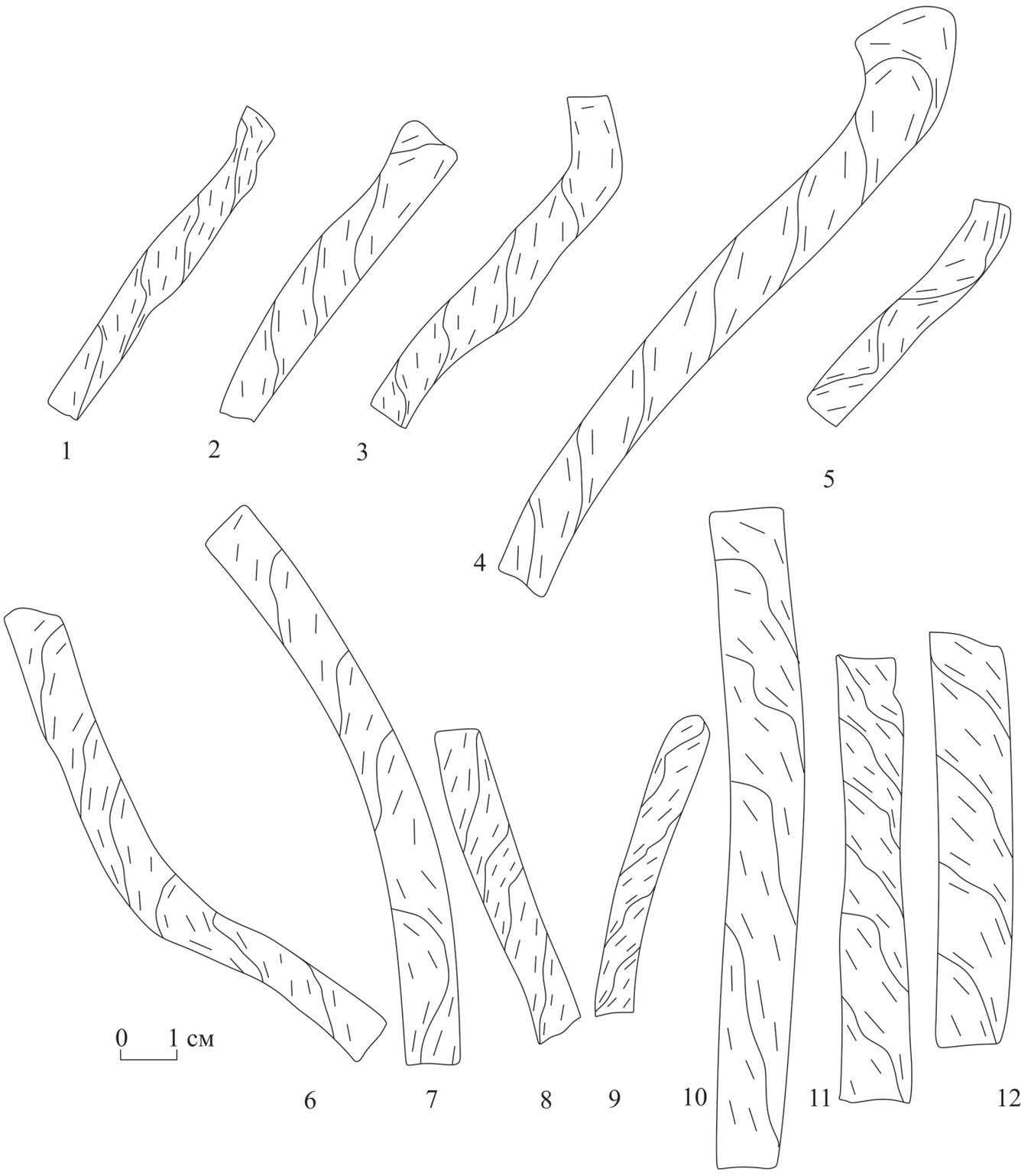


Рис. 4. Прорисовки спаев строительных элементов (налеп из жгутов). 1 – Г-24К; 2 – Г-41К; 3 – Г-6К; 4 – Г-48; 5 – Г-16К; 6 – Г-2К; 7 – Г-15К; 8 – Г-39К; 9 – Г-25; 10 – Г-46К; 11 – Г-28К; 12 – Г-1К

Fig. 4. Drawings of connecting lines of the building clay elements (cord application). 1 – Н-24А; 2 – Н-41А; 3 – Н-6А; 4 – Н-48; 5 – Н-16А; 6 – Н-2А; 7 – Н-15А; 8 – Н-39А; 9 – Н-25; 10 – Н-46А; 11 – Н-28А; 12 – Н-1А

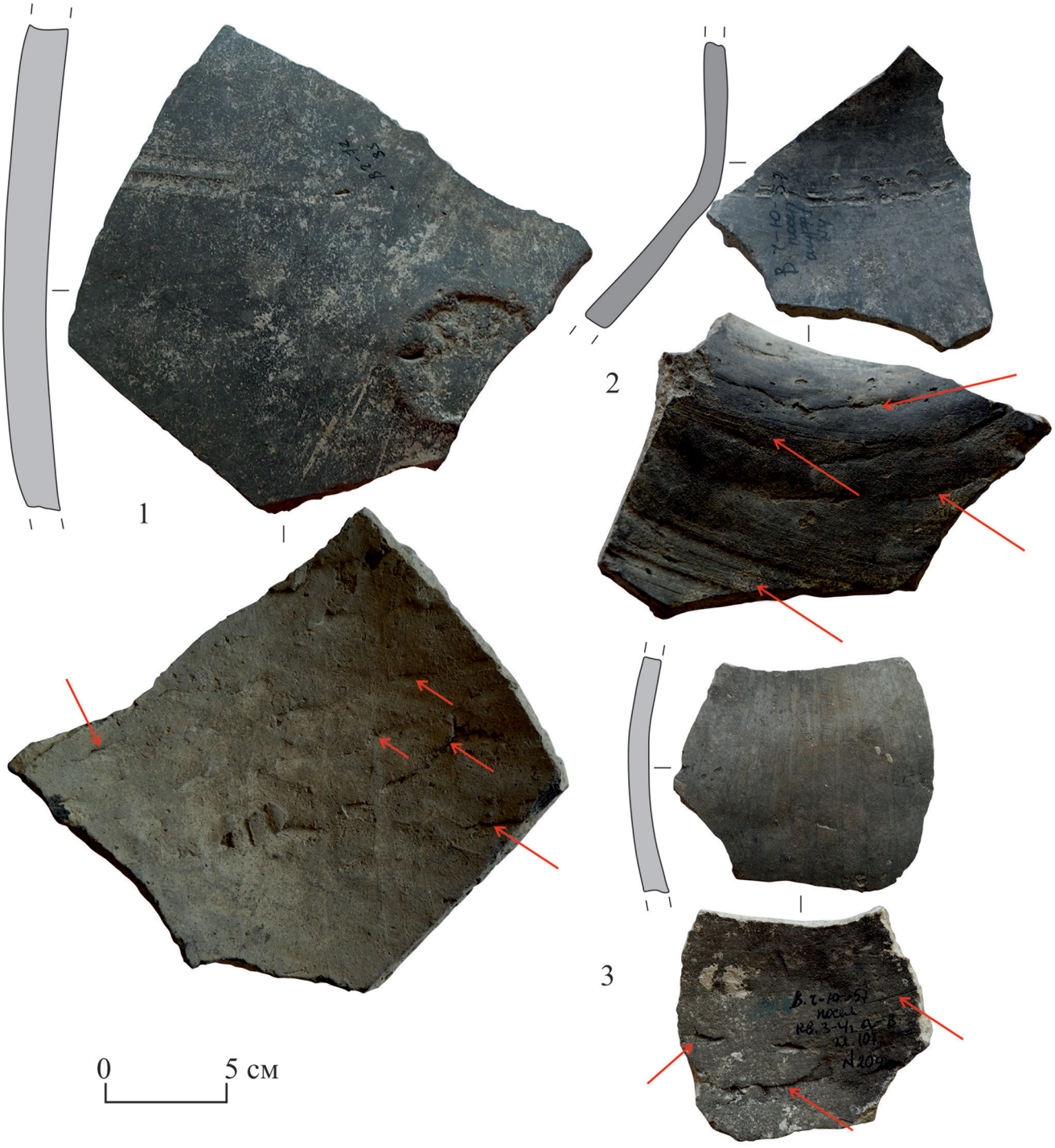


Рис. 5. Обломки со следами конструирования на внешней и внутренней поверхности сосуда. 1-3 – следы применения налепочной технологии при конструировании; 2-3 – следы машинного заглаживания; 1 – Г-46К; 2 – П-54К; 3 – П-10К

Fig. 5. Fragments of vessels with traces of construction on surfaces. 1-3 – traces of “step-by-step” building technology; 2-3 – traces of smoothing on a potter’s wheel; 1 – H-46A; 2 – S-54A; 3 – S-10A

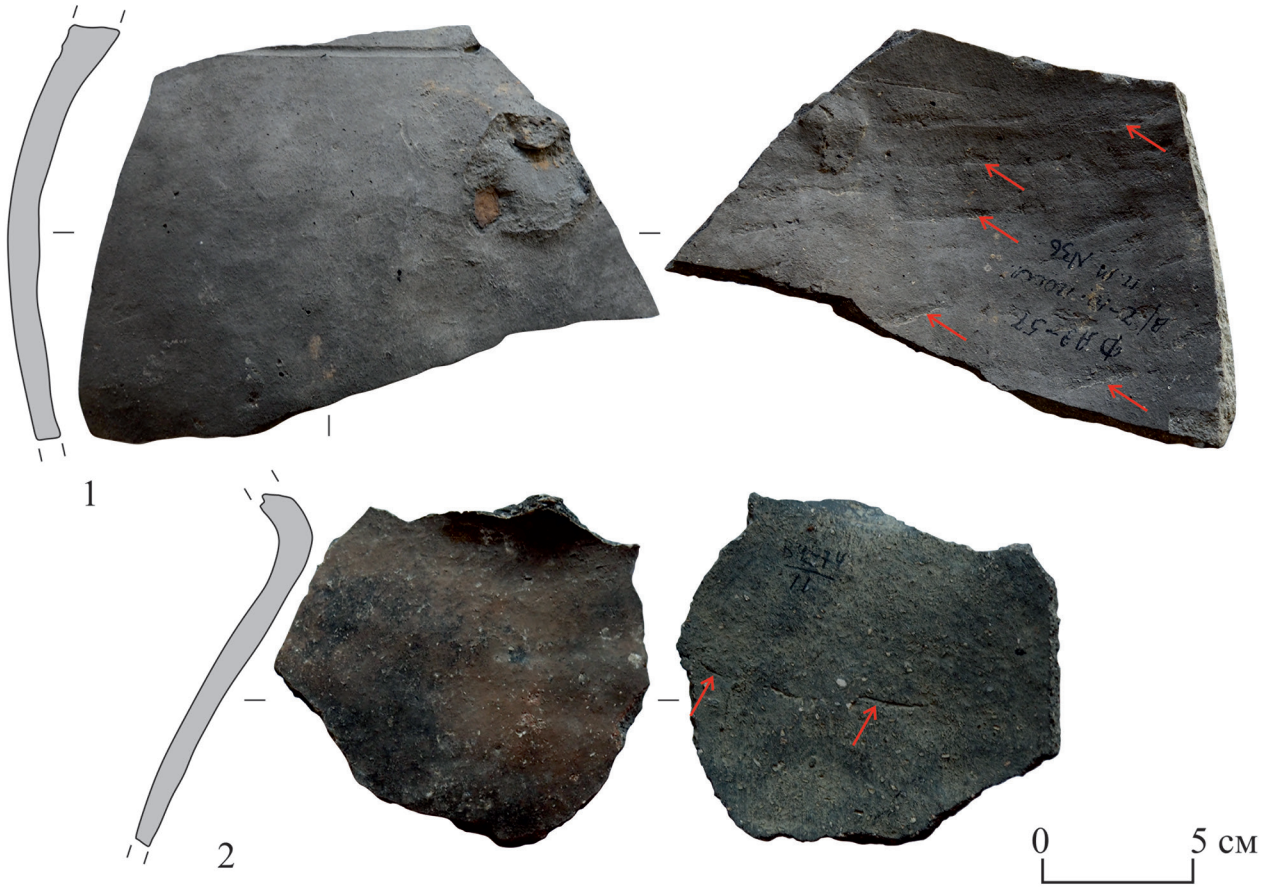


Рис. 6. Обломки со следами конструирования на внешней и внутренней поверхности сосуда. 1 – П-11К; 2 – Г-34

Fig. 6. Fragments of vessels with traces of construction on surfaces. 1 – S-11A; 2 – H-34

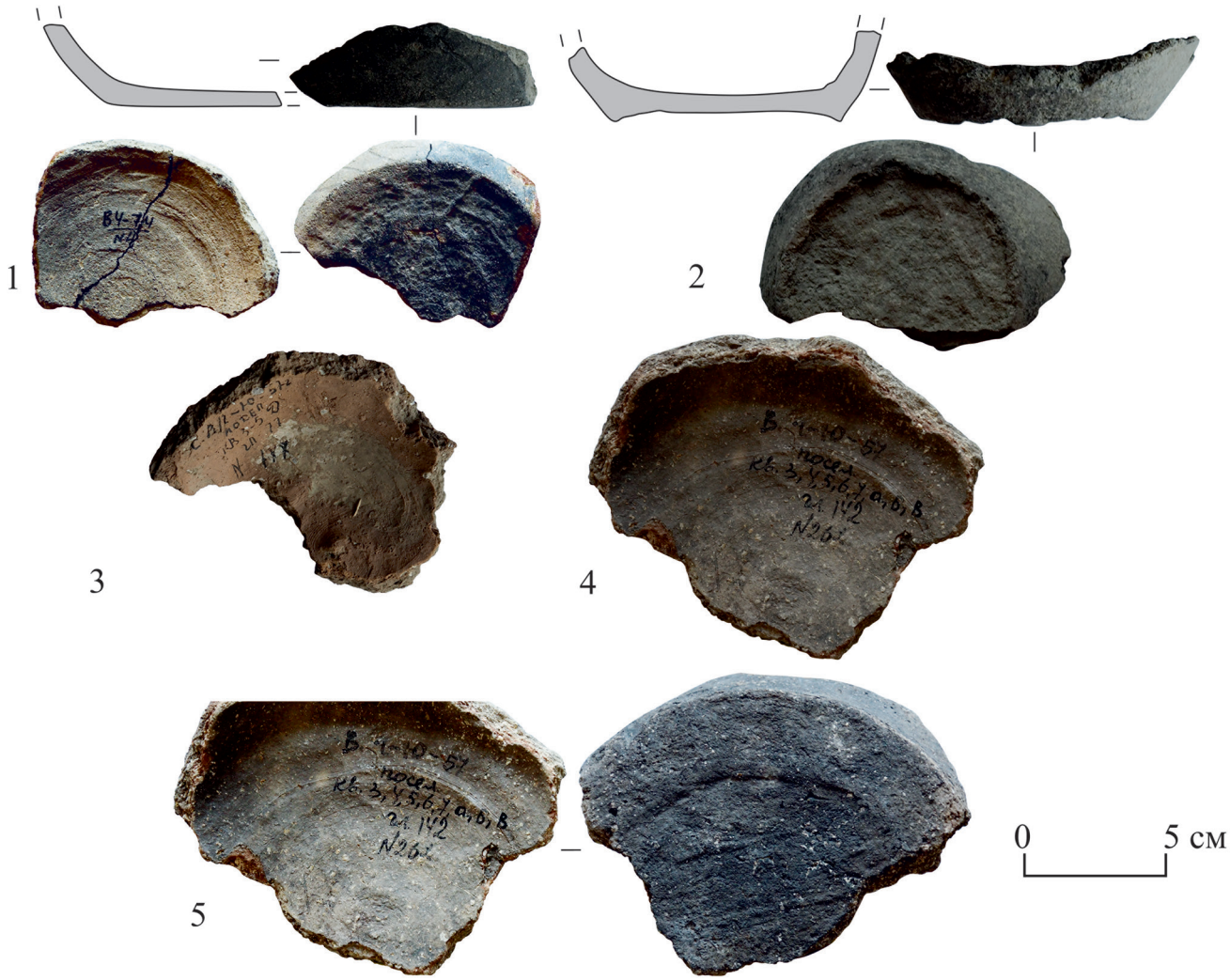


Рис. 7. Донные части сосудов со следами использования гончарного круга. 1, 3-5 – машинное заглаживание на внутренней поверхности днища по спиралевидной траектории; 1, 2, 5 – отпечатки на внешней стороне днища, бортики по периметру. 1 – Г-47К; 2 – Г-50К, 3 – П-51К; 4 – П-45К; 5 – П-44К

Fig. 7. The bottom of the vessels with traces of the use of a potter's wheel. 1, 3-5 – smoothing on a potter's wheel on the inner side along a spiral trajectory; 1, 2, 5 – prints on the outside of the bottom, clay rims along the perimeter of the bottom. 1 – H-47A; 2 – H-50A, 3 – S-51A; 4 – S-45A; 5 – S-44A

Рис. 8. Образцы сосудов с разными видами обжига

Fig. 8. Samples of vessels with different types of firing

№№ ОБРАЗЦОВ	КОНТЕКСТ	КАТЕГОРИИ		№№ ПРИЗНАКОВ																										
		КУХ.	СТОЛ.	9	11	8	4	26	25	16	24	10	22	19	3	5	27	17	20	7	12	13	1	18	21	23	2	14	6	15
Г-21		+		+					+	+	+	+											+	+						
Г-42	р.1, т.1, шт.2	+		+					+	+		+	+										+		+					
П-7	кв. 3-5Д, гл. - 77 см	+		+					+	+			+														+			
П-14	кв. 3-6, гл. - 132 см	+				+			+	+													+	+	+	+				
Г-4	р.1, т.2, шт. 4	+				+	+		+	+													+	+	+					
Г-22	р.1, т.2, шт. 4	+				+			+	+	+	+											+	+	+					
Г-23	р.1, т.2, шт. 4	+				+			+	+	+	+											+	+	+					
Г-26	р.1, т.1., шт. 4	+				+			+	+	+	+											+	+						
Г-37	р.1, т.2, шт. 3	+				+			+	+		+	+										+	+	+					
Г-40	р.1, т.1, шт. 2	+				+	+		+	+		+			+										+		+			
Г-49		+				+			+	+	+	+											+	+	+					
Г-52	р.1, т.1, шт.2	+				+			+	+		+	+										+	+	+					
П-4	кв. 5-6, а-в, гл. -115-123 см	+				+	+		+	+		+											+	+	+					
П-55	кв. 1-2, гл. -79	+				+				+	+	+ (?)												+	+		+			
П-1ВЧП2	кв. 5-6, гл. -115-123 см	+				+	+		+	+		+											+	+	+					
П-17	кв. 4-6, гл. -41-60 см	+				+			+	+		+		+									+	+	+					
Г-33	р.1, т.1, шт. 1	+				+	+		+	+					+								+		+					
Г-43	р.1, т.1, шт. 2	+				+			+	+	+												+	+	+					
П-15	кв. 3-6, гл. - 132	+				+	+		+	+													+	+	+					
П-13	кв. 3-6, гл. - 132	+				+	+		+	+													+	+	+					
П-12	кв. 3-6, гл. - 132	+				+			+	+				+										+	+		+			
П-20	кв. 3-6, гл. - 34-60	+				+			+	+	+												+		+					
П-28	кв. 4в, гл. -120 см	+				+			+	+														+	+	+				
П-34	кв. 3, гл. -34-40 см	+						+	+	+													+	+		+				
Г-12К	р.1., т.1, шт. 5	+					+	+	+	+		+											+	+	+			+		
П-29К	кв. 4в, гл. -120 см	+						+	+	+	+	+			+										+					
Г-11К		+				+	+		+	+		+											+	+	+			+		
Г-13К	р.1., т.1, шт. 5	+				+	+		+	+					+										+		+	+		
Г-14К	р.1., т.1, шт. 5	+				+			+	+													+	+				+		
Г-31К	р.1., т.1, шт. 1	+			+	+	+		+	+		+			+										+					
Г-32К	р.1., т.1, шт. 1	+				+			+	+				+									+	+	+			+		
Г-34К	р.1., т.1, шт. 1	+				+			+	+		+											+	+	+	+				
Г-50К	р.1., т.1, шт. 2	+				+			+	+														+	+	+	+	+		
П-42К	кв. 2-3, гл. -55-62 см	+				+			+	+					+								+		+	+				+ (?)
П-44К	кв. 3-7, гл. -142 см	+				+			+							+								+			+	+	+	
П-52К	кв. 2, 3, 4, гл. - 107 см	+				+			+	+		+ (?)		+	+													+ (?)		
П-56К	кв. 1-2, гл. -79 см	+				+	+		+	+													+	+						
П-9	кв. 3-4, а-в	+				+			+		+	+				+								+	+					
П-30	кв. 3-6, гл. - 132	+				+			+			+				+	+						+	+	+					
П-18	кв. 4-6, гл. -41-60 см	+						+	+							+	+						+	+	+					
П-1ВЧП1	кв. 13, гл. -9-50 см	+				+			+	+	+							+ (?)					+	+						
Г-20	р.1, т.2, шт. 4	+				+			+									+					+	+		+				
П-8К	кв. 5-6, гл. -115-123 см	+				+			+	+				+				+						+	+		+			
П-37К	кв. 8, гл. -128	+				+			+	+	+								+				+				+			
П-31К	кв. 3-6, гл. -132 см	+						+	+	+								+					+	+						
Г-15К	р.1., т.1, шт. 1		+	+					+	+							+	+	+				+	+						
П-61			+						+	+												+	+	+	+	+				
П-2ВЧП1	кв. 5-6, -115-123 см		+						+							+	+		+		+		+							
П-16К	кв. 3-6, гл. -132 см	+							+						+	+		+ (?)				+	+			+				
Г-3	р.1, т.2, шт. 4		+							+							+			+	+			+						
Г-44	р.1, т.2, шт. 3		+							+							+			+	+		+	+						
Г-45			+							+							+			+	+		+	+						
П-43К	кв. 7, гл. -102 см		+							+	+									+	+		+					+		
П-45К	кв. 3-7, гл. -142 см		+							+							+	+ (?)		+	+		+	+						
П-48К			+							+							+			+	+		+	+	+					+ (?)
П-58К			+							+							+	+	+	+	+			+	+						
П-33К	могильник		+							+							+	+	+	+	+						+				
Г-2К	р.1., т.2, шт. 4		+							+								+	+	+	+		+			+				
П-5	кв. 3-5Д, гл. - 77 см										+					+				+	+		+							
П-10К	кв. 3-4, а-в		+								+					+		+	+	+	+		+							
П-36К	кв. 5г, гл. -75		+								+							+ (?)		+		+	+	+					+		
П-41К	кв. 8-9, гл. -104 см		+								+					+				+	+		+	+				+			
П-51К	кв. 3-5Д, гл. -77 см	+									+					+		+		+		+	+	+				+			
Г-25	р.1, т.1, шт. 4		+									+	+			+				+	+			+	+		+				
П-46	кв. 3-6, гл. -142 см		+											+				+	+	+	+		+							
Г-7К			+											+		+		+		+	+		+	+	+					
г-48		+													+	+	+	+		+	+		+		+					
П-40К	кв. 3-6, гл. -83 см		+												+	+	+			+	+		+		+			+		
Г-1К	р.1., т.2, шт. 4	+														+		+		+	+			+	+	+	+	+		
Г-19			+													+	+	+	+	+	+		+		+					
П-57	кв.6, гл. - 105 см.		+													+	+			+	+						+			
Г-10К			+ (?)													+	+	+	+	+	+		+		+			+		
Г-16К	р.1., т.1, шт. 1		+													+	+	+	+	+	+		+							
Г-18К	р.1., т.2, шт. 3		+													+		+		+	+		+	+						
Г-24К			+														+	+	+	+	+		+		+				+	
Г-28К	р.1., т.2, шт. 2		+													+	+	+		+	+			+	+					
Г-29К	р.1., т.2, шт. 4		+													+	+	+	+	+	+		+					+		
Г-36К	р.1., т.2, шт. 3		+													+	+			+	+		+	+	+			+		
Г-38К	р.1., т.2, шт. 1		+													+	+			+	+			+	+		+	+		
Г-39К	р.1., т.2, шт. 1		+													+	+	+	+	+	+		+		+					
Г-41К			+													+	+		+	+	+		+		+					
Г-46К			+													+	+	+		+	+		+	+	+					
Г-47К			+													+	+		+	+	+		+					+		
Г-5К	р.1., т.2, шт. 4		+													+	+			+	+		+	+	+			+		
Г-6К			+													+	+	+	+	+	+		+							
П-11К			+													+	+	+		+	+		+	+						
п-21к			+													+	+	+		+	+		+	+				+		
П-25К			+													+	+	+		+	+		+	+						
П-26К			+													+	+	+		+	+			+			+	+		
П-27К			+ (?)													+	+			+	+			+	+		+			
П-38К			+													+	+	+		+	+			+			+	+		
П-47К	кв. 4-7, гл. -142 см		+ (?)													+	+	+		+	+		+		+					
П-49К	кв. 4-7, гл. -49 см		+													+	+			+	+		+	+				+		
П-53К	шурф 1		+													+			+	+	+		+	+	+					
П-54К	шурф 1		+													+	+	+	+	+	+		+	+	+					

- А - Б - В

Рис. 9. Сочетаемость разных технологических приёмов в гончарной технологии Верхнего Чирюрта.
А – признаки первой традиции; Б – признаки второй традиции; В – признаки, характерные для разных традиций

Fig. 9. Combination of various technological methods in the pottery tradition of the Verhnyi Chiryurt. A – features of the first tradition; B – features of the second tradition; C – features of the both traditions

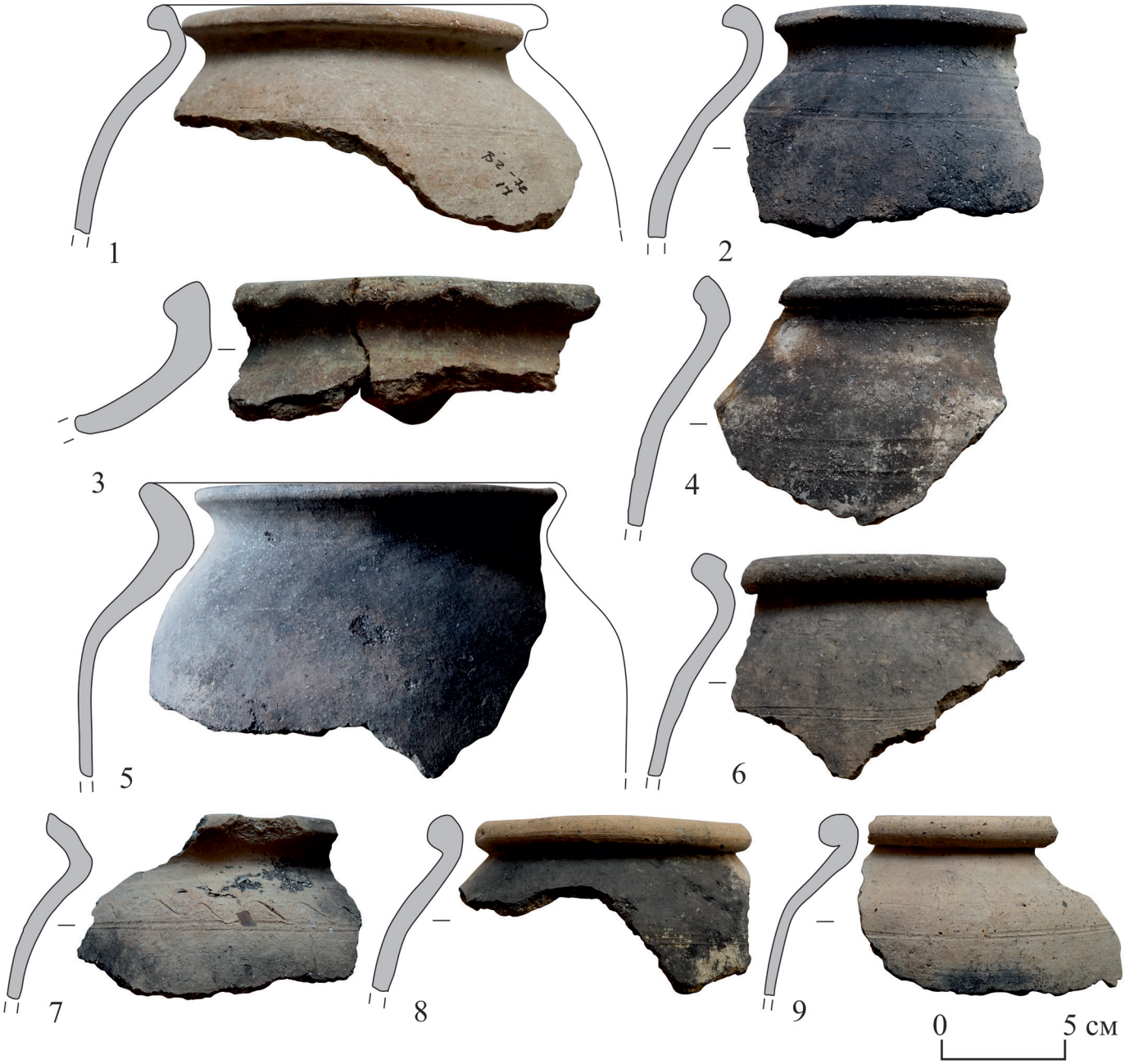


Рис. 10. Некоторые примеры обломков сосудов, соответствующих второй традиции. 1 – Г-20; 2 – П-1ВЧП2; 3 – П-4; 4 – П-9; 5 – П-1ВЧП1; 6 – П-3; 7 – П-28; 8 – П-15; 9 – П-4

Fig. 10. Samples of vessel fragments corresponding to the second tradition. 1 – H-20; 2 – S-1VCS2; 3 – S-4; 4 – S-9; 5 – S-1VCS-1; 6 – S-3; 7 – S-28; 8 – S-15; 9 – S-4

Рис. 11. Некоторые примеры обломков сосудов, соответствующих первой традиции.
1 – Г-2К; 2 – Г-3; 3 – Г-6К; 4 – Г-19; 5 – Г-7К; 6 – Г-44

Fig. 11. Samples of vessel fragments corresponding to the first tradition. 1 – H-2A; 2 – H-3; 3 – H-6A; 4 – H-19; 5 – H-7A; 6 – H-44

Рис. 12. Некоторые примеры обломков сосудов, соответствующих первой традиции.
1 – Г-15К; 2 – П-57; 3 – П-33К; 4 – Г-29К; 5 – П-48К

Fig. 12. Samples of vessel fragments corresponding to the first tradition. 1 – H-15A; 2 – S-57; 3 – S-33A; 4 – H-29A; 5 – S-48A

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир. – 252 с.

2. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан Центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. – 468 с.

3. *Коробов Д.С.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1999. – 459 с.

4. *Аксёнов В.С.* Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности. 2012. Том 11. С. 172–187.

5. *Мастыкова А.В.* Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника Дивногорье / под ред. А.З. Винникова. Вып. 6. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 241–254.

6. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. – 272 с.

7. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. – 227 с.

8. *Гмыря Л.Б.* Кухонные горшки Андрейаульского городища // Советская археология. 1980. № 1. С. 306–312.

9. *Гмыря Л.Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища // Средневековые древности евразийских степей / отв. ред. С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1980. С. 105–133.

10. *Цетлин Ю.Б.* Об определении степени ожелезнённости исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. 2006. Вып. 4. С. 421–425.

11. Турганикское поселение в Оренбургской области / под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ОГАУ, 2017. – 300 с.

12. *Цетлин Ю.Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

Поступила в редакцию 02.02.2023 г.
Принята в печать 09.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

REFERENCES

1. Afanasyev GE, Runich AP. *Mokraya Balka. Issue 1: Excavation log*. Moscow: Nauchnyj mir Publ., 2001.

2. Gabuev TA, Malashev VYu. *The sites of the early Alans of the Central regions of the North Caucasus*. Moscow: Taus Publ., 2009.

3. Korobov DS. *Social organization of the Alans of the North Caucasus in the IV-IX centuries AD*. Cand. sci. thesis. Moscow, 1999.

4. Aksenov VS. An early group of personal adornments of the Saltovo population of the Don region (based on the materials of burials with fibulae of the Netailovsky burial ground). *Drevnosti*. 2012, 11: 172–187.

5. Mastykova AV. Mirrors of the Karpovka type: on the formation of the Saltovo-Mayaki culture of the Middle Don. In: Vinnikov AZ (ed.), *Divnogorsky collection: proceedings of the Divnogorye Museum-Reserve;* Vol. 6. Voronezh, 2016. pp. 241–254.

6. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Moscow: Nauka Publ., 1978.

7. Magomedov MG. *The formation of the Khazar Khaganate (based on the materials of archaeological research and written data)*. Moscow: Nauka Publ., 1983.

8. Gmyrya LB. Kitchen pots of the Andreyaulsky hillfort. *Sovetskaya Arheologia*. 1980, 1: 306–312.

9. Gmyrya LB. Tableware of the Andreyaulsky hillfort. In: Pletneva SA (ed.). *Medieval antiquities of the Eurasian steppes*. Moscow: Nauka Publ., 1980. pp. 105–133.

10. Tsetlin YB. On determining the degree of iron content of raw materials for the production of pottery. *Voprosy arheologii Povolzhya*. 2006, 4: 421–425.

11. Morgunova NL (ed.). *Turganikskoe settlement in the Orenburg region*. Orenburg: OGAU Publ., 2017.

12. Tsetlin YB. *Ceramics. Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: IA RAS, 2017.

Recieved 02.02.2023
Accepted 09.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192484-502

Исследовательская статья

Зиливинская Эмма Давидовна
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
eziliv@mail.ru

Болдырева Екатерина Михайловна
к.и.н., научный сотрудник
Государственный исторический музей, Москва, Россия
embold@mail.ru

Васильев Дмитрий Викторович
к.и.н., руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья»
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
hvdv@mail.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Аннотация. Самосдельское городище, расположенное в центре дельты Волги, датируется IX – первой половиной XIV в. Целью работы является ввод в научный оборот антропоморфных изображений на неполивных и поливных сосудах, найденных при раскопках этого памятника. На грубых лепных сосудах, которые можно связать с кочевническим компонентом населения Нижнего Поволжья IX–XII вв., по сырой глине прочерчены изображения антропоморфных фигур. Они имеют большую круглую голову, на которой иногда изображены черты лица. Туловище, руки и ноги, в основном, не прослеживаются. Подобные изображения известны в керамике салтово-маяцкой культуры и «кочевнической» керамике Саркела. Возможно, они имели сакральное значение. Антропоморфные изображения на импортной поливной керамике связаны с миром мусульманского искусства. Части тела человека встречаются как на кашинной, так и на красноглиняной керамике. На двух кашинных сосудах изображены сцены из светской жизни, музыкант, играющий на струнном инструменте, и правитель на троне. Здесь рисунки людей носят декоративный характер. В то же время керамика с маскаронами могла иметь культово-магическую функцию, также, как и блюдо с изображением мифической женщины-птицы, сирены. В работе проводится анализ изображений и их сравнение с широким кругом аналогий, опубликованных как в российских, так и в зарубежных изданиях. Методологической основой археолого-культурологического исследования является историческая компаративистика, в частности, сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы. На примере антропоморфных изображений Самосдельского городища можно видеть, как со временем их сакральные функции становятся менее выраженными, и рисунки приобретают форму декора.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье; Средневековье; антропоморфные изображения; лепная керамика; кочевники; салтово-маяцкая культура; поливная керамика; мусульманский Восток; сакральное значение

Для цитирования: Зиливинская Э.Д., Болдырева Е.М., Васильев Д.В. Антропоморфные изображения на керамике Самосдельского городища // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 484-502. doi.org/10.32653/CH192484-502

© Зиливинская Э.Д., Болдырева Е.М., Васильев Д.В., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192484-502

Research paper

Emma D. Zilivinskaya
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia
eziliv@mail.ru

Ekaterina M. Boldyreva
Cand. Sci. (History), Researcher
State Historical Museum, Moscow, Russia
embold@mail.ru

Dmitry V. Vasiliev,
Cand. Sci. (History), Associate Prof., Head of the School, "Archeology of the Lower Volga Region"
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
hvdv@mail.ru

ANTHROPOMORPHIC IMAGES ON POTTERY OF THE SAMOSDELKA SETTLEMENT

Abstract. The Samosdelka fortified settlement, located in the center of the Volga delta, dates back to the 9th – the first half of the 14th century. The study aims to introduce anthropomorphic images on unglazed and glazed vessels found during excavations of this site. On crude molded vessels, which can be associated with the nomadic component of the population of the Lower Volga region of the 9th–12th centuries, images of anthropomorphic figures are observed on wet clay. The figures have large round heads, which in some cases have facial features. The torso, arms and legs are mostly not visible. Similar images are known in the pottery of the Saltovo-Mayaki culture and the "nomadic" pottery of Sarkel. They might have had a sacred meaning. Anthropomorphic images on imported glazed ceramics are associated with the Islamic art. Parts of the human body imagery are found on both kashin and red clay pottery. Two kashin vessels depict scenes from secular life, a musician playing a stringed instrument, and a ruler on a throne. Here the images of people are of decorative nature. At the same time, pottery with mascarons could have had a cult-magical function, as well as a platter depicting a mythical bird-woman, a siren. The paper analyzes the images and compares them with a wide range of analogies published both in Russian and foreign publications. The methodological basis of archaeological and cultural research is historical comparative studies, in particular, comparative-historical and comparative-typological methods. On the example of the anthropomorphic images of the Samosdelka fortified settlement, one can see how, over time, their sacred functions become less pronounced, and the depictions take on the form of decoration.

Keywords: Lower Volga region; Middle Ages; anthropomorphic images; molded pottery; nomads; Saltovo-Mayaki culture; glazed pottery; Muslim East; sacred meaning.

For citation: Zilivinskaya E.D., Vasiliev D.V., Boldyreva E.M. Anthropomorphic images on pottery of the Samosdelka settlement. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 484-502. doi.org/10.32653/CH192484-502

© E.D. Zilivinskaya, E.M. Boldyreva, D.V. Vasiliev, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Самосдельское городище находится в самом центре дельты Волги на большом острове, со всех сторон окруженном протоками. В Средневековье площадь городища, которая составляла в период расцвета около 4 кв. км, была разделена на несколько частей пересохшими в настоящее время ериками. Датируется памятник IX–XIV вв. Ряд данных позволяет предполагать, что в IX–X вв. здесь могла располагаться столица Хазарского каганата Итиль [1], хотя далеко не все исследователи с этим согласны. В постхазарское время вплоть до ордынского завоевания (XI – первая половина XIII в.) здесь находился город Саксин, известный до настоящего времени лишь по письменным источникам [2]. В золотоордынский период город приходит в упадок и уже в середине XIV в. затапливается в результате трансгрессии Каспийского моря. Широкомасштабные исследования ведутся здесь с 2000 г. совместной экспедицией Института этнологии и антропологии РАН, Астраханского государственного университета и Государственного Исторического музея. За годы раскопок накоплен огромный материал, причем основной массив его составляет керамика. Фрагменты сосудов и археологически целые формы исчисляются сотнями тысяч. В настоящее время проведена первичная классификация как неполивной, так и поливной керамики [3; 4]. В работе рассматриваются антропоморфные изображения, которые встречаются на неполивной и на поливной керамике.

Изображения на неполивной керамике

Если рассматривать весь массив неполивной керамики Самосдельского городища, то при всем многообразии технологических приемов и форм, ее можно разделить на две большие группы – лепная и гончарная керамика. В настоящее время антропоморфные изображения встречены только на лепной керамике. Так как сосуды чаще всего достаточно сильно фрагментированы, то целые фигуры людей, а тем более композиции из фигур единичны. Тем не менее, материал этот достаточно интересен и требует специальной публикации.

В яме 126 раскопа I были найдены 2 фрагмента керамики с изображениями людей. Яма прослеживалась в самых нижних слоях на этом раскопе. Яма круглая в плане, диаметром 2,0–2,1 м, с ровными отвесными стенками и плоским дном. Нижняя часть ямы (80 см) была выкопана в материке. По стратиграфии и керамическому материалу, найденному в заполнении, ее можно датировать IX – началом X в. Среди фрагментов керамики найден венчик диаметром около 20 см от красноглиняного лепного горшка (рис. 1, *1*). Тесто сосуда хорошо промешанное, с примесью органики, шамота и песка. Обжиг неравномерный, с нарушением температурного режима при обжиге. Поверхность покрыта светлым жидким ангобом. Венчик вертикальный, образован краем стенки, губа прямоугольная в сечении. На поверхности нанесено изображение человеческой личины. Под венчиком изображен круг диаметром 3,2 см. В нем точками обозначены глаза, над которыми две дугообразные линии изображают брови. В нижней части виден рот в виде горизонтальной насечки. Возможно, человек был

изображен полностью. Об этом говорит еще одна горизонтальная линия чуть ниже личины (рука?).

В этой же яме находился небольшой (7×7 см) фрагмент стенки красноглиняного лепного сосуда, покрытого ангобом (рис. 1, *2*). Тесто хорошо промешанное, с примесью органики и мелкого шамота. Обжиг неравномерный, со следами копоти. На стенке схематично изображена фигура человека с круглой головой, туловищем в виде вертикальной прямой линии и слегка опущенными руками, направленными под углом к туловищу. Черты лица не обозначены.

На раскопе I в самых нижних слоях (предположительно IX в.) была исследована яма-погребок, выкопанная в материке (сооружение 48). Это сооружение представляло собой подпрямоугольную яму, вытянутую по оси запад-восток, размерами 156×126 см и глубиной 92–96 см. Песчаные стенки ямы были укреплены от осыпания плетёной конструкцией, основу которой составляли 26 жердей, укрепленных в дне котлована по периметру. Толщина жердей 6–8 см. Плетёные стенки сохранились на высоту около 72 см от дна. Плетеная конструкция была обмазана глиной, которая впоследствии обгорела и прокалилась до красного цвета. В заполнении были найдены большие куски турлука с отпечатками жердей и небольших палочек. Пол сооружения был выстлан досками, которые положены на материковое дно ямы. В заполнении найден фрагмент красноглиняной лепной крышки (рис. 1, *3*). Тесто хорошо промешанное, с примесью шамота, органики, обжиг неравномерный. На внешней поверхности прочерчен круг диаметром 2,7 см. От него вниз идет вертикальная линия, которую пересекает дугообразная линия. В результате получается знак, который можно интерпретировать как фигуру человечка с большой головой и короткими воздетыми кверху руками. Слева от фигурки находится изображение, напоминающее ветку.

Круглая в плане яма 123 диаметром 2,6–2,8 м и глубиной 150–165 см была выкопана в материке. В верхней части ее заполнения найдена поливная керамика, которую можно датировать XII в. Однако, это заполнение, скорее всего, является «просадкой» верхних слоев в яму, а сама она относится к более раннему периоду. В нижней части ямы найден фрагмент венчика лепного красноглиняного горшочка (рис. 1, *4*). Тесто хорошо промешанное, с примесью шамота и органики. Диаметр венчика около 11 см. Внешний край покрыт вертикальными насечками. Под венчиком на тулове также нанесены два ряда косых насечек. Под ними находится круг диаметром 1,7 см, который изображает голову человека. Внутри него обозначены глаза, щеки и нос. Под головой слабо видны вертикальные линии, которые, вероятно, изображают туловище и две горизонтальные черты (руки?).

Яма 242 на раскопе II выявлена в нижних слоях и датируется по керамическому материалу XII в. В ней найден фрагмент венчика лепного горшка (рис. 1, *5*). Венчик слегка закругленный. Тесто сосуда промешано плохо, имеет примесь шамота и органики. Обжиг неравномерный. На внутренней стороне сосуда имеются следы копоти, поверхность имеет неравномерный цвет в результате вторичного обжига. Под венчиком прочерчен круг диаметром 2 см, от которого вниз отходит вертикальная линия. Возможно, это также изображение человеческой фигуры с круглой головой без изображения лица.

Еще один интересный фрагмент был найден на раскопе I в яме 189. Эта яма являлась не единым комплексом, а скоплением нескольких ям, заполнение которых нельзя было отличить друг от друга при зачистке. Поэтому весь комплекс целиком

можно датировать по керамическому материалу широко – X–XII вв. Здесь находился фрагмент стенки хумчи с венчиком и ручкой (рис. 1, *6*). Тесто с примесью шамота и органики, обжиг произведен с нарушением температурного режима. Поверхность покрыта светлым жидким ангобом. Венчик слегка отогнут наружу, его диаметр равен 13 см. По губе венчика нанесены наколки палочкой. Ручка вертикальная и овальная в сечении. Верхняя часть ручки крепится под горлом, а нижняя – к плечу. На уровне ручки нанесен орнамент в виде вертикальных знаков. В его основе – линия, от верхушки и средней части которой отходит по одной линии влево и вниз под острым углом. От нижнего края верхней косой линии почерчена еще одна линия вверх под острым углом. Изображения можно трактовать по-разному. В частности, можно предположить, что здесь изображены два человека без голов, которые идут друг за другом и держат в руках длинные, слегка изогнутые предметы. Возможно, фигурок было больше, и они образовывали целую вереницу.

Как отмечают исследователи, стилизованные линеарные изображения антропоморфных фигур характерны для графического искусства различных территорий с глубокой древности [5, с. 68]. Подобные изображения встречаются в петроглифах Сибири, Монголии, Центральной Азии [6, табл. 452, 99, 144, 149, 151, 157–158; 7, таб. 20, 25, 33, 80, 90, 89; 1980, табл. 14, 42, 99, 111, 112, 147; 8, рис. 45, 51, 54]. Наиболее близки территориально и хронологически к самосдельским изображениям антропоморфные знаки, прочерченные по сырой глине, на сосудах, найденных на памятниках салтово-маяцкой культуры (рис. 2, *1-4*) [5, с. 67–69]. В Саркеле подобные граффити также известны на грубых лепных горшках (рис. 2, *5-17*), которые С.А. Плетнева относит к группе кочевнической керамики [9, с. 230–239]. Исследовательница отмечает, что такой орнамент в Средние века был распространен среди тюркоязычных народов, предположительно хазар, печенегов, гузов [9, с. 231, 237].

Среди изображений одиночных фигур можно выделить рисунок человечка с большой головой и маленькими, поднятыми вверх руками из сооружения 48 (рис. 1, *3*). Изображения в виде загнутого или прямого стержня, заканчивающегося ромбом или окружностью и перекрещенных дугой или перевернутой П-образной фигурой, иногда с загнутыми концами, встречаются на камнях Маяцкого городища (рис. 3, *1-3*) и кирпичах (рис. 3, *4-7*) Саркела [5, с. 31, 47]. Как показала В.Е. Флерова, они сходны со знаками рунической письменности и тамгами, но в то же время несут в себе зооморфные (птица) и антропоморфные черты. Исследовательница считает, что «знаки этой группы можно рассматривать и как знаки письменности, и как антропоморфные и зооморфные рисунки сакрального характера, и как тамги [5, с. 31]. О том, что данные знаки можно интерпретировать как схематические изображения людей с воздетыми вверх руками, свидетельствует рисунок на кирпиче (рис. 3, *7*), на котором изображение более реалистично, и дуга, изображающая руки, заканчивается пальцами. Возможно, к этой группе изображений можно отнести и рисунок на керамике из Самосделки.

Очень интересно граффити на плечике хумчи из ямы 189 (рис. 1, *6*). Если считать, что здесь изображены два человека без голов, идущие друг за другом и держащие в руках длинные изогнутые предметы, то можно попробовать найти аналогии этой композиции. Вереницы из таких «пляшущих человечков» без голов являются распространенным сюжетом петроглифов (рис. 4, *1*), например, на Верхней Лене [7, табл. 23, 33, 34, 39, 69, 128, 165]. Однако на хумче с Самосдельского городища человечки держат в руках какие-то предметы. Можно предположить, что это оружие,

а именно, сабли. Если эта гипотеза верна, то мы имеем здесь распространенный сюжет ритуального «танца с саблями». Антропоморфные фигуры с саблями в руках составляют большую группу врезанных (гравированных) изображений на восточных серебряных блюдах и ковшах, найденных на Урале [10, рис. 5, 7, 9, 14, 15; 11). Рисунки эти наносились при помощи острого предмета (ножа) поверх уже имеющегося декора. Изображения людей с саблями исследователи связывают с обрядовыми воинственными танцами сибирских шаманов и датируют IX–XI вв. [11, с. 179]. Подобные танцы с оружием являются одной из характерных черт культуры обских угров, причем некоторые исследователи видят в этих обрядах продолжение иранской традиции [12, с. 51–52]. В то же время иконография закамских изображений совершенно иная: антропоморфные фигуры в шапках с тремя треугольными выступами показаны в фас, ступни их вывернуты, в двух руках они держат сабли (рис. 4, *2-5*). В любом случае, единичный рисунок на хумче Самосдельского городища не позволяет сделать какие-либо серьезные выводы.

Изображения на поливной керамике

Части тела человека встречаются как на кашинной, так и на красноглиняной керамике. Среди кашинной посуды следует выделить три предмета, два из которых представляют собой обломки сосудов с росписью люстром, а третий – с росписью в технике минаи.

Росписью люстром украшена верхняя часть горла рельефно моделированного кувшина (или бутыли) с изображением маскарона (рис. 5, *1*). Происходит из переотложенного слоя, исследованного на раскопе III в 2010 г. Черты лица человека имеют объемный рельеф, а мелкие детали подчеркнуты люстровой росписью [4, с. 130–131; 13, с. 87, рис. 1, *1*]. Кувшины с высоким узким горлом и расположенными по кругу маскаронами в верхней части горла известны в керамике Ирана XII в. Подобные сосуды есть в коллекции Кейра (рис. 5, *2*) [14, p. 154] и в экспозиции музея Виктории и Альберта в Лондоне (рис. 5, *3*). Такой прием в оформлении горла кувшинов встречается не только на керамике, украшенной росписью люстром, но и на кувшинах с полихромной подглазурной росписью (рис. 5, *4*) [15, p. 177, fig. 134]. В круг аналогий следует также включить чашу из раскопок Билярского городища со множеством маскаронов, расположенных по кругу (рис. 5, *5*) [16, рис. 1].

Второй сосуд с росписью люстром представлен обломком донца чаши (рис. 6, *1*). Он происходит из сооружения № 23, исследованного на раскопе I в 2005 г. По археологическому контексту находка датируется периодом существования сооружения – с конца XI в. до начала XII в., однако, скорее всего, она попала в культурный слой немного позднее, так как заполнение сооружения было нарушено образовавшейся позднее ямой № 128. В центре дна сохранилось изображение фрагмента фигуры человека, держащего в руках музыкальный инструмент или, возможно, играющего на нем. Видна нижняя часть правой руки, которая согнута в локте. Кисть изображена схематично, выделены лишь два пальца руки (возможно это приспособление для игры). Инструмент имеет вытянутый в длину овальный корпус и три струны, которые крепятся при помощи струнодержателя в нижней части корпуса. Самые ранние изображения на люстровых сосудах людей, играющих на музыкальных инструментах, относящиеся

к эпохе правления династии Аббасидов, были найдены на территории Ирака и датируются предположительно X в. (рис. 6, *2*) [17, p. 191, cat. E.11; 18, vol.5, pl. 579A). Известны они и позднее, в Фатимидском Египте (рис. 6, *3*) [19, pl. 22, fig.1]. Чаша домонгольского периода с изображением музыканта находится в коллекции музея Метрополитен [18, vol. 5, pl. 711; 20, cat. 75]. Возможно, этот музыкальный инструмент относится к типу лютневых. Оба сосуда городища Самосделка датируются второй пол. XII в., исходя из контекста обнаружения, аналогий, технологии изготовления сосудов и исполнения декора. Во всех сосудах использована непрозрачная молочно-белая полива и люстровая роспись золотисто-оливкового оттенка, а также твердый кашин белого оттенка.

Третий фрагмент сосуда с антропоморфным сюжетом – часть плечика кувшина или вазы с переходом к горлу – украшен в технике минаи. Происходит из помещения 2, сооружения 5, исследованного на раскопе II в 2009 г. По археологическому контексту сооружение датируется второй пол. XII – началом XIII в. (рис. 7, *1*). Полива белая непрозрачная покрывает всю внешнюю и внутреннюю поверхность сосуда. Внутренняя поверхность – вспузырившаяся от неправильного обжига или от пребывания в слое пожара. Контуры рисунка выполнены черными тонкими линиями. В верхней части полоса шириной 1,5 см, отделенная сверху одной линией, а внизу – двумя. Три тонкие вертикальные линии разделяют эту полосу на сектора, которые заполнены синей краской с двумя несомкнутыми кружками с точкой в центре. Под этим поясом нанесены полосы синей, красной и черной красками, а также верхняя часть изображения человеческого лица. Лицо нарисовано бежево-розовой краской. Последовательность нанесения орнамента можно восстановить следующим образом: после покрытия сосуда белой непрозрачной глазурью был нанесен черный контур рисунка; затем часть поверхности была заполнена синей фоновой краской (так как на некоторых участках синяя краска перекрывает черный контур рисунка), и на заключительном этапе были нанесены полоса красной краски и изображение человека. Толщина стенки сосуда от 0,35 до 0,65 см. Аналогии этому сюжету прослеживаются на ряде иранских кашинных чаш из коллекции музея Виктории и Альберта в Лондоне (например, рис. 7, *2*). Композицию чаши составляют центральная фигура правителя и его окружения, состоящая как из людей, так и из фантастических существ с лицами человека и телами животных. Чаша из музея имеет подпись и дату: подписана Абу Саидом и датируется 583 г.х. / 1187 г. О близости изображения правителя на чаше и на кувшине из Самосделки свидетельствует символический нимб над головой у сидящего человека. Такие нимбы обычно сопровождали изображения лиц правящей верхушки. Аналогичная чаша есть в коллекции Х. Плотника и датируется тем же временем. Борта обеих чаш оформлены аналогичным образом, они содержат надпись куфическим шрифтом или его имитацию [21, p. 109, cat. nos. 67]. Вполне возможно поставить в один ряд сюжет на чаше из музея Виктории и Альберта и на кувшине из Самосделки и датировать самосдельскую находку концом XII в. – началом XIII в.

Среди находок с антропоморфным сюжетом следует выделить массивное красноглиняное блюдо с зеленой поливой, украшенное в технике сграффито (рис. 8, *1*). Происходит оно из сооружения 55, исследованного на раскопе II в 2017 г. По археологическому контексту сооружение датируется XI–XII вв. На лицевой стороне сосуда выгравирована птица с женской головой. Видны когтистые лапы, хвост, левое крыло и дополнительное оперение, возможно символизирующее распущенный хвост или второе крыло. На тонкой шее широкое круглое лицо подчеркнуто монголоидного

облика с изогнутыми бровями, тонким прямым носом, небольшим ртом и точками в центре щек. Лицо обрамляют уложенные волосы и высокий головной убор. Вся композиция вокруг головы заключена в овальный контур, который может быть нимбом. Образ крылатых дев-сирен впервые появляется в мифологии Древней Греции. Иконография данного сюжета в географическом и хронологическом диапазоне довольно обширна. В исламском искусстве иранско-среднеазиатского региона изображения подобных существ встречаются как на керамике, так и на предметах торевтики. Серебряное блюдо X в. с изображением существа с телом и птицы, и человека (сирена) происходит из дер. Большая Аниковская в Приуралье. Б.И. Маршак локализует ее происхождение из области Мавераннахра. [22, с. 131–133, рис. 115–115]. Аналогичной хронологической и географической интерпретации придерживается В.П. Даркевич [23, с. 29–30, табл. 29]. Также с территории Приобья происходит серебряный кувшинчик 2-й пол. XII–XIII в. иранского происхождения со сценами охоты. В одном из орнаментальных медальонов здесь присутствует изображение сказочной птицы с головой человека [23, с. 47–48, табл. 37, *9*].

Наиболее ранние глазурованные сосуды с изображением человекоподобных существ с крыльями известны среди материалов X – нач. XI в. на городище Канка (Ташкентская область) (рис. 9, *1*) [24, № 457]. В целом, более широко подобные сюжеты распространены на иранской глазурованной и неглазурованной керамике в XII–XIII вв. [25, с. 13, рис. 1]. Среди поливной керамики сирийского происхождения второй пол. XII в., изготовленной в технике лакаби, также известны подобные образы (рис. 9, *2*). В кавказско-закавказском регионе опубликованы две чаши из раскопок в Восточной Грузии (рис. 9, *3-4*), где они датируются XI–XII вв. [26, с. 82, табл. XVIII–XIX]. Аналогичные рассматриваемой по составу теста, морфологии и ряду других косвенных признаков сосуды, но с другим орнаментом происходят из историко-географической области Ширван. Поэтому, вероятнее всего, чаша из Самосделки была импортом, привезенным с территории Закавказья, и датируется в пределах XI–XII вв.

Таким образом, среди поливной керамики городища Самосделка было выявлено четыре вида антропоморфных и полиморфных изображений живых существ, выполненных с помощью разных технологических приемов. Одно изображение, выполненное в технике сграффито, носит полиморфный характер, сочетает в себе черты птицы и человека (рис. 8). Во второй пол. XII – начале XIII в. на городище появляется кашинная керамика иранского и сирийского происхождения. На кашинных сосудах присутствуют антропоморфные сюжеты, орнаментированные в технике росписи люстром и минаи (рис. 5, *1;* 6, *1;* 7, *1*).

Заключение

Антропоморфные изображения на неполивной керамике Самосдельского городища присутствуют на грубых лепных сосудах, которые мы связываем с кочевническим компонентом населения Нижнего Поволжья IX–XII вв. (рис. 1). Ввиду фрагментарности материала невозможно понять семантику этих изображений. Скорее всего, они имели сакральное значение, возможно были связаны с какой-либо магией.

Совершенно иной пласт культуры отражают антропоморфные изображения на поливной керамике: они связаны с миром мусульманского искусства. В большей

степени эти изображения выполняют роль декора. На двух кашинных сосудах изображены сцены светской, возможно, придворной жизни – правитель, сидящий на троне, и музыкант, играющий на щипковом инструменте (рис. 6, *1*; 7, *1*). Рельефные изображения человеческих головок на металлических и керамических сосудах на Востоке, по мнению исследователей, имели культово-магическую функцию [16, с. 180]. В частности, С.Б. Лунина считает их иносказательными выражениями благопожеланий владельцу сосуда [27, с. 341]. На красноглиняном блюде (рис. 8) изображено мифическое существо – сирена, но в данном случае этот образ, скорее всего, не несет какой-либо сакральной нагрузки, а является декоративным элементом.

Финансирование. Работа подготовлена по гранту РНФ № 23-28-10086 «Город Саксин – столица неизвестной страны в дельте Волги (комплексные археологические исследования на Самосдельском городище)».

Acknowledgement. The study was financed by the RSF grant № 23-28-10086 “The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga delta (comprehensive archeological investigations in the Samosdelka fortified settlement)”.

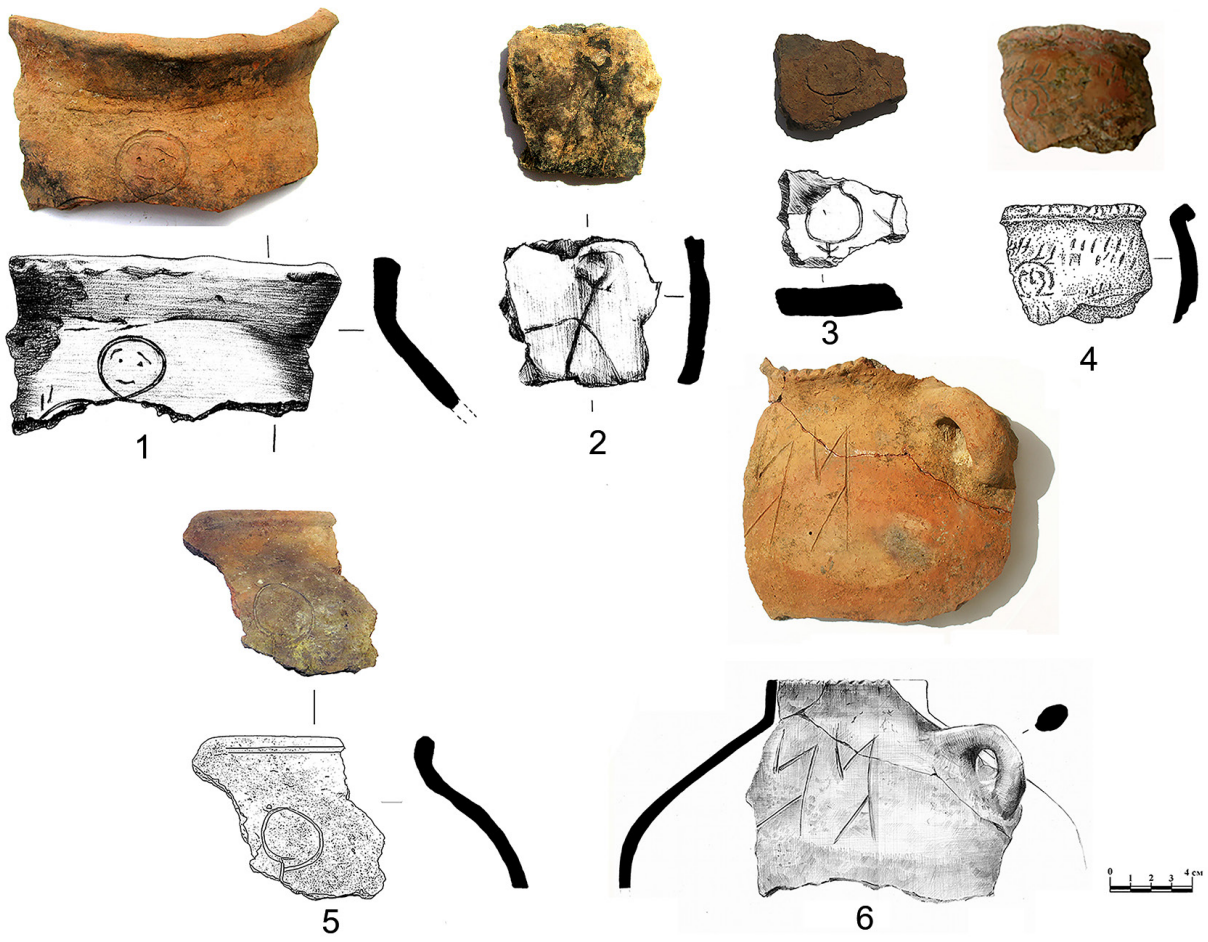


Рис. 1. Антропоморфные изображения на керамике Самосдельского городища:
1-6 – рисунки на лепной керамике (материалы раскопок авторов)

Fig. 1. Anthropomorphic images on Samosdelka settlement pottery: 1-6 – painted molded pottery (authors’ materials)

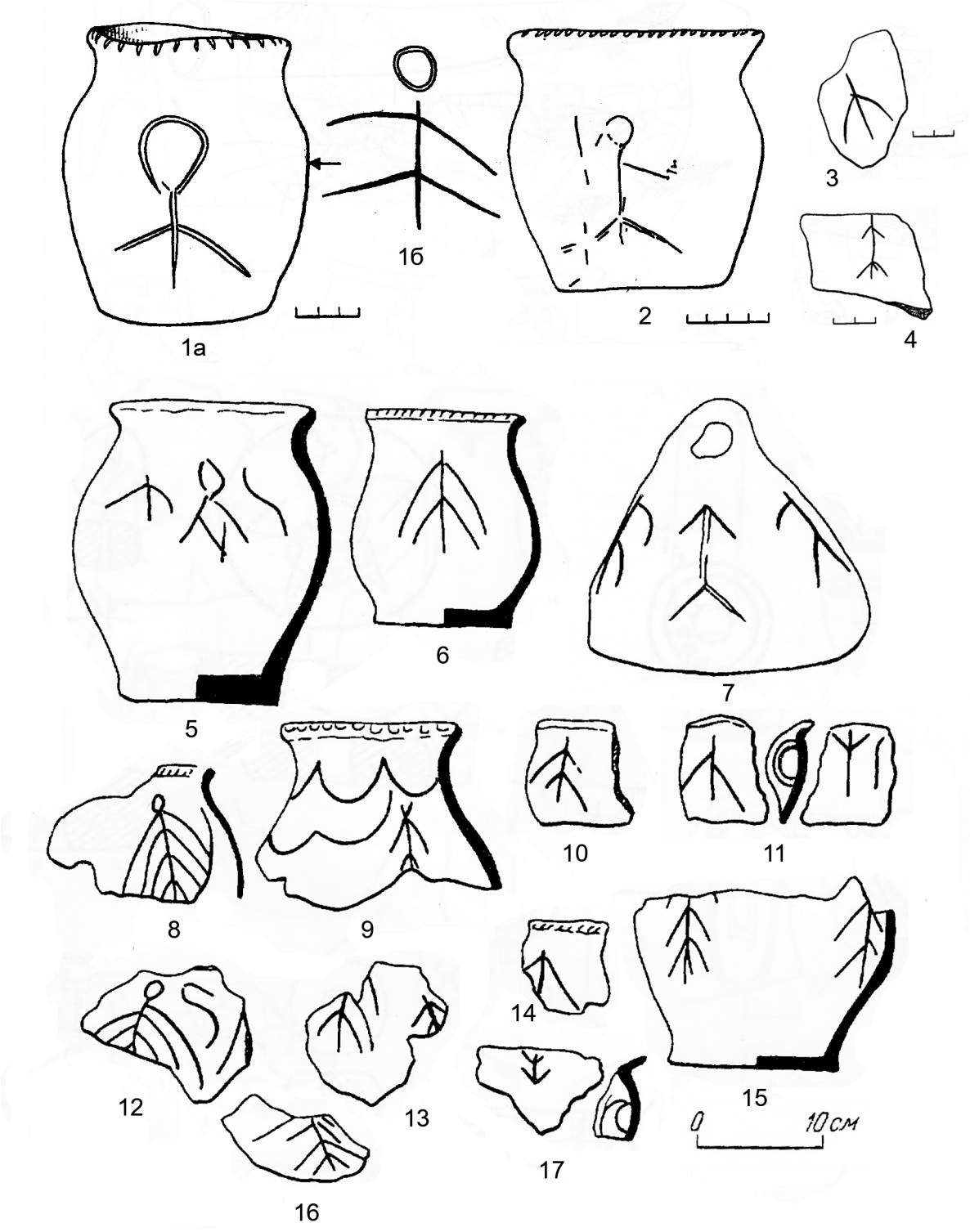


Рис. 2. Антропоморфные изображения на лепной керамике: 1 – Багаевский могильник; 2 – Гершково, погребение; 3 – городище Титчиха; 4 – Таманское городище; 5-15 – кочевническая керамика Саркела (по 5, таб. XII, с. 126-127)

Fig. 2. Anthropomorphic images on molded pottery: 1 – Bagaevsky burial ground; 2 – Gershkovo, a burial; 3 – Titchikha fortified settlement; 4 – Taman fortified settlement; 5-15 – nomadic pottery of Sarkel (5, tab. XII, p. 126-127)

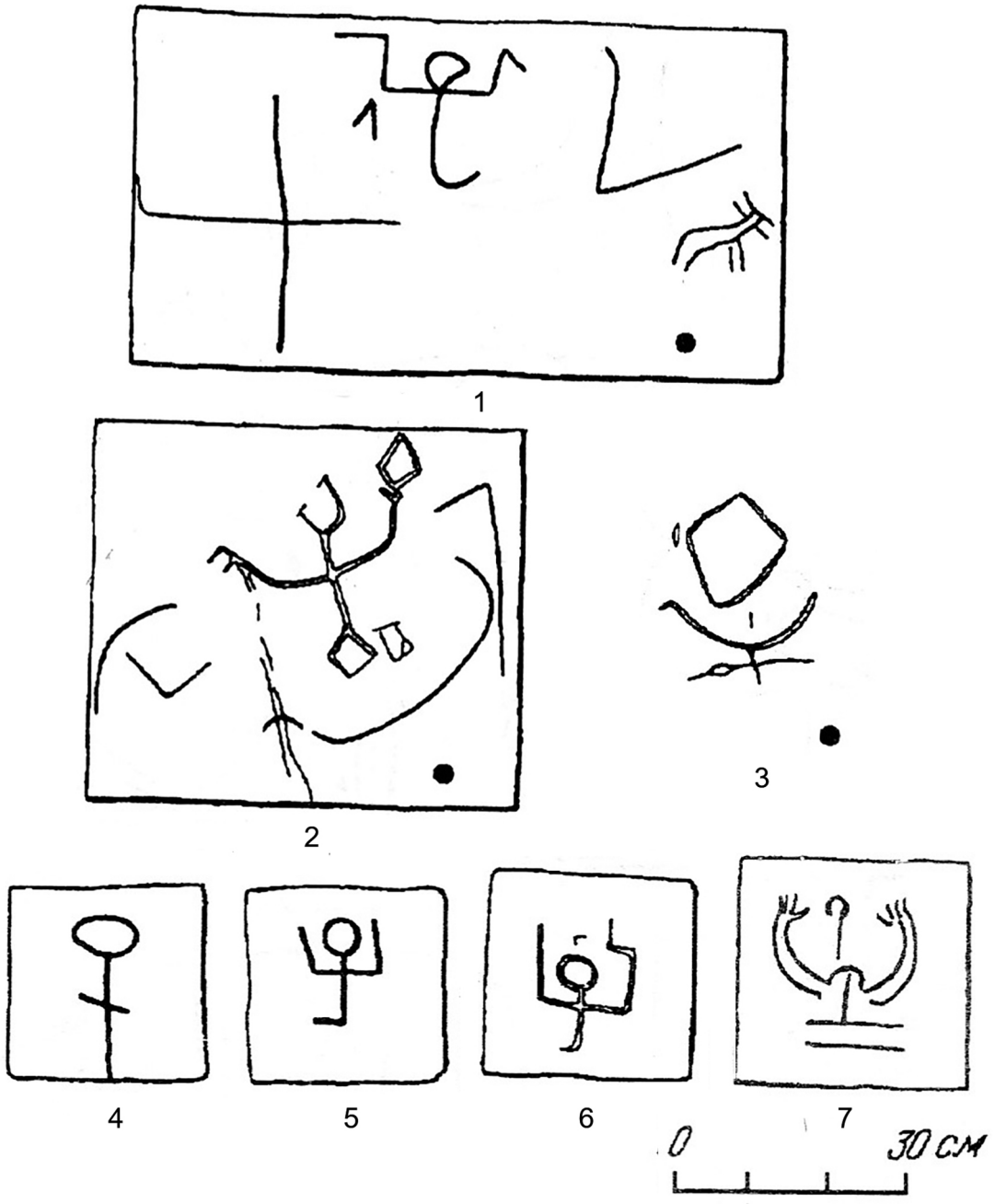


Рис. 3. Знаки на строительных материалах:1–3 – на блоках Маяцкого городища;
4–7 – на кирпичах Саркела (по 5, таб. I, с. 103, таб. VI, с. 116)

Fig. 3. Signs on building materials: 1-3 – on the blocks of the Mayaki settlement;
4-7 – on the bricks of Sarkel (5, tab. I, p. 103, tab. VI, p. 116)

Рис. 4. Граффити на камнях и металлических вещах: 1 – петроглифы верховий Лены (по 7, таб. 34, 39, 69, 165); 2 – ковш из Коцкого городка; 3 – блюдо из Верхнего Прикамья; 4 – блюдо из с. Слудка; 5 – фигура на блюде из Верхнего Прикамья (по 11, рис. 22, 26, 28, 27)

Fig. 4. Graffiti on stones and metal artifacts: 1 – petroglyphs of the upper reaches of the Lena River (7, tab. 34, 39, 69, 165); 2 – a bucket from Kotsky settlement; 3 – a platter from the Upper Kama region; 4 – a platter from the village of Sludka; 5 – a figure on a platter from the Upper Kama region (11, Fig. 22, 26, 28, 27)

Рис. 5. Антропоморфные изображения на поливной керамике: *1* – Городище Самосделка. Конец XII в. Кашинный сосуд с росписью люстром и изображением маскарона; *2* – Иран, XII в. Кувшин с росписью люстром и маскаронами (по 14, p.154); *3* – Иран, конец XII в. Кувшин с росписью люстром и маскаронами (по фото из экспозиции музея Виктории и Альберта); *4* – Иран, конец XII в. Кувшин с полихромной росписью и маскаронами (по 15, p. 177, fig. 134); *5* – Биляр XII в. Чаша с изображением 14 женских лиц (по 16, рис. 1 (цв. вкл. №4)

Fig. 5. Anthropomorphic images on glazed pottery: 1 – Samosdelka settlement. The end of the 12th c. Kashin vessel painted in lustre depicting human figures; 2 – Iran, 12th c. An ewer painted in lustre depicting human figures (14, 1976, p. 154); 3 – Iran, the end of the XII cent. An ewer painted in lustre depicting human figures (from the photo of the V&A Museum exposition); 4 – Iran, 12th c. An ewer painted in polychrome depicting human figures (15, p. 177, fig. 134); 5 – Biliar XII c. A chalice depicting 14 woman faces (16, fig.1)

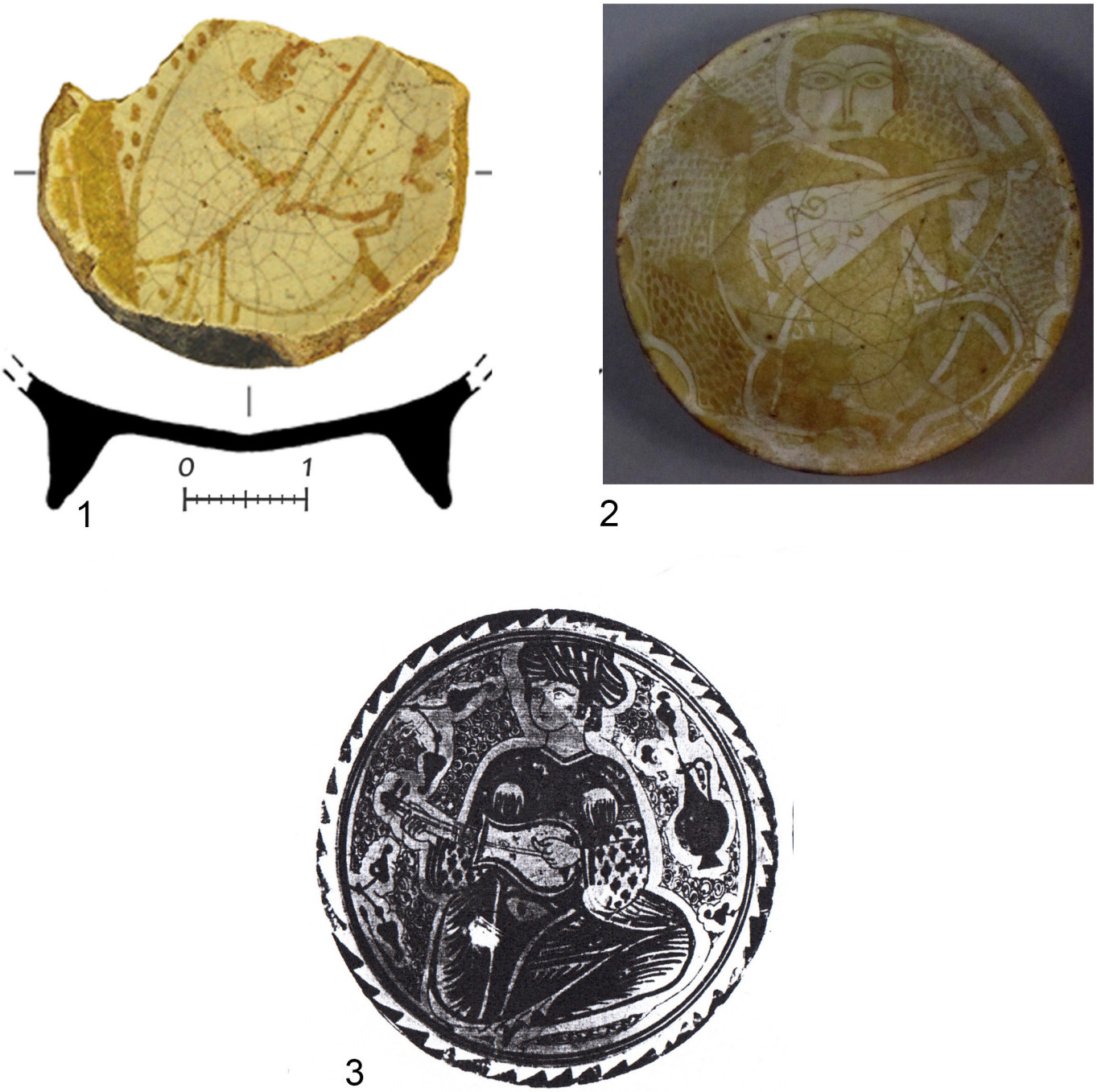


Рис. 6. Антропоморфные изображения на поливной керамике: *1.* – Городище Самосделка. Конец XII в. Дно кашинной чаши с изображением музыканта; *2* – Ирак, X в. Чаша из глины с росписью люстром и изображением лютниста (по 17, p. 191, cat. E.11); *3* – Египет, XI-XII вв. Чаша с росписью люстром и изображением лютниста (по 19, pl. 22, fig.1)

Fig. 6. Anthropomorphic images on glazed pottery: 1 – Samosdelka settlement. The end of the 12th c. The bottom of the kashin bowl depicting a musician; 2 – Iraq, 10th c. An earthen bowl painted in lustre depicting a lute-player (17, p. 191, cat. E. 11); 3 – Egypt, 11th – 13th cc. A bowl painted in lustre depicting a lute-player (19, pl. 22, fig.1).

Рис. 7. Антропоморфные изображения на поливной керамике: *1* – Городище Самосделка. Конец XII в. Кашинный сосуд с росписью в технике минаи изображением человека с реконструкцией сюжета (по фото из экспозиции музея Виктории и Альберта); *2* – Иран, подписано 1187 г. Чаша с росписью в технике минаи с изображением правителя и окружения. (по фото из экспозиции музея Виктории и Альберта)

Fig. 7. Anthropomorphic images on glazed pottery: 1 – Samosdelka settlement. The end of the 12th c. A kashin vessel painted in minai technique depicting a man with the reconstruction of subject (from the photo of the V&A Museum exposition); 2 – Iran, signed 1187. A bowl painted in minai technique depicting a ruler and the retinue (from the photo of the V&A Museum exposition)

Рис. 8. Антропоморфные изображения на поливной керамике: Городище Самосделка. XI-XII вв. Красноглиняное блюдо с изображением мифического существа – птицы с лицом человека

Fig. 8. Anthropomorphic images on glazed pottery: Samosdelka settlement. 11th – 13th cc. A red-clay platter depicting a mythical creature – a bird with a human face

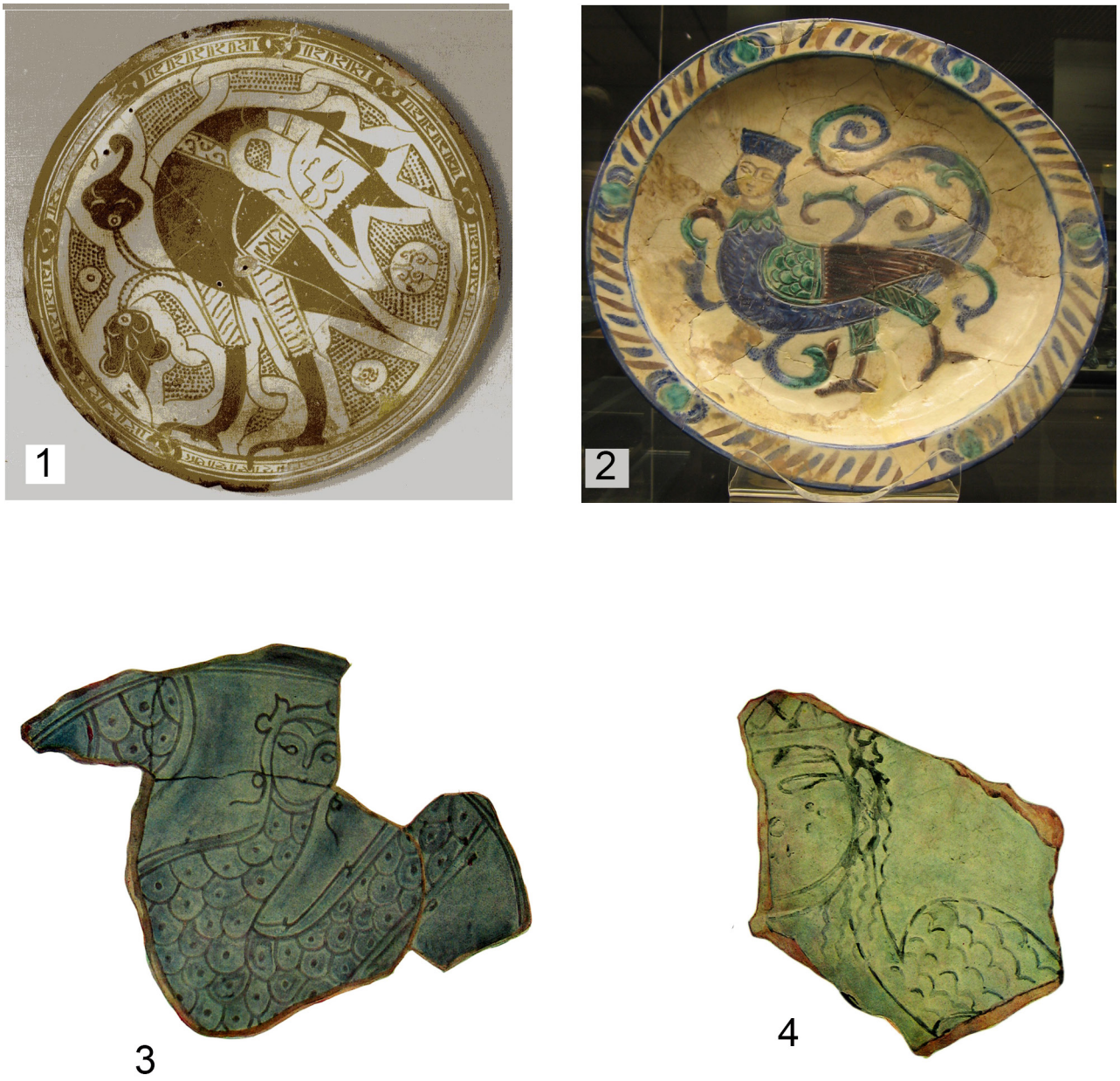


Рис. 8. Антропоморфные изображения на поливной керамике:
1 –Городище Канка (Ташкентская область), X – нач. XI в. Чаша с подглазурной росписью и изображением птицы с женской головой на изогнутой шее (по 24, с. 536, №457); *2* – Сирия, 2-я пол. XII в. Блюдо с росписью лакаби (по фото из экспозиции музея Виктории и Альберта); *3,4* – Восточная Грузия, XI-XII вв. Чаши с подглазурной росписью сграффито (по 26, с. 82, табл. XVIII-XIX)

Fig. 9. Anthropomorphic images on glazed pottery: 1 – The Kanka settlement (Tashkent region), 10th – early 11 cc. A bowl with glazed decoration and the image of a bird with a woman head on the curved neck (24, p. 536, №457); 2 – Syria, 2-nd half of the 12th c. A platter painted in laqabi (from the photo of the V&A Museum exposition); 3, 4 – Eastern Georgia, 11th – 12th cc. Bowls with the glazed painting graffito (26, p. 82, tabl. XVIII-XIX)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* 2008. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. Том II. Москва: Институт археологии РАН, 2008. С. 224–226.

2. *Васильев Д.В.* Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 189–267.

3. *Попов П.В.* Керамический комплекс Самосдельского городища IX-XIV вв. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2018. 330 с.

4. *Болдырева Е.М.* Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 250 с.

5. *Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 172 с.

6. *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.

7. *Окладников А.П.* Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука, 1977. 323 с.

8. *Новгородова Э.А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. 168 с.

9. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 75. С. 212–272.

10. *Спицын А.А.* Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1906. С. 29–145.

11. *Лещенко В.Ю.* Использование восточного серебра на Урале. // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Приложение 2. М.: Наука, 1976. С. 176–188.

12. *Сотникова С.В.* Гравированные изображения на дисковидных предметах раннего железного века и средневековья в свете индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2016. № 1 (13). С. 31–40.

13. *Болдырева Е.М.* Керамика с росписью люстром на Самосдельском городище // Вестник московского университета. Серия 8. История 6. М.: Изд-во Московского Университета, 2014. С. 82–91.

14. *Grube E. J.* Islamic pottery of the 8th to the 15th century in the Keir Collection. London: Pub. by Faber & Faber, 1976. 378 p.

15. *Akbarnia L.* Der Iran im Mittelalter // Schätze des Aga Khan Museum. Meisterwerke der islamis chischen Kunst. Berlin, 2010. P. 165–190.

16. *Валиулина С.И.* Иранская чаша XII в. из Биляра // Российская археология. 2007. № 1. С. 176–181.

17. *Watson O.* Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The al-Sabah collection. London: Pub. by Thames & Hudson, 2005. 512 p.

18. *Pope A.U.* A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vols. 1-6. New York: Oxford University Press, 1938–1958.

REFERENCES

1. Zilivinskaya ED., Vasiliev DV. On the likely localization of the city of Itil on the Samosdelsky ancient settlement in the Volga delta. *Transactions of II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal 2008*. Vol. II. Moscow, 2008: 224-226. (In Russ.).

2. Vasiliev DV. City and region Saksin in the light of new data of archeology. *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. 2(12). 2015: 189-267. (In Russ).

3. Popov PV. *Ceramic complex of the Samosdelsky settlement of the IX-XIV centuries* (dissertation). Moscow; 2018: 330. (In Russ). https://www.dissercat.com/content/keramicheskii-kompleks-samosdelskogo-gorodishcha-ix-xiv

4. Boldyreva EM. *Glazed ceramics of the Lower Volga region in the X – 1st half of the 14th century (Based on the materials of the Samosdelsky settlement)* (dissertation). Moscow; 2016: 250. (In Russ.).

5. Flerova VE. *Graffiti of Khazaria*. Moscow: Editorial URSS, 1997. 172. (In Russ).

6. Okladnikov AP, Zaporozhskaya VD. *Petroglyphs of the Middle Lena*. Leningrad: Nauka, 1972. 271 p. (In Russ).

7. Okladnikov AP. *Petroglyphs of the Upper Lena*. Leningrad: Nauka, 1977. 323 p. (In Russ.).

8. Novgorodova EA. *World of petroglyphs of Mongolia*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature, 1984. 168 p. (In Russ).

9. Pletneva SA. Ceramics of Sarkel – Belaya Vezha. *Materials and research on archeology of the USSR*. 75. 1959: 212-272. (In Russ.).

10. Spitsyn AA. Shamanic Images. *Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archaeological Society*. 8(1). St. Petersburg, 1906: 29-145. (In Russ.).

11. Leshchenko VYu. The use of oriental silver in the Urals. Darkevich VP. *The artistic metal of the East VIII-XIII cents*. Appendix 2. Moscow; Nauka; 1976: 176-188. (In Russ.).

12. Sotnikova SV. Engraved Images on Disk-shaped Objects of the Early Iron Age and the Middle Ages in the Light of Indo-Iranian Parallels (Based on Materials from the Ural-Siberian Region). *Theory and practice of archaeological research*. 1(13). Barnaul: Publishing House of Altai University, 2016: 31-40. (In Russ.).

13. Boldyreva EM. Ceramics with lustr painting at the Samosdelskoe settlement. *MSU Vestnik. Series 8. History*. Moscow: Moscow University Press, 2014: 82-91. (In Russ.).

14. Grube EJ. *Islamic pottery of the 8th to the 15th century in the Keir Collection*. London: Pub. by Faber & Faber, 1976. 378 p.

15. Akbarnia L. Der Iran im Mittelalter. *Schätze des Aga Khan Museum. Meisterwerke der islamis chischen Kunst*. Berlin, 2010: 165-190.

16. Valiulina SI. Iranian bowl XII century. from Bilyar. *Russian archaeology*. 1. 2007: 176-181. (In Russ.).

17. Watson O. *Ceramics from Islamic lands. Kuwait National Museum. The al-Sabah collection*. London: Pub. by Thames & Hudson, 2005. 512 p.

18. Pope AU. *A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present*. Vols. 1-6. New York: Oxford University Press, 1938-1958.

19. *Caiger-Smith A.* Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London: Pub. by Faber & Faber, 1985. 246 p.

20. Masterpieces from the Department of Islamic Art in The Metropolitan Museum of Art. / ed. by M. D. Ekhtiar, P. Sourcek, S.R. Canby, N. N. Haidar. New York: Pub. by The Metropolitan Museum of Art, 2011. 432 p.

21. *Pancaroglu O.* Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: The art institute of Chicago, 2007. 160 p.

22. *Маршак Б.И.* История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности. Санкт-Петербург. Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

23. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VII-XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. Москва: Наука, 1976. 199 с.

24. «Нет блага в богатстве…» глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX-XII веков. / С.Р. Ильясов, Дж. Я. Ильясов, Р.А. Имамбердыев, Е.А. Исхакова. Москва: Фонд Марджани, 2016. 596 с.

25. *Ильясов Д., Имамбердыев Р.* Мифологические образы на глазурованной керамике Шаша // San'at. Журнал Академии художеств Узбекистана. Ташкент. 2013. № 4(61). С. 13–15.

26. *Мицишвили М.Н.* Поливная керамика в древней Грузии (IX-XIII вв.). Тбилиси: Хеловнеба, 1969. 85 с. (на груз. яз.).

27. *Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 217–409.

19. Caiger-Smith A. *Luster pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world.* London: Pub. by Faber & Faber, 1985. 246 p.

20. *Masterpieces from the Department of Islamic Art in The Metropolitan Museum of Art.* / ed. by M.D. Ekhtiar, P. Sourcek, S.R. Canby, N. N. Haidar. New York: Pub. by The Metropolitan Museum of Art, 2011. 432 p.

21. Pancaroglu O. *Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection.* Chicago: The Art Institute of Chicago, 2007. 160 p.

22. Marshak BI. *History of Eastern toreutics III-XIII centuries. and problems of cultural continuity.* St. Petersburg: Academy of Cultural Research, 2017. 736 p. (In Russ.).

23. Darkevich VP. *Artistic metal of the East of the 7th-13th centuries.* Moscow: Nauka, 1976. 199 p. (In Russ.).

24. Ilyasova SR., Ilyasov JYa., Imamberdiev RA., Iskhakov EA. *"There is no good in wealth…" glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th-12th centuries.* Moscow: Marjani Foundation, 2016. 596 p. (In Russ.).

25. Ilyasov J., Imamberdiev R. Mythological images on the glazed ceramics of Shash. *San'at. Journal of the Academy of Arts of Uzbekistan.* 4(61). Tashkent, 2013: 13-15. (In Russ.).

26. Mitsishvili M.N. *Glazed ceramics in ancient Georgia (IX-XIII centuries).* Tbilisi: Helovneba, 1969. 85 p. (In Georgian).

27. Lunina SB. Pottery production in Merv in the Xth – beginning of the XIIIth centuries. *Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition*. XI. Ashkhabad, 1962: 217-409. (In Russ).

Поступила в редакцию 09.12.2022 г.
Принята в печать 11.02.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 09.12.2022
Accepted 11.02.2023
Published 15.06.2023

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192503-517

Исследовательская статья

Гетагазова Ася Магомедовна,
аспирант
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
getagazova2013@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕВОЧКИ-ИНГУШКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Аннотация: Воспитание девочки-ингушки – почти незатронутая в научных изысканиях тема. Ученые обращались к ней в контексте семьи и семейных традиций, но гендерно-ориентированных исследований до настоящего времени не было. В данной статье автор сосредоточил свое внимание на изменениях, произошедших в традициях воспитания девочки-ингушки, используя метод сравнения их архаичных и современных форм. Автор показал, как происходила трансформация традиций воспитания девочек-ингушек под влиянием социалистической перестройки, урбанизации, роста социально-экономического благополучия ингушского региона, а также реисламизации нации, произошедшей в последние десятилетия. Для объективного и полного рассмотрения заявленной темы автором использовались материалы, зафиксированные в трудах ученых-историков, а также собственные полевые данные, собранные в ходе интервью с жителями сел: Джейрах, Средние Ачалуки, Плиево, Альтиево и городов: Карабулак и Сунжа Республики Ингушетия в 2020-2023 гг. С помощью сравнительного и описательного методов автор вводит в научный оборот исчезнувшие из практик ингушей воспитательные традиции в отношении девочек, фиксирует произошедшие в некоторых из них изменения, а также отмечает появление новых. Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием необходимой научно обоснованной информации, касающейся национальных традиций воспитания девочки-ингушки на различных этапах ее жизненного цикла. Кроме того, учитывая возникающую в наши дни на фоне современных глобализационных процессов тенденцию к разрушению института семьи и полоролевого самосознания подрастающих поколений, изучение и пропагандирование национальных методов воспитания приобретает большую научно-практическую значимость, также обуславливая актуальность настоящей работы.

Ключевые слова: ингушка; девочка; мать; семья; детство; воспитание; традиция, урбанизация, реисламизация

Для цитирования: Гетагазова А.М. Национальные традиции воспитания девочки-ингушки в прошлом и настоящем // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 503-517. doi.org/10.32653/CH192503-517

© Гетагазова А.М., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

ETHNOGRAPHY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192503-517

Research paper

Asya M. Getagazova,
Post-Graduate
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of RAS, Nalchik, Russia
getagazova2013@mail.ru

NATIONAL TRADITIONS OF INGUSH GIRLS UPBRINGING: IN THE PAST AND PRESENT

Abstract. The upbringing of Ingush girls is a poorly studied topic in the field of science. Researchers have addressed it in the context of family and traditions, but there have been no gender-specific studies to date. In this article, the author focuses on the changes that have taken place in the traditions of raising Ingush girls, using the method of comparing their archaic and modern forms. The author demonstrates how the traditions of raising girls were transformed under the influence of socialist perestroika, urbanization, the growth of the socio-economic well-being of the Ingush region, as well as the re-Islamization of the nation that occurred in recent decades. For an objective and complete consideration of the topic, the author used both works of historians, as well as her own field data collected during interviews with residents of the villages Dzheirakh, Srednie Achaluki, Plievo, Altievo and towns Karabulak and Sunzha of the Republic of Ingushetia in 2020-2023. Applying comparative and descriptive methods, the author introduces the educational traditions for girls that have disappeared from the practices of the Ingush, identifies the changes that have occurred in some of them, and also notes the emergence of new ones. The relevance of this study is due to the lack of the necessary evidence-based information regarding the national traditions of raising Ingush girls at various stages of their life cycle. Moreover, given the tendency to destroy the institution of the family and the gender-role self-awareness of the younger generations, which is emerging today against the backdrop of modern globalization processes, the study and promotion of national methods of education acquires great scientific and practical significance.

Keywords: Ingush girl; mother; family; childhood; upbringing; tradition; urbanization; re-Islamization

For citation: Getagazova A.M. National traditions of Ingush girls upbringing: in the past and present. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 503-517. doi. org/10.32653/CH192503-517

© A.M. Getagazova, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Одной из главных ролей женщин почти всех народов мира с древности считалось материнство, которое подразумевает не только рождение и жизнеобеспечение потомства, но и его социальную и культурную адаптацию, производимую главным образом в рамках воспитательных процессов. Авторы научных трудов об ингушах в той или иной степени полноты уделяли внимание вопросу традиций воспитания ингушских детей, однако отдельно о девочках-ингушках говорилось мало. Из имеющихся научных данных наиболее информативными оказались такие работы, как: «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа» Я.С. Смирновой, «Семья и семейный быт ингушей» Ф.И. Кудусовой, «Вековые устои ингушской семьи» З.М-Т. Дзараховой, «Этнография ингушей» Л.Т. Агиевой и некоторые др. Из исследований этих ученых становится ясным, что исторически основными инструментами воспитания ингушских девочек было влияние собственным примером, а также метод трудового воспитания. Об этом свидетельствуют и полевые материалы автора, собранные в различных городах и селах Республики Ингушетия за последние годы. Прослеживается тенденция появления новых воспитательных традиций в отношении девочек-ингушек в связи с произошедшими в конце XX века социалистической перестройкой и реисламизацией нации.

Ингуши, как и другие северокавказские народы, отличаются культивированием семьи и семейных ценностей. Продолжение рода и воспитание детей для представителей этой нации во все времена играло определяющее значение, так как именно в семье ингуши всегда находили наибольшую стабильность и защиту в жизни, а в воспитательном процессе – самый надежный способ сохранения и передачи будущим поколениям вековых народных традиций.

Девочка для ингушей, как и для многих народов, олицетворяет собой начало жизни. Она не только будущая мать, но и хранительница родового очага. Ингуши считают, что через дочь в дом приходят счастье и благополучие. Именно поэтому существует поговорка: «Воспитывая мальчика, воспитываешь мужчину. Воспитывая девочку, воспитываешь нацию» (инг. «*КIаьнк кхеваьчо къонах кхеваьв, йоI кхеячо къам кхедаьд*»). Этим подчеркивается роль ингушки в обществе, необходимость привития ей традиционного воспитания.

Рассмотрение традиций воспитания девочки в ингушской культуре в исторической динамике позволяет отразить идеологические мотивы, которыми руководствовались семьи прошлого и которыми руководствуются нынешние. Кроме того, это позволяет зафиксировать изменения в традициях воспитания девочки-ингушки, которые произошли в результате социально-экономических, политических преобразований в регионе в последние десятилетия, а также появление новых традиций воспитания в результате реисламизации последних десятилетий.

Говоря о методах воспитания девочек, применявшихся ингушами, сразу отметим, что возрастная периодизация, принятая нами, обусловлена тем, что в обществе система возрастной стратификации соответствует определенным возрастным границам. Она рассматривается нами как результат пересечения опыта взросления индивидов с соответствующими их возрасту ролевыми позициями, принятыми в социальной структуре ингушского общества. Поэтому мы не можем полностью использовать принципы возрастной периодизации Д. Эльконина, Э. Эриксона, Л. Выготского и др.

В принятой нами периодизации возраст ребенка встроен в ролевую структуру ингушского общества, так как на каждом этапе жизненного цикла индивид выполняет

определенную роль, и к нему со стороны общества предъявляются определенные требования.

В нашей возрастной периодизации, как принято в большинстве существующих подходов, с момента рождения и до трех лет ребенок находится в стадии раннего детства и не подвергается активному воспитательному влиянию, с трех до семи лет у него проходит период детства, с семи лет до тринадцати идет взросление, с тринадцати до семнадцати – пубертатный возраст или юность.

Стоит оговорить, что в обозримом прошлом, в младенчестве девочка находилась под присмотром бабушки по отцу (свекрови ее матери) и других женщин семьи. Традиционно, мать проводила время с младенцем лишь по необходимости – во время кормления, поддержания ее гигиены и ночного сна. В дневное время, соблюдая национальный этикет и традиции избегания, ингушская невестка исполняла роль внешне сдержанной в чувствах, отстраненной матери, занятой многочисленными домашними хлопотами.

«Мать-ингушка не могла не только кормить грудью ребенка при родителях и старших родственниках мужа, но и подходить к нему или качать колыбель, даже когда он плачет» [1]. Такая практика была характерна даже в советский период для большинства семей. В основном эти нормы соблюдались жителями селений и в меньшей степени горожанами. Отступление от этих норм было допустимо в интеллигентных семьях с высоким социальным статусом и более подверженных влиянию социалистической морали тех лет. Женщины в таких семьях воспитывали девочек с учетом не национальных, а светских норм поведения. Это в некоторой степени ослабило этикетные нормы поведения девочек и женщин ингушского общества.

Постепенно процесс влияния социалистической морали захватывал все большее количество семей и к нашим дням матери значительно освободились от большинства строгих этикетных традиций ингушей, существовавших в прошлом, а также в результате роста социально-экономического благополучия региона от многочисленных бытовых забот. Ингушка наших дней располагает большим временем для самостоятельного воспитания своих детей. Однако, современные невестки, живущие вместе со старшими членами семьи своих мужей, по-прежнему берут на себя почти все хлопоты по дому, а свекровь помогает в уходе за малолетними детьми.

В прошлом, с 3 лет девочку в ингушской семье начинали воспитывать члены семьи, применяя в основном метод влияния собственным примером. С 7 лет родственники начинали обращаться к трудовому, эстетическому, нравственному, а с принятием ислама еще и религиозному воспитанию. К 17 годам юная девушка-ингушка владела всеми поведенческими и этикетными нормами, а также навыками ведения домашнего хозяйства. Таким образом, к этому возрасту воспитательное влияние семьи и родителей уже считалось реализованным.

Следуя озвученной возрастной периодизации, приступим к описанию традиций воспитания девочки-ингушки в прошлом и современности.

Воспитание девочки-ингушки 3-7 лет

Как мы уже отмечали, воспитание девочки в семье зависит от ее возраста, так как на различных этапах жизненного цикла меняются применяемые в этих целях методы.

Если проводить сравнительный анализ в подходах и принципах воспитания девочек, принятых в обществе в исторической динамике, то становится очевидной значительная их трансформация. То, что было нормальным явлением в прошлом, совершенно неприемлемо для современных родителей. И наоборот: модели поведения современников могли бы ввергнуть в шок предков ингушей.

Начиная с трех лет, девочки-ингушки прошлого внимательно наблюдали за поведением старших родственников и, направляемые и воспитываемые бабушкой, золовками и старшими детьми, понемногу перенимали модели поведения женщин семьи. Даже играя в куклы, они старались имитировать поведение окружавших их людей, подражая им во всем, воспринимая их модели взаимоотношений как единственные верные и возможные. При этом малолетние дети проводили время вместе – и мальчики, и девочки. Игры были совместными, дома их называли «бераш» (дети). Вместе с тем, мать, несмотря на принятую в обществе манеру держаться с некоторой отстраненностью по отношению к своим детям, имела огромное воспитательное влияние на своих дочерей. Ее манеры и образ действий диктовали девочке поведенческие установки на всю жизнь.

В течение дня мать-ингушка была занята приготовлением и заготовкой пищи на всю семью, уходом за скотом, доставкой воды, уборкой помещений, двора, обмазкой и побелкой дома, помощью мужу в полевых работах [2] и другими многочисленными бытовыми заботами, требовавшими ее постоянного участия. Кроме того, известно, что ингушки занимались ткачеством и изготовлением предметов одежды, быта и обуви. «Добрая половина производственной деятельности лежала па плечах женщин. Жены у них – портные, ткачи, швеи, тесемщики» [3].

Маленькие девочки-ингушки, видя неустанно трудящуюся мать, воспринимали ее не иначе как идеал поведения. По образу матери складывался и образ будущих девушек – ее дочерей.

По сведениям Р.Х. Досхоевой, при выборе невесты ингуши обращали особое внимание на мать девушки («*йио наьна*»). «Какова мать, таково и воспитание дочери («*наьна морга йIий йа омал*»). Мать и дочь в мировоззрении ингушей воспринимались как единое целое, дочь – прообраз матери. Дочь от хорошей благородной матери не может быть плохой. («*Дикач наьн ийо, или Дикач наьна ийо мо хал йиш яца*») – говорят ингуши» [4].

Играя в куклы, девочки-ингушки имитировали поведение матери и сцены, которые наблюдают дома. «С малолетства детям прививали правила поведения дома и в обществе. Одним из методов воспитания являлся личный пример – авторитет старшего в семье, построенный на выдержке, подражании поступкам былинных героев» [5]. Детей воспитывали и на национальном фольклоре. Малолетним детям рассказывали сказки, легенды, былины и не привлекали к бытовым хлопотам, разве что просили подать или отнести что-либо легкое. По мере взросления круг обязанностей девочки возрастал. Харсиев Б.М.Г. отмечает, что «Девочки с 5–7 лет учились рукоделию, шитью, ведению хозяйства. Они убирали жилые помещения, подметали дворы, выносили помет и навоз из земляного хлева, приносили воду, нянчили младших детей» [5].

Наказывать или ругать детей младше 7 лет у ингушей было не принято, так как это могло задеть их чувство собственного достоинства. Допустимо было лишь порицание

и лишение виноватого возможности принимать участие в праздничных играх или приеме гостей.

С изменением условий жизни: переселением с конца XIX в. ингушей с горных районов на равнину, затем под влиянием социалистических преобразований советского строя, экономического роста региона в условиях государственности, произошли значительные перемены в условия жизни ингушек, что в том числе повлияло на их возможности в реализации воспитательных процессов в отношении своих дочерей.

Родовые семейные поселения, вмещавшие до 50 жителей, где жили трех-, а нередко и четырехпоколенные семьи, сменились на двух- или трехпоколенные семьи, где жило меньшее количество людей. В этих семьях домашние хлопоты были менее изнурительными и облегчали жизнь женщины, а в целом и семьи. Также изменились и этикетные нормы поведения женщин в обществе.

После революции и установления советской власти ингушские женщины получили свободу самостоятельного передвижения, возможность получения светского и духовного образования, стали активными участницами общественной и трудовой жизни. В республике появились детские сады и школы, где девочки и мальчики стали учиться совместно, в одной школе, сидеть за одной партой.

Большинство матерей были официально трудоустроены и имели государственные социальные гарантии. Современные дети до семи лет уже осваивают русский алфавит, умеют писать цифры, а некоторые даже читают по слогам.

Сегодня, несмотря на все трансформации в традициях воспитания, мать для девочки, как и прежде, является главным примером и основным ориентиром в становлении нравственности и моральных принципов. Так же, как и в старину, труд малолетних в быту не допустим, но прививается любовь к чистоте и порядку. Вместе с тем, уже в этом возрасте большинство современных девочек-ингушек хорошо знают, что нельзя допускать близкого контакта с мальчиками – даже в играх. Понемногу, по мере взросления, девочкам прививается понятие о том, что не следует спорить и драться с мальчиками (домашними и другими).

Традиционные формы поведения и взаимоотношений между членами семьи, а также при приеме гостей или посещении родственников, девочки также осваивают уже с этого возраста, наблюдая за старшими домочадцами, которые контролируют поведение детей и, при отступлении от принятых в обществе правил, разъясняют им о необходимости соблюдения этикетных норм.

Воспитание девочек-ингушек 7-13 лет

Возраст, когда девочке исполняется семь лет, определял рубеж ее взросления. Если до достижения указанного возраста ее берегли и баловали, то после этого рубежа к воспитанию собственным примером прибавлялось еще и трудовое, нравственное, эстетическое, умственное, а также, с принятием ислама, религиозное воспитание. Ингуши понимали, что с этого возраста девочки становились более сознательными, способными искать ответы на многие вопросы, ставить перед собой определенные задачи. Девочкам этой возрастной категории уже доверяли присматривать за младшими братьями и сестрами. «На 6-7-летних девочек матери оставляли младших братьев и сестер, поручали укачивать их в люльках и играть с ними, посылали их

к родственникам и соседям с разными поручениями, приучали следить за скотиной и птицей [6]. С 6-7 лет мальчики переходили жить в мужскую часть дома, а девочки оставались в женской. Начинали вводиться ограничения в совместном времяпрепровождении разнополых детей – к примеру, уже не допускались совместные купания в реке [7], игры.

По мере взросления девочки, поведение членов семьи, строго регламентированное национальными устоями, все больше привлекало ее интерес и внимание, служа ориентиром для формирования собственного поведения, давая ей понятия о национально возвышаемых и порицаемых чертах характера и нрава.

В ингушском обществе высоко ценился ум каждого человека. И старшие знали: именно детство – самый подходящий для развития интеллекта период в жизни человека. Ингуши верили, что знания, приобретенные в детстве, самые долговечные. Старшие родственники и соседи старались влиять на умственное развитие девочек и мальчиков, знакомя их с устным народным творчеством, загадывая им философские загадки, рассказывая притчи и легенды о национальных героях, стараясь приучить рассуждать о сюжетах истории и высказывать свое мнение. Таким образом реализовывалось умственное воспитание девочек-ингушек, которое, по убеждению ингушей, должно было проявляться в каждом ее действии на протяжении всей жизни: начиная с того, как она одета, заканчивая тем, как держится в обществе и реагирует на различные события.

К 8 годам девочек начинали понемногу вовлекать в домашние трудовые процессы. «С 10-ти лет девочке постепенно прививались навыки ручного труда, ее обучали шитью, вышиванию, плетению различных шнуров, ткачеству, обработке шерсти и войлока» [6]. В процессе передачи секретов этих тонких искусств проявлялось эстетическое воспитание девочки.

На современном историческом этапе, как и раньше, наравне с родителями, воспитанием внуков занимаются бабушки и дедушки, прививая им любовь к Отечеству, к традициям и обычаям, этикетным нормам. Существенной разницей в сравнении с прошлым историческим периодом является то, что родители придают большое значение образованию своих дочерей. Мальчики и девочки ингушской национальности, начиная с советских времен, совместно обучаются в школах и изучают различные науки в соответствии с государственными стандартами образовательного процесса.

Советская эпоха очень сильно изменила жизнь девочки. Они, в отличие от девочек-ингушек прошлого, стали посещать школу, различные кружки, секции. Естественно, это не было массовым явлением и было больше свойственно девочкам, живущим в городской среде. Вместе с тем, воспитание в семье было достаточно строгим, особенно в трехпоколенных семьях.

Кроме школьной программы, современные девочки, по желанию, осваивают творческие и спортивные виды занятий: посещают различные образовательные кружки – уроки музыки, художества, гимнастики, танцев и многого другого.

В этом возрасте многие ингушские девочки современности могут свободно носить джинсы, брючные костюмы, делать модные стрижки, играть вместе с мальчиками-сверстниками, однако все это должно соответствовать общепринятым требованиям к скромности ингушской девочки (никаких открытых животов, слишком коротких юбок, макияжа и др.).

Кроме того, в современный век огромное влияние на детей и процессы их воспитания и образования оказывает интернет. Воспитывая ингушских девочек младшего школьного возраста, родители не стремятся полностью ограничить их в использовании всемирной сети, но, чаще всего, по возможности, стараются следить за количеством проведенного ими в ней времени и контенту (информационному содержанию сайтов), к которому девочки обращаются.

Воспитание девочек-ингушек 13-17 лет

С 13 лет девочки вступают в пубертатный период своего развития и воспринимаются как юные девушки. В прошлом с этого возраста их приучали носить платок на голове и платья-рубахи или платья-черкески. Часто практикуя навыки ручного труда, к этому возрасту девочки-ингушки хорошо овладевали искусством ручного производства и к 13-15 годам могли похвастаться вышивками на груди и от талии до подола вдоль краев разрезов на платье. «Практически все приданое: платья, постельные принадлежности, обувь, мелкие подарки для будущей родни в виде вышитых платочков, кисетов, шнуров для пистолетов и прочее, готовилось самой девушкой в девичестве. То есть это был единственный вид занятий, универсальный для всех женщин, независимо от их возраста, семейного статуса и сословной принадлежности, и совершенно не приемлемый для представителей противоположного пола. Наиболее трудоемким производством была обработка шерсти, включавшая множество операций: вымачивание шерсти, «выколачивание ее до чистой воды», отжим и сушка, разрыхление, расчесывание, взбивание и сортировка на пряжу и войлок» [6].

К 15-16 годам девочки убирали дома, носили воду из речки, загоняли домой скот, доили коров, обрабатывали молоко, месили тесто, шили чувяки.

В девочке также воспитывались этикетные формы поведения при приеме семьей гостей. Так, кроме помощи старшим женщинам в приготовлении различных блюд и угощений для гостей, девочек учили заботиться о госте: «Девочки, невестки чистили обувь (калоши) и, если гость оставался на ночлег, в случае необходимости, стирали, гладили одежду гостя» [8].

Респондентка из города Сунжи поделилась своей историей: «*Я по национальности русская, но замуж вышла за ингуша. В 1960 г. по направлению приехала работать педагогом в единственную на тот момент школу в г. Назрани. Выйдя замуж, изучила три перевода Корана, чтобы ближе чувствовать менталитет своей новой семьи, ознакомилась с ингушскими традициями, наблюдая за членами семьи, и всячески старалась демонстрировать свое глубокое их знание.*

Когда в нашем доме принимали гостей, несмотря на то, что чистка и расстановка калош гостей была задачей девочек-подростков, я, как невестка, бралась за эту работу вместе с ними. И учила их сначала обращать внимание на то, как старики становятся во дворе, когда здороваются, и в какой очередности заходят в дом, ведь в этом крылась информация об их старшинстве. Нам с девочками важно было не только вычистить их обувь, но и расставить ее в порядке старшинства, чтобы гостям было удобно при выходе»[1].

Взаимное уважение, традиции избегания и табуирование имен, четкий порядок действий в разных ситуациях: за столом, при гостях, в быту и на людях между

1. ПМА автора. Информант Секачева Л.Я., 1941 г.р., г. Сунжа, 2020 г.

членами семьи, даже в уединении, порицание при несоблюдении национального этикета, внешний вид старших родственниц, носивших скромную, закрытую одежду и платки, – все это прививало девочке понятия о поведенческих устоях народа.

Важным было нравственное воспитание ингушской девушки. Она обязана была почитать старших родственников, соседей, даже незнакомых, а также сестер и братьев. В воспитательный процесс в форме поучительных рассказов и легенд мог вовлечься любой уважаемый представитель нации, так как ингуши считали, что ответственность за воспитание каждого человека несли все. «Чужих» детей не было» [8]. «*ВоккхагIчо аьннар ца даьр доккхача вон тIа кхаьчав*» («*Несчастье постигло того, кто не послушался совета старшего*») – гласит ингушская пословица.

Значительную роль в эстетическом воспитании ингушской девочки играла художественная культура ингушского народа, выражавшаяся в музыкальном и танцевальном искусстве. Девочки-ингушки присутствовали на семейных и народных празднествах.

Нельзя не упомянуть о народных праздниках-игрищах – «*ловзар*», которые ежегодно проводились в ингушском обществе, и были любимым праздником молодежи. Здесь проводились танцы, скачки и шуточные игры в сватовство. Юные ингушки и ингуши здесь могли знакомиться друг с другом и показывать свои таланты и интеллект.

В целом, в девочке-ингушке с малолетства старались воспитать качества, которые считались необходимыми для ингушской женщины в замужестве. Она должна была знать и строго соблюдать национальные обычаи, говорить на родном языке, отличаться скромностью и терпением, послушанием и покорностью, обязана была беспрекословно подчиняться старшим и мужу в семье, и, конечно, владеть всеми хозяйственными и бытовыми навыками. Существовало также табу на короткую стрижку, считали, что красота женщины в длинных волосах.

В народном сознании ингушей прекрасное в девушке сочеталось как с внешней, так и с внутренней красотой. Стройная, женственная, целомудренная, скромная, мягкая, трудолюбивая, умеющая уверенно держаться, владеющая всеми навыками домашнего хозяйства, вежливая, обходительная, имеющая безупречную репутацию как собственную, так и своей семьи – такая она, идеальная девушка-ингушка, девушка-«сув». Она редко покидала территорию родительского двора, отличалась благопристойным поведением и уделяла много времени рукоделию. Она представлялась необыкновенной, недоступной, скрытой от глаз [8] и была заветной мечтой каждого ингушского юноши.

В советский период девочки этого возраста уже имели достаточно много свободы. Они не только могли посещать школу и кружки, им была предоставлена возможность поступать в училища и техникумы, высшие учебные заведения, уезжать из сел и городов в другие населенные пункты для получения светского образования и новой специальности. Важно отметить, что в советский период основная масса учителей школ имела гендерный перекос в сторону женской половины общества. При этом многие этикетные нормы еще соблюдались, как соблюдаются и в настоящее время.

В наши дни девочкам с 13 лет рекомендуют не носить брюки, выбирать юбки ниже колена, кофточки с удлиненным рукавом и другую скромную одежду. В возрастной промежуток от 13 до 17 лет она занята обучением в средних и старших классах школы, посещает различные творческие кружки и готовится к поступлению в среднее или высшее учебное заведение для приобретения профессии.

Понятие «сув» теперь мало известно и лишь изредка применяется представителями старших поколений в качестве лестной характеристики в адрес скромных, умных и красивых девушек [8].

Воспитывая дочь, современные ингуши уже не делают акцент только на замужестве. Юная девушка может позволить себе делать стрижки, но чаще всего родители не позволяют ей окрашивать волосы. Услугами парикмахеров-колористов девушке будет разрешено пользоваться в основном после окончания среднего или высшего учебного заведения или замужества. Как и прежде, девушка должна владеть всеми традиционными национальными нормами и правилами поведения, блюсти целомудрие и сохранять чистоту морали, но, кроме этого, уже должна быть хорошо образованной, религиозной и, в идеале, владеть родной речью, что в наши дни уже считается особым достоинством, поскольку в большинстве своем современная молодежь говорит на ингушском языке лишь на бытовом уровне.

В наше время многие родители не стараются научить девушек школьного возраста готовить национальные блюда. Этот навык, по мнению современных родителей, их дочери приобрести успеют, куда важнее своевременно уделить силы и время учебе. Профессия может послужить гарантией спокойствия родителей за свою дочь в будущем, поможет девочкам обеспечить себе достойный уровень жизни, поэтому о замужестве дочерям родители рекомендуют думать лишь после выбора профессионального пути.

Радимхан из с.п. Средние Ачалуки делится: «*Я воспитала двух дочерей и каждой из них всегда старалась помогать учиться. Все домашние заботы брала на себя – лишь бы учились. Они все вечера проводили за уроками. Поэтому, я думаю, и смогли поступить в наш ингушский вуз: одна – на лечебный факультет, вторая – на юридический. Правда, обе вышли замуж еще во время обучения, и на тот момент кроме как кипятить чайник и жарить яйца, готовить ничего не умели. Но это ничего, обзаведясь своими семьями, быстро всему научились – все время звонили мне и спрашивали, как готовить наши национальные блюда. Я помогала, и все у них получилось*»[2].

С ростом городов и улучшением социально-экономических условий жизни ингушей, ощущается значительное ослабление традиционных форм воспитания. Юные ингушки, как и значительная часть современного общества, получили возможность вести более комфортную жизнь.

Роль отца и братьев в воспитании ингушки

На теме взаимоотношений отца и дочери, братьев и сестер у ингушей хотелось бы сделать особый акцент, так как немаловажную роль в воспитании девочки-ингушки, кроме матери, во все времена играли также ее отец и братья, любовь и восхищение к которым передавались ей от старших членов семьи с самого раннего возраста.

Ф.И. Леонтович писал: «Дети, как мужского пола, так и женского пола, несмотря на возраст их, находятся в полной зависимости от своих родителей, как от отца, так равно и от матери. Они должны во всех отношениях им повиноваться, со смирением и глубочайшим почтением принимать всякое от них приказание, безропотно исполнять их» [9].

2. ПМА автора. Информант Аушева РД., 1972 г.р., с.п. Средние Ачалуки, 2023 г.

Ингушская девушка, в соответствии с национальными адатами, была обязана оказывать особое почитание и послушание отцу и братьям, причем не только к старшим, но и младшим, если они достигли 12 лет. Ее с самого детства воспитывали и воспитывают с акцентом на привилегированное положение в семье мужчин. «Мать должна поступать в согласии с отцом, дочь – слушаться отца, жена должна слушаться мужа, сестра – брата, женщина – мужчину». Кроме внутрисемейной, присутствовала и общественная значимость регламентирования взаимоотношений между членами семьи. «*МаIача сага мах ха безам бале, кхалсагага (сесагага) хата*» («*Хочешь узнать цену кого-то из мужчин – спроси о нем у женщины (жены)*» – эта ингушская пословица иллюстрирует прямое влияние отношения женщин семьи к своим мужчинам на формирование его общественного статуса, которое для ингушей имело огромное значение. «*Наха со пхоара ва яхе, со пхоара ва*» («*Если людская молва утверждает, что я (мужчина) беременный, значит, так оно и есть*»). Оценка, которую дает общество, важна и сегодня. Если человек не выполняет этикетные нормы, предписанные местным адатом, он может быть подвергнут остракизму. Естественно, эти нормы менялись с годами, но выполнялись беспрекословно в каждую из эпох их бытования. Так, например: «Если старший брат был намного старше остальных своих братьев и сестер, то последние его чтили как отца и оказывали ему все знаки внимания и уважения. В присутствии посторонних молодые члены семьи должны были стоять у двери и почтительно слушать беседу старших, оказывая при этом им всяческие услуги (подавать воду, накрывать стол, приносить им таз и кувшин для омовения и др.). Если же во время беседы старшего сына с гостем появлялся отец, то место у двери занимал уже старший сын, ранее принимавший гостя, а младшие оттеснялись дальше, ближе к порогу» [2].

В случае смерти отца семейства, главенство переходило к его взрослому сыну, а если таких не было, то опека переходила на кого-либо из родственников мужа. В том числе, решение вопроса о вступлении в брак юноши и девушки зависело от старшего мужчины в доме. В случае смерти деда и отца — это мог быть брат. Невеста, не имеющая брата, считалась нежеланной – «*Воша воаца йиша*» («Сестра без брата») [2]. Наш респондент из с. Плиево Харон пояснил: «*Нежеланной невеста, у которой нет брата, считалась потому, что такая девушка не могла знать чувства превосходства над собой мужчины, не знала об ответственности за свое поведение перед авторитетным братом. Также потенциальный жених желал видеть в женах девушку, у которой есть братья, потому, что в случае различных неприятностей в семейной жизни он мог бы их обсудить именно с братом жены (не с отцом и не с матерью, согласно этикету)*»[3].

В прежние времена девушка-ингушка, даже сирота, в вопросах замужества не имела права на собственное мнение: ее выдавал замуж отец, брат или другой родственник [6]. Потакание капризам и прихотям женщины считалось недостойным мужчины и всячески высмеивалось. «*Сесага тIехъаваьнна къонах йоIала хетт*» («*Муж, потакающий во всем жене, кажется женоподобным*») – гласит ингушская поговорка.

В то же время, тот факт, что партия для молодой девушки, как правило, подбиралась ее отцом или братом, далеко не всегда становился для ингушки трагедией. Чаще

3. ПМА автора. Информант Плиев Х.А., 1956 г.р., с.п. Плиево, 2023.

всего, девушка знала, кто ее сватает, и давала свое согласие добровольно. Тем более, что в силу преимущественно затворнического образа жизни девушка-ингушка почти не имела возможности общаться с молодыми людьми из неродственных семей, и попросту не могла самостоятельно сделать такой выбор.

Важно отметить, что, несмотря на внешнее выстраивание взаимоотношений в семье в духе полной покорности девушки мужчинам, истинная влиятельность ингушки в семье и народе была значительно выше. Из материалов Б. Далгата мы узнаем, что «при самых сильных столкновениях между кровниками, когда появлялась среди них женщина со снятым головным убором – платком, уважая ее, противники прекращали поединок» [10]. Князь А.И. Барятинский в письме к своему преемнику, наместнику Кавказа, великому князю Михаилу отмечал, что «…воспитание туземных женщин должно занимать первое место в деле полного и окончательного умиротворения края, поскольку женщина по влиянию своему на семейство, как на хранилище народных нравов и обычаев, действует одинаково на привычки дитяти, возмужалого и старца» [11]. Ингушка могла решать и сложные вопросы. С этим мнением согласуется и то, что писал Ч. Ахриев: «женщина будет служить связующим элементом между ею и остальными членами семьи, и она в качестве жены, сестры и особенно матери непременно будет влиять на сына, дочь, брата и даже мужа»[4]. Женщина не выставляла на показ свою роль, отдавая пальму первенства мужу и, таким образом, выражая свое уважение к нему.

С приходом ислама в традициях ингушей лишь упрочнились убеждения о том, что лучшими добродетелями женщины являются послушание, терпеливость и полная покорность мужчине: замужней – мужу, свекру, а в девичестве – отцу, деду, брату, дяде.

В наши дни для ингушки отец и брат также выступают горячо любимыми защитниками от любых внешних угроз как до ее замужества, так и после – в случае, если несправедливость по отношению к ней причиняется ее супругом или его родственниками.

Житель с.п. Альтиево делится: «*Нас 5 братьев и 2 младшие сестры, которые сейчас уже взрослые и замужем. Отца давно не стало, и я знаю, что мы, братья, для своих сестер всегда были, можно сказать, всем: и отцами, и братьями, и друзьями, и где-то учителями. Мы разъясняли им и тонкости поведения в нашем обществе, и религиозные устои. С их стороны никогда не было поводов для нашего беспокойства – девочки хорошо учились, соблюдали этикет в обществе, вели себя скромно, потому были свободны в выборе форм проведения досуга, могли ходить в кафе и кино с подругами, посещать разные обучающие кружки. Мы поддерживали их во всем.*

При этом нельзя сказать, что мы воспитывали их напрямую. Девочки, окончив 7 класс, сами понимали, что носить брюки им больше не следует, и начинали одеваться в соответствии с ингушскими нормами: юбки ниже колен, кофты с закрытыми плечами и воротниками.

Помню, окончив школу и поступив в вуз, Хади обратилась к нашему самому старшему брату с просьбой купить ей новый гардероб, на что он ответил, что с этим не будет никаких проблем, разве что она наденет хиджаб. Хади с легкостью

4. *Ахриев Ч.* Об ингушских женщинах // Терские ведомости. 1871. № 31.

согласилась, и он полностью обновил ее гардероб. Второй сестренке мы лишь слегка намекнули, и она все прекрасно поняла»[5].

Девушки осознают ответственность перед братьями за свое поведение как до, так и после замужества. Их поведение, как в прошлом, так и в наши дни, может прямо влиять на авторитет семьи и рода.

В отношении выбора будущего спутника жизни или даже простого общения со сверстниками современная девушка-ингушка относительно свободна.

Обучаясь в школах и других учебных заведениях, девочки-ингушки находятся в постоянном общении с мальчиками-сверстниками. Это не привело к ослаблению требований ингушей к соблюдению традиционного этикета в общении, а также сохранения полной физической неприкосновенности девочек, однако вывело на кардинально другой уровень их возможности как в социальной активности, так и в определении личного будущего.

Есть все еще семьи, где девочки-ингушки до вступления в брак почти все свои действия согласовывают с отцами и братьями. Однако такие семьи встречаются все реже. Технологический прогресс, доступность информации о возможностях самореализации сделали юных ингушек более самостоятельными.

Следует отметить, что без некоторой ревности братьев по отношению к эмансипации сестер в наши дни не обходится. Встречаются мужчины-ингуши, негативно воспринимающие обусловленные современностью относительную свободу в мышлении и поведении родственниц.

В современности все также поведение и статус ингушской юной девушки отражается на авторитете ее отца и братьев. В некоторых случаях это приводит к ограничению девушек в возможностях определения личного будущего и профессионального развития. С этим же связаны, зачастую, и семейные драмы ингушских женщин, вынужденных «закрывать глаза» на проблемы семейной жизни из опасения открытого конфликта между мужем и отцом (братьями), который примет широкую огласку и ударит по авторитету обеих семей.

Рассказывает информатор из сел. Джейрах: «*В нашем роду мужчины очень строгие со своими сестрами и женами. Малейшее проявление неуважения или непокорности обязательно пресекается. Ингушка, а тем более мусульманка, должна во всем слушаться своего отца, брата или мужа. Если моя жена не будет меня уважать, я верну ее – не стану жить с ней ни дня»*[6].

Еще встречаются семьи, в которых разведенные и незамужние сестры всецело подчиняются воле братьев. Так, по рассказу одной из респонденток, достигшей возраста 38 лет, она по сей день каждое свое действие согласовывает с младшим братом, которому 27 лет. Женщина живет с его? семьей, так как последние 15 лет в разводе с бывшим супругом. Она уже вырастила двоих детей, которые учатся в высших учебных заведениях, и самостоятельно себя обеспечивает, зарабатывая в сфере услуг. «*В этом году я впервые за последние 10 лет поехала с детьми на море в соседнюю республику – Дагестан. До этого брат не позволял мне, а в нашей семье слово брата, даже младшего, – закон. После смерти отца, он стал для нас за старшего»*[7].

5. ПМА автора. Информант: Чемурзиев Х.Б., 1977 г.р., с.п. Альтиево.
6. ПМА автора. Информант: Цуров В.И., 1990 г.р., сел. Джейрах.
7. ПМА автора. Информант: Мужахоева М.Х., 1978 г.р., г. Карабулак, 2020 г.

Выводы

В наши дни, под влиянием процессов урбанизации, а также социально-экономических преобразований, в ингушском обществе наблюдается тенденция ослабления влияния национальных традиций на процесс воспитания девочек. Это выражается, в том числе, в появившейся практике непосредственного ухода матерью за малолетней девочкой, а также ярко отслеживается в замене влияния на воспитательные процессы народной педагогики на участие в этих процессах государства, взявшего на себя воспитательную функцию в дошкольных и школьных образовательных учреждениях.

Современная мать проводит больше времени со своими дочерьми, все меньше стесняется проявлять к ним чувства, хотя и воздерживается от проявления эмоций к своим детям перед родственниками мужа. Мать водит дочь в дошкольные учреждения и школы, имеет возможность обеспечить ей получение дополнительных навыков. В то же время современная ингушская мать, воспитывающая дочерей, старается привить дочери понятия о традициях почтения к старшим, отцу и братьям.

По-прежнему, бытует у ингушей традиция воспитания в девочках таких «идеальных» качеств, как покорность мужчинам семьи, терпеливость, почитание старших, трудолюбие и ориентированность на семейные ценности. Если раньше такое понимание образа истинной ингушки было обусловлено верностью вековым традиционным устоям, то в современности оно укрепилось, найдя поддержку в нормах ислама [12].

При этом современная девочка-ингушка, в отличие от своих предшественниц, может позволить себе стричь волосы, спокойно общаться, совместно обучаться и взаимодействовать с мальчиками-сверстниками, соблюдая при этом нормы национального этикета и сохраняя телесную неприкосновенность.

Добавилось в процессе воспитания то, что родители стараются ориентировать девочек на получение хорошего светского специального образования, которое может обеспечить ей некоторую самостоятельность и независимость в жизни, а также обеспечить ей религиозное просвещение, имеющее целью укрепить в ее сознании согласующиеся с национальными нравственными нормами религиозные моральные ориентиры.

Все реже ингушские девочки владеют родной речью и, несмотря на высокую значимость национального языка в народе, современные родители при воспитании дочерей не делают на приобретение этого навыка упора.

Несмотря на значительные перемены в традициях воспитания ингушской девочки, в народе все еще живет память и частично сохраняются отголоски мировоззренческих установок предков. Старшие поколения помнят о бытовавших в недавнем прошлом, таких, к примеру, как запрет на совместную трапезу с отцом, и, сами, являясь носителями этих традиций, в несколько ослабленном виде, транслируют их в молодые семьи. Есть основания полагать, что в будущем, когда современные дети займут места старших поколений, следов национальных традиций ингушей в жизни общества останется значительно меньше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гетагазова А.М.* «Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей». Нальчик: «Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2022. №2 (53) С. 32-44.

2. *Кудусова-Долакова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей: конец XIX – начало XX в. Ростов-на-Дону: Ковчег, 2005. – 240 с.

3. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. - 207 с.,

4. *Досхоева Р.Х.* Брачный выбор ингушей. Традиции и современность // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2022. № (55). С. 30-43.

5. *Харсиев Б.М.-Г.* «Регламентация семейных отношений ингушей: социальный аспект» // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М., 2019. С. 387-402.

6. *Агиева Л.Т.* Этнография ингушей. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2011.– 625 с.

7. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. 265 с.

8. *Дзарахова З.М.-Т.* Вековые устои ингушской семьи. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2021. – 292 с.,

9. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Выпуск II. Нальчик, 1882. 344 с.

10. *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 383 с.

11. Русский архив. 1889. №12. С. 146.

12. *Албогачиева М.С.-Г.* Кунта-хаджи Кишиев, его проповедь и последователи // Шейх, Устаз, Овлия Кунта-Хаджи Кишиев: сборник статей / авт. проекта и сост. Р.-Х. Ш. Албагачиев. – Нальчик: Тетраграф, 2012. – С. 101-107.

Поступила в редакцию 28.02.2023 г.
Принята в печать 28.04.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

REFERENCES

1. Getagazova AM. Traditional maternity and children rituals in modern practices of the Ingush people. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research*. 2022, 2(53): 32–44.

2. Kudusova-Dolakova FI. *Family and life of the Ingush people: end of the 19th – beginning of the 20th centuries*. Rostov-on-Don: Ark, 2005.

3. Krupnov EI. *Medieval Ingushetia*. Moscow: Nauka, 1971.

4. Doskhoeva RKh. Marriage choice of the Ingush. Traditions and Modernity. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research*. 2022, 55: 30–43.

5. Kharsiev BM-G. Regulation of Ingush family relations: social aspect. *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony*. Moscow, 2019. pp. 387–402.

6. Agieva LT. *Ethnography of the Ingush*. Maykop: Polygraf-Yug, 2011.

7. Smirnova YaS. *Family and family life of the peoples of the North Caucasus. Second half of the 19th-20th centuries*. Moscow: Nauka, 1983.

8. Dzarakhova ZM-T. *Age-old foundations of the Ingush family*. Rostov-on-Don: Yuzhnyi Publ., 2021.

9. Leontovich FI. Adats of the Caucasian mountaineers. Materials on customary law of the northern and eastern Caucasus. Issue II. Nalchik, 1882.

10. Dalgat BK. Tribal life and customary law of the Chechens and Ingush people. Research and materials of 1892-1894. Moscow: IMLI RAS, 2008.

11. *Russian archive*. 1889, 12: 146.

12. Albogachieva MS-G. Kunta-Hadji Kishiev, his preaching and followers. In: R.-H. Sh. Albagachiev (ed., comp.). *Sheikh, Ustaz, Ovliya Kunta-Hadji Kishiev: collection of articles*. Nalchik: Tetragraph, 2012. pp. 101–107.

Recieved 28.02.2023
Accepted 28.04.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192518-529

Исследовательская статья

Сефербеков Руслан Ибрагимович,
д.и.н., главный научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
ruslan-seferbekov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ДАРГИНЦЕВ-ЦУДАХАРЦЕВ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Аннотация. В статье на основе собранного в Левашинском районе Дагестана в 2018 и 2022 гг. полевого этнографического материала с использованием историко-сравнительного, типологического, системного, ретроспективного методов и метода включенного наблюдения, описываются традиционные и современные свадебные обряды и обычаи сельского населения одной из субэтнических групп даргинцев – цудахарцев, расселенных в этноконтактной зоне и испытавших культурное влияние аварцев Гунибского и Гергебильского районов и лакцев Лакского района, что отразилось на межнациональной брачности, распространении у даргинцев Цудахарии аварской антропонимии, аварского хинкала, аварской и лакской музыки, песен и танцев. На обряды жизненного цикла цудахарцев, как и других дагестанцев и северокавказцев, оказали влияние социокультурные процессы конца XX – начала XXI в., связанные с «перестройкой», сменой парадигмы государственного и общественного устройства России, очередной российской модернизацией и урбанизацией, прямо или косвенно видоизменившие их. Анализ исследуемой темы показал, что несмотря на влияние глобализационных и трансформационных процессов, почти все главные этапы, персонажи, обряды и обычаи традиционной цудахарской свадьбы в основном сохранились только в сельской местности. В современной свадьбе цудахарцев всё ещё встречаются реликты ранних форм религий и древних форм брака. В полной мере сохраняется обычай взаимопомощи, позволяющий смягчить бремя материальных расходов на свадьбу. С начала 90-х гг. XX в. и по настоящее время необходимость сокращения материальных расходов и возрастание влияния мусульманской религии привели к появлению безалкогольных свадеб и проведению свадебных *мавлид*ов, заменяющих традиционную свадебную обрядность на религиозную. В наше время созданы реальные условия для возрождения некоторых утраченных самобытных элементов цудахарской свадьбы. Сбережение большинства традиционных элементов современной свадьбы цудахарцев вселяет определенную уверенность в сохранении их этнической и культурной идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: народы Дагестана; цудахарцы; свадьба; социокультурные процессы; глобализация.

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Современный брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев: традициии и инновации // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 518-529. doi.org/10.32653/CH192518-529

© Сефербеков Р.И., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192518-529

Research paper

Ruslan I. Seferbekov,
Dr. Sci. (History), Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ruslan-seferbekov@yandex.ru

MODERN MARRIAGE AND WEDDING RITUALS OF THE DARGINS-TSUDAHARS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Abstract. Based on field ethnographic material collected in the Levashinsky district of Dagestan in 2018 and 2022, using historical-comparative, typological, systemic, retrospective methods and the method of participant observation, the paper discusses the traditional and modern wedding ceremonies and customs of the rural population of one of the sub-ethnic groups of the Dargins – the Tsudahars[1]. This group has undergone the cultural influence of the Avars of the Gunibsky and Gergebilsky districts and the Laks of the Laksky district, which is reflected in interethnic marriage, the spread of Avar anthroponymy, Avar khinkal, Avar and Lak music, songs and dances among the Tsudahar Dargins. The rituals of the life cycle of the Tsudahars, as well as other Dagestanis and North Caucasians, were influenced by the sociocultural processes of the late 20th – early 21st centuries, associated with "perestroika", a change in the paradigm of the state and social structure of Russia, another Russian modernization and urbanization, which directly or indirectly modified them. The study shows that, despite the influence of globalization and transformation processes, almost all the main stages, characters, rituals and customs of the traditional Tsudahar wedding were mostly preserved only in rural areas. Relics of early forms of religions and ancient forms of marriage are still found in the modern Tsudahar wedding. The custom of mutual assistance has fully preserved, which makes it possible to mitigate the burden of material expenses for the wedding. Since the beginning of the 90s of the 20th century and to date, the need to reduce financial costs and the growing influence of the Muslim religion have led to the popularization of non-alcoholic weddings and the holding of wedding mawlids, replacing traditional wedding rituals with religious ones. In our time, real conditions have been created for the revival of some of the lost original elements of the Tsudahar wedding. The preservation of most of the traditional elements of the modern Tsudahar wedding inspires certain confidence in the preservation of their ethnic and cultural identity in the era of globalization.

Keywords: Peoples of Dagestan; Tsudahars; wedding; socio-cultural processes; globalization.

For citation: Seferbekov R.I. Modern marriage and wedding rituals of the Dargins-Tsudahars: traditions and innovations. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 518-529. doi.org/10.32653/CH192518-529

© R.I. Seferbekov, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Большую роль при изучении истории, культуры и быта этноса может сыграть анализ брака, свадьбы и связанных с ними традиций, обычаев и обрядов. Брак и свадебная обрядность устойчивее других элементов народного быта сохраняют исторически сложившиеся особенности этнической культуры. Их изучение в динамике, сравнении и соотношении (традиционное и современное) представляет большой научный интерес и актуально в условиях глобализации и социокультурных процессов последних 30 лет. Целью данной работы является описание современных брака и свадебной обрядности одного из субэтносов даргинцев – цудахарцев[1], в сельской местности, с учетом традиций и новых обычаев.

На основе собранного нами полевого этнографического материала в 2018 и 2022 гг. в селах с компактным проживанием цудахарцев (Цудахар, Куппа, Иргали, Хаджалмахи, Ташкапур, Убеки, Арши, Карекадани, Мусульте), с использованием историко-сравнительного, типологического, системного, ретроспективного методов и включенного наблюдения, описываются традиционные и современные свадебные обряды и обычаи. Важно отметить, что проживающие в городах цудахарцы проводят свои свадьбы в залах торжеств, но сохраняя в основном структуру и отдельные элементы традиционного свадебного обряда.

Развернувшиеся со второй половине 80-х гг. XX в. и продолжившиеся в начале XXI в. социокультурные процессы, связанные с «перестройкой», распадом СССР, сменой парадигмы государственного и общественного устройства России, очередная российская модернизация, ускорение темпов урбанизации, глобализация, идеологическая свобода, отказ от сложившихся в советское время мировоззренческих штампов и стереотипов, социальное и имущественное расслоение оказали большое влияние на все стороны хозяйственных занятий, культуры и быта россиян. Трансформационные процессы не обошли стороной и семейный быт народов Дагестана и связанные с ним свадебные, родильные и похоронные обряды и обычаи [1, с. 369].

Современной дагестанской свадьбе как культурному феномену эпохи глобализации, а также исламским инновациям в современной свадьбе народов Дагестана и Северного Кавказа посвящены публикации А.Дж. Магомедова [2, с. 305–317; 3, с. 60–72].

Детальное исследование всего цикла предсвадебных, свадебных и послесвадебных обычаев и обрядов современной дагестанской свадьбы проведено группой дагестанских этнологов [4, с. 176–199].

Изучением традиционных, советских и новейших даргинских свадебных обрядов занимались А.И. Алиев [5, с. 120–124], М.Ю. Курбанов [6, с. 71–80], И.И. Омаров и Р.И. Сефербеков [7], Ф.А. Гаджалова [8, с. 167–195] и др. Однако за последнюю четверть века современные свадебные обряды цудахарцев не были изучены, чем объясняется новизна нашего исследования.

1. Цудахарцы – субэтническая группа даргинцев, проживающая в Дагестане. В средневековое и новое время они входили в состав Цудахарского союза вольных обществ федерации Акуша-Дарго. После присоединения Дагестана к России в 1859 г. цудахарцы были включены в состав Даргинского округа Дагестанской области. С 1946 по 1956 г. цудахарцы находились в составе Цудахарского района Дагестанской АССР, а с 1956 г. по настоящее время – Левашинского и Акушинского районов Республики Дагестан. Примерно две трети цудахарцев проживают в сельской местности и одна треть – в городах Хасавюрт, Махачкала, Каспийск, Избербаш и др.

Изучение культуры и быта цудахарцев представляет научный интерес и в плане исследования бытовой культуры уникальной субэтнической группы даргинцев, с давних пор проживающих в этноконтактной зоне на границе расселения аварцев Гунибского и Гергебильского районов и лакцев Лакского района. Этнокультурные взаимовлияния привели к обогащению культур контактирующих этносов и отразились в многочисленных межнациональных браках (большей частью между цудахарцами и аварцами), распространении у даргинцев Цудахарии аварского хинкала, аварской антропонимии, исполнении на свадьбах аварских и лакских песен и музыки.

Ценность нашей работы состоит в анализе структуры и содержания современной цудахарской свадьбы, которая в результате влияния социокультурных процессов последних десятилетий подверглась определенной трансформации, сохранив традиционные элементы и приобретя новые обычаи. Она может полезна при написании диссертаций, обобщающих статей и монографий по современным обрядам жизненного цикла народов Дагестана, Северного Кавказа и России.

Как нам кажется, анализ подвергшейся трансформации современной цудахарской свадьбы представляет важный интерес для российской и зарубежной этнологии, а многие сохранившиеся в обрядах жизненного цикла цудахарцев традиционные элементы вселяют надежду на сохранение их этнической и культурной идентичности в эпоху глобализации.

Брак

Многие черты брачно-семейных отношений цудахарцев присущи большинству кавказских народов. Одной из их особенностей является то, что они до сих пор придерживаются строгой эндогамии. По мнению М.А. Агларова, закон, по которому браки заключались между юношами и девушками только одного и того же *тухум*а и села, сложился в Дагестане еще в Раннем Средневековье [9, с. 116–120]. Браки с другими субэтническими группами даргинцев (акушинцами, урахинцами, мекегинцами и др.) у цудахарцев немногочисленны. Что же касается интернациональных браков, то в основном они заключаются с соседними аварцами Гунибского и Гергебильского районов, с которыми у цудахарцев с давних пор сложились добрососедские и комплиментарные взаимоотношения. В советское время, когда в 40–60-е годы в Цудахарский район стали прибывать по распределению русские специалисты, цудахарцы стали заключать браки и с ними. Например, в селе Куппа женились на русских учительницах в этот период Рабаданов Гиммат и Низамутдинов Гаджи. Сейчас с русскими девушками заключаются браки только в том случае, если они принимают ислам.

Раньше прерогатива заключения брака принадлежала родителям юноши и девушки. При выдаче замуж девушек требовалось согласие на это ее отца или опекуна, или же сельского кадия [10, с. 32]. К желанию юноши и девушки сочетаться браком все же прислушивались, ибо брак не по любви считался недолговечным. Если девушка настаивала на своём нежелании выходить замуж за нелюбимого человека, то родители в шутку говорили ей: «В таком случае, пошлём тебя выбирать папаху на Цудахарский базар». Здесь папаха символически замещала человека. Возможно, что это шутливое предложение донесло до нас реликт древнего обычая, когда брачная инициатива исходила от девушки [11, с. 58–62].

В прошлом брачным возрастом для девушки считался 12–13 лет, а для юноши 15–16 лет [5, с. 121]. Сейчас девушек выдают замуж в возрасте 18–20 лет, а юноши женятся в 20–25 лет. Многоженство у даргинцев было довольно редким явлением. Больше одной жены имели лишь отдельные лица из состоятельных групп населения.

Как и повсеместно в Дагестане [12, с. 143–161], в прошлом у цудахарцев практиковалось люлечное обручение, сговор родителей малолетних детей. Имели место левират (брак с женой покойного брата) и сорорат (брак на сестре покойной жены). Практиковались браки, когда братья одной семьи женились на сестрах – из другой**.** Так, в сел. Арши три брата Хисбулаевых женились на трёх сёстрах. В сел. Куппа мать и дочь вышли замуж за отца и сына из сел. Санамахи.

Брак похищением у цудахарцев был скорее исключением, чем правилом, и регулировался адатом [13, с. 116–117]. В советское и постсоветское время случаи похищения невест у цудахарцев были единичны. Такие браки в народе не одобряются и осуждаются, так как они могут привести к конфликтной ситуации в том случае, если похищенная девушка не пожелает выйти замуж за похитителя или ее родственники выступят против такого брака.

Брак по шариату («*никягь*», «*магьар*») и развод (араб. «*талакъ*»; цудахар. — «*зу кайшвиз*») продолжают устойчиво сохраняться в наше время и дополняются гражданскими браком и разводом. Вообще же разводы у цудахарцев крайне редки. В случае развода жена возвращается к своим родителям. Дети обычно остаются с отцом. Разведенная забирает свое приданое и сделанные ей во время свадьбы подарки.

Как прежде, так и теперь, не разрешаются браки между молочными братьями и сестрами, родственниками по усыновлению, побратимству и другим видам искусственного родства.

Свадебная обрядность

Свадебный обряд подразумевает не одно обрядовое действие, а целый комплекс обычаев и обрядов, выполняемых семейно-родственными коллективами жениха и невесты при их вступлении в брак [14, с. 36]. Современная даргинская свадьба – это и семейное, и общественное мероприятие, богатое обрядами, символическими и ритуальными действиями, песнями и танцами. Она включает в себя как традиционные элементы, так и новые обычаи. В настоящее время у даргинцев и других народов Дагестана [4, с. 177] бытует свадьба трёх типов. Первый тип, которого до начала 2000-х гг. придерживалось большинство сельских даргинцев, является во многом традиционным с незначительными инновациями. Во втором типе свадьбы преобладают новые, современные элементы и частично соблюдаются традиционные обряды. Третий тип, получивший широкое распространение с 2000-х гг. и по настоящее время, бытует в форме свадебного *мавлид*а[2].

2. Универсальный *мавлид* – это мероприятие, проводимое мусульманами в честь рождения пророка Мухаммада. На *мавлид*е читают *аят*ы и *сур*ы Корана, стихотворные повествования о жизни Мухаммада, его пророческой миссии. В настоящее время *мавлид*ом также называют семейные праздники, сопровождающиеся чтением коранических текстов и приуроченные к значимым событиям семьи или общины – рождению ребенка, свадьбе, переселению в новый дом и др. *Мавлид* символизирует значимость события, его сакральное, ценностное значение в пространстве повседневной жизни семьи [15, с. 329; 16, с. 163].

Сватовство («Ссукне бархъни» – «Засылание сватов»). В свадебном цикле народов Дагестана отчетливо выделяются три основные части: сговор – фактическое заключение брака, религиозное оформление брака и свадьба – его бытовое оформление [17, с. 131]. В советское время сватами выступали близкие родственники, а в последние 30 лет ими обычно являются родители юноши. Придя в дом родителей девушки, сваты заявляют о цели своего визита. Родители девушки сразу положительного ответа не дают. Отвечают уклончиво («надо посоветоваться со старшими», «пока еще о замужестве дочери не думали», «рано ей еще замуж»). Через несколько дней сваты приходят повторно, а в ряде случаев – несколько раз, пока не добьются положительного ответа. Отрицательный ответ («Больше не приходите!») дается сразу. Девушка при сватовстве не присутствует.

При благоприятном исходе дела родители юноши вручают противоположной стороне первоначальный подарок (отрез материи, головной платок, золотой или серебряный браслет, дорогие часы, деньги), закрепляющий согласие родителей девушки. Интересно отметить, что в прошлом у цудахарцев в числе вручаемых подарков не должно было быть кольца, так имелась примета, что в противном случае свадьба может не состояться. Видимо, эта примета основана на вере в магическое связывание жениха в первую брачную ночь, а в более широком смысле – с табу на узлы и кольца [18, с. 271–276]. Сейчас кольцо с бриллиантом в числе других подарков вручается невесте во время сватовства.

С момента принятия подарка юноша и девушка официально считаются женихом и невестой («*гьалмагъе*» – «нареченные», «сговоренные»). Они избегают случайных встреч на улице, а если таковые вдруг происходят, не разговаривают друг с другом. Если невеста заговаривает с женихом на улице, то этот поступок расценивается как её нежелание выходить замуж за этого юношу (сс. Хаджалмахи, Ташкапур).

При сватовстве договариваются и о сроках свадьбы. Сваты, уходя из дома невесты, обязательно что-либо крадут (веник, ложку, посуду). Затем эту вещь дарят жениху со словами: «Вот, тебе невеста подарила».

«Кройка одежды» («Дарччи дирсни»). Незадолго до свадьбы родственницы жениха с отрезами материи, головными платками, комплектами одежды и украшениями идут в дом невесты. В прошлом (до начала 1990-х гг.) во время этой церемонии действительно кроили и шили одежду для невесты. Теперь надрезы на материи делают символически. Это своего рода демонстрация приданного невесты и подарков, сделанных ей родственниками обеих сторон. Это мероприятие в шутку называют «праздником женщин» («*хъхъунралла мехъ*»).

После демонстрации подарков (отрезы материи, платки, комплекты одежды), их складывают в одну кучу и по ней с пожеланием невесте иметь много детей перекатывают ребенка. Существует примета: если по этим вещам перекатать мальчика, то у невесты родится девочка, и наоборот. В последние 25 лет вместо вещей дарят их денежный эквивалент. Расходясь по домам участницы обряда желают всем присутствующим: «*Мухърая цаледиркаб*!» («Пусть будут наши встречи только на свадьбах!»).

После установления точной даты свадьбы начинают готовиться к ней – заготавливают дрова для свадебного костра и приготовления пищи, режут скот на мясо, пекут хлеб.

Свадебный костёр разжигали вечером. Именно вокруг него (слева направо) танцевали старинный ритуальный «Танец по кругу» («*Щирла делхъ*»). Костёр одновременно

освещал танцующих и зрителей в ночное время и грел их в холодную пору (поздней осенью и зимой).

Перед домом устанавливается шатер для свадебного торжества. На свадьбу приглашают родственников, соседей и кунаков из других селений и городов. С середины 1990-х гг. в сел. Куппа на свадьбу специально никого не приглашают – приходят все желающие. В сел. Цудахар, напротив, на свадьбу приходят только по приглашению. В последние 20 лет на свадьбу приглашают по пригласительным билетам и даже по телефону.

Гостей на свадьбе бывает от 300 до 700 человек. Мужчины и женщины, старшие и младшие возрастные группы сидят раздельно.

В связи с тем, что большинство современных свадеб проводятся в виде *мавлид*ов, отдельные светские свадьбы сейчас проводятся в залах торжеств районного центра сел. Леваши.

Религиозное оформление брака («Магьар гьабихъни»). Брак и свадьба считаются недействительными, если не был заключен «*магьар*». Проводят его обычно накануне свадьбы в четверг или пятницу в доме жениха или в мечети. Раньше молодые на этом обряде не присутствовали, а их замещали их представители – близкие родственники («*вакиль*» – «поверенный в делах») мужского пола (отец, дядя, брат) и свидетели с обеих сторон. В последние десятилетия молодые присутствуют при заключении «*магьара*».

После проведения обряда «*магьар*» молодые, называвшиеся от сговора до заключения брака «*гьалмагъе*», теперь называются «*цIикурте*» (от единственного числа «*цIикури*» – «жених», «невеста»). Начиная с советского времени, помимо религиозного обряда, в органах ЗАГС заключается и гражданский брак. Его заключают как до свадьбы, так во время свадебного торжества и (чаще всего) после него.

Свадьба («Мехъ»). До 1960-х гг. свадьбы играли после уборки урожая и завершения работ в поле и саду, то есть глубокой осенью, а то и зимой. Позднее свадьбы стали проводить летом (в основном в августе) в субботние и воскресные дни.

Распоряжается ходом свадьбы *тамада* («хан»), у которого имеются двое заместителей («*нукерте*»), глашатай («*чавуш*») и исполнители («*тIирхъхъачибе*» – «люди с палками»), которые обеспечивают порядок на свадьбе и в танцевальном кругу. Музыкантов обычно было двое – играющий на барабане («*тамрухъчи*») и на зурне («*зинрявчи*»). С середины 1960-х годов зурну постепенно стала вытеснять гармонь. Со второй половины 1980-х годов на свадьбу из городов республики стали приглашать эстрадные ансамбли, играющие на национальных и электромузыкальных инструментах. До начала 1990-х годов музыка на свадьбе в доме невесты практически не звучала. В последние десятилетия свадьба в доме невесты мало чем отличается от свадьбы в доме жениха. Касаясь репертуара свадебных песен, следует отметить, что исполняются эпические, героические и лирические народные песни на даргинском, аварском и русском языках.

Наряду с музыкой и песнями украшением цудахарской свадьбы были танцы. С давних пор своим мастерством славились танцоры из сел Цудахар и Куппа. В прошлом у цудахарцев существовал массовый свадебный танец «*хула гIяяр*» («большая охота») [19, с. 150], который в изучаемое нами время не сохранился. Сейчас на свадьбах танцуют старинный «Танец по кругу» («*Щирла делхъ*») и дагестанскую лезгинку. До недавнего времени юноши цудахарских сёл специально отправлялись потанцевать

(и подраться) на свадьбы в другие селения Цудахарии, где тамада обязательно объявлял танец для гостей.

Вплоть до 1985 г. на свадьбе присутствовали ряженые – «*къяпIу буцIе*» («замаскированные волки») (села Куппа, Иргали), «*къяпIу къяцне*» («замаскированные козлы») (села Цудахар, Арши, Мусульте, Карекадани) и «*мурглалла дарччи гьахурсне*» («переодетые в мужскую одежду женщины»). Первыми бывали только мужчины, одетые в вывернутые наизнанку старые рваные шубы. На голову они надевали конусовидные войлочные маски с прорезями для глаз и рта. К маске прикрепляли усы и нос. На ногах ряженые носили войлочные сапоги, носы которых были загнуты вверх. Ряженые веселили публику, пугали детей – обсыпали мукой и мазали их сажей. В руках у них были палки, которыми они били друг друга и зрителей. Женщинами-ряжеными обычно бывали сестры, золовки или тети жениха в возрасте от 25 до 40 лет. Они переодевались в мужскую одежду, приделывали усы и привешивали к поясу кинжал. Лица чернили сажей или же на них накладывали маски из теста. Своими действиями женщины-ряженые подражали мужчинам. Их шутки иногда бывали грубы, а действия непристойны. В данном случае мы имеем дело с реликтами оргиастических праздников [20, с. 37–41], где ряженые являлись жрецами культа плодородия [21, p. 111–116].

Вплоть до 1950-х гг. в состав свадебной пищи входили: *хинкал* с вареными мясом и горской колбасой; приготовленная на абрикосовом компоте каша из ячменного толокна «*ливлитIи*»; фасолевый суп с мясом. До 1940-х гг. употреблялись приготовленный из солода напиток «*мин*» и абрикосовый самогон «*курекkала гIяркьи*». В 1960-е гг. свадебный стол стал более разнообразным: появились заимствованные блюда – плов, *долма*, разнообразные супы, а из напитков – чай. Позднее, в 1970-е гг. появились лимонад и пиво. В последние 30 лет, с усилением позиций мусульманской религии, алкогольные напитки на свадьбах не употребляются. В последние 25 лет свадебный стол стал ещё более разнообразным и пополнился новыми блюдами – мясные и рыбные закуски, салаты, выпечка, экзотические фрукты.

Привоз невесты («цIикури кари»). В прошлом за невестой отправлялись в полночь, а сейчас – ближе к вечеру. Для этого отряжались поезжане («*цIикури чиз аргIяйте*» – «идущие за невестой») – молодежь во главе с мужчинами и женщинами. До недавнего времени за невестой отправлялись пешком. Таким же образом возвращались в дом жениха. В последние 25 лет представители жениха отправляются за невестой на престижных автомобилях.

В доме невесты устраивается девичник («*рурсси хIядурраркьни*» – «девушку собирают»). Подружки готовят ее в путь, помогают надеть свадебное платье, расчесать волосы.

До недавнего времени отец и братья невесты на время свадьбы удалялись из дома к соседям. На свадьбе они появлялись лишь на третий день, когда сторона жениха приглашала их в гости. Девичник и проводы невесты устраивали их близкие родственники. Сейчас они присутствуют на свадьбе.

Выводят невесту из дома ее подруги и передают стороне жениха. Когда невесту выводят из родительского дома, на ее голову бросают горсть муки с пожеланиями долгой совместной жизни в достатке («*баракат*»). Невесту в дом жениха ведут «сопровождающие невесту» («*цIикури чибле бакIайте*») – мужчина и две женщины. Они сопровождают невесту вплоть до ее ввода в комнату молодых в первую брачную ночь, после чего поспешно удаляются.

В пути к дому жениха следят за тем, чтобы невеста не обернулась назад. В противном случае, она будто бы «вернется домой», то есть разойдется. В прошлом впереди кортежа невесты несли зажженную лампу, которая должна была отпугнуть нечистую силу. Раньше невесту закутывали в толстый шерстяной платок. Лишь в 1985 г. на цудахарских свадьбах впервые появилась фата, которая сейчас является обязательным элементом свадебного костюма невесты на светской свадьбе. На свадебном *мавлид*е невеста соблюдает религиозный дресс-код.

Пешком, с песнями и танцами, процессия направляется к дому жениха. Во время шествия в дом жениха одна из женщин несет «сумку невесты» («*цIикурла тарбаг*»), в которой находятся пироги, сладости, орехи и абрикосовые косточки, которыми она одаривает встречных со словами: «Вот вам паи свадьбы». Получившие угощение желают молодым: «Да будет благодатным ваш брак!».

В пути на узком участке дороги поезжанам преграждают дорогу, требуя в качестве выкупа «паи свадьбы». Если дорогу преграждают взрослые, то им дают начиненный мясом и картошкой пирог («*чутту*»), а если молодежь – орехи, абрикосовые косточки и сладости.

С невестой отправляли и приданое. Оно в прошлом состояло из земельного участка, сада (у состоятельных), барана, сундука, ковров, посуды и постельных принадлежностей. Вместе с приданым несли и начиненный мясом, сушеной колбасой и творогом «пирог невесты» («*цIиккурла чутту*»). В последние 25 лет вместо пирога несут торт.

До 1950-х гг. в состав приданого обязательно входила шуба с длинными рукавами («*хIяка*»). Сейчас в приданое входит мебель, бытовая техника, кухонная утварь, постельные принадлежности и сундук с вещами. Считается престижным, если в состав приданого входит и старинный буфет.

В момент *ввода невесты в дом жениха («цIиккури хъули гьарицIахъни»)* ее обсыпают орехами, абрикосовыми косточками, конфетами, монетами, которые подбирают дети. Переступает порог невеста правой ногой. Мать жениха преподносит невесте ложку меда со словами: «Чтобы прожили сладкую, как этот мед, жизнь!», после чего ее вводят в парадную комнату и сажают в правом углу, где она сидит, накрывшись платком, в окружении подруг. Ближе к полуночи невесту вводят в комнату молодых, куда вскоре приходит жених. Для того, чтобы в первую брачную ночь молодым не мешали, двери в их комнату охраняют двое дружков жениха, называемые «*бурбуцайте*» («охраняющие дверь»). Сразу же после исполнения супружеских обязанностей молодые до утреннего *намаз*а должны были совершить омовение.

Рано утром невесте приносят новую одежду, а старую уносят. Она вручает «платок невинности» одной из женщин со стороны жениха. Невеста готовит «пельмени невесты», которыми угощает жениха, его дружков, «охраняющих дверь» и гостей свадьбы. Жених уходит в дом к другу. В первый день замужества невеста сидит в углу комнаты, закутавшись в платок, в окружении подруг. В дом приходят гости для того, чтобы поздравить с бракосочетанием молодых, их родителей и получить «паи свадьбы» («*мехъла бутIа*») – орехи и сладости.

«Вывод невесты к роднику» («ЦIикури шинне анрукни»). На третий день свадьбы нарядно одетая невеста в сопровождении родственниц и подруг отправляется к общественному роднику. До их прихода молодежь села захватывает родник («*гIиниц буциз*») и не подпускает никого к нему без выкупа. Невеста и сопровождающие ее девушки и женщины отдают «захватившим родник» пироги и сладости, после чего

получают разрешение наполнить кувшины водой. В тот момент, когда невеста наполняет свой кувшин, ее обсыпают конфетами, орехами, абрикосовыми косточками, которые подбирают дети. С этого момента она может приходить к роднику одна и отныне является полноправным членом семьи и сельского общества.

К сожалению, с начала 2000-х гг. этот обряд в большинстве цудахарских сёл больше не проводится.

«Приглашения на увеселение с одариванием» («Щиттир ваъбаркьни»). Замыкают послесвадебные обряды приглашения молодых в гости родственниками обеих сторон, друзьями и соседями, в ходе которых им дарят бытовую технику, домашнюю утварь и посуду.

Описанные нами брак и свадебные обряды цудахарцев встречаются и у других субэтнических групп даргинцев и народов Дагестана, например, у кайтагцев [22, с. 50–61], аварцев Андалала [23] и Гумбета [24, с. 70–81].

Заключение

Таким образом, анализ современных брака и свадебных обрядов цудахарцев позволяет прийти к выводу, что сохранены почти все главные этапы, персонажи, обряды и обычаи традиционной свадьбы. В современной свадебной обрядности цудахарцев встречаются отголоски традиционных религиозных верований и древних форм брака. В советское и постсоветское время в свадебной обрядности закрепился целый ряд инноваций, среди которых можно отметить одаривание стороны невесты деньгами вместо вещей и продуктов; появление фаты в костюме невесты; новых блюд и напитков; свадебного кортежа из престижных автомобилей и др.

В последние десятилетия наметилась тенденция к исчезновению некоторых персонажей (ряженые), ритуалов (вывод невестки к роднику), компонентов («круговой танец», хмельной напиток *мин*, музыкальные инструменты *зурна* и *барабан*) и появлению новых персонажей (нанимаемые за плату *тамада*, певцы, танцоры и музыканты), блюд (*долма*, плов, торт, салаты), обычаев (замена вещных подарков денежными, угощение друзей жениха *хинкал*ом после первой брачной ночи).

С начала 90-х гг. XX в. необходимость сокращения материальных расходов и усиление влияния религии привели к проведению свадебных *мавлид*ов, заменяющих традиционную свадебную обрядность на религиозную. Основная причина сохранения или исчезновения отдельных традиций, внедрения инноваций заключается в политических, социально-экономических и культурных изменениях в общественной жизни, которые прямо или косвенно воздействуют на свадебный ритуал.

В наше время, несмотря на нестабильную политическую ситуацию и экономические трудности, имеются реальные условия для возрождения некоторых самобытных элементов традиционной цудахарской свадьбы, что в условиях глобализации способствовало бы сохранению национальной культуры даргинцев и других дагестанцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сефербеков Р.И.* Семейно-бытовая обрядность народов Дагестана: историографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 360–375.

2. *Магомедов А.Дж.* Современная дагестанская свадьба как феномен культурной глобализации // Искусство и наука в современном мире. М.: Российская академия наук; Российская академия художеств, 2009. С. 305–317.

3. *Магомедов А.Дж.* Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // Исламоведение. 2012. № 3 (13). С. 60–72.

4. *Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М.* Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Отв. ред. Ю.М. Ботяков. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 176–199.

5. *Алиев А.* Брак и свадебные обряды даргинцев // Советская этнография. 1953. № 4. С. 120–124.

6. *Курбанов М.Ю.* Современные свадебные обряды даргинцев // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана: Сб. ст. / Отв. ред. *М.А. Агларов*, сост. *Б.М. Алимова*. Махачкала: Институт ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. С. 71–80.

7. *Омаров И.И., Сефербеков Р.И.* Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев селения Куппа Левашинского района Республики Дагестан. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999. 24 с.

8. Гаджалова *Ф.А.* Современная свадьба в пространстве горного села Кубачи (по полевым материалам 2017–2018 гг.): Ключевые обряды, локальные особенности // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 1. С. 167–195.

9. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 236 с.

10. *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1–38.

11. *Мусаева М.К.* Свободный брачный выбор в воспоминаниях дагестанок (XIX-нач. XX века) // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности: материалы XV Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 29 сентября – 2 октября 2022 г. Пенза, 2022. С. 58-62. – 426 с.

12. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.

13. Адаты даргинских обществ: Адаты Цудахарского общества // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1–128.

14. *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // Советская этнография. 1981. № 2. С. 36–50.

15. *Абдулаева М.Ш.* Свадебный мавлид // Лавровский сборник: материалы XXXVIII и XXXIX среднеазиатско-кавказских чтений 2014–2015 гг.: Этнология,

REFERENCES

1. Seferbekov RI. Family rituals of the peoples of Dagestan: a historiographical review. *Kavkaz*. 2022, 3: 360–375.

2. Magomedov AJ. Modern Dagestan wedding as a phenomenon of cultural globalization. *Art and science in the modern world*. Moscow: RAS; Russian Academy of Arts, 2009. pp. 305–317.

3. Magomedov AJ. Islamic innovations in the modern wedding of the peoples of the North Caucasus. Islamovedenie. 2012, 3(13): 60–72.

4. Alimova BM, Musaeva MK, Magomedkhanov MM. Modern Dagestan city wedding. Botyakov YuM. (ed.). *Caucasian city: the potential of ethnocultural ties in the urban environment*. St. Petersburg: MAE RAN, 2013. pp. 176–199.

5. Aliev A. Marriage and wedding ceremonies of the Dargins. *Soviet ethnography*. 1953, 4: 120–124.

6. Kurbanov MYu. Modern wedding ceremonies of the Dargins. In: M.A. Aglarov (ed.), B.M. Alimov (comp.). *Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan: col. art.* Makhachkala: IHLL, Dag. Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1988. pp. 71–80.

7. Omarov II, Seferbekov RI. *Marriage and wedding ceremonies of the Dargin-Tsudahars of the village of Kuppa, Levashinsky district of the Republic of Dagestan*. Makhachkala: Institute of HAE DSC RAS, 1999.

8. Gadzhalova FA. Modern wedding in the space of the mountain village of Kubachi (based on field materials 2017–2018): Key rituals, local features. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(1): 167–195.

9. Aglarov MA. *Rural community in Nagorny Dagestan in the 17th – early 19th centuries: a study of the relationship between forms of economy, social structures and ethnicity*. Moscow: Nauka, 1988.

10. Komarov AV. Adats and legal proceedings on them. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, 1868. Issue 1. pp. 1–38.

11. Musaeva MK. Free marriage choice in the memoirs of Dagestan women (XIX – early XX century). *Past, memory, narrative: gender dimension of everyday life: proceedings of the XV International Scientific Conference of the Russian Association of Researchers of Women's History and the Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maklay RAS, September 29 - October 2, 2022*. Penza, 2022. pp. 58–62.

12. Gadzhieva SSh. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries. Moscow: Nauka, 1985.

13. Adats of the Dargin societies: Adats of the Tsudakhar society. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis, 1873. Issue 7. pp. 1–128.

14. Lobacheva NP. Wedding ceremony as a historical and ethnographic source (on the example of Khorezm Uzbeks). *Soviet ethnography*. 1981, 2: 36–50.

15. Abdulaeva MSh. Wedding Mawlid. *Lavrovsky collection: proceedings of the XXXVIII and XXXIX Central Asian-Caucasian readings 2014–2015: Ethnology, history, archeology, cultural studies*. St. Petersburg: MAE RAN, 2015. P. 329.

история, археология, культурологи. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 329.

16. *Резван Е.А. Маулид* // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 163.

17. *Косвен М.О. Очерки* по *этнографии Кавказа* // Советская этнография. *1946. № 2. С.* 109–144.

18. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. *М.*: «Политиздат», 1980. 832 с.

19. *Пржецлавский* П.Г. *Дагестан, его нравы* и *обычаи* // *Вестник Европы*. 1867. № 3. С.141–192.

20. *Семенов Ю.И.* Пережитки первобытных форм отношения полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 32–48.

21. *Seferbekov R.* Sceptre of Masker (On Some Folk in Dagestan) // Iran and Caucasus. Leiden-Boston, 2009. Vol. 13. P. 111–116.

22. Булатов Б.Б., Гусенханов М.Р., Сефербеков Р.И. Современный брак и семейно-бытовые обряды даргинцев Кайтага: традиции и инновации // Вопросы истории. 2023. № 3 (2). С. 50–61.

23. *Алигаджиева З.А.* Современная свадебная обрядность аварцев (традиции и инновации). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 210 с.

24. *Сефербеков Р.И., Зульпукарова Э.М.-Г., Галбацев С.М.* Современный брак и семейно-бытовые обряды аварцев Гумбета: традиции и инновации // Вопросы истории. 2022. № 11 (1). С. 70–81.

16. Rezvan EA. Mawlid. In: Prozorov SM. (ed.). *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka, GRVL, 1991. P. 163.

17. Kosven MO. Essays on the ethnography of the Caucasus. *Soviet ethnography*. 1946, 2: 109–144.

18. Fraser JG. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Politizdat, 1980.

19. Przhetslavsky PG. Dagestan, its manners and customs. *Bulletin of Europe*. 1867, 3: 141–192.

20. Semenov YuI. Relicts of primitive forms of gender relations in the customs of Russian peasants in the 19th – early 20th centuries. *Ethnographic review*. 1996, 1: 32–48.

21. Seferbekov R. Sceptre of Masker (On Some Folk in Dagestan). *Iran and Caucasus*. Leiden-Boston, 2009, 13: 111–116.

22. Bulatov BB, Gusenkhanov MR, Seferbekov RI. Modern marriage and family rituals of the Dargins of Kaitag: traditions and innovations. *Voprosy Istorii*. 2023, 3(2): 50–61.

23. Aligadzhieva ZA. *Modern wedding rituals of the Avars (traditions and innovations)*. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2015.

24. Seferbekov RI, Zulpukarova EM-G, Galbatsev SM. Modern marriage and family rituals of Gumbet Avars: traditions and innovations. *Voprosy Istorii*. 2022, 11(1): 70–81.

Поступила в редакцию 01.03.2023 г.
Принята в печать 28.04.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 01.03.2023
Accepted 28.04.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192530-544

Исследовательская статья

Оганнисян Карен Оганесович
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения
karenhovhov@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СВЯТИЛИЩАХ ТУХ МАНУК ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

*Аннотация***.** Данная статья посвящена широко распространенным в Республике Армения (как и на территории исторической Армении) народным святилищам Тух Манук. Целью статьи является фактическое обоснование средневекового происхождения понятия «Тух Манук» и попытка идентификации образа Тух Манука. Рассмотрены только те святилища Тух Манук, которые упоминаются в источниках до второй половины XIX в., так как это имеет важное значение в свете многочисленных спекуляций на тему их дохристианского происхождения. Именно крайняя скудость данных древних источников дает пищу таким спекуляциям. Согласно нашим изысканиям, упоминания о Тух Мануке относятся к периоду не ранее конца XIV в. Это либо названия монастырей и церквей, либо личные имена. Исходя из этого, можно еще на пару столетий «удревнить» святилища Тух Манук, но никак не возвести к дохристианским временам. Все святилища Тух Манук, упомянутые в данной статье, так или иначе связаны со Святыми Знаками или Святыми Крестами, реликвиями, относящимися к Иисусу Христу. Таким образом можно сказать, что Тух Манук ранее был связан с народным культом Христа. Одна из легенд, записанная в XIX в., прямо указывает на Христа. Начиная с середины XIX в., упоминания об этих народных святилищах резко возрастают в числе, а также записываются многочисленные фольклорные материалы, что дает возможность уже более подробно изучать данные святилища. После 1828 г. святилища Тух Манук в большом количестве возникают в Восточной Армении из-за внутренней миграции и массовых насильственных переселений, когда население вместе с собой переносит и свои святыни. География распространения святилищ Тух Манук является важным дополнительным источником для понимания направлений внутренней миграции и насильственных переселений на территории исторической Армении.

Ключевые слова: Тух Манук; святилище; Христос; Святой Знак; Святой Крест

Для цитирования: Оганнисян К.О. Исторические свидетельства о святилищах Тух Манук до второй половины XIX века // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 530-544. doi.org/10.32653/CH192530-544

© Оганнисян К.О., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192530-544

Research paper

Karen H. Hovhannisyan
Cand. Sci. (History), Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of NAS, Yerevan, Armenia
karenhovhov@mail.ru

HISTORICAL EVIDENCE OF TUHK MANUK SANCTUARIES UNTIL THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract. The article is devoted to the folk sanctuaries Tukh Manuk widespread in the Republic of Armenia (as well as in the territory of historical Armenia). The article considers only those Tukh Manuk sanctuaries mentions of which are available in thet sources dating before the second half of the 19th century, for that is important taking note of numerous speculations on the pre-Christian origin of these sanctuaries. It is the extremely meager data of ancient historical information that makes such speculations possible. Our research on this topic indicates mentioning of Tukh Manuk not earlier than the end of the 14th century, either as names of convents and churches, or as personal names. Proceeding from this, it is possible to "ancientize" the Tukh Manuk sanctuaries for a couple of centuries, but there is no way to ascribe them to pre-Christian times. All Tukh Manuk shrines listed in this article are somehow connected with the Holy Signs or Holy Crosses, relics related to Jesus Christ. Thus, it can be said that Tukh Manuk was once associated with the popular cult of Christ. One of the folk legends recorded in the 19th c. points directly to Christ. Since the second part of the 19th c., references to these sanctuaries have increased dramatically and numerous folklore materials have also been recorded, which makes it possible to study these sanctuaries in more detail. After 1828, Tukh Manuk sanctuaries appeared in large numbers in Eastern Armenia due to internal migration and forced resettlement, when the people moved and took their sacral objects along with them. The distribution geography of the Tukh Manuk sanctuaries is an important additional source for understanding the directions of internal migration and forced resettlement in historical Armenia.

Keywords: Tukh Manuk; sanctuary; Christ; Holy Sign; Holy Cross

For citation: Hovhannisyan K.H. Historical evidence of Tuhk Manuk sanctuaries until the second half of the 19th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 530-544. doi.org/10.32653/CH192530-544

© K.H. Hovhannisyan, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Святилища Тух Манук[1] широко распространены на территории Республики Армении, за исключением Тавушского и Сюникского марзов. Эти святилища являются важными и многочисленными объектами народного христианства.

О святилищах Тух Манук нет сообщений в древних исторических произведениях и путевых заметках. Исходя из этого, соответственно, трудно говорить об этих святилищах в историческом разрезе. До второй половины XIX в. сведения о святилищах и мест паломничества Тух Манук крайне скудны, и может создаться впечатление, что до этого их не существовало. С другой стороны, это обстоятельство, обусловленное скудными историческими данными, дает пищу для разнообразных спекуляций, позволяя отнести культ Тух Манука к языческим, дохристианским временам.

Тем не менее, о святилищах Тух Манук сохранились некоторые сведения, которые и будут представлены ниже.

Святой Знак Тух Манук Чалета

Село Чалет (грузинское наименование от армянского «Чалут», совр. Джалут) и монастырь Св. Богоматери (Чалетаванк – монастырь Чалета) в провинции Капалак Кавказской Албании (Габала, совр. Огузский район в Республике Азербайджан), к юго-западу от г. Шамаха были очень известными местами паломничества среди последователей Армянской Церкви.

В армянских письменных источниках монастырь Чалета впервые упоминается в первой половине XV в. В колофоне одной из переписанных в монастыре евангелий указано, что оно было переписано в 1432 г. в монастыре Чалет гавара Капалак, под покровительством Св. Богоматери и святых дланей Св. Григория и Св. Афиногена [1, с. 425].

Согласно традиции, этот монастырь построил Св. Елисей [2, с. 378, 388; 3, с. 250; 4, с. 157]. Но по свидетельству эпиграфической надписи, храм был построен в 1411 г. католикосом Албании Карапетом [5, с. 469; 3, с. 249]. Со дня постройки около века Чалетский монастырь был престолом Албанского католикосата, а во дворе монастыря были похоронены три албанских католикоса – Карапет, Товма и Аракел [5, с. 441–442, 469–470; 3, с. 250; 6, с. 109][2].

Сведения о Чалетском Святом Знаке Тух Манук сохранились в колофонах некоторых рукописей, которые, вероятно, были написаны в монастыре Чалета [4, с. 159; 7, с.102][3]. То, что Тух Манук – Святой Знак Чалета – считалось очень могущественным,

1. T(h)ух Манук – в арм. языке «т(h)ух» в основном имеет два значения – «темный» в отношении предметов и явлений и «смуглый» в отношении людей. «Манук» имеет несколько значений – неженатый мужчина или воин любого возраста, молодой мужчина, подросток, ребенок и т.д. В данном случае «манук» близок слову «молодец», так что наиболее правильный перевод будет «смуглый отрок».
2. Г. Харатян [6, с. 109] допускает вероятность, что монастырь Чалета был антипрестолом по отношению к Гандзасарскому католикосату, а М. Балян [7, с. 252–259] считает это данностью. Г. Степанян же считает, что Чалетский монастырь был не антипрестолом, а сопрестолом Гандзасарскому монастырю [8, с. 155].
3. Рукописи из Института древних рукописей Матенадарана имени св. Месропа Маштоца: рук. 4422, с. 191б; 3592, с. 64; 2434, с. 95б-96а. А. Карапетян [4, с. 161], для обоснования древности поселения, приводит в довод святилище T(h)ух Манук, которое якобы и является в свою очередь доказательством древности Чалета. Но автор не приводит

как и вообще все Святые Знаки (реликвии), свидетельствует также данная формула-обращение:

Святому Знаку Гандзасара,

Тух Мануку Джалета [9, с. 102].

Как было замечено выше, монастырь Чалета назывался именем Св. Богородицы, а не Тух Манук. Однако, судя по списку Святых Знаков и рукописей, написанных в данном монастыре, монастырь был более известен как место, где находился Святой Знак Тух Манук.

В печатных источниках Тух Манук впервые упоминается в «Книге Пятницы» Якова Мегапарта (Грешного) (1512 г.). В одном из древнейших апотропеических свитков, входящих в эту книгу, Святой Знак Тух Манук Чалета значится в ряду других Святых Знаков [10].

В средневековой армянской традиции списки Святых Знаков были очень распространены. В этих списках, которые в большинстве своем повторяли друг друга, значились все те армянские монастыри, где хранились частицы Святого Древа. Святой Знак в основном относился к Кресту Животворящему, но не всегда.

Список Святых Знаков под заглавием «Пожелания к чудотворным Святым Знакам Исуса Христа Бога нашего», вошел в состав Маштоца (Требника) в XVII в. Здесь перечисляются все Святые Знаки, среди которых так же упомянут Джале Тух Манук [11, с. 111–112][4].

Примечательно, что в случае всех Святых Знаков (в обращении к ним) сначала дается святое место (например: Святой Знак Аргины или Кохба) или (в нескольких случаях) качество (напр., Чудодейственный или Небесный Святой Знак). И есть только два исключения, которые представлены парно – Джале Тух Манук[5] и Св. Копью Христа. Как известно, Копье не есть частичка Животворящего Креста, а пика того копья, которым римский легионер проткнул бок Христа. Вероятно, что Святой Знак Тух Манука также не являлся частичкой Животворящего Креста, а относился к Христу как-то иначе. Также неизвестно, откуда и с каких времен появилась эта реликвия.

Включение Святого Знака Джале (Чалет) Тух Манука в Маштоц (Требник) свидетельствует о том, что официальная церковь принимала святость Тух Манука. Но в дальнейшем, по неизвестным нам причинам, святыня почиталась вне официальной церкви, взамен она обрела широкое признание народа.

На карте, которую составил Еремия Челепи Кемюрчян в Константинополе в 1691 г., Чалетский монастырь упоминается как кафедральный, и, согласно сопутствующей надписи, его построил Св. Елисей. Тух Манук в карте не упоминается [12, p. 50, 53].

В 1661 г. вардапет (архимандрит)[6] Товма Ванандеци составил описание путешествия паломников по Восточной Армении в стихотворной форме. В этом произведении вардапет Товма представляет церкви, часовни и святые места, которые он посетил, и хранящиеся там реликвии. Рассказывая о церквях и часовнях Ахпатского монастыря,

ни одного факта о том, почему святилище T(h)ух Манук должно было быть известно с древнейших времен, на каком основании зиждется утверждение, что храм Св. Богородицы был построен на месте древнего святилища, а T(h)ух Манук не народное название? А если допустить, что святилище действительно очень древнее, с самого начала ли оно называлось T(h)ух Манук? И самое главное, T(h)ух Манук Чалета не было святилищем, а было Святым Знаком, т.е. христианской реликвией, которое хранилось в монастыре Св. Богородицы.

4. За подсказку источника признателен к.и.н. Айку Акопяну.

5. Безусловно, Джале то же самое, что Чалет.

6. В Древней и современной Армении образованный монах, обладающий правом проповедовать и наставлять паству. Вардапеты - наиболее образованная часть средневекового армянского духовенства.

он упоминает также Святой Знак Тух Манук, который имеет силу защищать от напастей [13, т. 8, с. 121–122; т. 9, с. 135–137].

Ахпатский монастырь географически находится сравнительно недалеко от Чалета (ныне – в марзе Лори в Армении) и в «Книге Пятницы» Св. Знак Ахпата в списке Святых Знаков упоминается наряду с Тух Мануком Чалета. В то же время, у вардапета Товмы оба Святых Знака находятся в одном месте – в монастыре Ахпат. По нашему мнению, вардапет Фома Ванандеци говорит о Святом Знаке Тух Манук Чалета, который в его время хранился в Ахпатском монастыре. Если наше предположение верно, то это также свидетельствует о том, что Святой Знак Тух Манук Чалета был переносной святыней, а не церковью или каким-либо строением.

Заметим, что наиболее близкое к Чалету святилище Тух Манук находится в селе Чочкан марза Лори, вблизи которого есть заброшенное село «Хараба Чала». Слова «Чалет» и «Чала» – однокоренные, недалеко от Чочкана в свое время существовало село Чала (Ачкадзор, Лкадзор). Согласно Е. Лалаяну, это село было основано на месте другого древнего села. Население этого села некогда мигрировало из села Чали, которое часто упоминается в «Главной книге» Санаинского монастыря [14, с. 366; 4, с. 156].

Когда гавар Капалак в XII–XIII вв. входит в границы Грузинского государства, а название Чалут меняется на грузинизированное название Чалет(и), здесь набирают силу позиции грузинского православия и довольно большое количество армян принимает халкедонитство [4, с. 160–161; 2, с. 379][7]. Это обстоятельство, возможно, объясняет, почему в XVII в. вардапет Товма Ванандеци местом хранения Святой Знака Тух Манук Чалета обозначает Ахпатский монастырь, а уже начиная с XIX в. Тух Манук Чалета вовсе не упоминается. Возможно, заброшенное село Хараба Чала, которое существовало тогда под названием Чала, основали жители села Чалет гавара Капалак, которые отказались принять халкедонитство и мигрировали на эту территорию. А свою самую важную священную реликвию – Святой Знак Тух Манук Чалета перенесли и отдали на хранение в Ахпатский монастырь, где он находился еще в 1661 г. – во время посещения монастыря вардапетом Товмой. После упоминания вардапета Товмы далее невозможно уследить местоположение данного Святого Знака. Не удалось также уточнить время возникновения святилища Тух Манук Чочкана[8].

Таким образом, в XIX в. Святой Знак Тух Манук Чалета уже не упоминается, по крайней мере ни С. Джалалянц [2, с. 376–379], ни М. Бархударянц [3, с. 247–252][9] его не упоминают. В конце XIX в. от былого величия монастыря Чалета мало что оставалось – доходы монастыря были отданы на подряд какому-то мирянину, пристройки монастыря частично были сожжены, частично разрушены, в заброшенном состоянии находилось одно двухэтажное здание, которое когда-то было училищем. Недалеко от старого храма был построен новый, но с тем же названием – монастырь Св. Богородицы[10].

7. Основываясь на грузинских источниках, борьбу халкедонитов и антихалкедонитов на территории Шеки и Габалы Г. Харатян [6, с. 106–107, 109] возводит к X в. Эта борьба принимает острые формы к XIII–XV вв.
8. Согласно местной легенде, T(h)ух Манук Чочкана является могилой ребенка, на котором выросло считающееся священным дерево каркас кавказский – Симонян Л., ПМ, Чочкан, 2014. Возможно, что возраст дерева может подсказать время основания святилища.
9. Макар протоархимандрит Бархударянц [3] описывает монастырь Св. Богородицы, но ничего не говорит о T(h)ух Мануке, только упоминает, что монастырь является паломным местом.
10. Монастырь Св. Богородицы Чалета// «Тараз», 1893, № 7, с. 94 (на арм.).

Сведения о святилищах Тух Манук в рукописях

Некоторые сведения о культе Тух Манука могут сообщить также колофоны рукописей, где часто вписываются имена писца, миниатюриста, заказчика, получателя и другие. Самое древнее упоминание личного имени Тухманук встречается в колофоне Евангелия, переписанного в Хизане: «Сын танутера (сельского старосты) Саака Тухманук заказал Евангелие в 1474 году»[11]. Исходя из этого, можно предположить, что ранее 1474 г. в Хизане уже существовало святилище Тух Манук, в честь которого и назвал сына староста Саак.

Но более древним может быть имя Тух Манук, упоминаемое в колофоне другого Евангелия. Рукопись находилась в церкви Св. Архангелов в селе Бинка провинции Акн (Турция), колофон которого опубликовал в свое время епископ Гарегин Срвандзтянц. Согласно колофону, Евангелие было переписано по приказу его святейшества Св. Иоанна Воротнеци в гаваре Екехяц, в ските Св. Григория Просветителя. Кроме колофона писца, в Евангелии есть и другой колофон, о купле. Согласно этому колофону, Евангелие купил дьякон Никол и в «вечных памятях» упоминается он, его родители, братья и сестры. Отсюда узнаем имя отца Никола – Тухманук [15, с. 325–326]. В колофоне дьякона Никола нет датировки, поэтому Г. Ачарян отмечает, что этот колофон был написан после 1373 г. – года переписывания Евангелия[12]. Нет сведений о том, как данное Евангелие попало в село Бинка, тогда как по нашим данным в провинции Акн не было святилищ Тух Манук, поэтому наиболее вероятно, что отец дьякона Никола жил в другом регионе, возможно, в Ване.

В колофоне рукописного сборника, начатого в ските Вандир и оконченного в монастыре Матневанк (1487–1501 гг.), писец и миниатюрист Карапет Беркреци в ряду своих родственников упоминает также своего сына Тухманука [16, с. 585]. Скит Вандир был наиболее известен под названием Св. Ахберик и находился в провинции Сасун, на восточной стороне горы Андок. Матневанк находился в Мушской области, недалеко от Сасуна. В селах и деревнях Муша, во всей провинции Тарон святилища Тух Манук были многочисленны, возможно, в честь какого-то из них Карапет и назвал своего сына. Тем не менее, в родной для Карапета провинции Беркри также было известное святилище Тух Манук с. Ахекац.

Сведения о других древних святилищах Тух Манук

До нас дошли очень скудные сведения о древних святилищах Тух Манук, иногда только в виде названий.

В окрестностях села Нвнди Норшина области Каджберуник находился Святой Знак Манук или скит Норшина [17, с. 135]. Этот монастырь был довольно известен как скрипторий, в котором, в частности, в 1390 г. было начато копирование Библии,

11. *Г. Ачарян*, Словарь армянских личных имен, т. 2, Ереван, 1944, с. 369 (на арм.). От имени T(h)ух Манук или T(h)ухманук произошли армянские фамилии Тухманукян, Тухманян, см: Т. Аветисян, Словарь армянских фамилий, Ереван, 2010, с. 140 (на арм.). Возможно, что фамилия известного композитора Давида Федоровича Тухманова также восходит к имени T(h)ух Манук, на что лично господин Тухманов ответил в личной переписке, что у него нет сведений об этом.
12. *Г. Ачарян*, указ., с. 369.

а в 1392 г. – Евангелия. Эти две рукописи закончил и иллюстрировал писец и миниатюрист Ованнес Хизанци, Евангелие – в 1394 г. [18, с. 226], а Библию в 1400 г. [18, с. 227; 19, с. 128]. Других сведений об этом святилище нам найти не удалось.

Сведение об одном древнейшем святилище Тух Манук (только название) сообщает Еремия Челеби Кемюрчян на упоминавшейся выше карте 1691 г. Паломное место Тух Манук Арекац [12, с. 97]. Согласно этой карте, оно находилось в районе города Беркри. По всей вероятности, оно должно было находиться на территории города-крепости Амюк (покинутой уже в 1914 г.), построенное на недоступной скале близ с. Хжиж или Хжишк гавара Тимар. Здесь сохранились руины монастырей Св. Богородицы Арекана и Св. Всеспасителя и несколько паломных мест, среди которых так же Тух Манук Арекана [17, с. 124].

В районе Тигранакерта (Диарбекир) была широко известна церковь Тух Манук Садугеха. Село Садугех по имени этого святилища также называлось Святой Крест Тух Манук [20, с. 211; 21, с. 445]. Согласно патеру Амазаспу Воскяну, паломничество к этому святилищу было приурочено к празднику Воздвижения Креста [22, с. 199]. Для паломников были сооружены специальные комнаты, где располагались желающие переночевать. Главной святыней церкви св. Крест Тух Манук Садугеха был Святой Хачкар (камень-крест), который воздвиг, согласно традиции, апостол Фаддей, по поручению Тух Манука.

Приведем легенду с некоторыми сокращениями:

«Апостол Фаддей, отчаявшись в упрямстве камнепоклонников села, однажды сел под селом, над родником в одиночестве и там оставался в тоске и раздумьях. Через несколько часов, вдруг придя в себя от звука, перед собой узрел Тух Манука, стоящего на каменной плите. «Фаддей, – сказал он, – не отчаивайся, знаю, что тебя гложет! Народ не отходит от камнепоклонства, значит, дай им этот хачкар (камень-крест), хоть пусть это будут чтить!» Апостол не успел и рта раскрыть, а Тух Манук тотчас исчез, а Св. Фаддей, приблизившись к месту, где тот стоял, нашел на крупной каменной плите, ставшей постаментом, отпечаток красивого креста. Апостол, внемля поручению, отнес хачкар в село и после его проповеди возымели действо. С тех пор родник стал называтся Хачахприк (Крест-родничок), который является еще одним знаком всеисцеляющей церкви св. Крест Тух Манук…»[13].

При церкви находился родник Хачахприк, вода которого считалась целебной. Ее пили и в ней купались все паломники, а к находящемуся рядом кусту больные привязывали ленты, отпоротые от своей одежды.

Ваан вардапет Тер-Минасян зафиксировал песню в честь Креста-родничка (дается в дословном переводе):

Хачахприк, Хачахприк,
Как вкусна твоя холодная вода!
Справа ручейки крест на крест[14],
И слева тоже текут.

13. Садугех и его Крест-Родничек// «Аревелк», 1901, с. 1.
14. В оригинале здесь использовано непереводимое слово, которое означает «ручейки, которые текут слева и справа, составляя подобия крестов, и соединяются к бассейну Хачахприка или Лусахприка (Свет-родничка)». Оба названия святого родника – «Крест» (*хачахбюр*) и «Свет» (*лусахбюр*) часто встречаются в народном христианстве Армении.

Крест родничок течет капля за каплей,
Купающийся там станет как железо.

Паломники, паломники,
Идите, посетите святые хачкары:
Крест Тух Манук здесь стоял,
Под святым деревом свет снизошел.

Святой Тух Манук благословил крест,
Воду Хачахприка и камни,
Свет снизошел в родник,
Арку связал над головой.

Умру ради тебя, Крест Тух Манук,
Буду жертвой перед дверью твоей.

Бог Исус, сжалься,
Исцели мои боли:
Святой Фаддей, ты основу возвел,
Церковь Тух Манук ты воздвиг [23, с. 160–161].

В 1784 г. перед дверью церкви Св. Киракоса в Тигранакерте (Диарбекир) был замучен молодой человек по имени Тухман, который отказался стать вероотступником. Ему посвящено агиографическое произведение в прозе, которое под названием «Тухман Манук из Тигранакерта» издали Г. Ачарян и А. Манандян [24, с. 605–606]. Весьма вероятно, что Тухман был так назван в честь известного святилища Святого Креста Тух Манук Садугеха, находящегося в районе Тигранакерта. Магакия архиепископ Орманян также считает, что свое имя мученик получил в честь часто встречающихся церквей Тух Манук. Орманян сомневается, что его звали Манук, а считает, что он по возрасту был мануком (т.е. отроком, молодым), т.е. Тухман Манук надо понимать не как личное имя, а как Тухман манук – молодой человек по имени Тухман [25, с. 247].

Святилище Тух Манук Болораберда в марзе Вайоц дзор с самого начала было церковью, о чем свидетельствует эпиграфическая надпись, которая находилась на красном камне на правом алтарном столбе: «По велению Исуса Христа мы, община Цукрика, построили эту церковь в память о наших душах». Когда Каджберуни (Габриель Тер-Степанян) посещал село Болораберд, его населяли турки, а церковь Тух Манук не имела крыши. Каджберуни отмечает, что село до 1654 г. и позднее называлось Цукрик, и это название было известно и в его времена. Судя по надписи на хачкаре, находящемся на двери северной арки, от которой оставалась лишь дата – 1654 г. и по дате, находящейся на западном столбе южной двери – 1734 г., церковь Тух Манук вероятно была построена в середине XVII – начале XVIII вв. [26, с. 364][15]. Это самое древнее свидетельство того, что в селе Цукрик марза Вайоц дзор в XVII–XVIII вв.

15. Эпиграфические надписи из этой церкви также изданы в сводах эпиграфических надписей, см. [27, с. 27]. Сейчас от церкви остались лишь четыре стены, а село заброшено. В селе в летний период живут только пастухи. Они не знают название церкви, т.е. еще со времен Каджберуни данное святилище было забыто. Эпиграфическую надпись, которую приводит Каджберуни, а за ним и С. Бархударян, нам найти не удалось – ПМА, Болораберд, 2015.

святилище Тух Манук было изначально построено как церковь, т.е. церковь была освещена этим именем, а не народ называл церковь Тух Мануком.

Одним из древних святилищ Тух Манук в Восточной Армении – часовню Тух Манук села Мастара, упоминает епископ Ованнес Шаххатунянц (1842 г.). В его времена церковь Тух Манук с. Мастара, которая находилась в паре сотен метров южнее знаменитого храма Св. Карапета одноименного села, был разрушенной маленькой часовней [5, с. 237][16]. На самом деле это раннехристианская маленькая церковь.

Самым древним святилищем Тух Манук на территории города Еревана, скорей всего, является Тух Манук Норагавита. Согласно М. Тахиадяну (первая половина XIX в.), на расстоянии одной мили от Ереванской крепости находилось село Норашен, от которого еще на одну милю южнее было село Норагавит, которое делилось на четыре околотка, один из которых назывался околоток Тух Манука [29, с. 146–147][17].

Выводы

Таким образом, если в случае упоминавшихся святилищ Тух Манук можно составить некоторое представление об их культе, то о личных именах трудно сказать достоверно, в честь каких региональных святилищ Тух Манук люди были наречены. Но использование названия святилища как личное имя уже говорит о широкой распространенности культа. По всей вероятности, эти святилища даровали детей, которых и назвали в честь святилища.

Кроме того, средневековые, в частности позднесредневековые (раннее Новое время), святилища Тух Манук были связаны со Святыми Знаками и Святыми Крестами – Чалетский, Норшинский, Садугехский. Данное обстоятельство возможно отражает мнение, что святилища Тух Манук произошли от культа Христа. В приведенной легенде о Святом Кресте Тух Манук Садугеха с апостолом Фаддеем разговаривал и оставил хачкар именно Христос под именем Тух Манук.

Пока самым древним святилищем Тух Манук можно считать скит Святой Крест Манук Нвнди Норшина гавара Каджберуник, которое упоминается в 1390 г. К древнейшим относятся также святилище Тух Манук в окрестностях Хизана, монастырь Св. Богородицы Чалета (XV в.), Тух Манук в районе Беркри (Тух Манук Арехац, упоминается в 1691 г.), Тух Манук Цукрика (Болораберд) (XVII в.), церковь Крест Тух Манук Садугеха (упоминается с конца XVIII в.), святилища Тух Манук села Мастара и Норагавита.

Начиная со второй половины XIX в., количество упоминаний о святилищах Тух Манук несоизмеримо увеличивается и в основном связывается с территорией исторической Западной Армении – Ван, Тарон, Багреванд, Карин и другие. После 1828 г. святилища Тух Манук, по причине миграций, упоминаются также в Восточной (Российской) Армении в Гегаркунике, Котайке, Шираке, Арагацотне.

Многочисленность и географический охват распространения святилищ Тух Манук со второй половины XIX в., вероятно, обусловлены тем обстоятельством, что до этого

16. Эта часовня и ныне называется Тух Манук и известно как место паломничества в с. Мастара. Часовня датируется XVII–XVIII веками, согласно памятной надписи, была отремонтирована в 1901 году - ПМА, Мастара, 2016. Основываясь на стелах, находящихся в алтарной части, друг против друга и имеющих капители, похожие на капители стелы в Ошакане, Е. Асатрян считает, что данная часовня должна была быть построена в IV-VII веках [28, с. 61].
17. Это святилище существует и поныне.

летописцы и путешественники упоминали в основном церкви и монастыри, а не народные святилища. Только начиная с епископа Гарегина Срвандзтянца, когда, можно сказать, появляется армянская этнография как наука, он и его последователи уже описывают народные святилища и места паломничества, и получается совсем другая картина – «появляются» многочисленные святилища, неизвестные до тех пор. Среди этих многочисленных святилищ также известны около 300 святилищ Тух Манук, из которых около 100 – в Западной Армении.

География распространения святилищ Тух Манук также является важным источником для понимания направлений внутренней миграции и насильственных переселений исторической Армении, что может дать ответы на некоторые важные вопросы армянской истории.

Рис. 1. Церковь Тух Манук села Лусагюх, день паломничества

Fig. 1. Tukh Manuk Church of Lusagyugh, pilgrimage day

Рис. 2. Святилище Тух Манук села Вохчаберд

Fig. 2. Tukh Manuk Sanctuary of Vokhchaberd

Рис. 3. Святилище Тух Манук села Парпи

Fig. 3. Tukh Manuk Sanctuary of Parpi

Рис. 4. Скала-святилище Тух Манук села Капутан

Fig. 4. Rock-sanctuary Tukh Manuk of Kaputan

Рис. 5. Верхняя часть скалы-святилища Тух Манук села Капутан (вероятно менгир)

Fig. 5. The upper part of the Rock-sanctuary Tukh Manuk of Kaputan (probably a menhir)

Рис. 6. Святилище Тух Манук села Джрвеж (часть внутреннего вида, в углу, вероятно, раннесредневековая или античная стела)

Fig. 6. Tukh Manuk Sanctuary of Jrvezh (part of the interior view, in the corner, probably an early medieval or antique stele)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ԺԵդարիհայերենձեռագրերիհիշատակարաններ, կազմեց Խաչիկյան Լ., մասն Ա, Երևան, 1955, 818 էջ:

2. Սարգիս արք. Ջալալեանց, Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան, մասն Բ., Տփղիս, տպ. Ներսիսյան դպրոցի, 1858, 517 էջ:

3. Մակար ծ. վարդ. Բարխուտարեանց, Աղուանից երկիրը եւ դրացիք, Թիֆլիս, տպ. Մ. Շարաձե, 1883, 350 էջ:

4. Կարապետյան Հ., «Ճաղագ», «Ճալա» բառերը և նրանց տեղանվանական գործածությունը // «Պատմաբանասիրական հանդես» – 1982. – № 2 – էջ 153-161:

5. Յովհաննէս եպս. Շահխաթունեանց, Ստորագրութիւն կաթողիկէ Էջմիածնի եւ հինգ գաւառացն Արարատայ, Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածին, 2014, 560 էջ:

6. Խառատյան Հ., Քրիստոնեությունը Բուն Աղուանքի տարածքում զարգացած միջնադարում // Հայաստանը և Քրիստոնյա Կովկասը / խմբ. Ա. Հակոբյան, Ա. Բոզոյան, Ռ. Սաֆրաստյան, – Երևան, «Գիտություն», 2015. – էջ 106-119:

7. Балаян М., Антипрестольный Албанский католикосат в Ч'алет'е (XV в.) // Albania Caucasica / ред. А. Аликберов, М. Гаджиев. – I – М: ИВ РАН, 2015. – с. 252-259.

8. Ստեփանյան Գ., Ճալեթի վանքը պատմության քառուղիներում // Բանբեր Մատենադարանի. – Երևան, 2021. – հատ. 32. – էջ 92-144:

9. Մնացականյան Ա., «Թուխ Մանուկ» հուշարձանների մասին // Թուխ Մանուկ, Նստաշրջանի նյութեր / խմբ. Ս. Հարությունյան. – Երևան, «Գիտություն», 2001. – էջ 91-109:

10. Ուրբաթագիրք և Տաղարան, նմանահանութիւն հայերէն առաջին տպագիր գրքերի (1512 - 1513), Վենետիկ, Ս. Ղազար – Մատենադարան, Երևան, 1975:

11. Մայր Ցուցակ Ձեռագրաց Սրբոց Յակոբեանց / կազմ. Նորայր արքեպս. Պողարեան, – Երուսաղէմ, 1977. – h. 8. – 380 էջ:

12. Uluhogian G., Un'antica mappa dell' Armenia: Monasteri e santuari dal I al XVII secolo. – Ravenna: Longo editore, 2000. – 200 p.

13. Թովմայի վարդ. Վանանդեցւոյ 'ի խնդրոյ Սահակայ եւ Ասլանի Բան չափեալ 'ի սրբազան տէղիս Աշխարհին Հայոց // Ճռաքաղ կրօնական, բանասիրական եւ ազգային գիտելեաց, – Մոսկուա, Լազարեան ճեմարան, 1860 – հատ Բ. – № 8. – էջ 121-122; № 9 – էջ 135-137:

14. Լալայեան Ե., Բորչալուի գավառ // Ազգագրական հանդէս. – Թիֆլիս, 1901. – գ. VII-VIII, – էջ 331-367:

15. Գարեգին եպս. Սրուանձտեանց. Թորոս Աղբար, մասն Բ. – Կ. Պոլիս, տպ. Գ. Պաղտատլեանի, 1885. – 488 էջ:

16. Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մաշտոցի անվան Մատենադարանի, կազմեցին՝ Օ. Եգանեան, Վ. Դեւրիկեան – Երևան, «Նաիրի», 2009. – հատ. Ե., – 1474 էջ:

17. Բաղալյան Գ., Արևմտյան Հայաստանի պատմա-ժողովրդագրական նկարագիրը Մեծ Եղեռնի նախօրեին // «Վէմ» համահայկական հանդես – 2015. – մաս 1, № 2. – էջ 112-143:

REFERENCES

1. Khachikyan L compiler. *Colophons of Armenian Manuscripts of 15th c. [ZHE dari hayeren dzeragreri hishatakaranner]*, vol. 1, Yerevan: Academy of Since of Armenian SSR Publ., 1955: 818 (In Arm).

2. Sargis Arch bishop Jalaleanc. *Journey to Great Armenia. [Chanaparordutyun I Metchn Hayastan].* Tiflis: Nersisyan school Publ., 1858: 517 (In Arm).

3. Makar protoarchimandrit Barkhudaryanc. *Country Aluanq and its neighbors. [Aghuanic yerkiry ev draciq].* Tiflis: M. Sharadze Publ., 1883: 350 (In Arm).

4. Karapetyan H. "Chaghag", "Chala" words and their toponymic usage. *Historical-Philological journal.* 1982; (2):153-161 (In Arm).

5. Joannes bishop Shahkhatunyanc. *Detailed description of the Cathedral of Ejmiatzin and five gavars of Ararat. [Storagrutyun katoghike Ejmiatzni ev hing gavaracn Araratay].* Holy Chair of St. Ejmiatzin Publ., 2014: 560 (In Arm).

6. Kharatyan H. Christianity in Proper Aluanq in developed Middle Age. Hakobyan A, Bozoyan A, Safrastyan R, editors. Armenia and Christian Caucasus. *Republican Conference devoted to the 1700-th Anniversary of adoption of Christianity in Caucasian Albania and Georgia; 2015 dec 15-16; Yerevan.* Yerevan: "Gitutyun" Press, 2015: 106-119 (In Arm).

7. Balyan M. The Anti-throne Albanian Cathilicosate in Ch'alet' (15th c.) [Antipresol'niy Albanskiy katolikosat v Ch'alete (15th c.)]. In: Alikberov A, Gajiev M, editors. *Albania Caucasica*, I, Moscow, IO RAS Press, 2015: 252-259 (In Russ).

8. Stepanyan G. Monastery of Chalet at the crossroad of history. *Bulletin of Matenadaran.* 2021; Vol. 32; 92-144 (In Arm).

9. Mnacakanyan A. About "Tukh Manuk" monuments ["Tukh Manuk" hushardzanneri masin]. In: S. Harutyunyan editor. *Tukh Manuk. Materials of Session*, Yerevan, "Gitutyun" Press, 2001: 91-109 (In Arm).

10. *The Book of Friday and Songwriter. [Urbat'agirk' ev Tagharan]. Facsimiles of the first Armenian printed books (1512 - 1513).* Venice: St. Lazarus-Yerevan: Matenadaran, 1975 (In Arm).

11. *Norayr protoarchimandrit Pogharean compiler. General Catalogue of St. James Manuscripts. [Mayr Cucak Dzeragrac Srboc Jakobeanc].* Jerusalem: St. James Publ, 1977: Vol 8: 380 (In Arm).

12. Uluhogian G., *Un'antica mappa dell' Armenia: Monasteri e santuari dal I al XVII secolo*, Ravenna: Longo editore, 2000: 200.

13. Thomas archimandrite Vanandeci. At the request of Sahak and Aslan, poems about the holy places of the Armenian Lend. *Anthology of religious, philological and national knowledge*, Moscow: Lazarevskaya Seminary Press. 1860: 2(8):121-122, (9):135-137 (In Arm).

14. Lalayan E. The gavar of Borchalu. *Ethnological Journal.* [Azgagrakan handes]. 1901: 331-367 (In Arm).

15. Garegin bishop Srvandzteanc. *Toros Aghbar.* Constantinople: G. Paghtatlean Publ., 1885: part 2:488 (In Arm).

16. Eganean O, Devrikean V compiler. *General Catalogue of Armenian Manuscripts of the Mashtots Matenadaran [Mayr Cucak Hayeren Dzeragrac Mashtoci anvan*

18. Ավետիսյան Ա., Մանրանկարիչ Հովհաննես Խիզանցին // Բանբեր Մատենադարանի. – Երևան, 2012 – հատ. 19. – էջ 221-245:

19. Тер-Мовсесянъ М., Исторія перевода Библіи на армянскій языкъ. – С.-Петербургъ: ”Пушкинская Скоропечатня“. – 1902. – 330 с.

20. Ինճիճեան Ղ., Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի՝ Ասիոյ, Եւրոպիոյ, Ափրիկոյ եւ Ամրիկոյ. Մասն առաջին. Ասիա. – Վենետիկ, Ս. Ղազար. – 1806. – 424+38 էջ:

21. Սրվանձտյանց Գ., Թորոս աղբար // Երկեր, հ. 2. – Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ. – 1982. – 464 էջ:

22. Հայր Համազասպ Ոսկեան, Սեբաստիայի, Խարբերդի, Տիարպէքիրի եւ Տրապիզոնի նահանգներու վանքերը. – Վիեննա, Մխիթարեան տպ. – 1962. – 282 էջ:

23. Վահան վարդապետ Տէր-Մինասեան, Անգիր դպրութիւն և հին սովորոյթներ. – Կ. Պոլիս, Վ. Մինասեան տպ. – 1904. – 176 էջ:

24. Մանանդեան Յ., Աճառեան Հ., Հայոց նոր վկաները (1155-1843). – Վաղարշապատ, Ս. Էջմիածին. – 1903. – 800 էջ:

25. Մաղաքիա արքեպս. Օրմանեան, Ազգապատում, հ. 3. – Պէյրութ, տպ. Սեւան. – 1961. – 953 էջ:

26. Քաջբերունի, Ճանապարհորդական նկատողություններ. – Երևան, «Մուղնի». – 2003. – 544 էջ:

27. Դիվան հայ վիմագրության, պ. 3., Վայոց ձոր / կազմ. Բարխուդարյան Ս. – Երևան, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ. – 1967. – 427 էջ:

28. Ասատրյան Ե., Թալինի շրջանի հուշարձանները. – Երևան, «Հուշարձան». – 2004. – 84 էջ:

29. Մեսրոպ սարկավագ Թաղիադեան, Ճանապարհորդութիւն Մեսրովբայ Դ. Թաղիդեանց Վ. Ա. սարկաւագի սրբոյ Էջմիածնի ի Հայս, հատ. Ա. – Կալկաթա, Արարատեան ընկերութեան տպ. – 1847. – 382 էջ.

Matenadarani]. Yerevan: «Nairi» Press., 2009: Vol 5: 1474 (In Arm).

17. Badalyan G, The Historical-demographic image of Western Armenia on the eve of the Armenian Genocide. *Vem Pan-Armenian Journal*. 2015; (2) part 1: 112-143 (In Arm).

18. Avetisyan A, The Joannes Khizanci miniaturist. *Bulletin of Matenadaran*. 2012; Vol. 19; 221-245 (In Arm).

19. Ter-Movsisyan M, T*he history of the translation of the Bible into Armenian. [Istoriya perevoda Biblii na armyanskiy yazik]*. Sankt-Peterburg: “Pushkinskaya Skoropechatnya” Press., 1902: 330 (In Russ).

20. Inchichean Ł, *Geography of the four parts of the world - Asia, Europe, Africa and America, part 1: Asia [Ashkharhagrutyun choric masanc ashjharhi` Asioy, Evropioy, Aprikoy ev Amrikoy, mas 1, Asia]*. Venice: St. Lazarus Publ., 1806: 424-38 (In Arm).

21. Srvandztyanc G, Toros Aghbar. Works: Vol. 2. Yerevan: ASSR AS Press., 1982: 464 (In Arm).

22. Pater Hamazasp Voskean. *The Monasteries of Sebastia, Kharberd, Tiarpekir and Trapizon [Sebastiayi, Kharberdi, Tiarpekiri ev Trapizoni nahangneru vanqery]*. Vienna: Mkhitaryan Publ., 1962: 282 (In Arm).

23. Vahan archimandrite Ter-Minasean. *Unwritten teaching and ancient customs [Angir dprutyun ev hin sovoruytner]*. Constantinople: V. Minasean Publ., 1904: 176 (In Arm).

24. Manandean J, Acharean H, *New Armenian martyrs (1155-1843) [Hayoc nor vkanery (1155-1843)]*. Vagharshapat: Holy Ejmiadzin Publ., 1903: 800 (In Arm).

25. Maghakia archbishop Ormanean. *History of the nation [Azgapatum]*, Vol. 3. Beirut: Sevan Publ., 1961: 953 (In Arm).

26. Kajberuni. *Travel notes [Chanaparhordakan nkatoghutyunner]*. Yerevan: Mughni Press., 2003: 544 (In Arm).

27. Barkhudaryan S compiler. *Collection of Armenian inscriptions, Vayoc dzor [Divan hay vimagrutyan, Vayoc dzor]*. Vol. 3. Yerevan: ASSR AS Press., 1967: 427 (In Arm).

28. Asatryan E, *Monuments of the Talin region [Talini shrjani hushardzannery]*. Yerevan: Hushardzan Press., 2004: 84 (In Arm).

29. Mesrop deacon Taghiadean, Deacon St. *Ejmiadzin Mesrop D. Taghiadean’s V. A. Journey to Armenia [Chanaparhordutyun Mesrovbay D. Taghiadeanc V. A. sarkavagi srboy Ejmiadzni I Hays]*. Vol. 1. Kolkata: Ararat company Press., 1847: 382 (In Arm).

Поступила в редакцию 29.03.2023 г.
Принята в печать 19.04.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 29.03.2023
Accepted 19.04.2023
Published 15.06.2023

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192545-562

Научный отчет

Агаларзаде Анар Мирсамид оглы,
к.и.н., ведущий научный сотрудник, доцент
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
anararxeoloq@mail.ru

Насирова Лала Шахбал кызы,
научный сотрудник,
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
all.ulviyya@mail.ru

Гусейнова Матанат Магомед кызы,
научный сотрудник,
Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
metanet_huseyn@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПОСЕЛЕНИИ ХУДУТЕПЕ В МУГАНСКОЙ СТЕПИ В 2021 г.: КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена результатам разведочных археологических работ, проведенных на многослойном поселении Худутепе, расположенном в Муганской степи на юго-востоке Азербайджанской Республики. Поселение было выявлено в 1990-х гг. археологом Ф. Махмудовым и предварительно датировано им эпохой халколита. Но археологические раскопки здесь не проводились. Во время многолетних продолжительных хозяйственных работ на этой территории памятник подвергался разрушению. Обнаруженные в результате этих разрушений немалочисленные археологические находки (керамика, предметы вооружения, украшения, нумизматический материал и др.) местное население передало в региональный историко-краеведческий музей. В результате проведенных работ было установлено, что южную и юго-западную части холма занимает поселение, а на северной и северо-восточной частях расположен некрополь раннего железного века. В 2021 г. экспедицией Института археологии, этнографии и антропологии НАНА на поселении Худутепе были проведены археологические раскопки, как некрополя, так и самого поселения. При исследовании некрополя изучено три грунтовых погребения. Полученные в ходе раскопок материалы поселения Худутепе свидетельствуют о его многослойном характере и интенсивности заселения данного поселения в разные исторические периоды. Разведочными раскопками на этом поселении выявлены культурные слои позднего халколита, раннего бронзового века, позднего бронзового века – раннего железа века и средневекового периода. Благоприятные природные и климатические условия способствовали развитию здесь в указанные исторические периоды комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, формированию местной культуры древнего населения Муганской степи.

Ключевые слова: Муганская степь; поселение Худутепе; халколит; ранний бронзовый век; ранний железный век

Для цитирования: Агаларзаде А.М., Насирова Л.Ш., Гусейнова М.М. Археологические работы на многослойном поселении Худутепе в Муганской степи в 2021 г.: краткое сообщение // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 545-562. doi.org/10.32653/CH192545-562

© Агаларзаде А.М., Насирова Л.Ш., Гусейнова М.М., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

EXPEDITIONS

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192545-562

Scientific report

Anar M. Agalarzade,
PhD (History), Leading Researcher, Assistant Prof.
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
anararxeoloq@mail.ru

Lala Sh. Nasirova,
Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
all.ulviyya@mail.ru

Matanat M. Guseynova
Researcher
Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
metanet_huseyn@mail.ru

ARCHEOLOGICAL INVESTIGATION AT THE KHUDUTEPE MULTILAYERED SETTLEMENT OF THE MUGAN STEPPE IN 2021: BRIEF REPORT

Abstract. The article discusses the results of archaeological exploration carried out at the multilayered settlement of Khudutepe, located in the Mugan steppe in the southeast of the Republic of Azerbaijan. The site was discovered in the 1990s by an archaeologist F. Makhmudov and preliminary dated to the Chalcolithic era. However, archaeological excavations have not been carried out here. Due to long-term economic activity on this territory, the site was gradually destroyed. Numerous archaeological finds discovered as a result of these destructions (pottery, weapons, jewelry, numismatic material, etc.) were handed over by the local population to the regional museum of local history. As a result of the work carried out, a settlement was found in the southern and southwestern parts of the hill, and a necropolis of the early Iron Age was located in the northern and northeastern parts. In 2021, the expedition of the Institute of Archeology, Ethnography and Anthropology of ANAS at the Khudutepe settlement carried out archaeological excavations, both of the necropolis and the settlement itself. During the study of the necropolis, three earthen burials were examined. The materials of the Khudutepe settlement obtained during the excavations testify to its multilayered nature and the intensive nature of the settlement of this area in different historical periods. Exploratory excavations at this site revealed cultural layers of the Late Chalcolithic, Early Bronze Age, Late Bronze Age – Early Iron Age and the medieval period. Favorable natural and climatic conditions contributed to the development here in the indicated historical periods of an integrated agricultural and cattle breeding economy, the formation of a local culture of the ancient population of the Mugan steppe.

Keywords: Mugan steppe; Khudutepe settlement; Chalcolithic; Early Bronze Age; Early Iron Age

For citation: Agalarzade A.M., Nasirova L.Sh., Huseynova M.M. Archeological investigation at the Khudutepe multilayered settlement of the Mugan steppe in 2021: Brief report. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 545-562. doi.org/10.32653/CH192545-562

© A.M. Agalarzade, L.Sh. Nasirova, M.M.Huseynova, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Введение

Южный регион Азербайджанской Республики, богатый историческими и археологическими памятниками, привлекал внимание исследователей с конца XIX в. В результате проведенных в разные годы полевых археологических изысканий в различных районах этого региона были выявлены памятники, охватывающие большой хронологический период – от палеолита до Позднего Средневековья. На большинстве из них были проведены археологические исследования и собраны многочисленные образцы материальной культуры. Так, например, Ж. де Морган, прибывший по приглашению в Россию из Франции в конце XIX в. (1890-1892 гг.), в горной части Талыша (Лерик), раскопал 280 погребений в каменных ящиках, полученные в ходе раскопок археологические находки были вывезены во Францию [1, p. 13].

В советский период интерес к изучению исторического прошлого данного региона возрос. В 20–30 гг. XX в. в Масаллинский, Ленкоранский, Лерикский и Ярдымлинский районы были организованы археологические и этнографические поездки, в ходе которых получена ценная информация о древних поселениях, погребальных памятниках, оборонительных сооружениях, караван-сараях, торговых путях и культовых местах региона [2, с. 21].

Масштабные археологические и этнографические исследования в южном регионе проводились в 1970-е – 1980-е гг. В эти годы археологи И. Нариманов и Ф. Махмудов проводили разведочные раскопки в горной, предгорной и равнинной частях региона, выявив десятки новых памятников разных эпох. В результате проведённых археологических работ был получен богатый археологический материал, раскрывающий различные стороны жизни древних насельников региона и, в частности, материалы, освещающие культурно-экономические связи местного населения в разные исторические периоды [3, с. 37]. Выделенная на материалах региона археологическая культура, названная в свое время И. Джафарзаде муганской, в дальнейшем обогащённая новыми материалами, получила новое наименование талыш-муганская культура [4, с. 50].

Отметим также проведенные названными археологами важные исследования в Джалилабадском районе, в результате которых были выявлены памятники древнейших земледельческо-скотоводческих племён Южного Кавказа, взяты на учет такие древние поселения, как Полутепе, Феттапе [5], Аликемектепе [6, с. 480] и др. В частности, в результате археологических раскопок, проведенных Ф. Махмудовым на поселении Аликемектепе, были выявлены ценные материалы о быте, хозяйственном укладе, культуре, культурно-экономических связях населения, обитавшего в Муганской степи в эпоху энеолита [7, с. 11]. Цель проведения раскопок на поселение Худутепе – проследить все этапы древней истории Мугани.

Поселение Худутере

Археологическая экспедиция «Джалилабад» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА в сезон полевых исследований 2021 г. провела раскопки

на поселении Худутепе близ сел. Чеменли Джалилабадского района. Памятник располагается на высоком природном холме площадью около 7 га, между сс. Чеменли и Джалаир, в 100 м от автомобильной дороги Джалилабад – Ярдымлы, на 22-ом км дороги. GPS-координаты памятника: N – 391252.0; E – 0481831.9 (рис. 1). Памятник занимает территорию приблизительно в 4 га (рис. 2). С востока, юго-востока и юга памятник, расположенный на естественном холме, окаймляет древнее русло реки. На расстоянии около 100 м к северу от поселения находится еще одно древнее русло, соединяющееся с первым восточнее поселения. Фактически поселение располагалось на излучине, образуемой у слияния двух палеопотоков. Благоприятное природно-географическое положение обусловило интенсивное заселение данной территории в различные исторические эпохи.

В 1960–1970-е гг. на Худутепе было построено помещение для птицефермы, вокруг заложены виноградные плантации. Территория памятника ежегодно распахивалась. В результате культурный слой был поврежден и памятнику нанесён серьезный ущерб.

В различные годы в ходе земляных сельскохозяйственных работ на Худутепе были найдены многочисленные предметы материальной культуры. Среди них привлекают внимание предметы вооружения, украшения, предметы быта и монеты. Большинство этих материалов утеряно, некоторые образцы были собраны и сохранены жителем села Ханегях – учителем Рза Рзаевым. Часть этих находок была передана в районный краеведческий музей. В 2020 г. нами был произведен осмотр памятника, в результате которого установлено, что территория поселения, несмотря на наличие здесь информационной вывески об охране памятника, периодически распахивается.

Разнообразный археологический материал, собранный на Худутепе и датирующийся в диапазоне от эпохи халколита до Средневековья, представляет несомненный интерес.

Стратиграфия и хронология поселения

С целью определения стратиграфии культурных напластований памятника и их хронологии в юго-западной части холма у его подножья был заложен раскоп площадью 100 кв. м (рис. 3). В результате проведенных работ был установлен многослойный характер памятника, выявленные показательные находки позволили датировать выделенные культурные напластования и соотнести их с определенными археологическими культурами.

Верхний слой памятника толщиной около 60 см сопровождался многочисленными материалами средневековой эпохи (XI–XV вв.). Его подстилал слой мощность около 60 см, который, судя по многочисленным материалам, фиксирует наличие здесь поселения, относящегося к эпохе поздней бронзы и раннему железному веку (II–I тыс. до н.э.). Ниже следовал культурный слой, также мощностью около 60 см, насыщенный керамическим и остеологическим материалом, и связанные с ним хозяйственно-бытовые остатки (очаги и др.), которые относятся по показательным материалам (керамика и др.) к куро-аракской культурно-исторической общности раннего бронзового века. Предматериковый слой толщиной около 20 см (в диапазоне -1,8-2,0 м) по обнаруженным фрагментам керамических сосудов аликемектепинского и лейлатепинского типов был отнесен в эпохе халколита.

Таким образом, в результате проведенных работ были вскрыты двухметровой мощности культурные напластования поселения Худутепе, охватывающие суммарно временной диапазон с конца V тыс. до н.э. до Позднего Средневековья с определенными перерывами и определяющие четыре этапа обживания холма – в период халколита (аликемектепинский, лейлатепинский периоды), в ранний бронзовый век, в эпохи поздней бронзы и раннего железного века и в период Развитого Средневековья.

Со слоем средневекового времени связаны находки остатков традиционных глинобитных хлебопекарных печей-тендиров, диаметром 78–82 см, при толщине стенок 5–7 см, немного заглубленных в слой предшествующего периода (рис. 4). В заполнении одного из тендиров были обнаружены фрагменты красноглиняного керамического сосуда. Всего в раскопе обнаружено 475 фрагментов типичной средневековой поливной и неполивной керамической посуды (рис. 6).

С нижележащим слоем эпохи поздней бронзы и раннего железного века очаг диаметром 1,3 м, заполненный древесными угольками, золой, костями животных, а также хозяйственная яма диаметром 1,3 м и глубиной 1,1 м (рис. 5, *2*), в заполнении которой обнаружено 45 фрагментов керамической посуды эпохи поздней бронзы, остеологические остатки, обломки грубой керамики с примесью резаной соломы. Из слоя происходят, в частности, показательные фрагменты сероглиняной керамики указанного периода (рис. 7; рис. 8, *1*). Всего в слое представлено 248 экз. фрагментов керамической посуды этого времени.

Со слоем куро-аракского времени связаны, в частности, находки напольного очага, в котором были найдены характерные керамическая фигурка барана (фрагмент) и ручка сосуда, а также остатки сырцовой стены, вероятно, помещения овальной формы (рис. 5, *1*). Фрагменты керамики из слоя эпохи ранней бронзы составляют 342 экз. [8].

Среди керамического комплекса этого слоя следует отметить хронологически показательные и культурно определяющие образцы посуды с лентовидными ручками (рис. 9), среди которой много образцов тарной керамики (*кюп*ов), которые представлены, как правило, фрагментами керамических сосудов средних размеров шаровидной формы, с широкой и низкой горловиной, с отогнутым наружу венчиком с желобком и с ленточными ручками на боках тулова. Тесто сосудов с примесью песка и дресвы, обжиг серого, кофейного, бурого, красного цветов.

Показательны и находки глиняных очажных подставок (рис. 8, *2*), изготовленных из теста с примесью песка и растительности, с обжигом светло-красного, бурого цвета. Ввиду фрагментарности форма их не устанавливается.

Среди индивидуальных находок особый интерес представляют фрагменты глиняного тигля, фигурка барана и модель колеса [8, с. 108-109].

Тигель имеет форму маленького горшочка с широким плоским дном и утоньшенным устьем с невыделенным венчиком, поверхность коричневого цвета с черным изломом, тесто с примесью растительности и песка (рис. 10, *2*); диаметр тулова 5,5 см, диаметр дна 5 см, толщина стенок тулова до 1,5 см.

От фигурки барана сохранилась лишь головка с обломанными рогами; изготовлена она из относительно чистой глины, имеет равномерный светло-красный обжиг (рис. 11); размеры 2,7×3,5 см, при высоте 2,5 см. Модель колеса повозки (рис. 10, *1*) изготовлена из глины с примесью песка, хорошо обожжена – цвет красный. Как известно, терракотовые зооморфные фигурки представляют характерные находки

в памятниках куро-аракской культурно-исторической общности. На территории Азербайджана впервые такие фигурки бычков, баранов были обнаружен на поселениях Кюльтепе I в Нахичеване, Баба-Дервиш в Газахе и Гейтепе в в Товузском районе [8, с. 108–109].

Найденная модель колеса повозки имеет диаметр 4,5 см и характерную дисковидную форму с утоньшением к краю, широкую выделенную ступицу со сквозным отверстием. На куро-аракских памятниках модели колес такой формы представляют непременный элемент материальной и духовной культуры. Такие модели колес, найдены, например, в культурных слоях поселений раннебронзового века Кюльтепе I, Баба-Дервиш в Азербайджане, Начар-горе, Квасхелеби и Гудабертка Грузии, Серженьюрт в Чечено-Ингушетии [8, с. 110], Великент, Торпах-кала в Дагестане и др. Их находки фиксируют распространение колесных повозок с тягловой силой, использовались в хозяйственной жизни насельников еще в эпоху позднего энеолита [9, с. 23].

Полученные материалы, таким образом, ярко документируют, что третий слой Худутепе является поселением куро-аракской культурно-исторической общности.

В халколитическом слое не обнаружены остатки хозяйственно-бытовых строений, но выявленная керамика, несомненно, представляет образцы керамической посуды аликемектепинского и лейлатепинского типов. К находкам аликемектепинского типа эпохи халколита относятся фрагменты стенок и ручек сосудов, а также каменные орудия труда (рис. 12). Аналогичные находки известны среди керамических комплексов халколита поселения Хантепе в Гарабахе [10, с. 48]. Каменные орудия труда особо многочисленны, в частности, на поселении Аликемектепе [11, с. 18; 12, с. 198]. Несомненно, что они широко использовались в земледельческом хозяйстве – основном занятии населения Мугани в эпоху энеолита. Среди керамических находок слоя представлены фрагменты крупных тарных сосудов (*кюпов*), характерные для лейлатепинской культуры (рис. 13). Они имеют сферическую форму с резко отогнутым венчиком, толстые стенки, изготовлены из хорошо отмученной глины с растительной примесью, имеют равномерный обжиг красного или розового цвета и относятся к категории качественной керамики. Изучение разновидностей посуды данной категории создают основу для определения особенностей керамического производства в эпоху позднего халколита [13, с. 94]. Керамика лейлатепинского типа в рассматриваемом регионе хорошо изучена на основе коллекции поселения Алхантепе близ с. Учтепе Джалилабадского района [5, с. 46–47]. Аналогии им известны, в частности, на синхронных памятниках Гянджа-Газахского и северо-западных регионов Азербайджана. Согласно исследованиям Н.А. Мусеибли, главная особенность производства керамики лейлатепинской культуры (кюпы, кувшины, миски) характеризуется в изготовлении её из глины с растительной примесью на гончарном круге при стабильной температуре и равномерном обжиге [14, с. 114–115].

Как отмечалось, раскоп был заложен у подножия холма, т.е. на окраинной территории поселения, и, безусловно, культурный слой в верхней части холма будет мощнее и насыщеннее культурными остатками.

Заключение

В результате проведенных раскопок установлено, что поселение Худутепе является многослойным памятником, включающим культурные напластования халколита

(период Аликемектепе, лейлатепинская культура), раннего бронзового века (куро-аракская культурно-историческая общность), периода поздней бронзы – раннего железного века (муган-талышская культура) и развитого средневековья (XIV–XV вв.). Особенно ярко представлена жизнь на поселении в период раннего бронзового века. В периоды средней бронзы, античности и раннего средневековья жизнь на поселении прерывалась по непонятным причинам, но можно полагать, что это было вызвано, прежде всего, климатическими изменениями. Полученные материалы в определенной степени отражают характер и развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства в те или иные исторические периоды.

Поселение Худутепе, являющееся многослойным памятником, представляет несомненный интерес для изучения широкого спектра вопросов древней истории и археологии Муганского региона. Как представляется, учитывая наличие на памятнике слоев халколита и раннего бронзового века, особое значение его изучение может иметь для освещения проблемы происхождения и этапов развития куро-аракской культуры на юго-востоке Кавказа. Сказанное показывает перспективность проведения масштабных исследований поселения Худутепе.

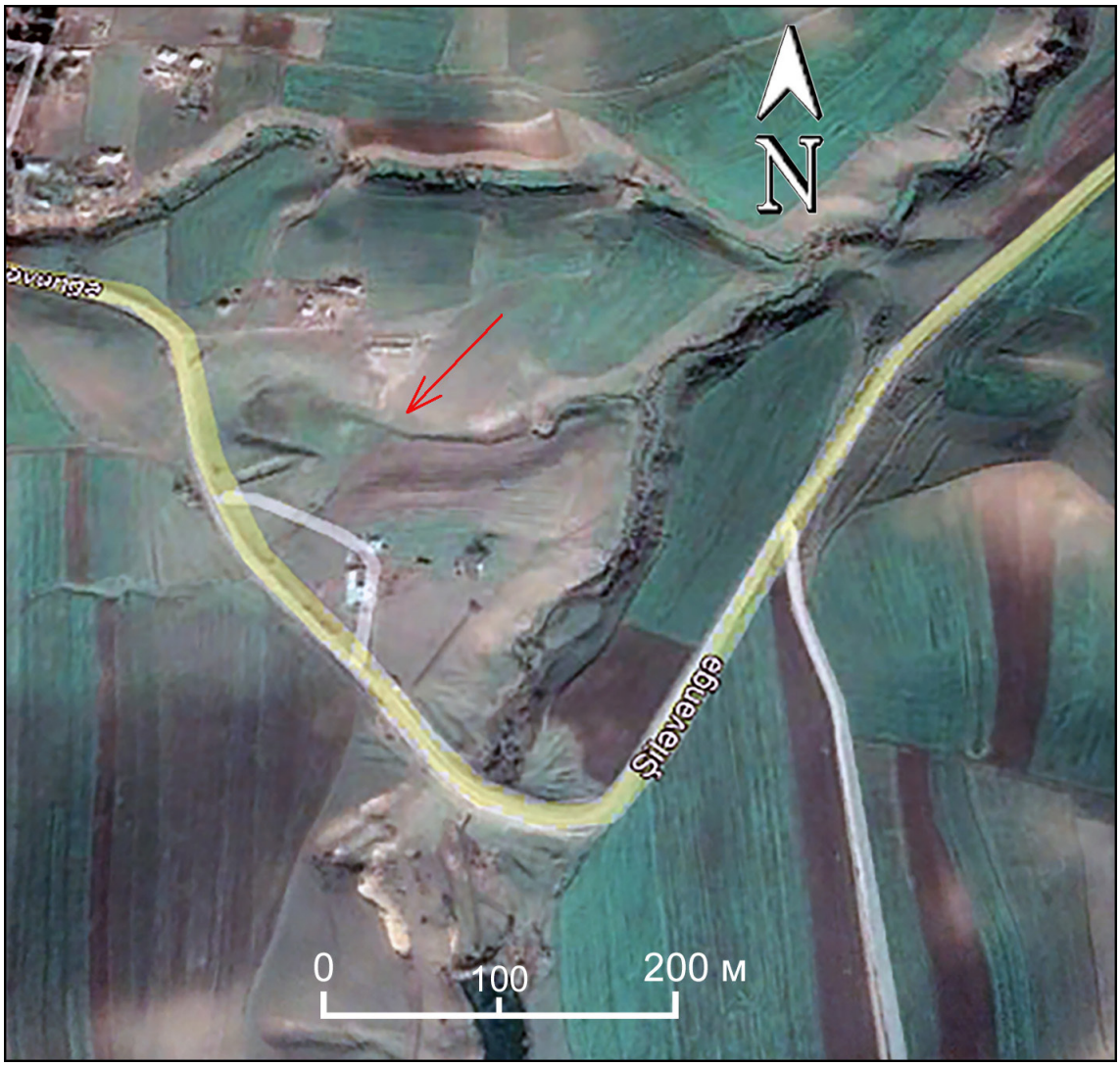


Рис. 1. Поселение Худутепе. Космоснимок (по Google Earth)

Fig. 1. Khudutepe settlement. Satellite image (Google Earth)

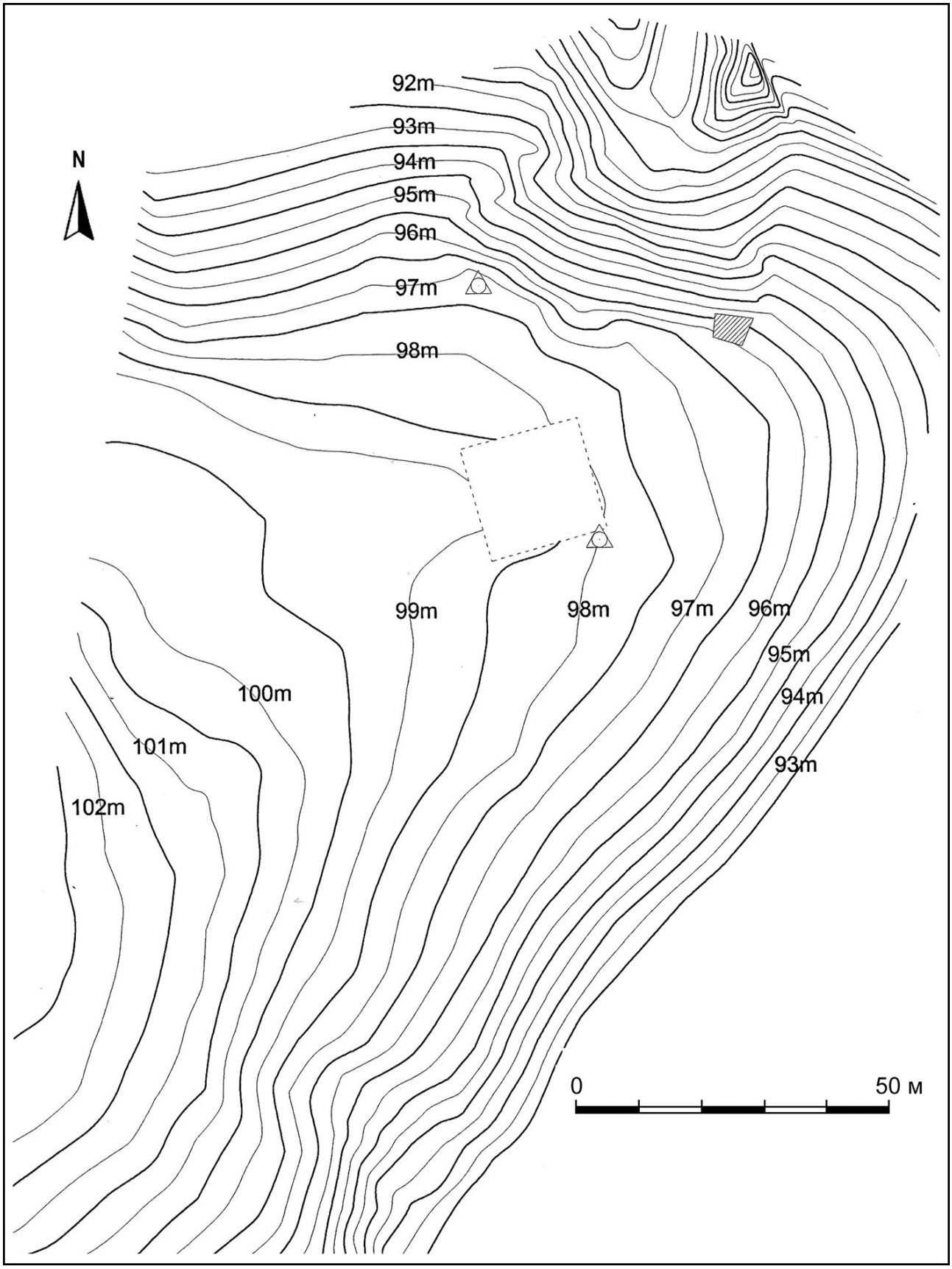


Рис. 2. Поселение Худутепе. Топографические план

Fig. 2. Khudutepe settlement. Topographic plan

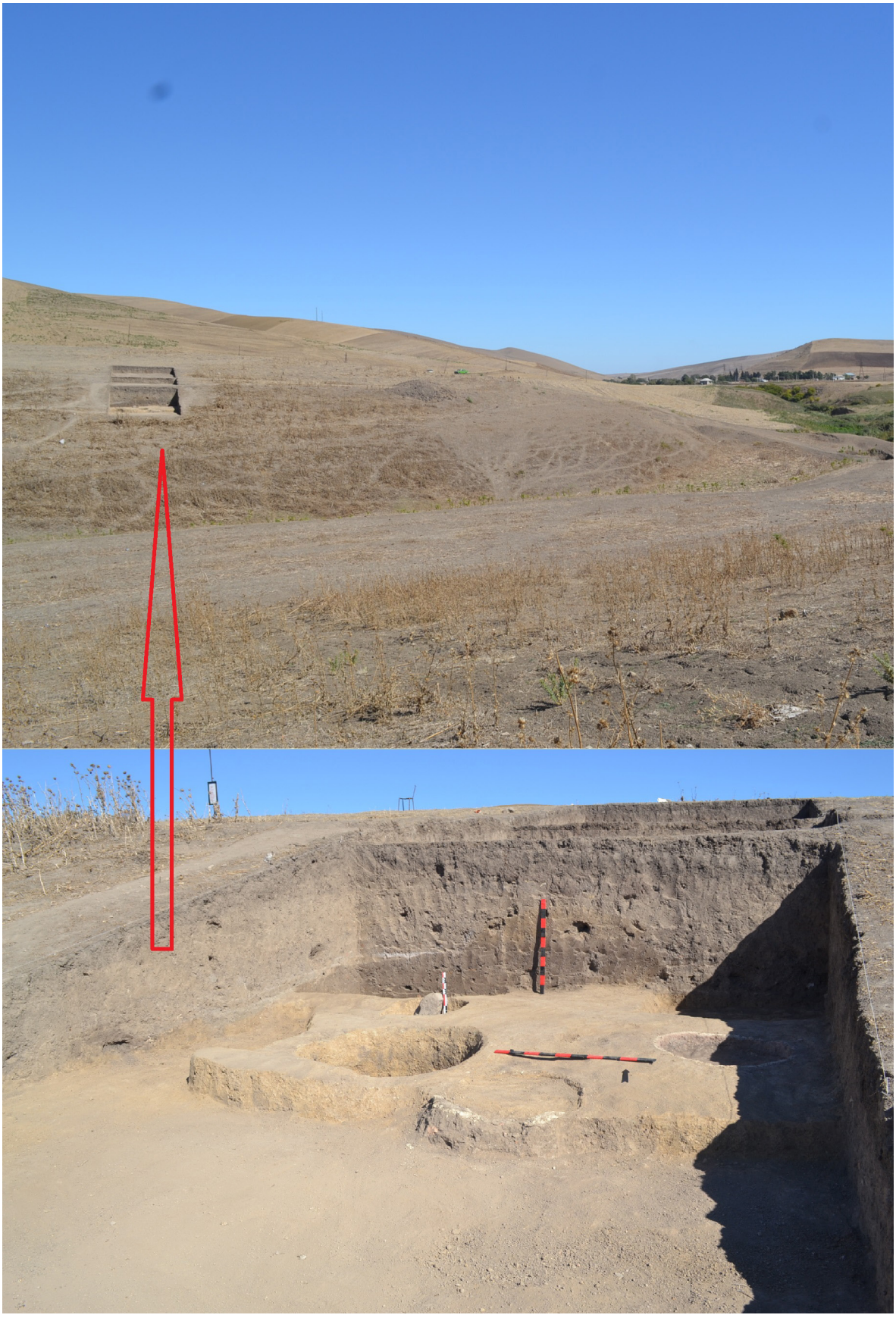


Рис. 3. Поселение Худутеп: 1 - общий вид; 2 - участок раскопа

Fig. 3. Khudutepe settlement: 1 – general view; 2 – excavation area

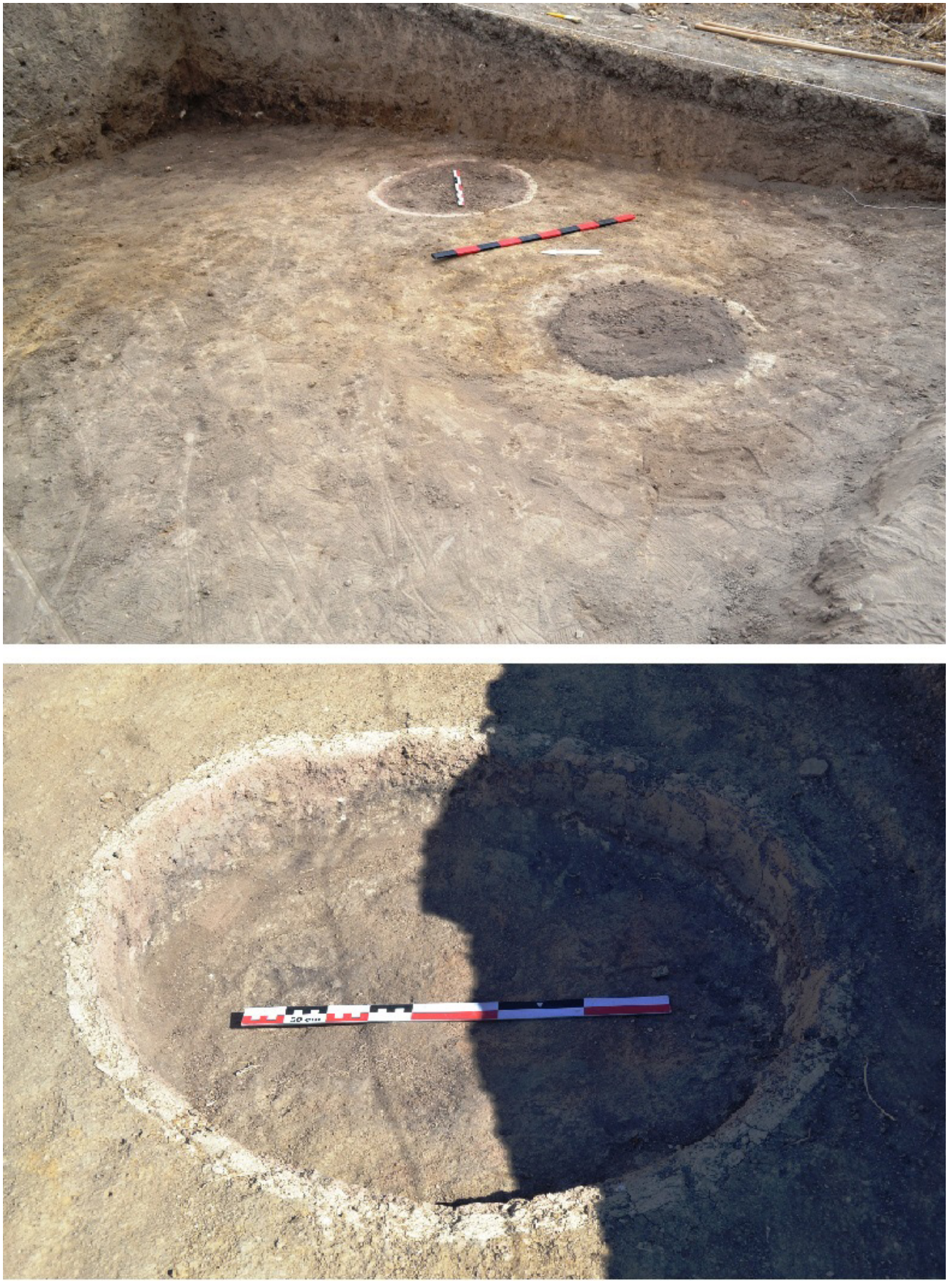


Рис. 4. Поселение Худутепе. Остатки средневековых тендиров

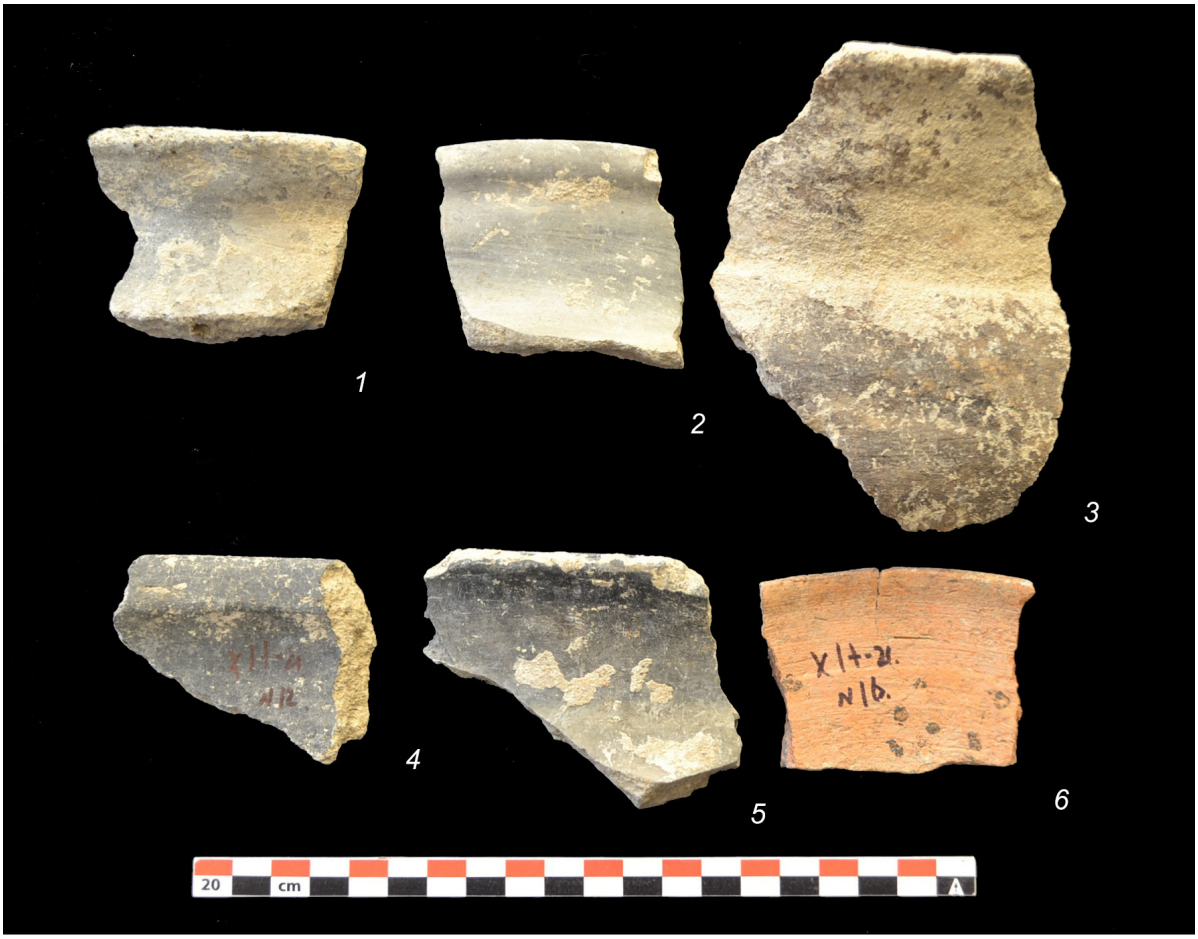
Fig. 4. Khudutepe settlement. Fragments of medieval tandirs

Рис. 5. Поселение Худутепе: 1 - остатки сырцовой стены; 2 - хозяйственная яма

Fig. 5. Khudutepe settlement: 1 – remains of an adobe wall; 2 – household pit

Рис. 6. Поселение Худутепе. Фрагменты средневековой керамики

Fig. 6. Khudutepe settlement. Fragments of medieval pottery



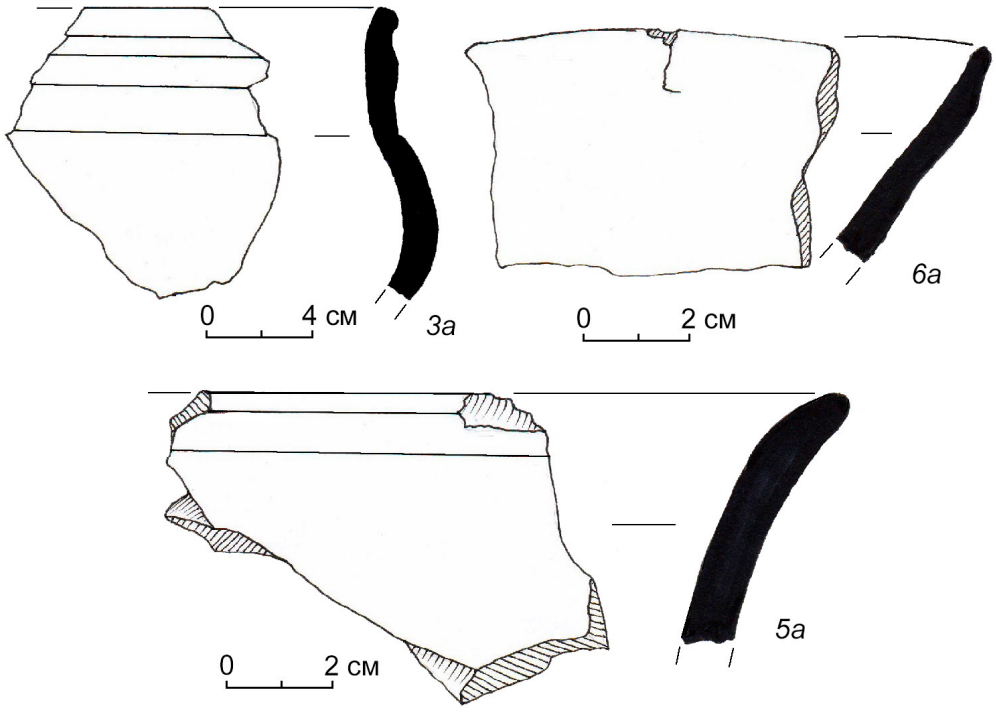


Рис. 7. Поселение Худутепе. Фрагменты керамических сосудов из слоя поздней бронзы - раннего железа

Fig. 7. Khudutepe settlement. Fragments of ceramic vessels from the Late Bronze – Early Iron Age layer

Рис. 8. Поселение Худутепе: 1-3 - фрагменты керамических сосудов из слоя поздней бронзы - раннего железа; 4 - обломок глиняной подставки из слоя эпохи ранней бронзы.

Fig. 8. Khudutepe settlement: 1-3 – fragments of ceramic vessels from the Late Bronze – Early Iron Age layer; 4 – a fragment of a clay stand from the Early Bronze Age layer.

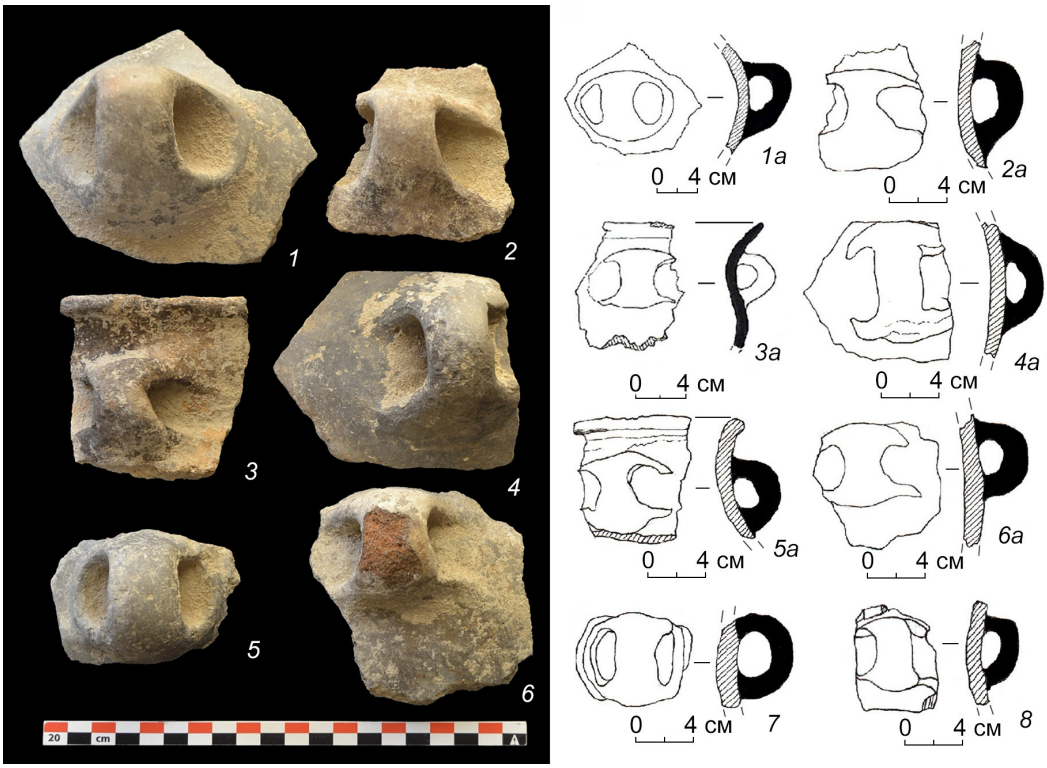


Рис. 9. Поселение Худутепе. Фрагменты сосудов с полушаровидными ручками кура-араксской культуры

Fig. 9. Khudutepe settlement. Hemispherical handles of the Kura-Araxes vessels

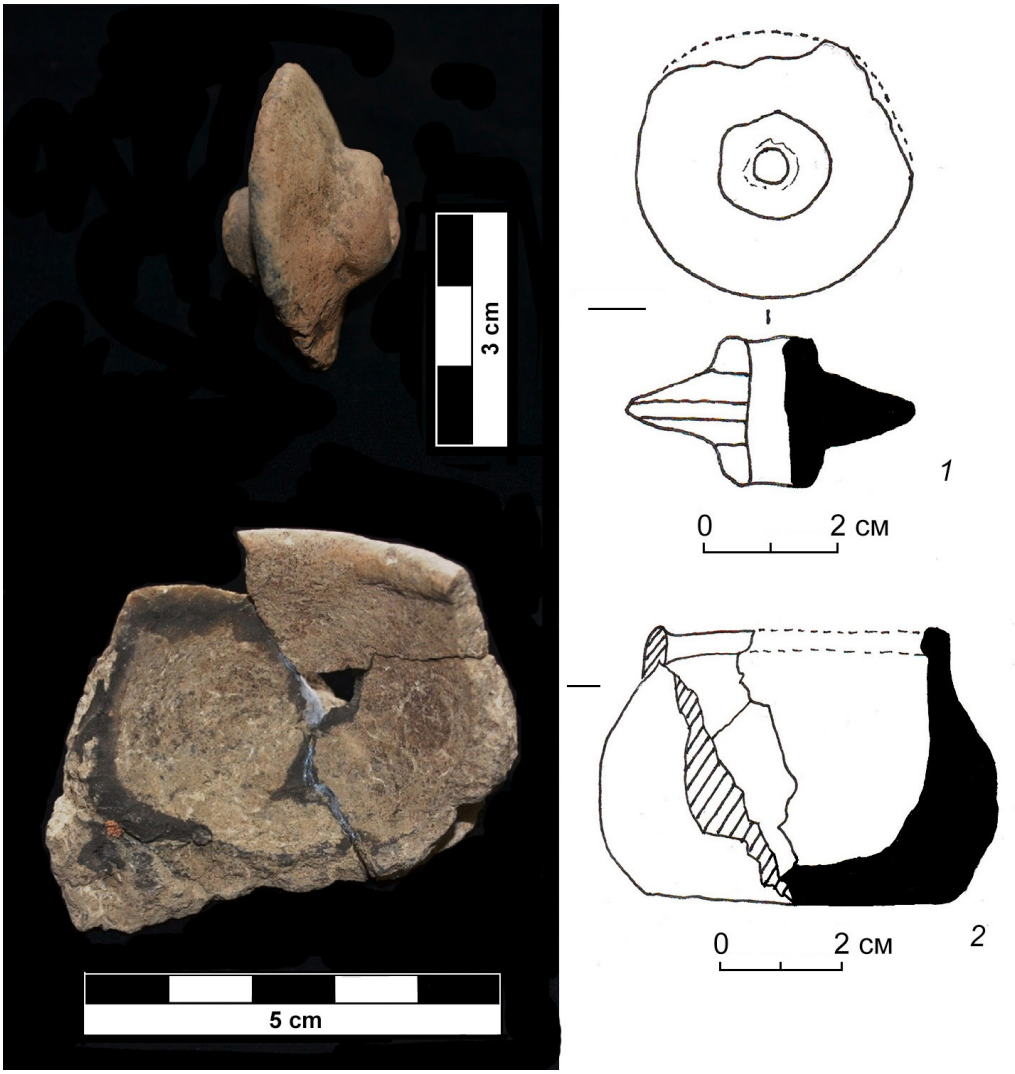


Рис. 10. Поселение Худутепе. Глиняная модель колеса и глиняный тигель

Fig. 10. Khudutepe settlement. Clay wheel model and clay crucible

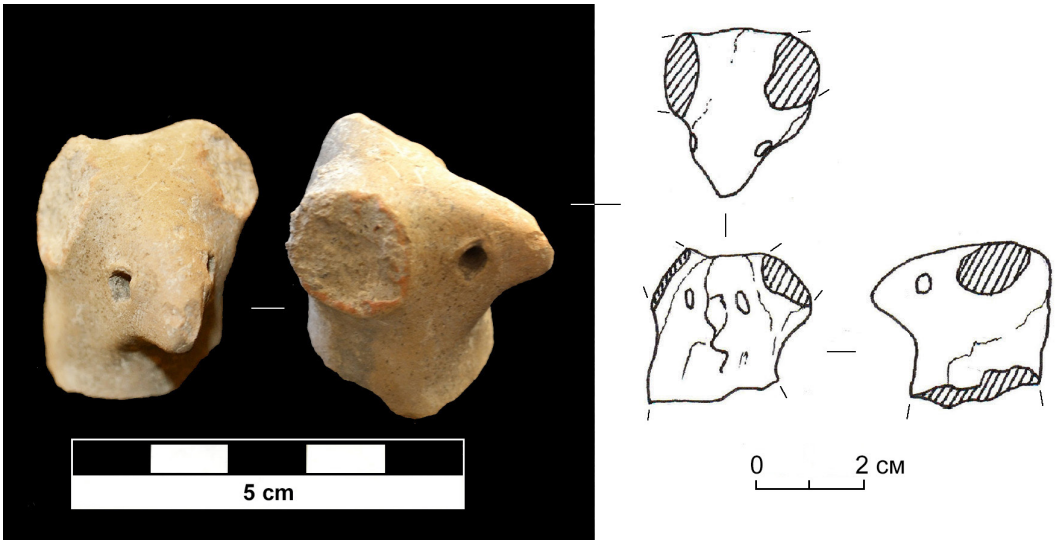


Рис. 11. Поселение Худутепе. Фрагмент глиняной фигурка барана

Fig. 11. Khudutepe settlement. Fragment of clay figurine of a ram

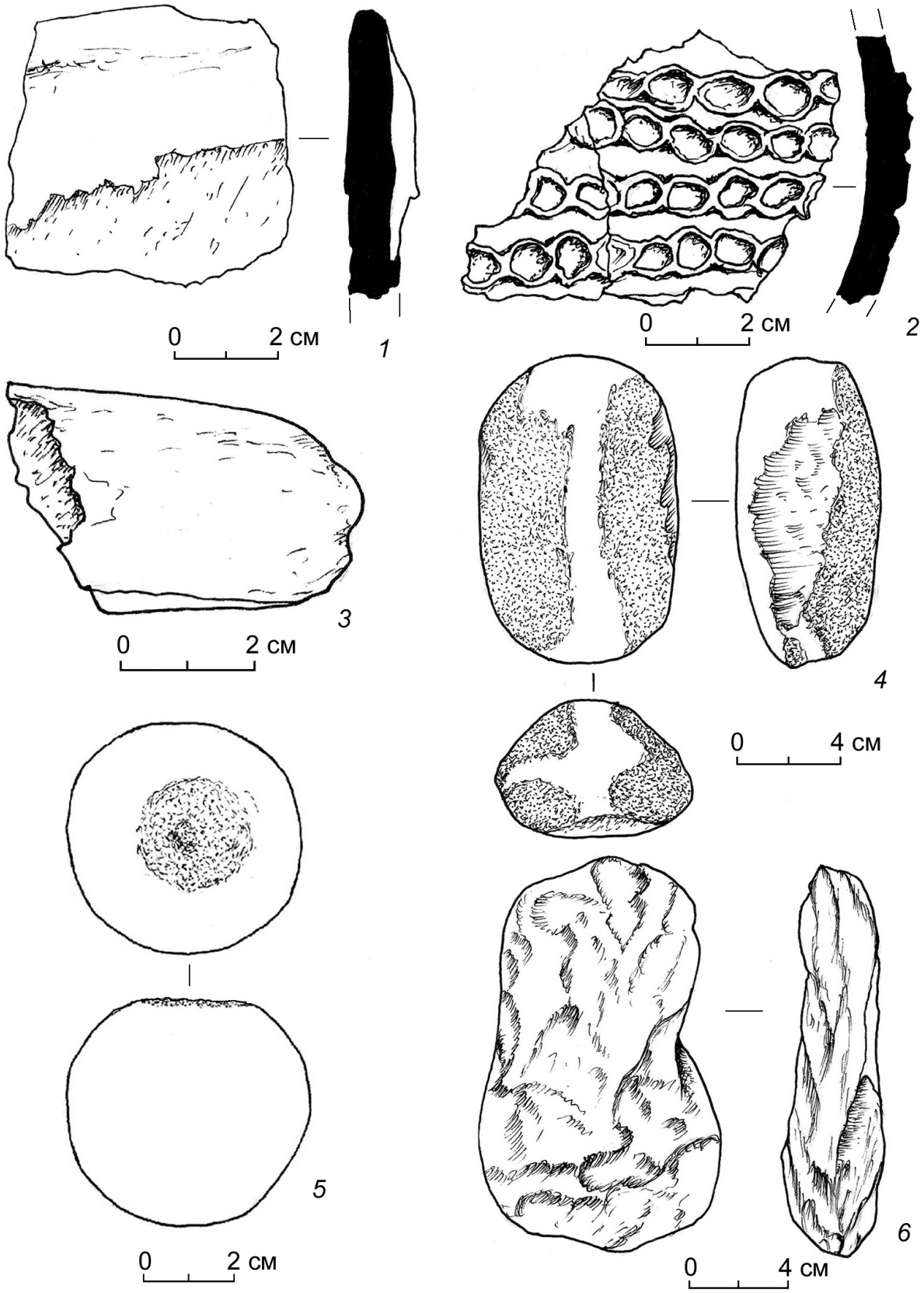


Рис. 12. Поселение Худутепе. Находки аликемектепинского типа

Fig. 12. Khudutepe settlement. Alikemektepe type fnds

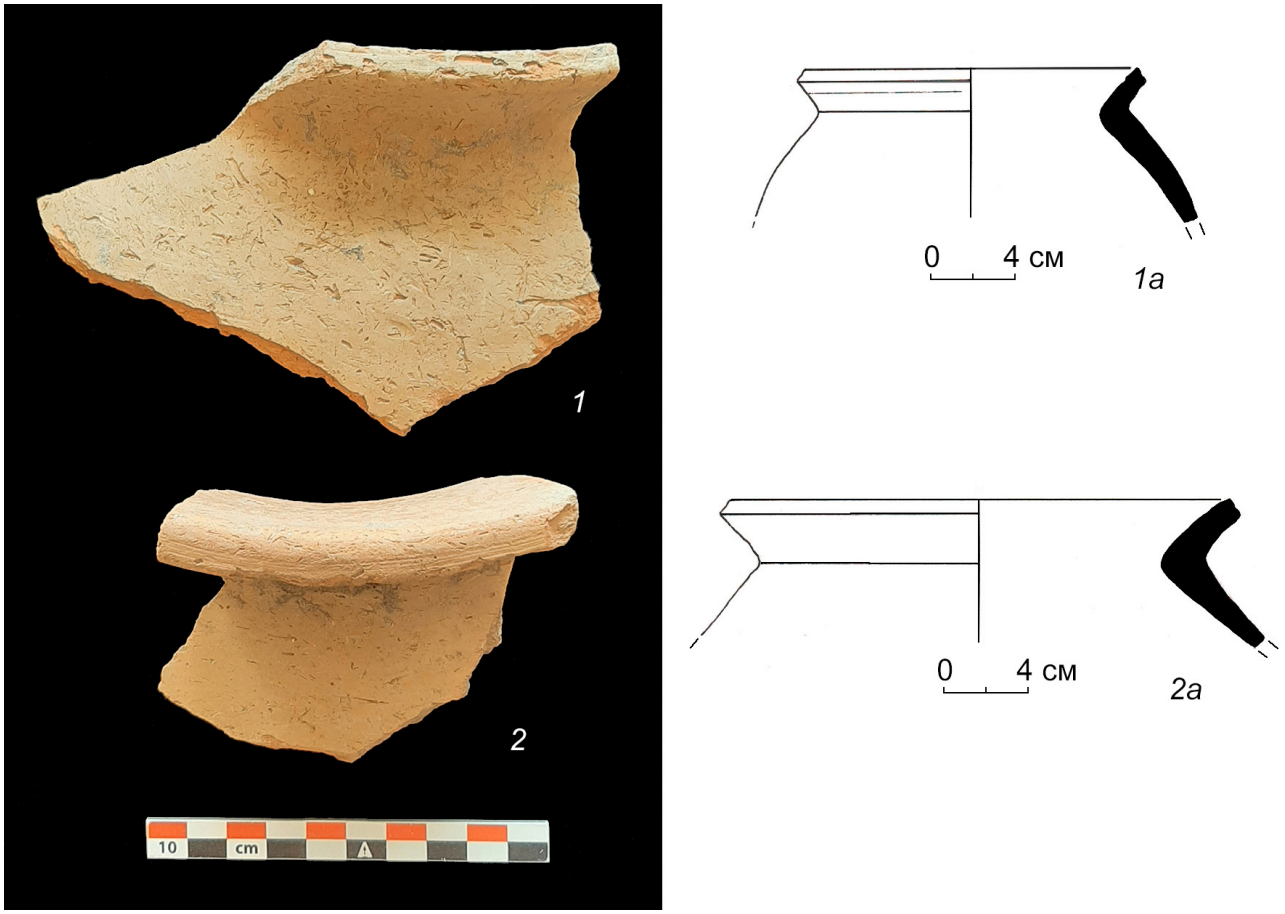


Рис. 13. Поселение Худутепе. Сосуды лейлатепинской культуры

Fig. 13. Khudutepe settlement. Vessels of the Leilatepe culture

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Morgan J de. Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques. Premiere partie. Paris: Ernest Leroux, 1896. - 302 p.

2. Ağalarzadə A.M. Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin Tunc-İlk Dəmir dövrü abidələrinin öyrənilməsi tarixi // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası 2014. № 2. S. 46-51.

3. Ələkbərov A.İ. Talış-Muğan mədəniyyəti dağlıq hissəsinin aran ilə əlaqəsi // Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı: Bilik, 1992. S. 36-38.

4. Джафарзаде И.М. Элементы археологической культуры древней Мугани (оружие и керамика) // Известия АН Азербайджанской ССР. 1946. Вып. 4. № 9. С. 21-51.

5. Axundov T., Alməmmədov X., Vəliyev S., Korenevskiy S., Mahmudova V., Rəhmanov A., Heybətov T., Quluzadə N. Muğan neolit-eneolit ekspedisiyası"nın 2010-cu ildə gördüyü çöl tədqiqatları (Cəlilabad rayonu) // Azər-

REFERENCES

1. Morgan J de. *Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques*. Premiere partie. Paris: Ernest Leroux, 1896.

2. Agalarzadeh AM. The history of the study of the Bronze-Early Iron Age monuments of the southeastern region of Azerbaijan. *Azerbaijani archaeology and ethnography*. 2014, 2: 46-51. (in Azerb.).

3. Alekberov AI. The connection between the mountainous part of the Talish-Mugan culture and the lowland. *Materials of the scientific conference dedicated to the latest results of the sciences of archaeology and ethnography in Azerbaijan*. Baku: Bilik, 1992: 36-38. (in Azerb.).

4. Jafarzadeh IM. The elements of the archaeological culture of ancient Mugan (weapons and ceramics). *News of Academy of Sciences of Azerb. SSR (Social Sciences Section)*. 1946, 9(6): 21-51. (in Rus.).

5. Akhundov T, Almammadov Kh, Veliyev S, Korenevsky S, Mahmudova V, Rahmanov A, Heybatov T, Guluzadeh N. Field investigations of the "Mugan Neolithic-Eneolithic Expedition" in 2010 (Jalilabad district). *Archaeological*

baycanda arxeoloji tədqiqatlar 2010. Bakı: AfPoliqraff, 2011. S. 46-51.

6. Махмудов Ф.Р., Нариманов И.Г. О раскопках на поселении Аликемек-тепеси // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 480-481.

7. Махмудов Ф.Р., Нариманов И.Г. Исследования на поселении Аликемек-тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку: Элм, 1975. С. 10-14.

8. Исмаилзаде Г.С. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. Баку, «Нафта-Пресс» 2008, 304 с.

9. Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A. I Maxta İlk Tunc dövrü abidəsi. I kitab. Bakı: Apostrof-A, 2020. –147 s.

10. İsmayılov Q.S. Quruçay və Köndələnçay vadisində qədim mədəniyyət izləri. Bakı: Elm, 1981. – 64 s.

11. *Махмудов Ф.Р.* Раскопки верхних горизонтов энеолитического слоя Аликемек-тепеси // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку: Элм, 1978. С. 14-18.

12. *Махмудов Ф.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Nafta-Press, 2008. – 216 с.

13. *Ağalarzadə A.M.* Leylatəpə arxeoloji mədəniyyətinin keramikası. Bakı, 2019. – 224 s.

14. Müseyibli N.Ə. Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı: Elm və təhsil, 2020. – 576 s.

investigations in Azerbaijan 2010. Baku: AfPoligraff, 2011: 46-51. (in Azerb.).

6. Mahmudov FR, Narimanov IH. About the excavations at the settlement of Alikomek-tepesi. *Archaeological discoveries of 1971*. Moscow: Nauka, 1972: 480-481. (in Rus.).

7. Mahmudov FR, Narimanov IH. Investigation on the settlement of Alikomek-tepesi. *Archaeological and ethnographic investigations in Azerbaijan (1974)*. Baku: Elm, 1975: 10-14. (in Rus.).

8. Ismailzade GS. Azerbaijan in the system of the Early Bronze cultural community of the Caucasus. Baku: Nafta-Press, 2008.

9. Ashurov SH, Huseynova SA, Aliyeva FA. *Early Bronze Age site Makhta I. Book I*. Baku: Apostrophe-A, 2020. (in Azerb.).

10. Ismayilov GS. *Traces of ancient culture in the Guruchay and Kondalanchay valley*. Baku: Elm, 1981. (in Azerb.).

11. Mahmudov FR. Excavations in the upper horizons of the Eneolithic layer of Alikomek-tepesi. *Archaeological and ethnographic investigations in Azerbaijan (1975)*. Baku: Elm, 1978: 14-18. (in Rus.).

12. Mahmudov F. *Culture of southeast Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Ages*. Baku: Nafta-Press, 2008. (in Rus.).

13. Aghalarzadeh AM. *Ceramics of Leilatepe archaeological culture*. Baku, 2019. (in Azerb.).

14. Müseibli NA. *The Leilatepe culture*. Baku: Elm və təhsil, 2020. (in Azerb.).

Поступила в редакцию 16.10.2022 г.
Принята в печать 01.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

Recieved 16.10.2022
Accepted 01.03.2023
Published 15.06.2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192563-576

Scientific report

Armine A. Gabrielyan
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, Erevan, Armenia;
Lecturer of the Department of Culturology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia
arminegabriel.iae@gmail.com

Inesa A. Karapetyan
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, Erevan, Armenia
nanakarap18@gmail.com

Petrosyan Armenuhi
Postgraduate student (Archaeology)
Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, Erevan, Armenia
petrosyanarmenuhi@yandex.ru

THE AGARAK JAR BURIALS IN ARAGATSOTN: PRELIMINARY REPORT

Abstract. The archaeological complex of Agarak is located in the Aragatsotn province of the Republic of Armenia, on the western bank of the Amberd river, on the territory of Agarak and Voskehat villages. During the excavations carried out in 2001-2012 the expedition of the Institute of Archeology and Ethnography of the NAS RA revealed residential areas and burials, indicating a long occupation of the site – from the Early Bronze Age to the Middle Ages. The burials discovered in Agarak belong to Classial Antiquity and differ from each other in funerary rites and burial structures (stone chests, cist, ground and jar burials). In the Hellenistic period, jar burials were common in the region, and already in the first centuries AD they acquired a mass character and have been recorded both on the ancient burial grounds of Armenia (Artashat, Garni, Dvin, Vagharshapat, Avan, Shirakavan, Beniamin, Artsakh Tigranakert, etc.), and neighboring Georgia and Caucasian Albania. The ten jar burials, excavated in Agarak, were mostly placed in a horizontal position with no specific orientation. The deceased was placed in a jug in a flexed position on the right or left side, after breaking the upper part of the vessel. Then the fragments were returned to their place. The grave goods of jar burials give an idea of the life and beliefs of the society of that period. The study of the Agarak jar burials reveals the use of this type of burials from the 6th century BC to the 3rd century AD, and the analysis of the accompanying grave goods indicates that it does not differ in any way from the inventory of other types of burials of the Agarak burial ground. This fact testifies to the uniformity of material culture, differences in funeral rites, while maintaining cultural unity and a similar worldview of the population of the synchronous sites of Armenia.

Keywords: Aragatsotn province; Agarak; jar burials; funerary rite; blue glass polyhedron; Charon's obol; Classical period

For citation: Gabrielyan A.A., Karapetyan I.A., Petrosyan A. The Agarak jar burals in Aragatsotn: Premilinary report. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 563-576. doi.org/10.32653/CH192563-576

© A.A. Gabrielyan, I.A. Karapetyan, A. Petrosyan, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192563-576

Научный отчет

Габриэлян Арминэ Араратовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения;
преподаватель кафедры культурологии
Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
arminegabriel.iae@gmail.com

Карапетян Инеса Ашотовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения
nanakarap18@gmail.com

Петросян Арменуи
аспирант
Институт археологии и этнографии НАН, Ереван, Армения
petrosyanarmenuhi@yandex.ru

КУВШИННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АГАРАКА В АРАГАЦОТНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Аннотация. Археологический комплекс Агарак находится в области Арагацотн Республики Армения, на западном берегу р. Амберд, на территории сел Агарак и Воскеат. В ходе раскопок, произведенных в 2001-2012 гг. экспедицией Института археологии и этнографии НАН РА, были выявлены жилые участки и погребения, свидетельствующие о продолжительной жизни на памятнике – с эпохи ранней бронзы до средневековья. Обнаруженные в Агараке и относящиеся к эпохе античности захоронения отличаются друг от друга по погребальным обрядам и конструкциям (каменный ящик, циста, грунтовые и кувшинные погребения). В эллинистический период кувшинные погребения в регионе встречаются часто, а уже в первых вв. н.э. они приобретают массовое явление и зафиксированы как на античных могильниках Армении (Арташат, Гарни, Двин, Вагаршапат, Аван, Ширакаван, Бениамин, Арцахский Тигранакерт и др.), так и соседней Грузии и Кавказской Албании. Раскопанные в Агараке десять кувшинных погребений в основном были установлены в горизонтальном положении и не имели конкретной ориентировки по частям света. Усопшего укладывали в кувшин в скорченном положении на правом или левом боку, предварительно разбив верхнюю часть сосуда. Затем фрагменты возвращали на место. Погребальный инвентарь кувшинных погребений дает представление о быте и верованиях общества того периода. Изучение кувшинных погребений Агарака позволяет выявить использование данного типа захоронений с VI в. до н.э. до III в. н.э., а анализ сопутствующего погребального инвентаря указывает на то, что он ничем не отличается от инвентаря других типов погребений Агаракского могильника. Этот факт свидетельствует о единообразии материальной культуры, различиях в погребальных обрядах при сохранении культурного единства и сходного мировоззрения населения синхронных памятников Армении.

Ключевые слова: область Арагацотн; Агарак; кувшинные погребения; синий стеклянный многогранник; обол Харона; античный период

Для цитирования: Габриэлян А.А., Карапетян И.А., Петросян А. Кувшинные погребения Агарака в Арагацотне: предварительное сообщение // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 563-576. doi.org/10.32653/CH192563-576

© Габриэлян А.А., Карапетян И.А., Петросян А., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

Introduction

The archaeological complex of Agarak is located on the western bank of the river Amberd, on the territory of Agarak and Voskehat villages, and occupies an area of approximately 200 ha (Fig. 1, *1, 3, 4*). From 2001–2012 an expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, under the direction of Dr. Pavel Avetisyan, conducted excavations that revealed an important multi-period settlement with occupations from the Early Bronze Age through the Late Middle Ages.[1]

The burials belonging to the post-Urartian and Roman eras were spread across different parts of the highest terrace of the site's northern complex, and on the eastern and southern slopes and foothills. The burials differ in terms of funerary structures and associated burial rites. The excavations revealed 10 jar burials mainly concentrated on the southern slopes of the northern complex (Fig. 1, *2*).

Localization of the jar burials

The first jar burial was excavated in Square K3 (*Burial 1*).[2] It measures 120 cm high, with a body diameter of 70–80 cm, and thickness of 2 cm. The jar was placed in a horizontal position with the base oriented roughly to the north, offset westward by about 40 degrees. It is brownish in color, the base is flat, and the rim is everted. Only the lower part of the vessel was intact. Based on the preservation of the sherds, it is evident that the rim and part of the shoulder were removed in order to place the deceased inside. The person was buried on the right side in the fetal position, facing north. The sediment in the jar contained potsherds, obsidian chips, and a small piece of a bronze bracelet. The burial dates to the 1st century BC – 1st century AD.

The next burial (*Burial 6*) was uncovered in Square O5, next to the jar Burial 12 and the Urartian rock-cut tomb, on the bedrock surface of the slope, where traces of a construction covered with 40 cm thick sediment were discovered. The masonry resembles the stone blocking the entrance to the tomb with in the details of the stonework. A polyhedral glass seal, 2 bead pendants of an earring, a small pot, a bronze ring, a fragment of a twisted object, beads made of glass and glass paste were found in the jar burial. The inventory allows to date the burial to the 2nd–1st centuries BC (Fig. 2, *1, 3*; Fig. 3, *1, 2, 3, 5, 6*).

Burial 9 also was excavated in Square O5. A red-burnished and evenly fired two-handled jug (height – 32.5 cm, body width – 34.5 cm, rim diameter – 22 cm, base diameter – 15.5 cm; Fig. 2, *2*) made of clay with sand inclusions was used as a funerary vessel. The handles are placed on the widest part of the body. A 7 mm hole was drilled in the bottom (Fig. 2, *2*).

1. We express our gratitude to the director of the Agarak archaeological project, Dr. Pavel Avetisyan, correspondent member of NAS RA. We also thank expedition members Dr. Inesa Karapetyan, Dr. Nyura Hakobyan, Dr. Ruben Vardanyan, Dr. Garegin Tumanyan and Irene Kalantaryan for providing us with the excavation reports and field diaries, as well as architect Dr. Hovhannes Sanamyan. Sketches were provided by architect Lilit Minasyan and find photographs are credited to Dr. Armine Gabrielyan. Aerial images were captured by Harutyun Achemyan. Funding for the 2001–2004 excavations of Agarak was provided by the "Gfoeller Renaissance Foundation", the USA.

2. Numbering is given according to field diaries.

The burial vessel was placed vertically. Both its external and internal surfaces were partially covered with soot. The jug was empty apart from the skeletal remains of a child. The burial dates to the 1st–3rd centuries AD.

Tomb 10 of Square O5 was revealed inside a large jar under the western facade of the wall that extended from NE to SW. The jar was placed horizontally, oriented to the south. It was badly damaged by building activity in the medieval era. The jar had been used for domestic purposes and was restored, as evidenced by 6 repair holes drilled on its walls and 2 more on the base. Inside the burial there were various beads made of glass, glass paste, and amber as well as a ring. Based on the objects found inside the jar as well as the features of the jar itself, it is possible to date the burial to the 1st century BC – 1st century AD.

Among all the burials revealed at Agarak, the earliest one is a child *Burial 12*, made in a small vessel, and discovered in Square O5. The burial survived thanks to the medieval wall stretching from the rock in a southern direction and placed above the jar. The burial jar was deposited horizontally and oriented from north to south. The vessel height is 45 cm, the body diameter is 35 cm, and the rim diameter is 23 cm. The skeleton preserved poorly, but the head of the deceased was clearly in the upper part of the vessel. Among the finds discovered in the burial there are 2 pendants, disk-shaped beads made of stone, spherical beads made of glass, a fragment of an indeterminate bronze object, and a stone seal with a broken loop. Considering the worn condition of the seal and the evidence of re-use, as well as the shape of the vessel and fabric and finish of the jar, it can be dated to the 6th century BC [1, p. 152; 2, p. 60].

Another jar burial (*Tomb 15*) uncovered in Square O5 was placed horizontally and oriented north-south. It was badly damaged due to building activity in the Middle Ages. The top of the jar was covered with a large red-polished bowl, most fragments of which were found near the broken rim of the jar. The burial did not contain any skeletal or artifactual materials.

Jar burial (*Tomb 16*) in Square O6 was found in an interesting stratigraphic context. The floor plaster and the pavement of the upper layer damaged the jar, and, as a result, fragments of the neck appeared under the pavement. A slab was placed instead of the foot of the jar, on which the phalanges of a deceased's feet rested. Inside the jar there were a pinhead made of glazed paste, a biconic four-faceted carnelian bead, a corroded iron object, a greenish infant tooth, and a worn-out coin of Alexander the Great (Fig. 3, *4, 12*).[3]

The next *Burial 8* (*Tomb 17*), of the same square, was discovered in the corner of the wall and the bedrock, extending from north to south, under the compacted floor at a distance of 20 cm from the jar Burial 16. The vessel opening faced the west-facing wall. This jar burial was 190 cm from the surface of the bedrock, and 65–95 cm below the bottom stones of the retaining wall. The vessel was damaged as a result of medieval building activity. The large burial jar was deposited horizontally with the top facing south-west, surrounded by a pile of small stones. The individual was placed on the left side in fetal position. Its head reached the rim of the vessel, facing west. The remains of the individual decayed, and the burial was otherwise empty. Comparative morphological and stratigraphic analysis of the jar *Burial 15* of Square O5, and *Burial 16* and *17* of Square O6 suggest that these burials date to the 1st century BC – 1st century AD [2, p. 60].

The jar *Burial 9* was opened in Square N9, at a depth of 220 cm from the surface of the bedrock. The jar was in a compressed condition and filled with sediment. A bronze snake-shaped bracelet, an earring, a ring, ceramic fragments, and a bone knuckle were found inside

3. We express our gratitude to numismatist Dr. R. Vardanyan for identifying the coin and providing us with photographs.

(Fig. 3, *7-10*). An earthen layer of ash containing animal bones was observed near the jar, which may be the remnants of funeral feast.

Finally, the jar *Burial 10* was uncovered in the northern part of Square D11. The red vessel (60 cm high, 50 cm wide, with a base diameter of 18 cm) was placed horizontally, with the mouth facing east (Fig. 2, 4). There was a hole 1 cm in diameter in the center of the flat base. The mouth of the jar was covered with a small bowl, which also had a hole in the center. The jar burial contained no finds, except for a few infant teeth.

Grave goods

Although the inventory of the Agarak burials is not abundant, it is nevertheless notably diverse, and includes pottery, jewelry, seals, a coin, a knuckle bone, and other small artifacts.

Ceramic assemblage is represented by burial vessels associated goods such as an intact small pot and different potsherds. The ten burial jars can be classified into 3 types: large jars, mid-size jars, and pots (two-handled or handleless) with heights varying from 32.5 cm to 120 cm. All pots were used for hosehold purposes and all had a hole in the middle of a plain base. The only intact pot found inside the jar burials was a small, red-slipped, well-polished vessel with convex body and everted rim (height – 8 cm, diameter of the widest part – 9.6 cm, rim diameter – 6 cm, base diameter – 4.5 cm).

Although *jewelry* artifacts are few, the small collection dates to the Late Hellenistic period. *Bracelets* are represented by a single copy. It is 5.5 cm wide, round in section, with slightly flattened snake-shaped terminals. The eyes of the snakes are emphasized on the slightly widening and elongated heads. The heads were separated from the smooth body by stripes. Snake-head bracelets first appear in the Armenian Highlands at the beginning of the first millennium and existed until the Middle Ages [3, p. 81]. They became particularly popular in the Hellenistic period. Similar bracelets were found in Artashat, Garni, Dvin, Oshakan, Beniamin, Tsaghkahovit, and other ancient sites [4, pp. 81–82; 5, p. 52; 6, p. 74; 7, pp. 87–88; 8, p. 77; 9, p. 169, Fig. 50].

Earrings can be divided into 2 types: circular earrings and pendant earrings. The circular earrings are presented by a single copy. It is a bronze ring that widens slightly at the bottom. Such earrings were widespread in the Hellenistic period and were found in Dvin, Artashat, Garni, Beniamin and other synchronous sites [3, pp. 64–65; 5, p. 52; 10, pp. 81–82; 7, p. 131]. Earrings of this shape are seen also on the coin of king Artavazd II [11, p. 30].

There are four earrings with pendants. Two of those are represented by spherical pendants made of light blue glass paste (probably imitation of turquoise, diameter – 7–8 mm). One of those bears the preserved bronze detail of the hanger attached to the ring. Other two earrings occurred from the post-Urartian jar burial and have bone pendants decorated by groves [1, p. 153; 12]. The rings made of bronze wire, from which the hangers were attached, were not preserved.

Two *rings* were found in the jar burials. The rings are circular and very thin. One of the rings is made of bronze, the other – of low-grade silver (1.5 in diameter).

The conical paste *pinhead* with a wide hole, about 2 cm in diameter, stands out from the jewelry collection (Fig. 3, 11). It was originally covered with blue glaze, the traces of which can be seen in some places.

Among the items of adornment found from the Agarak jar burials *beads* make up the majority. They differ in a wide variety of shapes, materials, and crafting techniques. Disk-shaped, triangular, spherical, biconical, square, and inlaid beads are made of glass, paste, amber and carnelian.

The carnelian bead is biconic and four-faceted. It is 1.25 cm long, with a hole diameter of about 2mm (Fig. 3, *4*). The amber pendant is dark brown. It is well polished, biconic, flat on one side and convex on the another. The longest part is 1.6 cm.

As in other tomb complexes of the Hellenistic period, glass paste beads are the most widespread at Agarak. Glass beads were originally intended to replace precious gemstones made for jewelry, which is why they often mimic stone beads with their colors and shapes.

One of the paste beads found from a jar burial is disk-shaped. It is 9mm long. Probably it bore decorations, as traces of a red paint were preserved around the bead hole.

Barrel-shaped beads from Tomb 6 were also made of blue glass paste (28 pieces, length varying from 7.4 to 9.7 mm) (Fig. 3, *2*).

Eight of the paste beads are spherical (one is large, three are mid-sized, and four are small, with diameters ranging from 5.1 to 8.2 mm), and one is cylindrical – 8.8 mm long and 2.4 mm in diameter.

Beads with inserts (44 items) are no less remarkable. These are spherical, slightly compressed in the hole area, which hint at possible silver inserts. The diameter of this kind of beads ranges from 4.8 to 5.5 mm (Fig. 3, 3). It is quite difficult to make such beads. Production was carried out only in developed glass-making centers; it required a high degree of artistic craftsmanship, as the craftsman had to have both deep knowledge of glassmaking, and jewelry [13, p. 27]. Similar beads with silver inserts were also found in Avan [14, p. 11]. A biconic bead made of dark blue glass was discovered together with beads with inserts (7–7.8 mm in diameter). One of the beads is four-faceted, and made of light blue transparent glass. It is 22mm long, width of the facets is 5.5–6.5 mm.

A quite noteworthy bead, the so-called “eye-bead” or a “*nazar*” charm was also found in Agarak. It is 9 mm in diameter and made of dark blue glass. Three drops of yellowish glass are applied on a manner of eyes on its surface, and the pupils are made of dark blue glass. According to the beliefs of Iran, India, and Asia Minor, such eye-beads brought their owners well-being and wealth [15, p. 80]. The presence of such beads in the jar burials suggests an apotropaic function, aimed at “repelling the evil eye”.

Ones of the most interesting finds from the Agarak jar burials can be considered *seals*. The first seal is cylindrical, made of stone, with a broken handle. The seal depicts a man on his knees with open arms under a sun disk. A figure in the praying position wearing a flattened headdress is situated to the left. The preserved traces of the engraving suggest that such an image was depicted on the right side, too. On the lower flat surface, a horse head is depicted, with eyes, hair, and mane emphasized. Above it is an image of a winged disk [1, p. 154]. The seal is in a very worn-out condition. Seals with a similar image are known from Karmir Blur [16, fig. 42], and Ayanis [17, p. 336, fig.16, p. 353, pl. II, 2].

The second seal is a polyhedron made of light blue glass (jar burial 6, 19×12×8 mm). Its lower flat surface depicts a fight between a bear and a horseman (Fig. 3, *1*) [18, p. 197]. The upper part of the decorative composition is not well stamped, so the head and a raised hand of the horseman are indistinguishable. Nevertheless, according to the hand position, we can assume that the horseman holds a spear and is ready to fight the bear attacking him,

standing on its paws very close to the horse. The images on the seal are quite schematic and generalized.

The bear-god cult was widespread in pre-Christian Armenia [19, pp. 6–7]. This is evidenced by the seals [15, pp. 74–75; 20, p. 65; 6, p. 52] and bear-shaped ritual pottery dating to the Helenistic period from Artashat, Armavir, and Areni [21, p. 238, fig. 242, 243]. The bear was the personification of the god Ara in ancient Armenia, and was a bringer of good fortune. It served as a patron in ancient societies, then as a patron of the family and mothers-to-be [19, pp. 31–32].

The polyhedral seals cast from blue glass, which date to 5th–4th centuries BC, are copies of stone polyhedral seals spread across Asia Minor are found at the archaeological complexes of Armenia, Georgia, and in the territory of Caucasian Albania and date to the 2nd – 1st centuries BC [18; 22; 23; 24, pp. 85, 89–90; 25; 26, p. 263]. The polyhedral seals from Agarak belong to the same period.

Due to high demand in the 1st century BC – 1st century AD, these seals were mass-produced. A series of identical polyhedral seals were cast in the same molds, depriving the seal of its main feature — of being personal and unique.

The blue glass polyhedral seals are mostly found in infants' and women's burials, together with several samples of beads. This fact, as well as mythological and symbolic themes depicted on them, confirms that they were used as charms and amulets [18, p. 201].

The polyhedral seal with the bear clearly had the same ritual-magical significance.

The imitation *drachma* of Alexander the Great depicts the head of Heracles on its obverse, and Zeus sitting on the throne. The diameter of the coin is 16.4 mm, weight – 3.35 g (1 g less from its initial weight). A check cut is made on the edge of the drachma (Fig. 3, *12*).

About 40 silver coins of Alexander the Great have been found in different regions of Armenia, 85% of which were drachmas. Most of them are fairly worn, weighting about 3.7 g (the initial weight is approx. 4.3 g). These coins were widespread in the Hellenistic world. They continued to be issued after the death of Alexander and remained in use for about two centuries. Since the worn coins are so common, we can assert that they circulated for a long time in Armenia. There are also copies of coins of Alexander the Great, often with a check mark on the edge of coin [27, p. 10]. The coin of Alexander the Great found in Agarak was most likely placed in the mouth of a person who was buried in a jar, since the greenish infant tooth was found in the same jar.

In the ancient Greek world, money (or an obol) was placed in the mouth of the deceased as a reward to Charon for crossing the river Styx [28, pp. 435–438]. This ritual was also widespread in Armenia. Burials with such a ritual are known from Karmir Blur, Artashat, Garni, Tigranakert, Avan [29; 14, p. 13; 10, pp. 28, 30; 7, p. 131; 30, pp 63–64]. A localized version of that ritual was found in Shirak province, in the tomb field of Beniamin and Vardbagh, in which jewelry was put into the mouth of the deceased instead of money [3, p. 131].

A *bone knuckle* (talus of cattle, astragalus bone) was found in the jar burial in Agarak. Bone knuckles appear in archaeological assemblages in Armenia as early as the Bronze Age, and are thought to have been used both as a game piece and a charm [31]. Their usage continued into the Classical period. These bone artifacts were found in the settlements and burial mounds of Garni, Artashat, Beniamin, Arapi, and Karchaghbyur [3, p. 91; 10, p. 58; 8, pp. 18, 20], synchronous sites of Georgia and the Greater Black Sea area [31, p. 170; 32 p. 79; 33, p. 50].

Charms continued to be used into the Middle Ages, as evidenced by the Dvin finds [31, p. 172]. The amulet from Agarak found in the burial complex was an integral part of the burial rite. If we accept that knuckle was an early medium of monetary exchange, which later was replaced by metal coins [34, p. 156], it is possible that it was placed in this tomb instead of "Charon's obol", representing another localized version of the Greek ritual.

Conclusion

In the Armenian Highlands the earliest jar burials were recorded at Areni-1 cave (4200–3900 BC) [35, p. 26]. The burial jars of predynastic Egypt date to same period. This kind of burials appeared in Mesopotamia in the 3rd millennium BC, and in the 3rd–2nd millennia BC they became widespread in Asia Minor. After a hiatus, in the 7th century BC jar burials again appeared in Asia Minor [36, pp. 3–4]. In Armenia after Areni-1 cave, jar burials are recorded at the site of Argishtikhinili and date to the Urartian – Early Armenian periods [37, pp. 51, 55. This kind of burial practice became more common in the Hellenistic period, and in the 2nd–1st centuries BC they become widespread, recorded at the burial mounds of the Classical period of Armenia (Artashat, Garni, Dvin, Vagharshapat, Avan, Shirakavan, Beniamin, Tigranakert, etc.) [38; 29; 39, p. 279; 4, p. 148; 14, pp. 11–14; 5, pp. 25-29; 6, pp. 54–60; 10, pp. 31–32; 7, pp. 23–25; 40; 41, pp. 68–69], and neighbouring Georgia [36, p. 11–75; 42; 43 p. 41] and in Caucasian Albania [44; 45; 46].

Ten jar burials excavated at the Agarak site are placed mainly in a horizontal position (except the vertical two-handled pot, Burial 9). The jars have different orientations. The deceased was placed in a vessel after breaking a part of the jar's shoulder and rim, then the fragments were put back together. The deceased was buried in these jars in a fetal position on the right or left side.

Although some of the jar burials did not contain any accompanying grave goods, the items found in others shed light on everyday life, adornments, and beliefs of the society represented by this assemblage.

In the vicinity of the jar burials opened in Squares O6 and N9 at the burial field of Agarak, remnants of a funerary feast represented by animal bones and broken pottery were recorded as a layer of earth and ash.

Thus, the study of the burial field located on the southern slope of the first northern platform of Agarak in Aragatsotn province allows us to document the use of jar burial practices from the end of the 6th century BC to the 3rd century AD. The study of the materials of the above-mentioned jar burials excavated in Agarak also indicates that these contained the same goods (ceramics, adornments, and coins) as other types of burials of the same burial field did. This fact testifies to the uniformity of material culture: there were differences in funeral rites, but the cultural unity and a similar worldview of the population of synchronized sites of Armenia was maintained.

Acknowledgments. The study was financially supported by the Science Committee of RA, within the framework of a research project No. 21T-6A272 "The Culture of the Jar Burials of the Armenian Highlands (VI century BC – III century AD)".

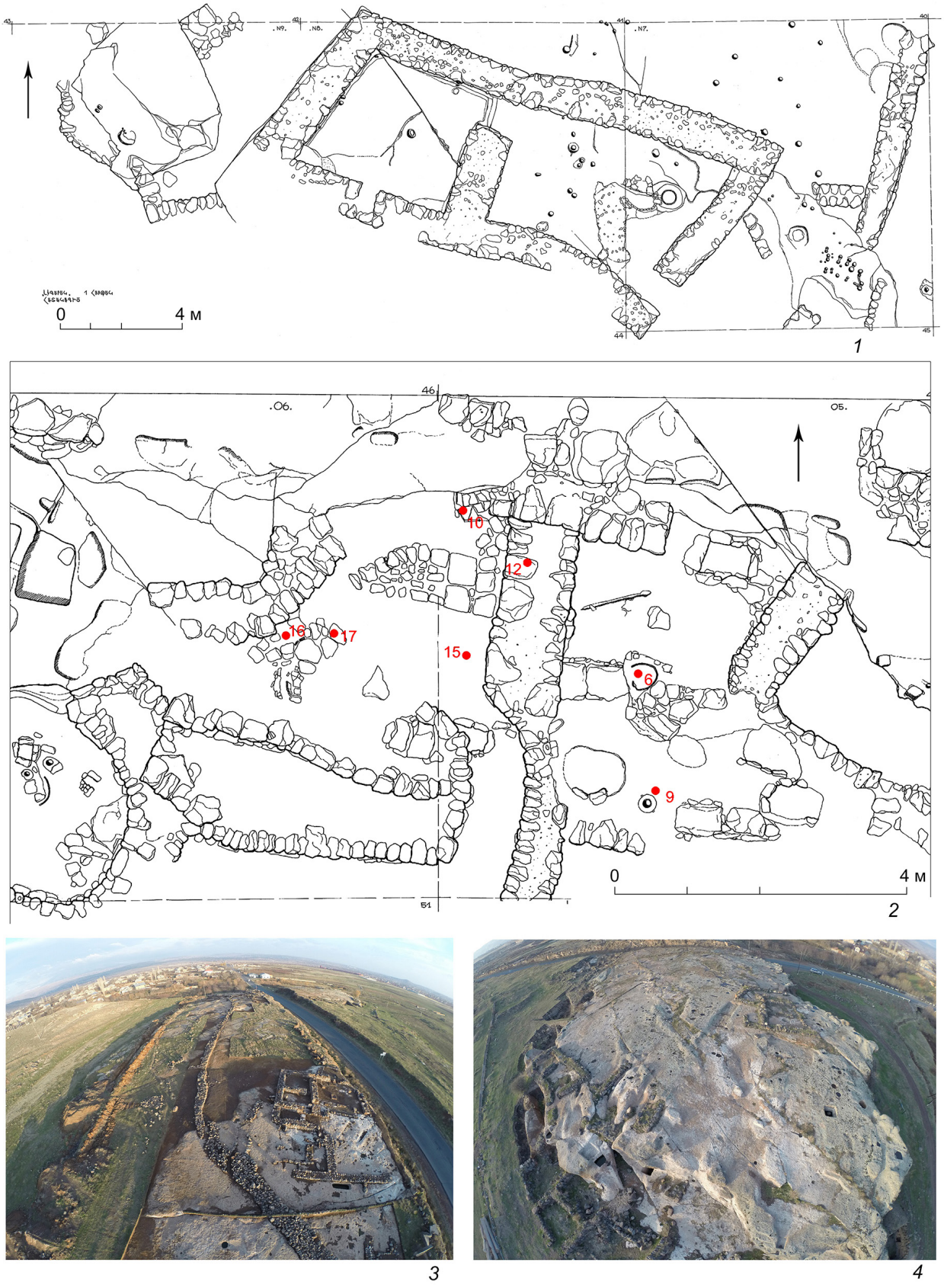


Fig. 1. The archaeological site of Agarak. 1, 3 –Location of the site on Google Earth;
2 –The first platform of the northern complex; 4 – the aerial photograph of the site

Рис. 1. Археологический памятник Агарак. 1, 3 – Расположение памятника на Google Earth;
2– Первая платформа северного комплекса; 4 – аэрофотоснимок памятника

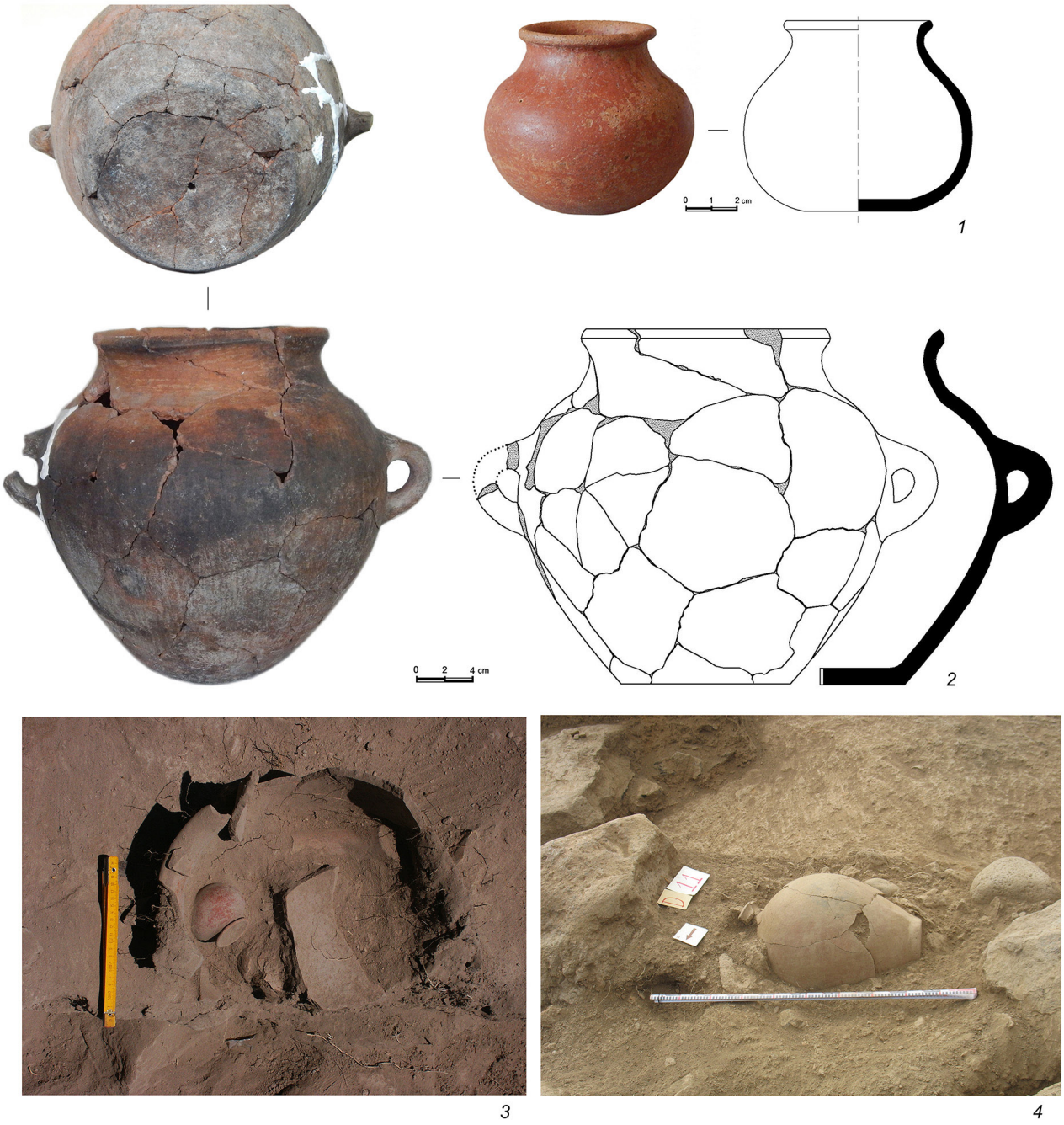


Fig. 2. The vessels and the inventory of the jar burials:
1, 3 – jar burial No. 6; 2 – jar burial No. 9; 4 – jar burial No. 10 in square D11

Рис. 2. Сосуды и погребальный инвентарь:
1, 3 – кувшинное погребение № 6; 2 – кувшинное погребение № 9;
4 – кувшинное погребение № 10, квадрат D11

Fig. 3. The inventory of the Agarak jar burials: 1- a blue glass polyhedron;
2-6 – beads, 7-8 – a snake-shaped bracelet; 9-10 – earrings; 11- a pin head;
12 – a imitation of Alexander's the Great drachma

Рис. 3. Инвентарь кувшинных погребений Агарака: 1 – синий стеклянный многогранник;
2-6 – бусы; 7-8 – браслет со змеевидными концами; 9-10 – серьги; 11 – головка булавки;
12 – подражание драхме Александра Македонского

REFERENCES

1. Yengibaryan N. *The Urartian Pithos Burial of Agarak*. Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. 2011, Vol. 101: 152-155.

2. Karapetyan I, Yengibaryan N. The burial complexes of Agarak (preliminary report). *Ancient culture of Armenia 2*. Yerevan, 2002: 58-65 (In Arm.).

3. Yeganyan L. The burial grounds of Shirak. *Archaeological and historical-ethnographic researches in Shirak*. Yerevan-Gyumri: Gitutyun Press, 2010 (In Arm.).

4. Badalyan H, Nalbandyan A, Alexanyan A. Newly discovered tomb field in Yeghvard. *Bulletin of Armenology. International Armenological Journal*. NAS RA "Gitutyun" Press, Yerevan. 2014, 2-3 (5-6): 144-164 (In Arm.).

5. Qocharyan G. *Dvin III. Dvin in the Classical period*. Yerevan, 1991 (In Arm.).

6. Yesayan S, Kalantaryan A. Oshakan I. *Archaeological excavations In Armenia*, No. 18. Yerevan: AS ArmSSR Press, 1988 (In Russ.).

7. Khachatryan Zh. Garni V. The antique necropolis (the results of the excavations in 1956-1972). *Archaeological excavations In Armenia,* No. 15. Yerevan: AS ArmSSR Press, 1976 (In Russ.).

8. Arakelyan B. Garni II. The results of excavations of the archaeological expedition of Garni in 1951-1955 (Classical period). *Archaeological excavations In Armenia*, No. 5. Yerevan: AS ArmSSR Press, 1957 (In Russ.).

9. Khatchadourian, L. 2016 *Imperial Matter: Ancient Persia and the Archaeology of Empires*. Berkeley: UC Press.

10. Khachatryan Zh. *Artashat II*. Yerevan: AS ArmSSR Press, 1981 (In Arm.).

11. Musheghyan Kh. *Coin hoards of Armenia*. Yerevan, 1973 (In Arm.).

12. Khatchadourian L. *Empire in the Everyday: A Preliminary Report on the 2008-2011 Excavations at Tsaghkahovit*. Armenia, 118, 2014: 137-169.

13. Alekseeva E. Ancient beads of North Pontic. *Corpus of Archaeological Sources*. Issue GI-12/3. Moscow: Nauka Publ., 1978 (In Russ.).

14. Demirkhanyan A. *The Northeast of Yerevan in the Artaxiad period. Fragments of the material and spiritual culture according to the data from the settlement of the Classical period in Avan-Arinj (2nd cent. BC – 1st cent.AD)*. Yerevan: Gitutyun Press, 2010 (In Russ.).

15. Khachatryan Zh. The tomb of Sisian (2nd half of the 1st cent. BC). *The Archaeological sites of Armenia*. Yerevan: Gitutyun Press. No. 21, 2009 (In Arm.).

16. Piotrovsky B. *Karmir-Blur III: The results of the work of the archaeological expedition of the Institute of History AS ArmSSR and State Hermitage in 1951-1953*. Yerevan, 1955 (In Russ.).

17. Abay E. Seals and Sealings. In: A. Çilingiroplu, M. Salvini (eds.). *Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998*. Roma, 2001: 321-353.

18. Gabrielyan A. On several multifaceted seal stamps found In Armenia. In: *History and Culture. Proceedings of the Journal of Armenian studies. Part A*. Yerevan: YSU Publ., 2013: 193-208 (In Arm.).

19. Ter-Martirosov F. Bear cub and other characters of the Armenian mythology. *Armenian center for strategic and national studies*. Yerevan, 1996 (In Russ.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Yengibaryan N.* The Urartian Pithos Burial of Agarak // Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie, 2011, Vol. 101, pp. 152-155.

2. *Կարապետյան Ի, Ենգիբարյան Ն.* Ագարակի դամբարանային համալիրները (նախնական հաղորդում) // Հայաստանի հնագույն մշակույթը 2: Երևան, 2002, էջ 58-65.

3. *Եգանյան Լ.* Շիրակի անտիկ դամբարանադաշտերը // Շիրակի հնագիտական և պատմազգագրական ուսումնասիրություններ: ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, Երևան-Գյումրի, 2010, 224 էջ + ներդիր:

4. *Բադալյան Հ, Նալբանդյան Ա, Ալեքսանյան Ա.* Նորահայտ դամբարանադաշտ Եղվարդում // Բանբեր հայագիտության, հայագիտական միջազգային հանդես. ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ, Երևան, 2014, № 2-3 (5-6), էջ 144-164.

5. *Քոչարյան Գ. Դվին III,* Դվինը անտիկ դարաշրջանում, Երևան, 1991, 114 էջ + XXIX աղյուսակ.

6. *Есаян С., Калантарян А.* Ошакан I // АРА № 18, Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1988, 131 стр.

7. *Хачатрян Ж.* Гарни V. Античный некрополь (результаты раскопок 1956-1972 гг.) // Археологические раскопки в Армении, № 15, изд. академии наук Армянской ССР. Ереван, 1976, 134 стр. + XXVII табл.

8. *Аракелян Б.* Гарни II. Результаты раскопок гарнийской археологической экспедиции 1951-1955 гг. (античний период) // Археологические раскопки в Армении, изд. АН Арм. ССР. Ереван, 1957. № 7. 92 стр. + XXI табл.

9. *Khatchadourian L.* Imperial Matter: Ancient Persia and the Archaeology of Empires. Berkeley: UC Press, 2016.

10. *Խաչատրյան Ժ.* Արտաշատ II, ՀՀՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան. 1981, 200 էջ + XXXII աղ.

11. *Մուշեղյան Խ.* Հայաստանի դրամական գանձերը. Երևան, 1973.

12. *Khatchadourian L.* Empire in the Everyday: A Preliminary Report on the 2008-2011 Excavations at Tsaghkahovit, Armenia, 2014; 118: 137-169.

13. *Алексеева Е.* Античные бусы Северного Причерноморья, САИ, выпуск Г1-12. М.: Наука, 1978.

14. *Демирханян А.* Северо-восток Еревана в эпоху Арташесидов. Фрагменты материальной и духовной культуры по данным античного поселения в Аван-Ариндже (II в. до н. э. - I в. н. э.). Ереван:Изд. «Гитутюн» НАН РА, 2010. 140 стр. + 99 табл.

15. *Խաչատրյան Ժ.* Սիսիանի դամբարանը (մ. թ. ա. I դարի երկրորդ կես) // Հայաստանի հնագիտական հուշարձանները № 21. «Գիտություն». Երևան, 2009, 124 էջ.

16. *Пиотровский Б.* Кармир-Блур III: Результаты работ археологической Экспедиции института истории АН Арм. ССР и Государственного Эрмитажа 1951-1953 гг. Ереван, 1955.

17. *Abay E.* Seals and Sealings // A. Çilingiroplu, M. Salvini (eds.). Ayanis I. Ten Years Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998. Roma, 2001. P. 321–353.

18. *Գաբրիելյան Ա.* Հայաստանում հայտնաբերված մի քանի բազմանիստների մասին // Պատմություն և մշակույթ, Հայագիտական հանդես, Ա, ԵՊՀ հրատարակչություն: Երևան, 2013, էջ 193-208.

19. *Тер-Мартиросов.* Медвежонок и другие персонажи Армянской мифологии // Армянский центр

20. Tiratsyan G. *Culture of Ancient Armenia*. Yerevan: AS ArmSSR Press, 1988 (In Russ.).

21. *Arménie: trésors de l'Arménie ancienne: des origines au IVe siècle*. Somogy, Paris, 1996.

22. Javakhishvili K. Gems cast of blue glass. *Dzeibani. The journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences*. Tbilisi. 2002, 9: 71-80.

23. Khachatryan Zh. Remarks on glyptics of the Hellenistic period of Armenia. *Herald of the Social Sciences*. Yerevan. 1974, 7: 97-104 (In Arm.).

24. Lordkipanidze M. *Corpus of the Relics of Glyptics of Ancient Georgia*, Vol. I. Tbilisi, 1969 (In Russ.).

25. Babayev I. About three polyhedral seals discovered in Mingechaur. In: *Archaeological researches in Azerbaijan. Collection of articles*. Baku: AS AzSSR Press, 1965. pp. 128–133.

26. Maksimova M. Gems from necropolis of Mtskheta-Samtavro. *Herald of the State Museum of Georgia*. Tbilisi. 1950, Vol. XVI-B: 221–274 (In Russ.).

27. Vardanyan R, Mughalyan G, Vardanyan A, Zohrabyan A, Hovhannisyan H. *History of currency circulation of Armenia*. Central Bank of the Republic of Armenia. Yerevan, 2018 (In Arm.).

28. Sudarev N, Boldyrev S. "Charon's obol" as an archaeological term. In: Zinko V. (ed.). *Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Actual problems. Issue X*. Kerch, 2009: 435-438 (In Russ.).

29. Petrosyan H, Safaryan V, Karapetyan I, Kirakosyan L, Vardanyan R, Vardanesova T, Gabrielyan A. Pithos Burials of Tirganakert of Artsakh. *Archaeology of Armenia in regional context II, International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography*. Yerevan, 2021: 293-304.

30. Vaiman A, Tiratsyan G. Karmir Blur necropolis of the Hellenistic period. Herald of the Social Sciences, No. 8. Yerevan, 1974: 60-70 (In Russ.).

31. Yengibaryan N. Astragalus amulets and astragalus toys. *Herald of the Social Sciences*. Yerevan, 1991, 3: 170-174 (In Arm.).

32. Peters B. *Bone carved in the antique states of Northern Black Sea*. Moscow, 1986 (In Russ.).

33. Dedabrashvili Sh. The burial mound of the Alazani valley. *Proceedings of the Kakheti archaeological expedition II*. Tbilisi, 1979 (In Russ.).

34. Zohrabyan A. Types of money and their ritual significance. *Armenian folk culture XVII*. Yerevan, 2018. pp. 156–167 (In Arm.).

35. Wilkinson K, Gasparian B, Pinhasi R, Avetisyan P, Hovsepyan R, Zardaryan D, Areshyan G, Bar-Oz G, and Smith Al. Areni-1 Cave, Armenia: A Chalcolithic – Early Bronze Age settlement and ritual site in the southern Caucasus. *Journal of Field Archaeology*. 2012, 37(1): 20–33.

36. Noneshvili A. *Funerary rites of the peoples of Transcaucasia (Jar burials of the 8th cent. BC - 8th cent. AD)*. Tbilisi, 1992 (In Russ.).

37. Martirosyan H. Argishtikhinili. *Archaeological sites of Armenia*, 8. Yerevan, 1974 (In Russ.).

38. Karapetyan I, Gabrielyan A, Melikyan V, Hakhverdyan A. The Jar Burials of the Classical Period of Mastara. *Review of Armenian Studies*, Yerevan, 2022: 93-104.

39. Simonyan A. Nerkin Naver – Complex of sites from

стратегических и национальных исследований. Ереван, 1996.

20. *Тирацян Г.* Культура древней Армении. Ереван: Изд. АН АССР, 1988.

21. Arménie: trésors de l'Arménie ancienne: des origines au IVe siècle. Somogy, Paris, 1996, 287 p. + 269 fig.

22. *Javakhishvili K.* Gems cast of blue glass // Dzeibani. The journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences, № 9. Tbilisi, 2002. P. 71-80.

23. *Խաչատրյան Ժ.* Դիտողություններ Հայաստանի հելլենիստական շրջանի գլիպտիկայի մասին // ԼՀԳ № 7, Երևան, 1974, էջ 97-104.

24. *Лордкипанидзе М.* Корпус памятников глиптики древней Грузии, т. I. Тбилиси, 1969.

25. *Бабаев И.* О трех многогранных печатях, найденных в Мингечауре // Археологические исследования в Азербайджане. Баку: Изд. АН АзССР, 1965. С. 128-133.

26. *Максимова М.* Геммы из некрополя Мцхета-Самтавро // Вестник гос. музея Грузии. Т. XVI-B. Тбилиси, 1950. С. 221-274.

27. *Վարդանյան Ռ, Մուղալյան Գ, Վարդանյան Ա, Զոհրաբյան Ա, Հովհաննիսյան Հ.* Հայաստանի դրամաշրջանառության պատմությունը: Հայաստանի Հանրապետության Կենտրոնական բանկ. Երևան, 2018, 467 էջ.

28. *Сударев Н., Болдырев С.* «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Вып. X (ред. В. Зинько Н). Керчь, 2009. С. 435–438.

29. *Petrosyan H., Safaryan V., Karapetyan I., Kirakosyan L, Vardanyan R, Vardanesova T, Gabrielyan A.* Pithos Burials of Tirganakert of Artsakh // Archaeology of Armenia in regional context II, International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography. Yerevan, 2021. P. 293-304.

30. *Вайман А, Тирацян Г.* Кармир блурский некрополь эллинистического времени // Вестник общественных наук. № 8. Ереван, 1974. С. 60-70.

31. *Ենգիբարյան Ն.* Հին Հայաստանի վեգ-հմայիլները և վեգ-խաղալիքները // ԼՀԳ № 3, Երևան, 1991, էջ 170-174.

32. *Петерс Б.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.

33. *Дедабришвили Ш.* Курган Алазанской долины // Труды Кахетинской археологической экспедиции II. Тбилиси, 1979.

34. *Զոհրաբյան Ա.* Փողի տեսակները և դրանց ծիսական նշանակությունը // Հայ ժողովրդական մշակույթ XVII, ՀԱԻ հրատ. Երևան, 2018, էջ 156-167.

35. *Wilkinson K, Gasparian B, Pinhasi R, Avetisyan P, Hovsepyan R, Zardaryan D, Areshyan G, Bar-Oz G. and Smith Al.* Areni-1 Cave, Armenia: A Chalcolithic – Early Bronze Age settlement and ritual site in the southern Caucasus // Journal of Field Archaeology. 2012. Vol. 37. No 1. P. 20-33.

36. *Нонешвили А.* Погребальные обряды народов Закавказья (Кувшинные погребания VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.). Тбилиси, 1992.

37. *Мартиросян А.* Аргиштихинили // Археологические памятники Армении. 8. Ереван, 1974.

38. *Karapetyan I, Gabrielyan A, Melikyan V, Hakhverdyan A.* The Jar Burials of the Classical Period of

Middle Bronze Age to the Early Middle Ages. *Caucasian Mountains and Mesopotamian Steppe on the Dawn of the Bronze Age. Festschrift in Honour of Rauf M. Munchaev's 90th Anniversary*. Moscow, 2019: 273-292 (In Russ.).

40. Khachatryan Zh, Torosyan R. Materials from the Northeastern tombfield of Vagharshapat. *Herald of the Social Sciences*. Yerevan, 1976, 5: 99-111 (In Arm.).

41. Lalayan Y. *Excavations of the tombs in Soviet Armenia*. Yerevan, 1931 (In Arm.).

42. Chikoidze Ts. Tombs of the Classical period from Telavi. *Dziebani. Journal of the Archaeological Research Center of the Georgian Academy of Sciences*. Tbilisi, 2001, 8: 66-75 (In Georgian).

43. Kvirkvaya R. Burial custom in Borjomi valley in the VIII-VI centuries BC. *Dziebani. Journal of the Archaeological Research Center of the Georgian Academy of Sciences*. Tbilisi, 1999, 4: 37-46 (In Georgian).

44. Aliyev T. The preliminary results of archaeological studies of Galatepe town. *Antiquity and Middle Ages*. Baku, 2012: 135-155 (In Azer.).

45. Aliyev T, Babayev F, Huseynova T, Aliyeva G, Abbasov V, Aliyev V. *Researches in ancient Albanian town and necropolis of Galatepe*, ASA, 2012, IAE NAS A. Baku, 2012: 226-234 (In Azer.).

46. Huseynova G. Pitcher burials of Galatepe necropolis. *Historical sciences. Gileya: Scientific herald.* Kiev. 2014, 91: 169-173 (In Russ.).

Mas*tara* // Բանբեր հայագիտության. Երևան, 2022, էջ 93-104.

39. *Симонян А.* Неркин Навер – комплекс памятников от эпохи средней бронзы до раннего средневековья // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник к 90-летию Р.М. Мунчаева. М., 2019. С. 273-292.

40. *Խաչատրյան Ժ, Թորոսյան Ռ.* Նյութեր Վաղարշապատի հյուսիս-արևելյան դամբարանադաշտից // ԼՀԳ, №5. 1976, էջ 99-111.

41. *Լալայան Ե.* Դամբարանների պեղումները Խորհրդային Հայաստանում, Հրատարակություն Մելքոնյան ֆոնդի. Երևան, 1931, 240 էջ.

42. ჩიკოიძე ც. ანტიკური ხანის ქვევრსამარსამარხები თელავიდან, ძეობანი, საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის არქეოლოგიური კვლევის ცენტრის ჟურნალი № 8, თბილისი, 2001, გვ. 66-75.

43. კვირკვაია რ. დაკრძალვის წესი ბორჯომის ხეობაში ძვ. წ. VIII-VI საუკუნებში // ძეობანი, საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის არქეოლოგიური კვლევის ცენტრის ჟურნალი № 4, თბილისი, 1999, გვ. 37-46 (на груз. языке, резюме на рус.)

44. *Алиев Т.* Предварительные результаты археологических исследований городища Галатепе // Antik ve orta esr. Баку, 2012. С. 135-155 (на азер. языке, резюме на рус.).

45. *Алиев Т., Бабаев Ф., Гусейнова Т., Алиева Г., Аббасов В., Алиев В.* Исследования в античном албанском городище и некрополе Галатепе. АИА 2011, ИАЭ НАН А. Баку, 2012. С. 226-234 (на азер. языке, резюме на рус.).

46. *Гусейнова Г.* Кувшинные погребения некрополя Галатепе // Історичні науки, Гілея: науковий вісник, вып. 91. Київ, 2014. С. 169-173.

Recieved 02.02.2023
Accepted 27.03.2023
Published 15.06.2023

Поступила в редакцию 02.02.2023 г.
Принята в печать 27.03.2023 г.
Опубликована 15.06.2023 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192577-585

Рецензия

Гарунова Нина Нурмагомедовна,
д.и.н., профессор кафедры Истории России
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
garunovanina@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию «Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в» / [под общ. ред. Ш.А. Магарамова]. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2022. – 322 с.

Аннотация: В коллективной монографии представлены новейшие результаты исследования Каспийско-Персидского вектора внешней политики Петра Великого и его преемников в первой трети XVIII в. Приведен широкий круг исторических источников, большая часть которых из региональных и федеральных архивов России введена в научный оборот авторами впервые. Исследованы вопросы источниковедения и историографии проблемы, рассмотрены особенности международных отношений в регионе в связи с Персидским походом Петра I, проанализированы сложные вопросы формирования и реализации российской управленческой практики и интеграции прикаспийских областей в имперскую систему, реконструирован образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана.

Ключевые слова: Российская империя; Дагестан; император; Прикаспий; армия; крепость; Персидский поход; пограничье; комендант.

Для цитирования: Гарунова Н.Н. Рецензия на монографию «Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в» / [под общ. ред. Ш.А. Магарамова]. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2022. – 322 с. // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 2. С. 577-585. doi.org/10.32653/CH192577-585

© Гарунова Н.Н., 2023
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: https://doi.org/10.32653/CH192577-585

Review

Nina N. Garunova,
Dr. Sci. (History), Prof. at the Dep. of History of Russia
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
garunovanina@mail.ru

REVIEW
on the monograph "The Caucasian-Caspian region in the policy of the Russian Empire of the first third of the 18th century" / [ed. Sh. A. Magaramov]. – Makhachkala: IHAE DFRC RAS, 2022. – 322 p.

Abstract. The collective monograph presents the latest results of the study of the Caspian-Persian vector of the foreign policy of Peter the Great and his successors in the first third of the 18th century. A wide range of historical sources are provided in the book, most of which were collected from the regional and federal archives of Russia, and are introduced into scientific circulation by the authors for the first time. The issues of source study and historiography of the subject are discussed, the features of international relations in the region in connection with the Persian campaign of Peter I are considered, complex issues of the formation and implementation of Russian administrative practice and the integration of the Caspian regions into the imperial system are analyzed, the image of Peter I is reconstructed in the historical memory of the population of Dagestan.

Keywords: Russian Empire; Dagestan; emperor; Caspian region; army; fortress; Persian campaign; frontier; commandant.

For citation: Garunova N.N. Review on the monograph "The Caucasian-Caspian region in the policy of the Russian Empire of the first third of the 18th century" / [ed. Sh. A. Magaramov]. – Makhachkala: IHAE DFRC RAS, 2022. – 322 p. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N. 2. P. 577-585. doi.org/10.32653/CH192577-585

© N.N. Garunova, 2023
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2023

Вышла в свет коллективная монография дагестанских историков, которая представляет собой очерки различных сторон Каспийско-Персидского вектора внешней политики Петра Великого и его преемников в первой трети XVIII в. [1]. Это исторический период, знаковый отрезок времени, который ознаменовал собой новый этап в развитии российско-дагестанских отношений.

В центре внимания коллектива авторов вопросы историографии и источниковедения проблемы, особенности международных отношений в регионе в связи с Персидским походом Петра I, формирование и реализация российской управленческой практики и интеграции прикаспийских областей в имперскую систему, а также воссоздание образа Петра I в исторической памяти населения Дагестана.

Авторы затрагивают ряд вопросов, среди которых предметом нашего рассмотрения будут прежде всего следующие: историография и источники по истории Персидского похода Петра I в 1722–1723 гг. и его итогов; англоязычные авторы о Персидском походе Петра I; Кавказско-Каспийский регион в российской дипломатии в первой трети XVIII в.; российско-османское пограничье в Восточном Закавказье в 20-е – в первой половине 30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ; имперский опыт управленческой практики в Западном Прикаспии (1722–1735 гг.); Дербент в составе Российской империи: двойная система управления; административная повседневность гарнизонов Низового корпуса Русской императорской армии; модернизация природно-экономических ресурсов «новозавоеванных областей»; Петр I в исторической памяти дагестанцев.

Этот круг вопросов, который не исчерпывает всех граней взаимоотношений, затронутых автором, диктуется как объемом настоящей рецензии, так и значимостью их, в нашем понимании, для освещения отношений между двумя сторонами.

В небольшой вводной части авторы, обозначают актуальность и значимость монографии, отмечают, что особую важность приобретает изучение различных исторических сюжетов, связанных с деятельностью самого Петра I и Петровской эпохой. Мы согласны с тем, что юбилейные даты служат хорошим поводом для активизации научного поиска того или иного исторического события, деятельности выдающихся деятелей.

Коллективная монография выполнена на основе широкого круга исторических источников, значительную часть которых составляют впервые вводимые в научный оборот документы из федеральных и региональных архивов России.

Специалисты справедливо указывают, что еще до Персидского похода император сформулировал государственную политическую программу территориального присоединения отдельных областей Прикаспия. Далее авторы поясняют, что задача, стоявшая перед началом территориальной экспансии, заключалась в том, чтобы предотвратить закрепление Османской империи на Каспии, установить монопольное положение в каспийском мореходстве и превратить Каспий во внутреннее пространство империи. Расширение границ России на южном направлении сопровождалось за счет завоеванных областей в Прикаспии. Здесь строили города-крепости, на которые возлагались функции опорных пунктов для продвижения в Персию. Авторы, верные своей линии, указывают на стремление к компромиссу

со стороны властей, которые обеспечивали постепенное приобщение автохтонных народов к российской государственной системе, на то, что многонациональный край был в итоге данного события покорен не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета России.

В первой главе виден глубокий интерес авторов к оценке целей и задач похода. В связи с этим, обозначается задача источниковедческого и историографического анализа всей научной литературы, которая посвящена истории и итогам Персидского похода Петра I. Основное внимание обращено на противоречивость концепций, на отдельные дискуссионные моменты, приведено мнение авторов на варианты решения всех выявленных противоречий и проблем [2].

Авторы приводят краткий историографический обзор и изложение основных этапов политического процесса в регионе в 1722–1735 гг. Исследователь Магарамов Ш. сделал обзор ценных документов по Персидскому походу и пребыванию императорских войск в Прикаспии, которые сосредоточены в различных фондах архивов страны.

Красной нитью через эту главу проходит уже обозначенная мысль о том, что с одной стороны, имеющиеся документы дают достаточно ясное представление о масштабности внешнеполитической акции Российской империи в Западном Прикаспии, о каспийском векторе ее восточной политики. С другой стороны, документы, отражающие повседневную жизнь воинских чинов всех рангов, их взаимоотношения с кавказскими правящими элитами представлены в наименьшей степени. Исследователи указывают на достаточно обширный объем фондов источников, которые позволили рассмотреть как отдельные вопросы, связанные с экономическим, хозяйственным освоением российской империей территории Западного Прикаспия, так и обратную реакцию персидских и кавказских владетелей на новые складывающиеся реалии, на деятельность отдельных персоналий.

Очень важное научное значение имеет рассматриваемый авторами вопрос о фронтире. Авторы акцентируют внимание на том, что в современной исторической науке обозначилась тенденция к изучению вопроса с позиций персидско-российского-османского пограничья, или концепции фронтира, когда он выступал не просто конфликтной зоной, а взаимодействием пограничных обществ и политических элит [3].

Вторая глава книги посвящена анализу работ англоязычных авторов о Персидском походе Петра I. Ученые подчёркивают принципиально важный момент, что к числу ценнейших источников по истории Персидского похода все еще недостаточно изученных, относятся сведения европейских авторов, непосредственных участников похода и очевидцев описываемых событий. Среди них были Джон Белл, оставивший описание о походе Петра Великого в Дербент в 1722 г., и Питер Брюс. Авторы монографии обращают внимание, что присутствует очень много общих сюжетов: описание русской крепости Терки и дагестанских городов Тарки и Дербента, отправка манифестов к местным народам с объявлением целей похода, изъявление покорности императору Петру Великому шамхалом Адиль-Гиреем и дербентским наибом Имамом Кули-беком, сражения жителей Эндирея и Утамышского владения с императорскими войсками.

Следующая узловая проблема, рассматриваемая авторами монографии в третьей главе, связана с ролью и особенностями Кавказско-Каспийского региона в российской дипломатии в первой трети XVIII в. Авторы правы, когда говорят о том, что в конце XVII – начале XVIII в. народы Кавказа попали в сферу международных интересов России, Ирана и Турции. Для России, которая целенаправленно отстаивала свои интересы на территории Северного Кавказа, главными были задачи по обеспечению экономической, военной и политической безопасности на южных рубежах.

Исследователи акцентируют внимание на том факте, что утверждение позиций России на Каспии имело стратегическое значение. Это было связано с тем, что оно позволяло вести через российские территории всю торговую деятельность с восточными странами [3]. Относясь к этому выводу с пониманием и уважением, подчеркнем, что тут важную роль играла и пророссийская ориентация жителей региона.

Подводя итог сказанному, на наш взгляд следует отметить важный момент – в 1715–1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование края, в частности Дагестана, произвел известный русский дипломат, ставший в 1719 г. астраханским губернатором, А.П. Волынский. Это позволило получить много важной и полезной информации о регионе.

Четвертая глава книги посвящена вопросам российско-османского пограничья в Восточном Закавказье в 20-е – в первой половине 30-х гг. XVIII в., проблемам разграничения, реакции пограничных сообществ. Она начинается с того, что автор характеризует Персидский поход 1722–1723 гг. как последнюю крупную внешнеполитическую акцию Петра Великого, которая привела к коренным геополитическим изменениям в Восточном Закавказье и на севере Сефевидского Ирана. Именно после этого похода военно-дипломатическое противостояние между Российской и Османской империями завершилось Константинопольским договором 1724 г. Основное же внимание уделено автором изучению демаркации российско-турецкой границы на западном побережье Каспия, реакции кавказских обществ на новый пограничный порядок, сложность и изменчивость пограничной жизни в регионе [4].

В пятой главе освещается имперский опыт управленческой практики в Западном Прикаспии (1722–1735). Самым большим достоинством раздела о событиях, связанных с созданием крупного военного контингента – Низового корпуса Русской императорской армии для управления и обеспечения полного контроля и безопасности в Западном Прикаспии, является взвешенность, глубокая научность, разносторонность, чуждая однобокому освещению, которое присуще для части кавказоведческой историографии по данной проблеме, имеющей цель показать «колониальную» политику России [5].

Однако процесс освоения Россией северокавказских просторов имел не только политические или экономические аспекты, но заключался и в постепенном уяснении российской стороной местной этнокультурной специфики и приспособлении к ней. На этом пути случались и сложности. И они, разумеется, не обойдены вниманием авторов: в работе указано, что военно-экономическая деятельность российских властей вызывала недовольство у отдельных представителей дагестанских политических элит, даже тех, которые находились в числе союзников императора.

Следует согласиться с авторами в том, что практика управления прикаспийскими провинциями историками никогда не рассматривалась как отдельный сюжет. Интерес представляют очерки о Дербенте в составе Российской империи, акцентирование внимания на двойной системе управления, рассматриваемые в шестой главе. Уделено внимание дербентскому наибу Имаму Кули-беку, который верно служил российской администрации. Исследователи справедливо полагают, что его деятельность на российской службе в кавказоведческой исторической науке незаслуженно забыта. Обычно все данные о нем имеют отрывочные упоминания в связи с мирной сдачей Дербента российским властям. Поставив для себя цель изучить политическую деятельность наиба Имама Кули-бека, характер взаимоотношений с российской центральной и региональной властью, совмещение им управленческих функций в городе с комендантом А.Т. Юнгером [6], авторам удалость рельефно презентовать эту яркую персоналию. А также им удалось уточнить период нахождения А.Т. Юнгера в должности коменданта Дербента, храбрость которого отметил сам император. Исследователи уточняют, что в круг обязанностей дербентского коменданта входило хозяйственно-экономическое освоение города и его сельскохозяйственной округи.

Далее, рассматривая в данной главе, опыт управленческой практики А.Т. Юнгера, авторам удалось расширить и углубить представления о событиях, которые происходили как в Дербенте, так и на территории всего Восточного Кавказа в целом. Акцент сделан на периоде именно первой трети XVIII в., когда шло становление в регионе имперской власти [6].

В главе седьмой рассматривается административная повседневность гарнизонов Низового корпуса Русской Императорской армии, что имеет, как известно, принципиальное значение в вопросе изучения освоения вновь приобретённых территорий.

Подчеркнем, что авторы, в принципе, верно поднимают вопрос о том, что реальным результатом Персидского похода 1722–1723 гг. стала смена иранской администрации российской военной администрацией. Из числа офицеров в каждом гарнизоне был сформирован орган исполнительной власти – канцелярия, которая занималась всеми текущими делами гарнизона [4].

Несмотря на разделение присоединенной к Российскому государству территории юго-западного побережья Каспийского моря, сохранялось единое командование всей армией в составе Низового корпуса. Авторы освещают особенности работы комендантов гарнизонов Низового корпуса, которые обладали достаточно широкими полномочиями и были важным инструментом укрепления влияния России в регионе. Комендантыбыли непосредственно связаны с Коллегией иностранных дел, налаживали взаимоотношения между кавказскими владетелями, по распоряжению правительства выдавали признавшим российское подданство жалованье, защищали интересы Российского государства на приграничных землях, имели тайный шифр для переписки с петербургскими коллегиями и русскими резидентами, находившимися в восточных странах [7].

Особенно важно то, что авторы в восьмой главе показывают большую роль модернизации природно-экономических ресурсов «новозавоеванных областей». Вполне закономерно, что одним из основных аспектов этой главы является освещение

интересов царя не только к морским и сухопутным путям, но и к природным ресурсам и экономическим возможностям прикаспийских провинций [8]. Особо следует выделить подраздел, повествующий о решении императора Петра отправить в 1715-1719 гг. на территорию Западного Прикаспия военных специалистов. Основной задачей им ставилось изучение экономических возможностей и этнокультурного состава региона, внутри- и внешнеполитического положения, топографии. В рецензируемой монографии авторы подчеркивают масштабность планов петровского окружения по реконструкции торговой гавани и укреплению Дербента [8], намерений построить крупный торговый город и гавань в устье Куры, меры по налаживанию заготовки дагестанской шерсти в промышленных масштабах для российских мануфактур, интерес к многочисленным нефтеносным источникам в прикаспийских областях, улучшению плантаций винограда и шафрана. Планы императора были вызваны в первую очередь его стремлением обеспечить источниками сырья российские мануфактуры, которые производили краски, шерстяные и шелковые ткани, цветные металлы, сукно и пр. [8]. По мнению кавказоведа В.Г. Гаджиева, эти планы лежали в основе причин Персидского похода императора.

Авторы монографии обращают внимание, что несмотря на непоследовательность отдельных проектов, в целом в результате принятых комплексных мер, экономика юго-западного Прикаспия получила новый импульс развития, регион оказался вовлеченным в орбиту международной транзитной торговли на западном берегу Каспия. Данный вывод звучит у авторов, как призыв к более углублённому и разностороннему анализу и продолжению изучения данной темы.

Актуальность предмета исследования, рассматриваемого в девятой главе «Петр I в исторической памяти дагестанцев» продиктована отсутствием работ, посвященных исторической памяти о Петре I. Авторы отмечают, что их также интересовал вопрос, связанный с отношением к российскому императору современных дагестанцев и чем оно обусловлено. Рассматривается предыстория цели исследования и ставится цель сконструировать из известных исторических фактов тот образ Петра Алексеевича, который могли составить местные правители и жители в XVIII в., а также образ императора, сформировавшийся в исторической памяти населения современного Дагестана. Исследователи приходят к верному выводу о том, что это поможет дополнить имеющиеся о Петре Великом исследования и составить целостную картину его деятельности в регионе. При этом они определяют ряд трудностей, обращая внимание на тот факт, что задача по восстановлению образа Петра I в контексте российской истории усложняется значительными наслоениями, обусловленными полиэтничностью, поликонфессиональностью государства и его большой географической протяженностью.

В главе представлен вопрос о Петре I как исторической личности, которая является объектом исторической памяти, обращается внимание, что на данный момент в разных городах Дагестана в честь российского императора названы улицы и парки.

На ярких примерах проведенного социологического опроса среди населения Махачкалы показана степень осведомленности населения о деятельности Петра I

на территории Дагестана, а также о существовании в сознании дагестанцев определенных стереотипов.

Авторы приходят к заключению, что в коллективной памяти дагестанцев с большим перевесом доминирует положительная оценка личности Петра I в истории, аргументируемая тем, что «он определил прогрессивное развитие России в русле европейской цивилизации». Следует отметить, что анализ по социально-демографическим параметрам констатирует наличие расхождений в оценке личности правителя.

Завершает монографию обширный раздел источников и литературы, а также указатель имен.

Подводя итоги нашего обзора коллективной монографии, следует отметить достаточно широкий тематический ее диапазон, разнообразие поднятых вопросов и проблем истории Дагестана, ориентированность авторов в исследовательском поле кавказской истории XVIII в, взвешенность и объективность оценок, уважительное отношение к выводам коллег, четкое понимание сложности и неоднозначности исторического пути, пройденного народами края. Работа является ценным вкладом в изучение русско-дагестанских (и шире – русско-северокавказских) исторических связей и отношений.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и для всех заинтересованных читателей.

Полагаем, что данное издание будет востребовано специалистами в области истории Кавказа, России и Ирана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / [под общ. ред. Ш.А. Магарамова]. – Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2022. – 322с.

2. *Магарамов Ш.А.* Историография персидского похода Петра Великого 1722-1723 гг. и его последствий (к 300-летию похода) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 581-605.

3. *Кидирниязов Д.С.* Северный Кавказ в системе взаимодействия России с Портой и Персией в начале XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. № 3(77). С. 24-28. – EDN ZQLNUJ.

4. *Магарамов Ш.А.* Российско-османское пограничье в Восточном Закавказье в 20-30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 94-109

5. *Магарамов Ш.А.* Российская империя в Западном Прикаспии в 1722-1735 гг.: опыт управления регионом // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 10(108). DOI 10.18254/S207987840017048-1. – EDN RFCNYJ.

6. *Магарамов Ш.А.* «О верности его известно всем»: политическая деятельность наиба Дербента Имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 2. С. 306-322.

7. *Чекулаев Н.Д.* Комендант крепости Святого Креста: права и полномочия как представителя российской администрации на Кавказе (1722-1735 гг.) / Н. Д. Чекулаев, А. О. Муртазаев, М. П. Б. Абдусаламов // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2(28). С. 88-92. – EDN WVOMJL.

8. *Магомедов Н.А.* Модернизация экономической деятельности Дербента Петровским правительством / Н.А. Магомедов, Ш. А. Магарамов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4(68). – С. 69-73. – DOI 10.21603/2078-8975-2016-4-69-73. – EDN UVSXXH.

REFERENCES

1. The Caucasian-Caspian region in the policy of the Russian Empire in the first third of the 18th century. / [under gen. ed. Sh. A. Magaramov]. – Makhachkala: IHAE DFRC RAS, 2022.

2. Magaramov ShA. Historiography of the Persian campaign of Peter the Great in 1722-1723 and its consequences (dedicated to the 300th anniversary of the campaign). *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(3): 581–605.

3. Kidirniyazov DS. The North Caucasus in the System of Russia's Interaction with the Port and Persia at the Beginning of the 18th Century. *Problemy vostokovedeniya*. 2017, 77(3): 24–28. – EDN ZQLNUJ.

4. Magaramov ShA. Russian-Ottoman frontier in Eastern Transcaucasia in the 20-30s of the 18th century: problems of demarcation, the reaction of frontier communities. *Journal of Frontier Research*. 2022, V. 7, 25(1): 94–109.

5. Magaramov ShA. The Russian Empire in the Western Caspian region in 1722-1735: the experience of managing the region. *Istoriya, an electronic scientific and educational journal*. 2021, 12(10)(108). DOI 10.18254/S207987840017048-1. – EDN RFCNYJ.

6. Magaramov Sh.A. "His loyalty is reputed": political activity of naib of Derbent Imam Kuli-Bek. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2022, 18(2): 306–322.

7. Chekulaev ND. Commandant of the fortress of the Holy Cross: rights and powers as a representative of the Russian administration in the Caucasus (1722-1735) / N. D. Chekulaev, A. O. Murtazaev, M. P. B. Abdusalamov // *Bulletin of the Bryansk State University*. 2016, 28(2): 88–92. – EDN WVOMJL.

8. Magomedov NA. Modernization of the economic activity of Derbent by the Peter's administration / N. A. Magomedov, Sh. A. Magaramov // *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2016, 68 (4): 69–73. – DOI 10.21603/2078-8975-2016-4-69-73. – EDN UVSXXH.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 23.05.2023. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$
Гарнитура Georgia.